

ЛУЧШИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ
РАССКАЗЫ
В ЖАНРЕ ХОРРОРА
ПО ВЕРСИИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Самая страшная книга

2014

Дмитрий Тихонов
Михаил Павлов
Владимир Кузнецов
Олег Кожин
Алексей Жарков
Дмитрий Костюкович
Игорь Кременцов
Максим Маскаль
Альберт Гумеров
Ольга Дорофеева
Александр Юдин
Андрей Буторин
Ольга Зинченко
М. С. Парфенов
Вадим Волобуев
Александр Ульянов
Виктория Земскова
Ирина Скидневская

«Вот они, наконец-то:
новые голоса».

Клайв БАРКЕР

Самая
страшная
книга

2014

Москва
ACT

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С17

Серийное оформление: Юлия Межова
В оформлении обложки использована иллюстрация
Владимира Гусакова

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

С17 **Самая страшная книга 2014: Сборник рассказов – Москва:**
АСТ, 2014.– 505, [2] с.

ISBN 978-5-17-083021-3

Перед вами – уникальная книга. Антология современного русского хоррора, которую «благословил» сам классик жанра Клайв Баркер. Сборник лучших отечественных рассказов ужасов. Кто сказал, что они лучшие? Не занудные литературные критики и не издатели, которым дай только прилепить куда-нибудь эпитет «лучший». Нет, это были такие же поклонники литературы тёмных жанров, как и вы. В ходе анонимного голосования, в котором участвовало несколько сотен рассказов, читатели выбрали девятнадцать историй, которые и вошли в книгу.

Это – коллекция не похожих друг на друга кошмаров, и от каждой истории стынет в жилах кровь. Всё самое мрачное, завораживающее и пугающее.

А теперь... Наберитесь смелости, устройтесь поудобнее, откройте книгу и взгляните в лицо своим страхам. Русский хоррор выходит из тени. На этих страницах оживают чудовища.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 04.04.14.
Формат 84 x 108 1/32 Усл. печ. л. 26.88
Доп. тираж 2000 Заказ № 690

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 – книги, брошюры

© Авторы, текст, 2014
© М. С. Парфенов, составление, 2014
© Владимир Гусаков, иллюстрация, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Открывая самую страшную книгу...

Жил-был человек.

Всю жизнь он искал книгу. Одну-единственную, самую страшную книгу. Он искал ее так долго, что уже и сам забыл, зачем эта книга ему когда-то давным-давно понадобилась.

Этот вечный поиск стал для человека главным смыслом в жизни. Он шел на самые черные преступления. Обманывал, предавал, крал, грабил и убивал, нисколько не терзаясь муками совести, ибо внутренним взором всегда четко видел перед собой свою цель. Человек объездил весь белый свет, побывал во всех библиотеках мира, спустился в затхлые подземелья и бродил по хладным коридорам стаинных готических замков, говорил с колдунами и шаманами, переводил с мертвых языков древние манускрипты, изучал заклинания, вызывал на спиритических сеансах души умерших и демонические сущности.

К концу своего пути человек исхудал и осунулся, кожа его посерела и высохла, волосы стали редкими и белыми, и он уже сам стал похож на ветхий фолиант. Но Цель была уже близка, и он не думал о себе. Как не думал и все эти годы.

И вот, преодолев тысячи километров, оставил позади десятки холодающих тел, стенающих вдов и осиротевших детей, человек нашел старика, который хранил самую страшную книгу.

— Зачем она тебе?

Человек попытался вспомнить, что он отвечал раньше на этот вопрос, но старец не стал его ждать.

— Не надо лгать. Ты уже и так знаешь, что увидишь на этих страницах. Кого ты там увидишь.

Человек согласился.

— Себя. Я увижу там себя. Что может быть страшнее?.. Но я не боюсь себя! А значит, я ничего уже не боюсь. И значит, самая страшная книга не очень уж и страшна.

— Зря ты так думаешь.

— Неважно. Дай мне ее!

Он взял книгу в руки и не смог скрыть удивления: она оказалась не такой большой и толстой, как ему представлялось. Ее обложка была сделана не из человеческой кожи, и на ней не было изображено никаких монстров, на ней вообще не было рисунка — простая белая бумага.

— У каждого из нас,— произнес стариk,— своя самая страшная книга.

Человек открыл ее и начал читать.

Книга и правда была о нем. Но она рассказывала не о том зле, которое он совершил. Не о том, как он предавал родных и близких. О воровстве, насилии и убийствах страницы книги также молчали.

Ровным убористым почерком там говорилось о его детстве, о том, как мать целовала его на ночь; о безумно-синем небе, в которое он всматривался, лежа на луговой траве; о первой, давно уже забытой любви...

Он читал книгу. Он читал себя.

И с каждой строкой, с каждым словом ему становилось все страшнее.

Как и в этой маленькой истории — у каждого из нас своя Самая Страшная Книга. Свое представление о том, что такое хоррор, литература ужасов и мистики. В конце концов, у каждого из нас свои скелеты в шкафу, свои потаенные страхи. И, несмотря на столь громкое название, создатели того тома, что вы держите сейчас в руках, конечно же, не претендуют на то и не гарантируют, что вы будете напуганы до умопомрачения. Но я уверен, что любой из тех, кто любит и це-

нит этот жанр, найдет на страницах Самой Страшной Книги страхи себе по вкусу.

Позвольте поведать о том, как создавалась эта антология. Ведь вы имеете дело с уникальным случаем в истории не только российского, но и мирового книгоиздания: впервые рассказы для сборника отбирали те, кому книга в конечном счете и предназначается,— ваши коллеги, читатели!

А дело было так.

В 2011 году несколько людей, уже давно занимающихся продвижением хоррора на просторах мировой паутины, представители тематических сайтов, сообществ, писатели, критики, исследователи — да и просто фанаты, в конце концов! — задались вопросом: *Почему?*

Почему вот уже скоро четверть века, как в России не издано ни одной достойной антологии рассказов в жанре ужасов и мистики, написанных не зарубежными, а отечественными авторами?..

Вопрос этот задают друг другу любители ужасов уже не первый год. Он тянет за собой, как Ктулху щупальца, множество иных, связанных с ним вопросов: популярен ли хоррор в России вообще? Можно ли, в принципе, написать на русском языке и в российских реалиях достойное произведение ужасов? И если «да», то почему тогда предыдущие попытки были не слишком успешными?..

И правда, ранее в разных издательствах уже выходили разные антологии «русского хоррора», но ни одна из них не удовлетворила ни читателей, ни авторов, ни самих издателей. И касается это не только России, но и вообще стран бывшего СССР.

К примеру, один украинский писатель и фэн жанра ужасов рассказывал:

Приведу эпизод, который лично наблюдал какое-то время назад в книжном. Иду по ряду с изданиями наших авторов,

замечаю очередной сборник «Украинский хоррор», пристраиваюсь... Рядом останавливаются двое ребят лет восемнадцати, скользят глазами по именам авторов-«паровозов» на обложке антологии. Затем следует такая фраза: «Так я и думал... Как не было, так и нет у нас своего настоящего хоррора!» Удаляются в сторону стеллажей с книгами зарубежных авторов... Вот и весь сказ. Сколько раз может обжечься любитель ужасов, давно заждавшийся появления «своих» жанровых писателей? Ну раз, ну два. И все...

Случай вполне себе характерный. Почти наверняка каждый из нас может рассказать что-то подобное, каждый в тот или иной момент оказывался на месте вот этих безымянных ребят, которые искали свой, «наш» хоррор, но натыкались на нечто иное — либо не «наш», либо (чаще) вообще не хоррор.

Фэнзы со стажем уже привыкли искать подобного рода литературу преимущественно в Сети, поскольку в «реале» издатели и редакторы слишком часто их обманывали, пытаясь выдать за ужасы нечто иное. Не то чтобы плохое, просто — другое, произведения иных жанров и направлений. Городское фэнтези, магический реализм, паропанк, философская фантастика (!), юмористические зарисовки — все что угодно могло входить и входило в состав тех сборников, в аннотациях к которым составители утверждали, что на самом деле все это — ужасы и мистика. Бывало, проскользнут там действительно одна-две жанровые вещицы, но на общем фоне останутся в заведомом меньшинстве. И обязательно будет несколько рассказов от «паровозов» (так в книгоиздании называют известных авторов, имена которых помещают на обложке, дабы привлечь внимание и «вытянуть» книгу). Вот только... «Паровозы»-то эти к хоррору отношения не имеют, прославились совсем в других жанрах, ужасы и мистику зачастую писать не любят и не умеют. И в итоге получается, как в приведенном примере: откроет ценитель

страшненького новую книгу, заглянет в содержание, увидит снова знакомые, но не оправдавшие надежд имена... и книгу закроет, пойдет искать что-то еще.

Но разве издатель враг себе, что издает такие вот странноватые, прямо скажем, подборки? Еще один вопрос, порожденный тем, самым первым...

Постойте, скажете вы, но, может, прав был Говард Лавкрафт, писавший век тому назад, что литературу ужасов оценить способен далеко не каждый, а значит, просто аудитория поклонников хоррора изначально мала? Ведь проводят же любители фантастики и фэнтези каждый год с десяток-другой конференций, ведь наполняют же сообщениями множество тематических форумов, групп «по интересам» в социальных сетях, комментируют на сайтах и в блогах. Так, может, просто эти жанры популярны, а хоррор – не очень?..

Еще лет пять–десять тому назад, услышав подобное, можно было только удрученно покачать головой. Но не теперь. Теперь в каждом доме есть Интернет, и любой желающий может провести собственное статистическое исследование и узнать, как обстоят дела на самом деле. Мы (я и мои товарищи) с 2005–2006 годов этим интересуемся, создаем как раз такие хоррор-сайты, заводим блоги, организуем сообщества...

И вот вам простой пример для сравнения (причем информацию эту может проверить каждый из вас сам, лично): самая популярная в социальной сети Вконтакте группа по запросу «Фантастика» имеет порядка 70 тысяч подписчиков-участников; самые массовые группы по запросу «Фэнтези» имеют порядка 40 тысяч подписчиков; наиболее популярная общая страница в той же соцсети, объединяющая поклонников и фантастики, и фэнтези (и мистики, между прочим), может похвастать аж 160 тысячами подписчиков. Отличные результаты, бесспорно. Но самые популярные паблик-страницы по запросу «Ужасы» имеют 100, 300, 500 тысяч и даже БОЛЕЕ МИЛЛИОНА подписчиков.

Существует и статистика по популярным тематическим веб-сайтам: посещаемость лучших из них достигает 200 тысяч человек в месяц, а то и больше. Мы это точно знаем хотя бы потому, что создавали некоторые из этих сайтов.

Как ни крути, но приведенные данные показывают (и доказывают!) хотя бы то, что интерес к ужасам, страшному у россиян и жителей ближнего зарубежья в общем и целом, уж по крайней мере, не ниже, чем интерес к другим жанрам. Поклонники хоррора объединяются в Интернете, обсуждают здесь фильмы, книги, игры – и таких «клубов по интересам» существуют десятки, даже сотни.

Почему же тогда нет ни конвентов, ни тематических журналов, почему не проводятся встречи в реале, не издаются книги?.. Хороший вопрос! А ответ на него прост: потому что никто никогда не пробовал организовать какую-либо тематическую встречу фанатов ужасов.

Чтобы понять, почему у любителей фантастики и фэнтези подобные мероприятия давно уже в порядке вещей, а у поклонников хоррора еще нет, нам придется вернуться в прошлое, во времена СССР.

Достаточно одного беглого взгляда на историю отечественной фантастики, чтобы увидеть, что так называемые КЛФ – Клубы Любителей Фантастики – начали плодиться на территории России и стран ближнего зарубежья еще несколько десятилетий тому назад. Не будет преувеличением заявить, что традиция такого рода объединений покрывает уже несколько поколений, а первые встречи читателей и авторов фантастики посещали еще дедушки и бабушки современных поклонников этого жанра (и примыкающего к нему русского фэнтези).

В СССР никто и никогда не запрещал ни научную фантастику, ни сказки (и сказочную фантастику, из которой во многом и выросло нынешнее фэнтези).

А вот ужасы... Официальных запретов на хоррор не существовало. Зато существовало непреложное правило: в СССР все хорошо, все замечательно. В стране «победившего продвинутого социализма» не было и быть не могло ни маньяков, ни упырей, ни других чудовищ. И официально ничего такого действительно не было, лишь много позднее, когда держава уже шла к распаду, жители Союза узнали про Чикатило, Сливко, про ужасы лагеря «Чергид» и другие реальные кошмары и реальных монстров из плоти и крови.

В советском же искусстве хоррор если и всплывал иногда из бездны небытия на поверхность, то весьма и весьма редко – в кино («Вий» – кстати, один из самых популярных в те годы у советского зрителя фильмов!), а в литературе еще реже. И, уж само собой разумеется, что такой «загнивающий» жанр, как хоррор, в тех идеологических условиях признан властями быть не мог ни при каких условиях. Естественно, что и клубы любителей страшного и мистического находились фактически под запретом. Линия партии одобряла историю о том, как бравые советские космонавты бороздят межзвездные пространства в недалеком будущем, но никак не истории другого сорта – о том, как немыслимые чудовища из иных миров сводят с ума одним своим видом гражданина Страны Советов или как какой-нибудь зампартторг коллекционирует у себя на даче головы убиенных им пионеров.

Прорыв свершился уже в конце 1980 – начале 1990-х годов прошлого века, когда прилавки книжных магазинов, лотки уличных торговцев, страницы толстых журналов буквально заполонили зарубежные авторы, а авторы хоррора среди них внезапно оказались наиболее востребованы отечественной читающей публикой. Сотнями тысяч экземпляров издавались в этот период произведения Стивена Кинга, Дина Кунца, Роберта МакКамона и других западных корифеев жанра, миллионными тиражами выходил «Дракула» Брэма

Стокера. Вплоть до середины 90-х вообще трудно было издать российского автора любого жанра — настолько огромны были спрос и предложение на внезапно ставшую доступной и разрешенной зарубежную литературу «запретных» жанров во главе с ужасами и мистикой.

Именно в тот период и начало формироваться первое в истории России (со временем создания СССР) полноценное поколение любителей хоррора.

И только сейчас, спустя четверть века, это поколение тогдашних подростков «входит в пору». Таким образом, мы с вами живем в те счастливые времена, когда у русского хоррора есть уже не только поклонники, но и творцы. Этим творцам, кажется, осталось лишь дать дорогу, дать шанс заявить о себе. Показать, чему они научились с тех пор, как сами ночи напролет зачитывались Кингом и Лавкрафтом, Кунцем и Баркером, Уилсоном и Лаймоном... Кажется, время пришло.

Готовы ли понять это сами авторы? Готовы ли дать этим авторам тот самый шанс наши редакторы и издатели? Готовы ли принять творчество этого «хоррор-поколения» современные читатели?

Снова вопросы, как много их!..

Эта антология, «Самая Страшная Книга» — призвана дать ответы.

Но чтобы создать ее, нам пришлось давать ответы самим себе уже на другие вопросы. И главные из них: как провести отбор? Какие рассказы должны попасть в такую книгу? Кто должен стать их автором, а кто — составителем?

Изучив неудачный опыт предшественников (тех, кто издавал те самые книги, про которые читатель говорил потом, что «как не было у нас своего хоррора, так и нет»), мы увидели их недостаток в том, что «делали» их люди, далекие от ужасов и мистики в принципе. Это были вполне достойные, уважаемые товарищи, но — не фанаты и не знатоки хоррора, а чаще — люби-

тели фантастики и фэнтези. Выходцы из тех самых КЛФ, той еще, советской, «закваски». Критики, писатели, ушедшие в редактора издательств или занимающиеся по заказу составлением различных тематических сборников (сборников фантастики!) — могли ли они объективно оценить произведения жанра ужасов, если были (и остаются) абсолютно уверены, будто бы хоррор — это некий поджанр, «нелюбимое дитя» НФ?.. Удивительно ли, что в собранных ими антологиях было трудно съскать настоящие ужасы, зато на обложках красовались звучные имена тех, кто никогда хоррор не писал, в заслугах перед этим жанром замечен не бывал?..

Полноте, у нас до сих пор не было хоррора в принципе, не успели еще вырасти те авторы, которые могли бы заслужить признание именно у ценителей хоррора. А тех немногих, что пытались работать в этом жанре, все те же редакторы и составители насилино запихивали в серии к фантастике, нещадно правили тексты, выгрызая из них мрак и ужас, скрывали под ярлычком «современная проза».

Так, может быть, нам и не нужны пресловутые «павловозы», если на деле выходит, что читателя их имена на обложке по соседству со словом «хоррор» лишь отпугивают от приобретения книги? Так может, вместо того, чтобы публиковать ради «имени» и по блату (не секрет, бывает в России и такое) тех, кто хоррор не очень-то любит, не очень-то понимает, а главное — не очень-то и умеет писать, нам нужно открывать новые имена — то самое подросшее поколение, молодую хоррор-волну?..

И еще. Как угадать, что именно, какие произведения этих авторов должны войти в такую антологию? У кого спросить, если нет еще в жанре у нас признанных авторитетов? Есть лишь фанаты, поклонники, читатели... которые уже заждались нормальной антологии ужасов и мистики отечественного «розлива».

И мы, задумав проект такой антологии, решили воспользоваться «помощью зала», то есть – обратиться непосредственно к читательской аудитории.

Ресурсы, площадки у нас уже были – это и группы в социальных сетях, и хоррор-сайты, и форумы (их адреса и названия вы найдете в конце этой книги, в «благодарностях»). Объединив усилия, мы кинули клич, предложив читателям то, чего им еще никто и никогда не предлагал, – САМИМ выбрать те произведения, которые войдут в книгу.

Получив несколько десятков заявлок от заинтересовавшихся проектом читателей, мы провели среди них анкетирование для того, чтобы отобрать специальную целевую группу, в которой в равной мере были бы представлены люди разных возрастов, разного пола, с различными индивидуальными предпочтениями в хорроре. Формирование таргет-группы (как мы ее назвали) стало первым этапом на пути к изданию «Самой Страшной Книги».

Вторым этапом стал набор текстов от авторов. И здесь мы принципиально не стали делать никакой ставки на пресловутых «паровозов». Решено было так: каждый желающий присыпает свои произведения, мы удаляем из текстов всякую информацию об их авторах и – передаем читателям из таргет-группы. Чтобы все были на равных, а у читателя не возникало соблазна, увидев знакомое имя, дать свое одобрение рассказу только лишь из-за наличия самого этого имени. Разумеется, всякий «блат» был также исключен – и уже на этом этапе кое-кто из именитых авторов «взял самоотвод». Читатели из таргет-группы должны были, познакомившись непосредственно с текстами (но не с их авторами!), высказать свое читательское мнение – нравится или не нравится. А в итоге в антологию прошли те рассказы, которые набрали у читателей больше оценок «нравится», чем другие. И, кстати, на этом этапе отсеялось еще несколько рассказов от по-

тенциальных «паровозов» — людям просто не понравилось то, что авторы «с именами» предложили для проекта. Или точнее (чтобы никого не обидеть) — понравилось меньше, чем то, что прислали другие писатели, пусть и не столь известные.

Всего таким методом было «процежено» более двух сотен произведений. Остались лишь те, что вы можете прочитать далее. На правах самых лучших. На правах самых страшных. Эти рассказы отбирал не какой-то ученый муж или дама, не уважаемый (но бесполезный для такого проекта) деятель фантастического фэндома, не унылый сотрудник из редакции «фэнтези и фантастики». И не ваш покорный слуга. Рассказы в эту книгу отобрал ваш брат, такой же читатель. Только он решал, чему здесь быть, а чему — не быть. Только он, этот коллективный фанат ужасов, говорил, что его пугает, а что нет. И именно поэтому антология гордо зовется «Самой Страшной Книгой». Ведь с ее страниц на вас взирает некто, весьма похожий на вас самих. Он, этот Некто, знает, что вы любите порой послушать жуткие истории, посмотреть при выключенном свете фильм ужасов... Он знает, что вы любите читать.

Ваш двойник был в числе составителей этой книги. Уже страшно, не так ли?..

*Парфенов М. С., руководитель проекта
«Самая Страшная Книга»,
главный редактор портала «Зона Ужасов»,
издатель вебзина DARKER,
участник литературного общества «Тьма»,
бакалавр филологических наук*

Дмитрий Тихонов

СКВОЗЬ ЗАНАВЕС

На последней неделе августа Серегу Хвощева, среди сверстников известного как Хвош, привезли обратно в детдом.

Стояли теплые дни, полные ласкового солнца, и большинство воспитанников, вернувшихся из загородных лагерей и предоставленных самим себе, проводили все свободное время на улице.

Горб, Рыжик и Муха играли в футбол во дворе и прекрасно видели, как у ворот остановилась машина и из нее вышел Хвош с какой-то незнакомой женщиной.

—Хрена... — пробормотал Рыжик, беря мяч в руки.— По ходу, его назад прислали.

— Ну, дык, не стали бы они его там все время держать,— пожал плечами Горб.— Кормить надо, расходы всякие, кому он нужен...

Муха, прищурившись, рассматривал новоприбывших, которые шли по асфальтированной дорожке к входной двери. Когда они скрылись, он обернулся к друзьям:

— У Хвоща рожа, как у сраного термиатора. Глаза в кучу.

— Это его в дурке какой-нибудь дрянью накачали.

— Ага.— Муха выхватил у Рыжика мяч.— И теперь он грустит, что здесь уже не с чего будет поторчать!

Смех взлетел в спокойное безоблачное небо, налитое густой синевой, подхваченный внезапным порывом ветра, ударился в окна, отразился от запыленных стекол и растаял в легком шелесте травы. Игра продолжалась.

Если тебе двенадцать, то полгода – большой срок. Именно столько прошло с того февральского дня, когда Хвош, обычно спокойный и замкнутый, медленный на подъем, вдруг посреди урока географии вскочил с места, схватил стул и с размаху кинул в учительницу. Она еле увернулась, а мальчишка бросился к ней и, крича: «Убью, сука!», ударил по лицу, сбив очки. Дратясь флегматичный и щуплый Хвош никогда не любил, а если приходилось, то делал это так неуклюже и неумело, что заставлял и противника, и зрителей давиться от хохота. Но этот удар ему удался. Географичка выбежала из класса в слезах, и с тех пор дети ее больше не видели. Оно и понятно, после такого ни о каком авторитете среди учеников речь идти не может. Но дело не в учительнице, а в том, что, как только она выскочила за дверь, ноги Хвоща вдруг подломились, и он осел на пол, заходясь в беззвучных рыданиях на глазах у ошеломленных одноклассников. Никто так и не сказал ни слова, пока не подоспели завучи и не увели Хвоща. Он не сопротивлялся, не отвечал на расспросы и не поднимал глаз. Бледный и поникший, сидел он сначала в кабинете директора школы, потом в кабинете заведующей детским домом, уставившись в одну точку, тихо всхлипывая и время от времени кусая грязные ногти. На другой день его увезли, и многие не без оснований решили, что навсегда. Как теперь выяснилось, они ошибались – Хвош вернулся.

Вскоре стало ясно, что лечение мало подействовало на беднягу. Он не говорил никому ни слова. Понуро слонялся по коридорам и комнатам, скользя по стенам пустым, ничего не выражавшим взглядом. Если к нему обращались, не отвечал. Вообще не реагировал, даже не поворачивал головы. Просто проходил мимо. Казалось, что он ищет нечто, известное и важное лишь ему.

Между тем лето все-таки закончилось, несмотря на все надежды и мольбы. Грязнуло сумбурно-бессмысленное первое сентября, безрадостный праздник, не

нужный ни ученикам, ни учителям. Во время торжественной линейки впервые за последние три недели пошел дождь, холодный и серый, и завуч со школьного крыльца читала свое ежегодное обращение равнодушным зонтам. Хвощ стоял вместе с остальными детдомовскими, и ни у кого из них не было зонта. Вода текла по его лицу, капала с подбородка, но он ни разу не поднял руки, чтобы стереть ее. И ни разу не моргнул.

Началась учеба, и лето, полное безмятежного покоя, свободы и солнца, стало превращаться в сон. Многим уже казалось, будто бы его и вовсе не было – так, мелькнуло что-то теплое и светлое и тут же исчезло. Классы, уроки, занудные учителя, скучные учебники. Скука, скука, скука. Бредовые, бесполезные правила, факты, мысли, никчемные обрывки какой-то другой реальности. Москва была основана в таком-то году, свет проходит расстояние от солнца за восемь минут, глаза – зеркало души. Кому это нужно?! Сидишь в четырех стенах, слушаешь голос, бубнящий то ли таблицу умножения, то ли английский алфавит, и думаешь только о футбольном поле. После ужина в детдоме – свободное время.

Хвощ не прогуливал и не хулиганил. Он даже не курил. На переменах стоял где-нибудь в уголке; на уроках, не отрываясь, смотрел в окно. Преподаватели не беспокоили его. Класс, сформированный из детдомовских, был очень тяжелым, и в нем каждый, способный хотя бы просто сидеть тихо, ценился на вес золота. Классная руководительница, с головой ушедшая в ведомости на питание и составление учебного плана, и думать забыла о своем необычном подопечном, тем более что он не доставлял никаких хлопот. Одноклассники и соседи по комнате тоже перестали обращать на Хвоща внимание. По крайней мере, до тех пор, пока он не нарушил свой обет молчания.

Во вторую учебную субботу, по старой традиции, администрация школы решила провести день здоровья.

Это значило следующее: никаких уроков, пробег, пожарная эстафета, классный час. Для детдомовских — настоящий праздник, единственная возможность хоть в чем-то превзойти домашних. Естественно, с того времени, как стало известно о готовящемся мероприятии, во всех комнатах и укромных курилках обсуждалась только одна тема — кто будет участвовать в субботних соревнованиях.

В четверг вечером Муха, Рыжик и еще двое ребят постарше сидели на старых качелях за жилым корпусом. Вились синие струйки табачного дыма, а вместе с ними и неспешная, обстоятельная беседа, сопровождавшаяся смачными плевками в траву.

— Надо Бориса первым поставить. Он стопудово сразу всех сделает.

— Борис не побежит, — помотал головой Рыжик. — Он в изоляторе.

— А че?

— Говном на уроке кидался. Из толчка принес в бумагке завернутое.

— Герой, бля. А кого вместо него?

— Не знаю.

— Хвоща надо, — вдруг предложил Рыжик. — Помните, как он раньше гонял? Ну, в начальной школе?

— Да, гонял здорово, только теперь ты его не заставил.

— Точно. Кстати, он во сне разговаривает.

— Серьезно?

— Отвечаю. Вчера проснулся... Ну, в толчок пойти. А он бормочет чушь какую-то.

— И что бормотал?

— Да не помню. Про театр и короля вроде... король гнили или боли, хрен его знает. Еще ногой дергает и так быстро шепчет: «Отпусти, отпусти, отпусти...»

— Во дурик!

— Большой, хер ли...

За ужином Муха сел рядом с Хвощом и, ткнув его локтем под ребра, заговорщицки подмигнул:

— Как там король гнили?

Хвош вздрогнул и выронил ложку. Лицо его вытянулось и побелело. Муха даже испугался, что тот сейчас грохнется в обморок. Но нет. Глубоко вдохнув, Хвош спросил дрожащим голосом:

— Откуда ты знаешь?

Муха заржал:

— Оказывается, ты не только во сне разговариваешь!

Хвош, видимо, понял, что к чему. Краска постепенно возвращалась на его лицо. Он схватил ложку и зло пробормотал:

— Хочу — говорю, хочу — не говорю!

Сине-серые сентябрьские сумерки заполнили собой комнату. Дежурная воспитательница уже закончила обход и погасила в спальне мальчиков свет. Наступило странное, зыбкое время между днем и ночью, между сном и явью, время теней и жутких историй, важных разговоров, подводящих итоги, расставляющих все по своим местам. Муха, которому не спалось из-за воспоминаний об отце, сел на кровати и спросил:

— Эй, Хвош, как там в психушке?

Он не надеялся на ответ, но услышал его:

— Весело.

— Да ладно. Что может быть веселого в психушке?

— Может.— Хвош лежал на спине, не мигая, глядя в потолок.— У нас был кукольный театр.

— Триндишь! Театр, блин. Откуда в дурке театр?

— Не знаю. Он там всегда был.

Муха переглянулся с Рыжиком и выразительно покрутил пальцем у виска.

— И что там показывали?

Хвош недовольно поморщился, не отрывая взгляда от потолка:

— Показывали всякое. Какая разница? Про Гамлета там, еще много...

— Про кого? — фыркнул Муха.— Это что за мудак такой?

— Принц один. У него отца убили, и он с ума сошел.

— Ни хрена себе! Вам там вокруг своих дуриков мало было?

— Ты не веришь мне? — Голос Хвоща был спокоен и холоден, как лесной ручей.

— Нет, не верю,— Муха зло ухмылялся.— Мне кажется, в дурдоме тебя просто перекормили таблетками, потому что ты псих, долбанутый на всю башку. И теперь втираешь нам какую-то хренъ про принцев и кукольный театр. Либо просто триндишь, либо тебя приглючило.

Рыжик встрепенулся:

— А еще этот, гнилой король, или как там!

— Точно! Он тебе снится, что ли?

Хвощ даже не повернул головы. По-прежнему глядя вверх, он просто сказал:

— Сам все увидишь.

И закрыл глаза.

Следующим утром на тумбочке рядом с кроватью Мухи появился билет. Это была половинка обыкновенного листа в мелкую клетку, вырванного из школьной тетради. В центре синей шариковой ручкой было изображено нечто вроде занавеса с двумя классическими масками трагедии и комедии. Сверху шла надпись, сделанная крупными корявыми буквами с многочисленными завитушками:

«ДОБРО ПОЖАЛАВАТЬ В НАШ ТЕАТР».

А снизу еще одна, короткая, ровными четкими буквами:

«Билет № 1».

Муха повертел бумажку в руках, стукнул в плечо Рыжика:

— Глянь, как этого психа прет. Всю ночь, наверно, сидел рисовал.

Рыжик хмыкнул и, пожав плечами, полез в тумбочку за зубной щеткой. Муха подошел к Хвощу, прощедил сквозь зубы:

— Это ты мне положил?

Тот медленно и настороженно повернулся, будто бы не был уверен, действительно ли слышал рядом с собой чей-то голос:

— Что?

— Что! Оглох, ептвою?! Это ты мне положил, спрашиваю?

Хвощ кивнул:

— Я. Положил. Пригодится.

— На хрена?

— Это билет.— Он еле заметно улыбнулся.— В театр. Ты же хотел посмотреть.

— И че, типа, они ко мне приедут теперь?

— Да. Уже скоро.

Муха скривился. Чокнутый слишком далеко зашел в своем вранье, это отличный шанс проучить его. И, несмотря на то, что держать бумажку в руках было неприятно, Муха аккуратно сложил ее, сунул в задний карман джинсов и сказал:

— Хорошо. Но если никакого театра не приедет до понедельника, я тебе рыло начишу, лады?

— Лады,— просто ответил Хвощ и начал натягивать свитер, давая понять, что разговор окончен.

День выдался суматошный, но удачный. Утро было туманное и холодное, однако небо оставалось чистым, без единого облачка, и ни одно из запланированных мероприятий не отложили. В пробеге детдомовские оставили домашних далеко позади, без труда победив на каждом из десяти этапов.

Потом была пожарная эстафета. Они разматывали шланг, таскали на носилках «раненых», носились вокруг стадиона в противогазах. Рыжик склестнулся с одним шестиклассником, и Муха кинулся другу на подмогу. К тому времени, как подоспел физрук и рас-

ташил их, у обоих уже были разбиты носы и губы, хотя шестикласснику досталось сильнее, все-таки его били вдвоем. Классная руководительница накричала на них, пообещала рассказать все воспитателям. Муха послал ее по всем известному адресу – громко и прилюдно. Он был слишком взвинчен, чтобы соображать, что делает. Классная отвесила ему пощечину и пообещала засадить в изолятор на неделю. Муха плонул ей под ноги, развернулся и пошел прочь. Двое десятиклассников остановили его и привели в детдом, где оставили под надзором подслеповатой технички тети Саши до окончания всех мероприятий дня здоровья.

После обеда у них была забита стрела с одним парнем из домашних, который вдруг начал ни с того ни с сего кричать, что Горб на своем участке эстафеты срезал путь. Вполне возможно, это действительно имело место, но сдавать своих никто не собирался. Победителей, как известно, не судят.

На стрелу, кроме виновников торжества, подтянулись Муха с Рыжиком и еще парочка любителей на халаву подраться. Со стороны домашних подошло трое.

Но махач не состоялся. Пацан вдруг взял и вежливо извинился перед Горбом, признавшись, что был неправ. Горб важно кивнул, пожал протянутую руку и, глупо улыбаясь, отправился назад. От расстройства Муха подрался с Рыжиком. Через десять минут они уже помирились и уселись в туалете играть на мелочь в новые карты с фотографиями голых женщин, которые подарил Горбу один его друг из города.

Неудивительно, что Муха совсем позабыл про билет, лежавший в заднем кармане джинсов.

Осень брала свое. К вечеру все небо затянули облака, а вскоре после наступления темноты пошел дождь. Он монотонно стучал по крыше и карнизам, навевая недобрые предчувствия. С наружной стороны окна к стеклу прилип мокрый березовый листок – в комнату

заглядывала тоска грядущей зимы. Холодный ветер задувал в щели в старой оконной раме, и все внутри по плотнее кутались в тонкие одеяла. На этот раз перед сном ожесточенно обсуждались спортивные события и достижения прошедшего дня. Каждый стремился рассказать о себе, о том, как он ломанулся, и как чуть не споткнулся и не долбанулся прямо мордой в асфальт. Только Хвощ молчал, с головой укрывшись одеялом, но на него никто не обращал внимания. Несколько раз ночная дежурная приоткрывала дверь и шипела:

— Мальчики, тише!

Все тут же замолкали и зажмуривали глаза, но стоило ее шагам в коридоре стихнуть, как споры возобновлялись с новой силой. Однако к полуночи они постепенно прекратились — дождь одного за другим убаюкал мальчишек. Всех, кроме Мухи.

Тот никак не мог заснуть. Смотрел на одинокий желтый листок в окне и впервые за долгое время вспоминал отца.

Налитые кровью глаза, густая щетина на исхудавшем лице, вечно взлохмаченные грязные волосы. Он походил на человека, только что сбежавшего из вражеского плена. У них на стене, рядом с зеркалом, висела фотография мамы. Когда однажды Муха (правда, тогда, во втором классе, его еще никто так не называл) вернулся домой из школы, стекло на фотографии оказалось вдребезги разбито. Отец сидел на подоконнике и бурчал себе под нос какую-то песню. Как обычно, пьяный и мало понимающий, что к чему. Увидев сына, он протянул руку — наверное, чтобы потрепать его по волосам, как часто делал раньше — но Муха увернулся и пошел к себе в закуток. Отец сзади гневно проревел:

— Вернись немедленно, сукин сын!

Муха открыл глаза, и воспоминания прервались. Карман в его джинсах, висящих на спинке стула, светился. Слабым белым светом. Тот самый карман, в который он утром засунул билет.

Муха осторожно сел на кровати и, огляделась, вытащил бумажку. Она действительно светилась. Не вся целиком, а только буквы и рисунки. Теперь на ней была еще одна надпись — в самом низу, почти по краю.

«Второй этаж, за библиотекой».

Это адрес, догадался Муха. Кукольный театр находится именно там, в пустующем крыле здания. Может, он все-таки уснул, и Хвош незаметно оставил на билете эту приписку, а теперь дожидается его?

Муха встал. Ну, точно. Кровать Хвоща была пуста, только скомканное одеяло, будто бы сброшенное в сильной спешке, свешивалось на пол. Что ж, этот придурок сам напросился. Муха натянул джинсы и майку и, зажав в кулаке все еще мерцающий билет, на цыпочках вышел из комнаты. В коридорах не выключали свет на ночь, а потому передвигаться по детдому было совсем нетрудно, главное — не попасться на глаза дежурному.

Муха вышел на лестницу, спустился на два пролета вниз, прошмыгнулся мимо комнаты воспитателей, из которой доносился зычный храп, и свернулся влевое крыло. Теперь он был почти у цели. Вот и обшарпанная дверь с покосившейся табличкой «БИБЛИОТЕКА». Рядом на стене — список книг, которые разрешается брать воспитанникам, и фотографии лучших читателей.

Свернув за угол, Муха замер. Впереди была тьма. Свет, линолеум, коричнево-белые стены — все резко обрывалось в густом мраке, невесть откуда возникшем посреди коридора. В следующее мгновенье мальчик понял, что перед ним, и выдохнул с облегчением, хотя жути от понимания не убавилось. Потому что это был занавес. Черный или темно-синий, ниспадающий с потолка изящными тонкими складками.

Мухе вдруг захотелось помолиться, но ни одного нужного слова на ум не пришло.

— Эй, Хвош! — позвал он шепотом.— Ты там?

Ответом была тишина. Сжав кулаки, он осторожно подобрался к занавесу и, приподняв его — ткань оказалась легкой и приятной на ощупь — шагнул за...

Такого Муха еще никогда не видел. Это совсем не походило на детдом. Огромный, погруженный во мрак зал, полный удобных с виду кресел, и ярко освещенная пустая сцена. Под ногами — мягкий зеленый ковер, а на потолке — величественные хрустальные люстры, потухшие, но оттого не менее прекрасные.

— Пришел все-таки? — раздался сбоку знакомый голос.

Хвош сидел на ближайшем кресле и, что удивительно, был одет в аккуратный черный фрак, сшитый точно по фигуре. Такие носят пушкинские герои на картинках в учебниках литературы.

Облегченно вздохнув, Муха прошептал:

— Эй, ни хрена себе... ты где такой костюм надыбал?

Хвош мотнул головой:

— Неважно. Твой билет.

Муха, все еще не совсем уверенный в реальности происходящего, протянул ему бумажку, которая стала светиться, как только он миновал занавес.

— Отлично,— Хвош взял ее, рассмотрел и вдруг порвал надвое.— Теперь ты можешь пройти. Уже совсем скоро! Иди за мной.

И он повел его по проходу между рядами кресел вниз, к сцене.

— Ты что... билетер, так? — спросил Муха, с трудом припомнив нужное слово.

— Да. И распространитель. Это по-любому лучше, чем стать актером. Мы договорились,— Хвош изо всех сил старался, чтобы его голос не дрожал, но выходило не очень.— Договорились.

— С кем?

— С хозяином театра.

— Слыши,— Муха пропустил последнюю реплику мимо ушей,— а откуда здесь все это взялось?

— Не знаю. Может, всегда было.

— Да не гони! Такая машина не влезет в детдом.

— А кто тебе сказал, что это детдом? Это театр. Хозяин говорит, весь мир — театр. Вот, садись.

Хвош указал на кресло в середине первого ряда, прямо перед сценой.

Муха подозрительно огляделся. Темнота скрывала зал вокруг, но он был уверен, что, кроме них, здесь никого больше нет. Почти уверен.

— Садись, садись,— настаивал Хвош.— Представление сейчас начнется.

— Какое представление? — Муха сел, чувствуя, как внутри растет злоба. Чокнутый оказался прав. Черт его знает, как, но прав, и это не давало покоя, зудело где-то в глубине сознания черным ядовитым комком. Хотелось встать и с размаху двинуть в эту потную незврачную харю. Уж драться-то он умел. Всего пара ударов, и ушлепок во фраке будет валяться на полу...

— Сценка,— пояснил Хвош, опускаясь в соседнее кресло.— Обычно в кукольный театр ходят много народа, но сегодня... тут все специально для тебя.

— Для меня?

— Да. Ты же хотел увидеть. Вот и дождался. Приехали к тебе одному.

— Э, погоди... а комендант, там... дежурные, воспитатели — знают?

— Какой комендант? Забудь,— нервно усмехнулся Хвош и тут же, ткнув соседа локтем, шепнул: — Все! Замолчи!

Заграла негромкая музыка, и на сцену вышли две куклы. Вернее, это сначала они показались Мухе куклами, потом он пригляделся, и волосы у него на загривке зашевелились. На сцене стояли дети — двое мальчишек его возраста. Бледные лица, ввалившиеся щеки, полузакрытые глаза. Оба казались измученными, истощенными и вряд ли соображали, что с ними происходит.

Сквозь кисти, ступни и шеи «кукол» были продеты тонкие, отливающие медью нити, уходящие далеко вверх, в густую тьму, где неведомые чудовищные кукловоды готовились к представлению.

— Охренеть! — Муха испуганно повернулся к Хвощу.— У них реально ладони проволокой проткнуты?

— Это театр,— прошептал тот в ответ.— Никогда нельзя сказать, что реально.

— Не парь мозги...

— Смотри лучше! Тебе понравится.

Марионетки неуклюже поклонились, и спектакль начался. Глядя на их дерганые, судорожные движения, Муха морщился от отвращения. Совсем рядом, всего в паре метров от него, с глухим стуком бились об пол босые ступни, безжизненно мотались из стороны в сторону головы. Это было жутко и в то же время завораживало, намертво приковывало взгляд. Муха думал о боли, о том, могли ли они чувствовать ее в пробитых конечностях, и пальцы его впивались в подлокотники так, что побелели костяшки, в животе похолодело. Он не хотел видеть, но боялся, что если отвернется или закроет глаза, то кто-нибудь — может, Хвощ или один из «актеров» — дотронется до него, и тогда он не выдержит и закричит.

Через некоторое время, несмотря на все усиливающийся страх, Муха начал улавливать некий смысл в представлении, идущем пока без всяких слов. «Куклы» кого-то напоминали ему. Один из изувеченных мальчишек, тот, что повыше, был одет в странно знакомую джинсовую куртку, подбородок и щеки его покрывала серая краска, а волосы были нелепо взлохмачены. Второй носил за спиной ранец. Обычный детский ранец, с Дональдом Даком. Он сам носил такой в начальной школе. Это все что-то значило, но вот что именно, Муха еще не мог сообразить. Паззл, кусочки которого разыгрывались на сцене, никак не желал собираться воедино.

И только когда высокий повесил на драпировку фотографию какой-то женщины, Муха понял. Зубы его застучали.

Он ведь никому никогда не рассказывал о своих родителях, держал все в себе, хранил, берег, как сокровище. Откуда им известно?! Хвощ на соседнем кресле беззвучно смеялся, а по щекам его текли слезы. Этот психованный урод за все ответит, за все получит. Но позже — сейчас Муха должен был досмотреть.

На сцене мальчик-марионетка в джинсовой куртке ударила кулаком по фотографии. Брызнули в стороны осколки, исказился любимый образ. Второй мальчик, изображающий тихого забитого второклассника, медленно подошел, и первый протянул к нему руку — кто знает, для чего, может, чтобы просто потрепать по волосам. Но второклассник увернулся и зашагал прочь.

— Вернись немедленно, сукин сын! — Голос шел откуда-то из глубины, из-за сцены, и в нем было мало человеческого. Вздрогнув, Муха сжался, словно опалася удара. Он знал, что сейчас произойдет.

Школьник развернулся, и в руке его оказался нож. Короткое, едва уловимое движение — лезвие вошло в живот мальчика, изображавшего отца, тот жалобно вскрикнул и отшатнулся. Еще один взмах, еще один. Отец падает на колени, истекая кровью, и тут сын с размаха бьет его ножом в горло, а потом в лицо.

Муха вскочил с кресла и, оттолкнув пытавшегося ему помешать Хвоща, помчался вверх по проходу. Прочь, прочь отсюда! Но на середине он вдруг замер, от ужаса не в силах ни крикнуть, ни вдохнуть. Впереди, в непроглядной темноте, кто-то стоял.

— Не понравилось? — раздался голос, вкрадчивый, но глубокий.

Муха сжал кулаки и крикнул, собрав остатки храбрости:

— Я не делал этого! Не делал!

— Не делал,— согласился тот, кто был впереди, но теперь голос прозвучал немного ближе.— Просто хотел сделать. Просто винил себя, что так и не решился.

— Не подходи! — взвизгнул Муха. Он жалел сейчас об очень многих вещах: о том, что попал в детдом, о том, что наехал на Хвоща, о том, что так и не выкинул билет, пока была возможность,— все вкупе привело его сюда, в это проклятое место.

— Ты боишься меня? — Неизвестный приближался: уже виднелся светлый овал лица, и свет сцены отражался в круглых черных стеклах очков.— Не надо бояться. Я не создаю марионеток. Вас изготавливают там, с той стороны занавеса. Я всего лишь постановщик.

Он подошел почти вплотную. Муха вдруг вспомнил мать. Отрывочный, мимолетный, но удивительно яркий образ. Мама гладит белье на кухне, а из окна льется белый весенний свет. И еще запах. Пахло творогом.

Постановщик нагнулся к нему:

— Ты почти идеален. Уникальный экземпляр. Главная нить уже в тебе. А остальное не проблема.

Муха взглянул в черные стекла:

— Отпустите меня.

Постановщик улыбнулся:

— Добро пожаловать в мой театр!

С легким шелестом из темноты спустились медные нити и впились Мухе в тело, пронзая плоть, закручиваясь вокруг запястий и лодыжек. Где-то сзади безумно, надрывно засмеялся Хвощ. Муха не кричал. Только вздрагивал и стонал от боли, стиснув зубы, а когда нити потащили его вверх, успел понять, что под черными очками палача не было глаз.

Михаил Павлов

ФАРШ

Трудно поверить, что когда-то я любил этот город. Правда, любил. Искренне.

В детстве каждый двор казался островом, царством со своими правителями и рыцарями, легендами и диковинами. Я жил на своем островке, и тот постепенно становился мне мал. Я знал, что здесь есть те, кого стоит опасаться,— злодеи и чудовища. Но всегда были и те, кто мог меня защитить.

Я давно не живу там. Квартиру родители продали, чтобы перебраться в район получше. Тогда мы думали, что есть районы получше. Тогда преступность и падение нравов казались чем-то времененным. Отец говорил, что жизнь движется по спирали, вот и наступил очередной тяжелый этап, который нужно просто переждать. Мой отец много чего повидал. Он рассказывал мне о последнем десятилетии двадцатого века, я был слишком маленьким, чтобы что-нибудь помнить. Казалось, темные времена прошли, но затем мрак вновь надвинулся. Девять лет назад я похоронил родителей, но чертов «этап» все не кончается... Если жизнь движется по спирали, то эта спираль уходит вглубь до самого ада.

То, что люди стали злыми и жалкими,— это не самое страшное. А вот то, что появляется на улицах, иногда по ночам, а порой среди бела дня... то, что вызвано покором, то, что кормится им и плодится в нем, вся эта чертовщина — вот *это страшно*. И я вижу, как с каждым годом город проваливается все глубже.

Конечно, родители не были рады, когда я подал документы в институт МВД. Преддипломную практику я проходил в прокуратуре, надеясь позже работать там же. Но не сложилось. Меня приютил один из РОВД. Тогда родители окончательно расстроились, считая, что пагубная среда сломает меня. Они оказались и правы, и нет. Много чего было в моей жизни: и водка, и наркотики, и должностные преступления. Но сломала меня не окружающая среда, а всего-то один случай. Четыре года прошло, а я помню этот тупой звук удариившейся головы об стол, помню ледяную женскую кисть у себя на коленях, помню завывание Ангельских труб на кухне, помню тошнотворный запах...

А раньше – да, я любил этот город.

* * *

В темноте пискнул магнитный замок, я толкнул тущую металлическую дверь и вышел наружу. На улице уже стемнело, в ноздри впился морозный воздух. К вечеру температура упала ниже ноля, напомнив, что на дворе декабрь. Я сунул в рот сигарету и пошел к припаркованной у подъезда служебной машине. Внутри дремал Марат, наш водитель. Я постучал. Он встрепенулся, опустил стекло и спросил:

- Поехали?
- Не, там еще писанина, следак только приехал...
- А ты чего?
- Дай прикурить.

Марат вытащил зажигалку, чиркнул кремнем и поднес к моему лицу. Я глубоко затянулся. Задрал голову; сквозь желтоватый свет уличного фонаря на меня тащилось иссиня-черное небо. Кажется, видны были звезды... Я выдохнул в них струю дыма. Моя смена закончилась сорок минут назад.

— Чо там, Кирюх? — Водитель мотнул головой в сторону дома. Я пожал плечами.— Чо, в натуре, месиво?

Я снова пожал плечами, потом кивнул. На самом деле я думал в этот момент о Лене. Почему с ней так сложно стало в последнее время?

— Всю квартиру кровью залили. Когда вошли, темно было, а под ногами хлюпает, я думал, трубу прорвало... — Я слушал свой голос, вспоминая, какой нервной была жена, когда мы виделись утром.— Потом свет включили, а там, на полу, как будто черный паркет, блестящий такой, и стены все измазаны...

Ленка. Исхудала, а раньше все с лишним весом боролась. Полненькой она мне больше нравилась. Может, у нее климакс начинается? Или рано? Сколько ей? На полтора года меньше, чем мне. Тридцать два. Мы же молодые еще! А сексом занимаемся, как старики... В смысле — редко. Даже не каждые выходные. Нужно, как только приду домой, обнять ее, поцеловать в губы, в шею, за ушко укусить, растает же...

— Сколько там трупов-то? — нарушил тишину Марат, поняв, видимо, что я не собираюсь продолжать рассказ.

— Да хер его знает, кучки какие-то валяются то тут, то там. Эксперты пусть собирают такие пазлы, им за это деньги платят. Соседи говорят, в квартире жило четверо: отец, мать, пацанята — семь лет и двенадцать. Может, они там все... по углам.— Я опять замолчал. Может быть, Ленка жалеет, что за меня вышла? С моей зарплатой мы и ребенка себе не можем позволить. Хотя было время, старались. Тогда, правда, Ленка не работала, нечего было и терять.

— Блевать не охота?

— Кажись, привык.

Мы помолчали, и это было то, что нужно. Я спокойно докурил.

— Холодно! — все-таки успел сказать Марат, когда я бросил окурок и пошел к дому, пока следователь меня

не хватился. Обязательно же придумает, чем меня занять. Плевать, что у меня смена закончилась. Его самого вроде как из дома выдернули. Леденцов, имени не уловил. Раньше не встречались. Значит, недавно переехали. У нас текучка постоянная.

Когда я поднялся на нужный этаж и заглянул к соседям, которые вызвали полицию и у которых обосновались мы со своими бумажками, Леденцов был в бешенстве, кричал на кого-то по мобильному телефону.

— Оперуполномоченный,— полуопросительно произнес он, заметив меня и оторвавшись от трубы.— Бери еще пацанов, прочешите подъезд, двор, мусорки — все, короче.

— Что ищем-то?

— Как что? Ты что, дебил?! Трупы! Трупов нет! Крови на трех-четырех человек, если выжать! Чем эксперта слушал?! Беги, выполняя!

Но мы ничего не нашли. Правда, у нас еще был след. Удивительная штука. Конечно, странно было бы, если бы убийца не запачкался, но слишком уж долго тянулась эта четкая вереница алых отпечатков. Вниз по лестнице до первого этажа, потом через весь двор по неглубокому затвердевшему снегу. Как будто кровь продолжала стекать по его ногам. Неужели он унес на себе все четыре тела?

Мороз очень удачно схватил грязное месиво снега. Можно было рассмотреть рисунок протектора на подошве, без труда определить размер ботинка. Сорок второй. След обрывался, упервшись в дорогу, гудящую десятками проезжающих машин. На другой стороне следа не было. Кинолог тоже не помог. Смешно, в США давно используют пчел-androидов для таких дел, а мы все еще ждем парня с овчаркой.

Еще через полтора часа я сдал смену и мчал домой на маршрутке. Всего три остановки, но иначе зачем нужна служебная проездная карта? Я так любил этот момент — конец рабочего дня, путь домой, мир не-

слышно и незримо рушится за спиной, падает с твоих плеч. И хотя чувствуешь себя до чертиков усталым, можно наконец-то выпрямить спину. Лена, Леночка... Надо купить ей цветы. Она такого от меня не ждет! Я про подарки на праздники-то забываю частенько. В автобусе я стоял у окна с левой стороны, держась за поручень, хотя в салоне хватало свободных мест. Водитель спешил, маршрутку тряслось. Я смотрел на свое отражение в стекле. Потом мое внимание привлекло движение снаружи. Автобус проезжал мимо киоска, и мне показалось, будто за ним толпятся люди. Я заметил чью-то спину и руку, замахивающуюся для удара, а может быть, не видел даже этого, но картина драки уже нарисовалась в мозгу. Маршрутка перестроилась в правый ряд, за поворотом ждала моя остановка. Я вновь бросил взгляд в сторону удаляющегося киоска, и на секунду мне показалось, что я вижу кого-то... Человека, стоящего поодаль от ларька. Потом автобус повернулся направо и остановился, я бросился к автоматическим дверям. Ненавижу этот город.

Перебегая дорогу, я силился рассмотреть, что происходило в тени за киоском, и все больше убеждался, что там кого-то избивали. Да, трое или четверо парней были одного, его почти не было видно. Я бежал, то и дело поскользываясь, и думал: может, окликнуть их? Черт, нужно же в отделение позвонить! Рука скимала в кармане ксиву — единственное мое оружие. А потом я вдруг почувствовал на себе взгляд. Нет, правильнее сказать, я натолкнулся на него, как на стену. Сбавил ход. Тот человек, которого я заметил еще из автобуса. Мне оставалось метров двадцать до ларька, еще метрах в десяти впереди в свете фонаря стоял тот человек. И это было как-то неправильно, неестественно. Затем парни рванули от киоска вправо в сторону подворотни. Причем тот, кого только что избивали, побежал вместе со всеми. И я не стал их догонять, только проводил удивленными глазами и уже не спеша дошел до места драки. Поблизости не было ни

души, я не заметил, куда подевался тот мужчина. Я осмотрел следы, на снегу и на стене были брызги крови. Над киоском мигала вывеска, и в широких окнах было светло, но я не стал заходить внутрь. Я прошел дальше и оглядел то место, где стоял наблюдатель. Да, именно наблюдатель. Он ведь просто смотрел, как происходило избиение. Тонгтался на месте. Знакомый рисунок протектора, но вряд ли тот самый... Проклятый город. Я развернулся и пошел домой.

За тяжелыми неразборчивыми мыслями даже не заметил, как добрел до своей «коробки». Поднял глаза от асфальта. Свет из окна на девятом этаже на секунду согрел душу. Лена. Единственный человек на этой земле, которому я нужен. Рука уже искала ключи в кармане. У подъезда копалась в сумке какая-то бабка. Я подошел и открыл тугую дверь, бабка оказалась соседкой. Мы ехали вместе в лифте, она на кого-то жаловалась, возмущалась, но я не впустил ее голос в свою голову и только сдерживал довольную улыбку.

— Вы уж сделайте что-нибудь с ними! — бросила мне бабка напоследок, и я пробормотал что-то утвердительное. Немного стыдно, но кажется, я не выдернул больше ни капли грязи в своей душе сегодня. Я открыл и тихонько притворил за собой дверь в квартиру, стянул ботинки и бросил как попало. На кухне было темно, а в комнате горел приглушенный свет, бормотал телевизор. Я повесил куртку на крючок и на цыпочках двинулся туда. Лена сидела посреди кровати, скрестив ноги, с ноутбуком. На ней были надеты только футболка, трусики да разноцветные носки. Она оторвалась от экрана и посмотрела на меня:

— Привет, Кирюш.

— Привет, — я улыбнулся. — Как делишки?

— Да так, — выглядела она усталой. Я подошел к ней ближе, хотел обнять, но она сидела как-то неудобно для этого... Я просто присел на край постели, провел рукой по ее спине. Она опять уже смотрела в монитор.

— Устала? — спросил я.

— Ага, а еще отчет делать.

Я дотянулся и чмокнул ее в щеку, затем встал и пошел мыть руки. На кухне меня ожидало разочарование. В кастрюле плавали холодные разварившиеся пельмени. Я подавил желание устроить жене выговор, все равно так ничего не добьешься. Но она же несколько часов уже дома, а я весь день бегаю, сигаретами питаюсь! Ладно, проехали, она устала, у нее отчет, накрылся мой секс. Нахмурившись, я выложил склизкие белесые лохмотья, оставшиеся от пельменей, в тарелку и сунул все в микроволновку. Вернулся в комнату, остановился в дверях, прислонившись к косяку. Красивая она у меня, Ленка, Леночка. Телевизор бормотал какую-то несусветную чушь, сравнивая голливудских звезд. Как она может это смотреть? Ну или слушать?

— Чего так смотришь? — Она подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Как? — Я был доволен.

— Как будто любишь.

— Понятия не имею, о чем ты! — Я пожал плечами, карикатурно изображая удивление. Из кухни послышался протяжный писк микроволновой печи. Я развернулся и было пошел на звук, но заметил на полу в прихожей свои ботинки. Даже на коврик их не поставил, вот свинтус. Я подошел и поднял один ботинок, на линолеуме блеснул грязный след... он был темно-красного цвета. Вспомнилась та чертова квартира, залитая, будто прорвало трубу. Я же сначала туда сунулся впотьмах, но вроде бы стер потом все на улице. Ну, видимо, не все. След был такой четкий, можно рассмотреть рисунок протектора... Живот сжался от спазма. Наверное, это от голода. Надо поесть, хоть и кажется, что сейчас не смогу ничего проглотить. Но сначала убрать тут все, не дай Бог, Ленка заметит...

— Ты чего, не слышишь? — крикнула Лена раздраженно. Оказывается, микроволновка вновь начала

пищать, напоминая о забытых пельменях. Я пошел в ванную за половой тряпкой.

Через некоторое время я погасил свет в прихожей, вернулся на кухню, включил микроволновую печь еще на минуту и просто стоял, глядя, как за темным стеклом вращается тарелка. Микроволновка громко гудела, но этот гул как будто исходил из моей головы. Резкий писк. Тишина. Я открыл дверцу и достал чертовы пельмени. Потом я ел их, тыкая вилкой в расплывающееся серое месиво, из которого вываливались комочки мяса. Не подумал про майонез или кетчуп, хотелось бы мне вообще ни о чем не думать. Я поморщился. В этот момент на кухню вошла Лена.

— Не ешь, раз так противно! Извините, времени не было готовить! — Она поставила на плиту чайник со свистком, щелкнула зажигалкой. Плита была допотопной, газовой.

— Все вкусно, я не из-за этого...

— Конечно! Весь скривился, как будто отраву ешь!

— Ну вообще-то можно было так не разваривать... — В чайнике запушила, вскипая, вода.

— Кирилл, знаешь!.. в следующий раз сам себе вари!

— Может, хватит, а?

— Пришла, чтобы с тобой посидеть, чай попить, а ты все настроение испортил своей рожей!

Я стиснул зубы, даже больно стало, но промолчал, Лена порывисто развернулась и ушла. Я смотрел на неаппетитные останки пельменей. Наконец взвыл чайник.

Потом я принес жене чай в комнату, и мы помирились. Она извинилась за «рожу», и я тоже за что-то. Жаль, после этого ей пришлось вновь взяться за отчет. Устроившись рядом, я смотрел развлекательное шоу по телевизору. Потом как-то само собой получилось, что я лежу лицом к стене, голова увязает в мягкой подушке, веки склеились — не разомкнуть, а шизофренический голос телевизора так убаюкивает... *Кто-то смо-*

трел на меня, и это было мерзко. Внезапно я понял, что в комнате темно и тихо. Незнакомец стоял впереди в угасающем свете фонаря, наблюдал за мной. Точно так же, как наблюдал до этого за дракой. Парни заметили меня и огромными неловкими летучими мышами метнулись прочь от киоска. Цветочного киоска. Черт, это был цветочный киоск! Я собирался купить Лене цветы! Все этот придурок в свете фонаря, но нет, его больше не видно, фонарь угас... Однако этот больной тип, наблюдатель, он все еще смотрит, из темноты, так даже удобнее, и мрак вокруг него влажный, он хлюпает под ногами, будто прорвало трубу...

— Кирюш, ты спиши? — прошептала мгла, и я встрепенулся в ужасе, не сразу узнав голос Лены.— Ты чего? Разбудила тебя? Прости, пожалуйста! Ты так дышишь... у тебя так сердце бьется...

По мне бегали ее руки, и дыхание ласкало щеку, а потом это стали делать ее губы. Но мне было неприятно. Кожа была словно наэлектризованная, каждое прикосновение к ней я ощущал словно маленький ключевой разряд.

— Перестань,— наконец выдавил я. Конечно, Лена обиделась, отвернулась, почти стянув с меня одеяло. Я пытался обнять ее, но она всякий раз убирала мои руки и отодвигалась. Так мы и уснули: я посреди кровати, и она с краю. Во сне ко мне приходили родители, но я помнил, что они мертвые, это все портило. И еще — за нами все время наблюдали.

* * *

Отметившись в дежурке, я с силой дернул металлическую дверь и вошел. На первом этаже царило ложное оживление. У постороннего человека запросто могло возникнуть впечатление, что работа здесь кипит. Я поднялся на второй этаж по лестнице, прошел

по узкому коридору. В стены жались незнакомые люди с мрачными лицами. Зашел в кабинет,— никого, три пустых стола, только на спинке одного из стульев висела куртка. В воздухе еще стоял сигаретный дым — похоже, все разбежались недавно. Сквозь едкий туман на меня сверху вниз добродушно глядел президент в рамке. Я снял куртку, открыл шкаф и повесил ее на плечики. К слову сказать, слишком тонкие, пластиковые, так что куртка норовила согнуть их и сползти вниз. Дверь в кабинет с шумом распахнулась. Из-за дверцы шкафа я не видел, кто это был.

— Есть кто? — пробасил знакомый голос. В первое мгновение я решил не двигаться, вдруг вошедший подумает, что за дверцей никого нет. Черт, ему же видно мои ноги!

— Чего? — Я выглянул из-за дверцы. На пороге стоял Миша.

— А, здорово! — Он удивился; может, и вправду не заметил бы. — Слыши, пойдем со мной, постоять прости.

Я закрыл дверцу шкафа и поспешил за ним, успев услышать, как куртка все-таки свалилась с плечиков. Всего несколько шагов по коридору, и мы завернули в другой кабинет. Здесь нас уже ждали трое, среди них Леденцов, в расстегнутом пальто, с заспанной физиономией. Он поздоровался со мной за руку, но как будто и не обратил внимания.

— Заведи, там в коридоре стоит, охранник,— обратился он к Мише. Здоровяк вновь вывалился за дверь.

— Ты охранник? — До нас донесся его бас, а вот ответ был почти неслышным, но судя по всему, утвердительным. В кабинет вошел невысокий сухопарый юноша с большими серыми испуганными глазами, за ним Миша. Мы окружили паренька, все высокие, набывчившиеся. Только Леденцов присел на краешек стола, закурил, пододвинул к себе пепельницу и, глядя куда-то в грязный пол под ногами юноши, спросил:

- Ты убитых знал?
- Нет...
- Что ты врешь-то? — Миша надвинулся на парня.
- Ну видел их, но так чтоб знать, в смысле имена...
- Ты же бухал на их деньги, давай не включай нам тут! — прощедил Леденцов, скривившись.
- Да нет, ничего такого...
- В смысле нет? Ты что строишь из себя? — казалось, Миша сейчас раздавит парня.
- Ты охранник? — спросил Леденцов.
- Да.
- Вчера дежурил?
- Вчера нет, вчера дядя Паша...
- Блин, это другой. Миш, посмотри еще в коридоре. Юношу сменил мужчина лет сорока—пятидесяти, ростом чуть повыше, телом пожиистее. Если в глазах паренька блестел испуг, то у этого во взгляде не было почти ничего. Полупущенные веки, кровяные паутинки вокруг радужки. Он с трудом стоял на ногах. Похоже, его всю ночь держали в отделении.
- Ты охранник со стоянки?
- Так точно, господин начальник.
- Леденцов поморщился, заглянул в бумаги на столе:
- Гурьев? — тот кивнул, и следователь продолжил: — С убитыми был знаком?
- Ну я же говорил уже...
- Мне не говорил.
- Знал Артура и жену его, ну детей тоже.
- Зачем угрожал им? — встрял Мишка. — Денег надо было?
- Вы чего! Я же сам вас вызвал! Зачем тогда... — Охранник выпучил красные глаза.
- Поздновато ты в полицию позвонил, через час после звонка от соседей Кутаховых, — заметил следователь, шурясь от дыма.
- Ну я же не знал, что уже вызвали...
- Чего ты там диспетчеру-то наплел?

— Я видел мужика в черной куртке, черной шапке, голые руки без перчаток, с рук кровью капало у него. Он так через весь двор прошел, я его из своей будки видел. Потом он за «КАМАЗ» зашел, и все, больше не видел я его.

— Далеко от тебя этот мужик прошел?

— Ну... метров двадцать... нет, тридцать...

— И ты сразу в полицию позвонил?

— Ну почти сразу...

— Зачем диспетчеру сказал, что убийцу видел?

— Я не так сказал.

— А у меня так записано. Почему ты вот в «скорую» не позвонил? Человек весь в крови — может, поранился?

Охранник некоторое время просто открывал и закрывал рот, не находя, что сказать. Я с омерзением заметил, какие у него зубы — неровные, коричнево-желтые.

— Приметы какие-нибудь заметил? — продолжил допрос Леденцов, изучая календарь на двери.

— Ну с меня ростом, шапка... черная, с надписью какой-то. Сам небритый.

— Интересно! А может, с бородой?

— Может, и так, начальник.

— Ботинки какие у него были? — спросил Леденцов с нехорошой улыбкой. Спросил — будто нож метнул. Я довольно отстраненно наблюдал за допросом, но сейчас удивился, что за идиотский вопрос! Неужели он, правда, надеется...

— Ботинки? Да не знаю... обычные... черные... нет, коричневые, на молнии.

— Опа! Какой ты глазастый! Тридцать метров, говоришь? Слушай сюда. У тебя две судимости, повесим все на тебя без проблем. Согласен?

— В смысле? Нет, господин начальник, я же сам позвонил...

— Давай рассказывай про того второго, а то в одиночку все четыре трупа потянем у меня!

И орешек раскололся. Я позавидовал Леденцову. Он узнал имя этого мясника, его звали Рустам. Охранник стоянки был знаком с ним давно; судя по всему, сидели вместе. Гурьев помогал другу с работой, свел с семьей Кутаховых.

— Работы-то немного вроде было. Я и сам подряжался с ним. Мусор после ремонта вынести или еще чего. Рустам, конечно, больше там крутился. То и дело его видел, несет чинить в дом или из дома, стройматериал, наверное. Мешки всякие. Я его даже ночью там видел, уже думаю, не задумал ли он чего... хотя там у них и взять-то нечего, но он же дурак на самом деле.

— Он тебе конкретное что-нибудь говорил?

— Не помню, чтоб конкретно, но по пьяни всякое мог сказать, я не поручусь... Он про бабу эту говорил много, хотел ее того, даже мужа не боялся.

— Дальше. Про вчерашний день расскажи.

— Да все как я до этого говорил! Я и не знал, что Рустам у них был. Вижу — идет, голова болтается, пьяный в говно, я его окликнул сначала, а потом разглядел, что он весь... замарался. А Рустам ко мне башку повернул и ковыляет себе мимо... В говно, короче! Я к себе в будку от греха подальше спрятался и сидел там, потом додумался позвонить.

— Фору ему дал?

— Начальник...

Похоже, очередная палочка была у Леденцова в кармане, из таких палочек и складывается повышение. Главное тут — отличить палочку от мусора. Видимо, с этим у парня не было проблем, а ведь он на вид не старше меня. Впрочем, я ведь тоже понимаю, как все работает, просто не умею вертеться, что ли, даже не пытаюсь. Мне почти все равно. Ленка бы меня убила, если бы узнала!

Участие в допросе в роли декорации оказалось самым простым и непыльным занятием за весь день. Все остальное время работал я преимущественно ногами.

Краем уха услышал, что Леденцова зовут Сашей, что Рустама этого уже пробили, и оказался он мокрушником со стажем. Убил кого-то из коллег в пекарном цехе, где сам работал. Правда, про особую жестокость никто не упоминал. Ну да и так понятно: сначала случайная бытовуха, а потом потребность. Нашлись очевидцы, заметившие вчера человека, бредущего вдоль дороги в тех местах. Словом, для следователя все складывалось как нельзя лучше. К вечеру мы уже ехали на задержание по месту прописки подозреваемого.

Оказалось, что живет Рустам Зеленцов совсем неподалеку от меня, на соседней улице, в таком же типовом доме. Это неприятно кольнуло.

— Давай с нами вечером, а? Посидим у меня, можно и с ночевкой, завтра отсыпной, а?

— Ты чего, Марат, меня жена дома ждет! — это было приятно говорить.— Да и я-то завтра с утра выхожу.

— Жалко, а то бы накатили как следует. Ну может, Мишку позову, этот никогда не откажется! — Марат наклонился вперед, улегшись на руль, выглядывая номер дома. Я сидел рядом, на заднем сидении тяжело дышали еще два молодых опера, скрипела радио.

— Здесь это. Пошли,— скомандовал я и открыл дверцу. Внезапно предложение Марата показалось очень заманчивым. Действительно, так захотелось накатить! А лучше напиться вдребезги. Хотя и уже после пары стопок тупые рожи вокруг станут милыми, приятными глазу. И даже найдется о чем поговорить с Маратом. И Лена, скорее всего, не будет даже ворчать, если я ее по телефону предупрежу. Она же с подругами гуляет, я не против. Хотя нет, не хочу ничего, не хочу, чтобы тошили — ни от водки, ни от уродов рядом.

Мы нашли подъезд, открыли универсальным ключом, поднялись на лифте на пятый этаж, позвонили. Нам не открыли. И я в отличие от перетрусившего молодняка за моей спиной ничего другого не ожидал. Вряд ли этот Зеленцов — такой дурак, чтобы сидеть

дома и ждать, пока за ним придут. Я опустил глаза, и меня как будто слегка током ударило. Из замочной скважины выглядывал ключ. Я нагнулся и осмотрел его — так и есть, на ключе остались следы крови, как и на дверной ручке. И было видно, что дверь неплотно притворена. Выпрямившись, я потянулся за пистолетом. Слышно было, как двое засуетились сзади, зашелестели куртками, защелкали замками на кобурах. Немного повозившись, стараясь не касаться испачканной ручки, я открыл дверь и осторожно вошел. В квартире лежал полумрак, плотный, пыльный. Было тихо. Только кровь вдруг стала отстукивать в висках, да сзади скрипели ботинками парни из отдела. Здесь пахло гнилью. Я сделал всего несколько осторожных шагов по коридору, когда впереди скрипнула дверь. Наверное, это была ванная. В черном проеме что-то неясно двигалось. Борясь с расползающимся по телу оцепенением, я левой рукой достал телефон и развернул его светящимся экраном вперед. В темноте блеснули два серебряных глаза, а потом оно выползло из ванной. Мягко и медленно поднялось на ноги.

— Мы из полиции! — подал голос один из молодых. И я неосознанно посторонился, пропуская их вперед. Именно в этот момент раздался топот, меня кто-то схватил за руку, свет от мобильника забился в коротком припадке. Я тотчас отпустил телефон и высвободил руку. Тьма навалилась, а вместе с ней шум драки, неясные тычки. Я понимал лишь, что впереди меня кто-то из своих, а дальше уже шла потасовка. Как все неправильно! Нас же трое, я старший... Я стал шарить свободной ладонью по стенам, но выключатель никак не находился. Раздался удивленный возглас, неразборчивые матюки. Затем мрак наполнился непрерывным криком на одной ноте. Это было ужасно: будто завыла сирена, но я-то знал, что это живой человек, и орет он от боли. Под руку попался выключатель, вспыхнул колючий желтоватый свет. Один из моих парней свер-

нулся на полу, прижимая руки к груди. Это он кричал. Второй перепрыгнул через него и побежал от ванной направо, громко топая кожаными ботинками. Ничего не понимая, я последовал за ним, нужно было брать ситуацию в свои руки... Впереди хлопнули выстрелы. Плохо, это очень-очень плохо!.. Я вбежал в комнату, и в нос впилась пороховая вонь. На фоне окна танцевали силуэты двух борющихся мужчин.

— Стоять! — заорал я, стиснув рукоять пистолета двумя ладонями. Понимая, что стрелять не буду, нельзя. На мой приказ откликнулся только один, и это был сотрудник. Он замер на секунду и, кажется, повернул ко мне голову. Тогда только я понял, как странно двигается второй. Скорее извивается, чем дерется. За окном почти стемнело, сзади сочился бронзовый свет из коридора, и я не мог ничего толком рассмотреть. Но мне показалось, что у того, второго, что-то не так с головой, какая-то ужасная неровность на самой макушке. Больше ничего разглядеть я не успел — случилось что-то еще более безумное, чем все, что происходило до этого... Психопат замысловато сгруппировался, сжался, словно огромная пружина, и с немыслимой силой толкнул замешкавшегося парня. Тот полетел спиной к окну, проломил затылком стекло и наполовину вывалился наружу. В комнату вторгся ледяной воздух и неясный уличный шум. Я побежал, чтобы затащить парня обратно, но псих был ближе. Ему бы рвануть к выходу и попытаться скрыться под шумок... Он был похож на змею, быструю до невозможности. Он заполз на молодого полицейского, затем встал, уперев ноги в подоконник, и, подхватив парня под мышки, потянул его вперед. В следующее мгновение они оба сорвались вниз. Именно в тот миг, когда я увидел пустой проем окна с зазубренными осколками стекла, поблескивающими в свете из-за моей спины, — именно тогда во мне заронилось подозрение или, скорее, надежда на то, что все это не наяву. Сон или бред, но не на самом

деле, ведь так просто не бывает. После их падения я несколько секундостоял, не двигаясь. В коридоре вновь закричал раненый, нужно посмотреть, что с ним... нужно посмотреть...

Я подошел к окну вплотную и выглянул. Однако внизу было темно, вблизи дома росли деревья, и пусть они давно сбросили листву, я ничего не мог разглядеть сквозь них. Наверняка они оба погибли, лежат там... И вдруг ярким безжизненным светом вспыхнули уличные фонари во дворе, и я тотчас увидел *его*. Не знаю, как он мог стоять на ногах, но он стоял и смотрел прямо на меня, задрав свою голову. Эта ужасная неровность на макушке... Конечно, да у него был раскроен череп! Он опустил голову и двинулся куда-то вправо вдоль дома. Наша машина с другой стороны, но Марат мог бы перехватить... Я рванулся обратно в коридор, по полу растеклась до ужаса большая черная лужа. Я склонился над затихшим раненым оперативником, чтобы снять с пояса рацию, и тут заметил — у него не было кисти руки.

Марат не смог перехватить подозреваемого. Может, даже не пытался. Это был Зеленцов, я почти уверен, хоть у меня не было возможности толком рассмотреть его вблизи. Скорее всего — под какими-то препаратаами, это все объясняло. Почти все. Меня отпустили из отделения только после полуночи. Пришлось все по многу раз повторять — и письменно, и устно. Леденцов курил сигарету за сигаретой, у меня слезились глаза от едкого дыма. В руках я крутил свой мобильник, поцарапанный, с багровыми подсохшими пятнами.

Тел Кутаховых не нашли, но в ванне в квартире Зеленцова на дне была кровь и фрагменты внутренних органов. Точнее, какой-то фарш, как и на месте преступления. Эксперты разберутся, чьи это останки.

Помню, как шел домой по пустынным улицам. Сверху наваливалась беззвездная тьма, она будто прижимала свет фонарей ближе к снегу. Правда, свет из-

за этого становился только гуще. Было так тихо, что звук моих шагов, казалось, разносился по всему городу. Я двигался своей привычной спешной походкой, сунув руки в карманы. Было непонятно, что я чувствую. На моих глазах погиб человек, еще один был покалечен. А эта тварь пялилась на меня, задрав голову! Какого черта? Какого черта!

Лена еще не спала, когда я вошел в квартиру, однако я не уверен, что мы обмолвились хотя бы словом. Мне показалось, что она избегает смотреть на меня. Сейчас мне было все равно. Спали мы на разных сторонах постели. Я долго лежал без сна, убеждая себя в том, что не боюсь обступившей темноты.

Несколько дней я провел в странном состоянии: с одной стороны, будто обухом согрели, а с другой — словно бы и все, как всегда. Днем я спасался от ненужных мыслей рутинной работой, вечером ужинал и тут же ложился спать. Не помню, что мне снилось. Я решил рассказать жене о том, что со мной произошло, чтобы она не дулась на меня за холодность. Думал, сделаю это в субботу, но на выходные она оставила меня одного. Пошла с подругами что-то праздновать. После десяти вечера я стал звонить ей на сотовый, трубку никто не брал, а потом абонент стал недоступен. Я помнил, с кем она пошла, но их телефонов не знал. После полуночи пришло sms, мол, все хорошо, просто зарядка садится, заночует Лена у подруги. К тому моменту я уже успел извести себя страхами за жену. Теперь страх сменился смесью облегчения и злости, с которыми я и отправился спать.

На следующий день Лена вновь не пришла. Вечером, копаясь в Интернете, я нашел страницу той самой подруги в социальной сети и ее телефон. Позвонил,

трубку не брали, однако спустя пару минут пришло еще одно sms: «Привет! Лена у меня, она спит, у нее разрядился телефон». Что ж, неплохо они погуляли, похоже! Ночью я постеснялся звонить, хотя недовольство уже распирало изнутри. Я не знал, как буду себя вести, когда супруга все-таки явится домой. Устраивать скандал глупо, но как сдержать все, что накипело? Кажется, я насквозь пропитался обидой: работать всю неделю, чтобы вот так бездарно провести выходные за компьютером в одиночестве. Понимаю, а точнее, помню, с подругами Ленку накрывает волной беззаботного веселья так, что она забывает обо всем на свете, кроме танцев, караоке и шампанского... Но я-то почему остался на берегу?! Она вернулась под утро, за окном только начинало светать, я лежал на постели весь в поту, переживая какой-то отступающий кошмар. Было слышно, как она вставила ключ в замочную скважину. И несмотря ни на что, первым моим чувством была радость оттого, что увижу Леночку живой и здоровой. Она включила ночник, заметила, что я не сплю, и тотчас отвернулась. Я сел на постели, провожая ее недоуменным взглядом, пока она торопливо складывала одежду, одновременно собирая на столике какие-то документы и проверяя почту на ноутбуке. Какого черта, она меня игнорирует, будто это я провинился! Я снова лег, даже задремал, ожидая, пока она заговорит первой, но она так и не заговорила. На полу заныл мой мобильный телефон, обычно я ненавижу этот звук, потому что это будильник. Ленка убежала в ванную, я спустил ноги с постели, слушая, как льется вода, как моя жена чистит зубы. Я решил играть по ее правилам: когда она выбегала из ванной, я молча отступил, пропуская ее к зеркальному шкафу с одеждой. Но мы все же столкнулись — взглядами. В ее глазах, серых, искристых, я разглядел всколыхнувшийся при виде меня ужас. Похоже, она боялась меня! Мне хотелось в туалет, но я остановился у входа, прислонился к косяку, глядя, как Лена стремительно одевается,

стараясь не встречаться больше со мной глазами. Наверное, собираясь на работу, она побила все женские рекорды скорости. Шутка рвалась с моих губ, но я только поигрывал желваками. Через пару минут моя жена уже выскочила на каблуках из квартиры и хлопнула дверью. Я побрел в уборную, на смыивном бачке лежала записка. Терпеть больше не было сил, так что я начал спрашивать нужду, левой рукой взял листок, наполовину исписанный крупным с закругленными буквами Ленкиным почерком:

«Кирилл!

Ты, наверное, все уже сам понял! Мы не можем быть вместе, мне нужен развод. Прости меня, пожалуйста!

Л.»

Возможно, она еще в подъезде, стоит у лифта, но я не в силах был прерваться, поэтому просто стоял в туалете и бессвязно матерился вслух.

Закончив, я выбежал в коридор, посмотрел в дверной «глазок» — Ленки, конечно, уже не было. Я метнулся в комнату, схватил телефон, выскочил на балкон. Ее корпоративная машина была припаркована внизу, и я разглядел жену за рулем, она только собиралась отъехать. Я ткнул пальцем в ее имя на экране, и мобильник набрал номер, гудок, она принял вызов:

— Алло?

Некоторое время я выкрикивал какие-то слова, преимущественно бранные. Лена бросила трубку. И я перезвонил еще раз. Думал, не ответит — ответила:

— Вот поэтому я не хотела тебе говорить!

— Что говорить-то?! О чем я сам уже догадался?!

— О том, что нам надо развестись.

— Почему, твою мать! Ты что, мне изменила?!

— Да.

Я не поверил сразу, но тотчас вспомнил: был похожий случай много-много лет назад. Мы встречались только несколько недель, и однажды она целовалась буквально за моей спиной с парнишкой, которого я считал тогда лучшим другом. Он мне все и рассказал. И я рад, что наши с ним дорожки разошлись, и что я удержал Лену тогда. Но это было так давно, и это был всего лишь поцелуй.

— Но почему ты думаешь, что я тебя отпущу? — спросил я после долгой паузы.

— Кирилл, я не люблю тебя.

— А его, значит, любишь?

— Не знаю еще.

— Тебе понятно, что ты меня потеряешь? Из-за ублюдка, которого даже не знаешь толком! Может быть, у вас получится ничего, но я-то тебя обратно не приму!

— Мне понятно.

Она хотела заехать домой в обед, пока меня не будет, и забрать вещи. Такой у нее был план. Я зачем-то уговорил, чтобы она повременила.

— Давай увидимся вечером и поговорим спокойно.

— Нет, Кирюш, я тебя боюсь. Ты меня убьешь...

— Ну, не хочешь меня видеть, так я сам съеду на день-другой, а ты подумай. Много-много раз!

На этом и порешили. Надеюсь, у нее хватит совести не приводить своего любовника в наш дом. Я покидал в спортивную сумку какую-то одежду, особо не раздумывая. Сунул свой старый ноутбук, увидел на полке книги, кинул несколько. Главным было создать вид, что я собрал вещи. Теперь настал мой черед торопиться, я опаздывал. Уходя, дверь шкафа оставил открытой.

Распахнув дверь подъезда, я поразился очередной перемене в окружающем мире. Вновь потеплело, и снег превратился в светло-серую расползающуюся под ногами жижу. Похоже, в этом городе, в этом мире, ничего не способно было сохранять форму. Все разваливалось.

Выпрыгнув из маршрутки и кое-как добежав до отделения, я столкнулся с Ледензовым. Он вылезал из своей «тойоты» и заметил меня:

— Слушай, ты же в курсе этого дела с Кутаховыми. Сгоняй с Маратом на Фурманова. Кажется, Зеленцов объявился. Убедись, что это он.

— А чего его в отдел не доставят?

— Потому что он к патологоанатому поедет. Да и там не наш район же. Слушай, не спрашивай! Мне тут такой чертовщины наплели! Съезди, посмотри там все, потом мне доложишься сразу. И давай бегом, там уже эксперты работают.

— Сейчас, только отмечусь.

— Давай, а я Марата предупрежу. Потом сразу ко мне! Запиши мой номер, кстати...

Хотел было оставить сумку в дежурке, но там шнырял какой-то подозрительный люд с голодными глазами, так что вещи могли и унести. Ноутбук я зря взял, надо было думать сначала.

Когда я вновь вышел на улицу, машина уже стояла у ворот с заведенным двигателем. Я подошел ближе, увидел какие-то коробки на заднем сидении.

— Есть место в багажнике? — спросил я, пожимая руку высунувшемуся из окна Марату.

— На коленях подержишь, ладно? А то у меня все забито!

— Чего у тебя там?

— Да надо потом заехать в одно место.

Я обошел машину, сел рядом с водителем, приладив на коленях тяжелую сумку, и снял шапку. Протер мокрый лоб, и мы тронулись.

— Чего какой молчаливый? С похмелья, что ли? — спросил Марат через несколько минут.

— Нет, нормально все.

— Ну да, какое похмелье! Ты же, считай, не пьющий! Женатик!

Я не ответил.

Поток машин был по-утреннему плотный, но мы прокочили быстро и свернули во двор. Дома здесь были ниже и старше, чем в нашем районе. Мы остановились у ветхой двухэтажной хрущевки, рядом уже припарковались другие полицейские машины и труповозка.

— Слыши, Кирилл, я пока сгоняю по своим делам, а потом на обратном пути тебя подхвачу, — произнес Марат, когда я открыл дверцу.

Застрянет в пробке, подумал я, придется его ждать или пешком пойти. Впрочем, наплевать. Внутри все стянуло до почти физической боли. Поэтому я ничего не сказал, вылез из салона и закинул сумку на плечо.

— За двадцать минут обернусь! — бросил он мне вдогонку.

У подъезда курили парни в серых форменных пальто, незнакомые, молодые. Пришлось показать удостоверение. Вот только они все равно ничего толком не знали о происшедшем. Я поднялся на второй этаж, открытая дверь и голоса выдали нужную квартиру. В дверном проеме мелькнул синий комбинезон санитара. Я вошел, крохотная кухонька кончилась, не успев начаться; дальше развилка, в обеих комнатах толпились люди.

— Не ходите по следам! — за спиной послышался недовольный голос. Я обернулся и увидел низкорослого старика в пальто. Судмедэксперт, помню его. Я поспешно отшагнул — оказалось, я топчу пятна крови на полу.

— Не страшно, Леонтий Виссарионыч. Все сфотографировали, — кто-то из молодых сотрудников заступился за меня, я не оглянулся, чтобы посмотреть, кто именно. Сказал:

— Здравствуйте, извините.

— Чего уж теперь, пропустите меня. — Медик кивнул в сторону комнаты, проход в которую я загородил. Я отступил внутрь:

— Можете мне вкратце рассказать, что тут да как?

— А вы, собственно...

Я снова достал удостоверение.

— Одну минутку.— Он прошел через комнату и вполголоса заговорил с санитаром. Я с облегчением поставил сумку у дивана. Комната была опрятной и уютной, хоть и скучно обставленной: мебельная стенка, диван, кресло, столик, ковер на стене, занавески и тюль на окнах. На белоснежном кружевном тюле темно-красные отпечатки ладоней. Эксперт меж тем пошел в другую комнату, и я направился за ним. Народ уже склонился отсюда. Здесь была спальня, брызги заляпали стены, постель была розовой от крови, пропитавшей ее насквозь. Ковер чавкал под ногами. И этот гадкий запах скотобойни! Все то же самое, как у Кутаховых.

— Что конкретно вас интересует? — спросил старик, заметив меня.

— Мне бы, по сути, обратиться к кому-нибудь из наших, но раз уж вы попались... Вы знаете, что произошло?

— Ну да, я же разговаривал с тем юношем, который... гм... проводил задержание.

— А где тогда сейчас задержанный?

— Внизу, в карете медслужбы — частично.

— Давайте по порядку.

— Давайте. Юноша из пешего патруля рассказал так: они заметили странного человека, неодетого, раненного, судя по всему. Тот попытался скрыться, кажется, он хромал, ну или что-то не понравилось этому юноше в его походке. Словом, он забежал сюда, благо замок на двери в подъезд не работает. Полицейские, двое, вошли за ним, но в подъезде его не было. Один стал обзванивать соседей, а второй полез на чердак, услышал крики товарища, вернулся и столкнулся с... ну с тем, кого они преследовали. Я уж не знаю, что произошло точно. Юноша путался, говорил, что этот человек выглядел прямо-таки ужасно. Возможно, была драка. Словом, юноша выстрелил, не знаю, попал ли, но тот

человек убежал. Юноша за ним. Ну и на улице юноша выстрелил еще раз. Сказал, что целился в ногу,— медик усмехнулся.

— А попал...

— В голову. Расстояние было сорок три метра. Пожале, повезло или, если точнее, очень не повезло. Тут, думаю, юноша понял, что убил человека, а главное, как убил, после чего упал в обморок, хоть он и говорит по-иному...

— А как он говорит?

— О, это забавно! Дело в том, что у убитого оторвало голову. Случай, безусловно, примечательный! Но юноша утверждал, что его смущило не это, а то, что потом обезглавленный труп встал и пошел куда-то по своим делам. Вот после этого у юноши, по его словам, потемнело в очах.

— Подождите, вы сказали: тело внизу только частично...

— Ну да, голова внизу. А всего остального нет. Может, действительно ушел? — Старик сипло засмеялся.

— Спасибо.

Я вышел из квартиры. Из опрятной доброй квартиры. Так и не узнав, кого в ней убили. Фантазия уже нарисовала чету пенсионеров. Не знаю, почему именно чету. Главное, что им не нужно было открывать дверь незнакомцам. Я уверен, что это была случайность. Этой твари, Зеленцову, плевать, кого убивать. Черт, сумка! Вспомнил о ней, спускаясь по лестнице; пришлось вернуться. Сумка лежала там же, у дивана, и все бы хорошо, но поднимая ее, я увидел кровь. Ума не приложу откуда, но на полу скопилась большая темная лужа, а я ведь помню, чтоставил сумку на сухое. Кажется, да, но теперь не уверен... Дно сумки пропиталось этой мерзостью!

— Что такое? Тут ведь ничего не было! — подошел санитар, глядя на лужу.— Как будто из-под дивана сочится. Может, отодвинуть?

Вопрос был обращен к Леонтию Виссарионовичу, появившемуся в дверном проеме. Тот кивнул. Я отошел, чтобы не мешать, и уже направился было к выходу, но услышал, как санитар коротко выматерился.

— Надо опрокинуть диван, чтобы осмотреть дно.

Я оглянулся. Санитар как раз с шумом перевернул диван. Его днище и прямоугольник пола, что скрывался раньше под ним,— все было бордовым, блестящим, влажным. В свернувшейся жиже повсюду лежали комочки плоти.

— Этим диваном как будто кого-то придавили, как прессом! Ну и фарш!..— поразился старик, я не стал дослушивать, как он все это объяснит. Держа сумку чуть на отлете, я поспешил вниз. Правая рука тотчас устала, я перехватил сумку левой. Черт, зачем я так загрузился, нужно было просто сделать вид, что собираю вещи, и все! Хватило бы трусов, носков и рубашек! Она бы увидела пустые плечики и... А если все на самом деле кончилось? Неужели все на самом деле кончилось!

Внизу я подошел к труповозке, заглянул в кабину. Там сидели двое, слушали радио: водитель-мужчина и девушка-медик.

— Можно посмотреть? — Я кивнул в сторону задней части кузова и показал ксибу. Девушка выбралась из кабины, распахнула широкие двери фургона. Так и есть, три трупа в мешках.

— Хозяева квартиры и сотрудник?

— Да, страшно изуродованы, пальцев нет, ушей... Показать? — Она поморщилась.

— Нет. Только голову.

Неужели увижу вблизи то самое лицо, что плялилось на меня снизу вверх? Оказалось, нет. Лица почти не было. Вся верхняя его часть была вывернута наизнанку пулей. Были видны и другие повреждения. Волосы черные, чуть выющиеся. Да, судя по фото, у Зеленцова они такие, но это ничего не доказывало. Необычной была шея, а точнее то, как она заканчивалась.

— Ее ведь не оторвало, так?

— Да, не похоже,— ответила девушка,— но это и не спрез, затрудняюсь вообще сказать, как это сделали. Вроде неровно, но аккуратно, не знаю...

— У вас найдется еще мешок?

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего, и мне пришлось добавить:

— Я сумку испачкал, хочу обернуть.

Через пару минут с сигаретой, зажатой в уголке рта, я набирал номер Леденцова.

— Алло, Кирилл? Как дела?

— Даже не знаю.

— Это Зеленцов?

— Тут только голова, и лицо раскурочено.

Александр ругнулся, помолчал и продолжил:

— Все с этим делом неладно! Хорошо, дождемся экспертизы ДНК. Езжай в отделение, я пока в прокуратуре, но потом надо поговорить.

* * *

Неожиданно что-то будто вцепилось в горло, стало душить. На глаза навернулись слезы, я закрыл лицо руками. В кабинете никого не было, но кто-нибудь мог войти, а я тут... Я пытался не думать о Ленке, нужно было уйти в рутину, в работу. Но здесь меня ждал Рустам Зеленцов, и от этого хотелось бежать. Я торопливо вытер лицо ладонями и рукавами рубашки, хватка на горле ослабла, почти отпустила. Потом меня вызвал к себе Леденцов. Он, как тогда, при допросе, сидел на краешке стола, только в кабинете больше никого не было, и за окном стояла тьма. Тоненько жужжали лампы над головой. Между пальцев Александра дымилась сигарета, рядом стояла пепельница, забитая окурками.

— Вот хочу посоветоваться. Вроде все проще некуда, а вроде как-то и совсем непросто!..— Он поднял на меня взгляд.— Погоди, ты обкуренный, что ли?

— Нет,— ответил я, потупив глаза. Похоже, он еще некоторое время подозрительно всматривался, затем продолжил:

— А я бы посмолил сейчас, если б было; думать помогает. Короче, если Зеленцова грохнули, то считай, дело закрыли, но вот жопой чую, что этот гаденыш живой!

— Я тоже.

— Да? Ну вот мне сразу показалось, что мы найдем понимание! Слишком много трупов на нем, чтобы он так просто окочурился. Да и тело пропало, кто-то должен был унести, а зачем? И куда он трупы до этого девал? Там на Фурманова тоже без жмуриков?

— Нет, три трупа.

— Это даже странно! А ты знаешь, сколько в районе пропавших за последний месяц? Больше, чем за весь прошлый год! Никаких тел до сих пор. Зато в квартире Кутаховых настоящая каша из генного материала разных людей! Да и не только людей, еще и коров, и коз, и птиц, и собак! Понятия не имею, что писать буду из-за этого отчета криминалистов! Соседи ни слухом ни духом до последнего, мол, делают ремонт, да у них даже следов никаких ремонта нет!

Он жадно докурил сигарету и затолкал окурок в пепельницу.

— Короче, на всякий случай — я тебе ничего не говорил. Кстати, знаешь еще кое-что забавное? Кутаховы не были расписаны!

— Ну и что?

— А фамилия-то одна, понимаешь? Короче, они были братом и сестрой, не знаю уж, чего все соседи их супругами считали, может, потому что детей вместе растили.

— Чьи дети-то?

— Марины Кутаховой по паспорту.— Леденцов взял со стола распечатки, скрепленные фотографии и стал их разглядывать.— У них у всех по лицам видно... фамильное сходство, блин.

Мы выкурили еще по одной, посидели молча. Дым беззвучно и тягостно извивался в воздухе, оседая на бежево-серые стены, пустые столы, цветасто обклеенный сейф, портрет президента, стекла и решетки на окнах.

— Ну что, ты домой? — Александр нарушил тишину первым.

— Нет, я в ночь.

— Прям так, без отсыпного?

— Да, я поменялся специально.

— Ну давай, спокойной тебе ночи тогда!

И поначалу ночь действительно была спокойной. Я раз за разом раскладывал пасьянсы на компьютере, пил крепкий черный чай, то и дело поглядывая на сотовый телефон, лежащий на столе. Ни одного звонка от Лены за весь день, ни одной sms. Я проверял, ловит ли связь; смотрел на летнее Ленкино фото, стоящее на заставке. В этом платье, нежного серо-сиреневого цвета, с рукавами-крыльями, она была похожа на бабочку, на хрупкого маленького мотылька. Другой мужчина... у нее! Может, действительно, убить? Его.

Зазвонил стационарный телефон, внутренняя связь, дежурный попросил спуститься. Начинается, подумала. Встал из-за стола, задев ногой сумку с вещами, которую так и не открывал, и вышел в коридор. Внизу в дежурке меня ждал мужчина, бомжеватый на вид, пьяный вдребезги, висящий на руках у сотрудника.

— Ну а меня-то зачем вызвали?

— Он чего-то там про убийство мамлил, — сказал сотрудник и встряхнул бродягу. — Ну-ка повтори, эй!

Тот поднял голову, и в небритой всклоченной физиономии с отвисшей слюнявой нижней губой и красными слезящимися глазами я узнал вдруг того охранника, что сдал Зеленцова:

— вы... бл...убилий... его... илл... короч...убейте!..— Он выкрикнул последнее слово и обвел присутствующих важным взором.

— Ладно, тащи его наверх,— распорядился я и пошел первым.

В ящике стола у меня нашлись таблетки активированного угля и кофетамина. Мы накачали этим пьяницу, заставили выпить кувшин воды. Когда он начал колыхаться всем телом в рвотных судорогах, оттащили в туалет. Думаю, большая часть таблеток сразу ушла в унитаз. Еще через полчаса он, весь мокрый, сидел на стуле сам и смотрел на меня почти осмысленно.

— Напомни имя.

— Паша... — буркнул он.— Павел.

— Фамилия?

— Гурьев.

— Ну и чего ты к нам рвался, Паша Гурьев?

Он весь вытянулся, удивленно воззрившись на меня, а затем сжался, набычился, покраснел и начал слюняво цедить:

— Вы чего, скоты...

— Тебя около отделения задержали, сам сюда рвался. Давай рассказывай,— я подошел ближе и прикрикнул.— Зеленцова видел, так!

Я подумал было о потрепанном сборнике кодексов в мягкой обложке, который лежал на полке для таких случаев, но Гурьев заговорил и сам:

— Видел, но это... издалека. Ходил он вокруг дома, где Артур с Маринкой жили... реально кругами ходил! Ночь была, я из будки своей смотрел, а когда он через двор прямо ко мне поперся, то я убежал, перелез через забор и бегом... Грохните его, пожалуйста, а! Он же как собака бешеная, ни хера не понимает, только кусает всех...

— А почему он такой?

— Откуда ж я знаю! Мы с ним когда пересеклись, он же за мокруху сидел, за предумышленное. Значит, уже не все в порядке было с башкой, а потом совсем крыша съехала, видать, Маринка эта еще...

У меня в руках были бумаги, лежавшие раньше у Леденцова на столе. Я нашел фотографию Марианны (похоже, по полному имени ее никто не называл). Она оказалась некрасивой и какой-то преждевременно старой женщиной со светло-русыми прямыми волосами до плеч. Холодные глаза, искривленный рот, грубые, неправильные черты лица, слишком высокий лоб и большой подбородок. Думаю, она никогда не улыбалась. Возможно, ее такой сделала какая-то травма, уход отца ее двоих детей, например.

— Что с Маринкой?

— Он сам не свой был при ней. Артур-то редко показывался, она нам задания давала, меня обычно вообще не пускали. А Артур иной раз только выглядит, ухмыльется или деньги сунет. Маринка распоряжалась.

— Что вы делали?

— Я обычно мусор выносил на помойку.

— Что за мусор?

— Обычный, строительный. Ну я в мешки не заглядывал, там все упаковано было плотно, и воняло хлоркой, так что внутрь лезть не хотелось! Но я-то вообще редко подряжался с Рустамом. Он чаще один там суетился, его и внутрь пускали, и по ходу, платили ему нормально, потому что бухали мы потом о-го-го как! И про Маринку начинал базарить, де, снится она ему, стерва, и всегда голая! И такое, де, они там вытворяли во сне! Раз говорит: пришлю Артура. Да, *прям так*.

— А чем Артур-то мешал?

— Как чем? Он же того... муж.

— Почему вы так думали?

— В смысле? Ну они... они, наверное, сами так сказали! И дети ублюдочные ихние папой-мамой их называли! Да что ты меня с панталыку сбиваешь!

Я посмотрел фото детей. «У всех по лицам видно... фамильное сходство, блин». Мальчики выглядели умственно отсталыми. Неужели правда... какая же мер-

зость. Наверняка Леденцов сам думал об инцесте, просто не стал говорить.

— Так когда ты видел Зеленцова в последний раз?

— Вчера, или уже позавчера, какой сегодня день? Короче, в субботу это было, я и запил после этого, страшно стало. Он, наверно, узнал, что я его заложил... — Он внезапно смолк и несколько секунд просто смотрел на меня, моргая своими прозревшими глазами, а потом заплакал.

— Ну ладно, посиди тут, — сказал ему я и вышел. Ну и на что я потратил время? Протоколировать, по сути, нечего, а точнее незачем. Я спустился вниз. Тут как раз принимали партию молодых людей, собранных патрулем по традиционной ориентировке о грабеже сотовых телефонов. Я послонялся там, посмотрел телевизор в дежурке.

— Как будто орет кто-то, — задумчиво пробормотал дежурный, не отрываясь от экрана. Я глянул на него с недоумением, хотел было что-то сказать, но и сам услышал приглушенный крик. Я двинулся на звук, вышел к лестнице и тут убедился, что кричат в здании. Кто-то ревел словно зверь, протяжно, жутко, без слов. И кажется, еще доносились звуки ударов. Поднявшись на второй этаж, я уже понял, кто это кричит, а потом и увидел его. Впереди в узком пустом коридоре с треском распахнулась боковая дверь, из кабинета вывалился Гурьев, он завывал. Ударившись о противоположную стену, он выпрямился и с воплями побежал на меня, вытягивая впереди себя руки... Вот только выше локтей у него рук не было. Из обрубков хлестала кровь.

Он не добежал до меня, упал, то ли поскользнулся, то ли обессилел. Но реветь не переставал ни на секунду вплоть до того момента, пока не появились люди с первого этажа, и его не перевязали жгутами и бинтами, и не обкололи обезболивающим. Я в этом не участвовал. Я еще долго сидел там, в коридоре на полу, прижавшись спиной к стене.

— Так кто это сделал?! — передо мной оказался Леденцов. Наступило утро, и мы были в его кабинете.— Все в один голос твердят, что наверх больше никто не поднимался, и в кабинете никого не было, решетки на месте, только крови налито. Так кто это сделал?!

— Зеленцов,— просто ответил я.

— Плохие новости у меня, Кирилл. Эксперт говорит, что голова принадлежит господину Зеленцову. И это полбеды. В квартире Кутаховых также есть кровь Зеленцова, много. Скорее всего, он еще там скопытился, если переливание себе не сделал!

— Но я же видел...

— Не знаю уж, кого ты видел, но я помню, как ты путался. Там, в квартире, было темно, сам говорил, а потом между вами было... сколько этажей? Пять?

Я мотнул головой, не соглашаясь, но и не зная, что возразить.

— Ладно, тебе не повезло, два раза увидел этого зверя в действии, хоть мы и не знаем, как он это делает... Короче, придется искать кого-то третьего. Можно было бы замять, попытка суицида...

— Это ты про Гурьева, что ли?

— Ну да, порезал себе вены и переборщил. На самом деле, могло бы прокатить! Но чую, будут еще трупы, точнее, не будет, ну ты меня понял... Ты сейчас дома?

— Нет, у меня смена же...

— Даже не думай. Вали, отсыпайся, на тебя страшно смотреть!

— Мне нельзя... — буркнул я, но Леденцов был непреклонен. А потом пришло sms от жены: «Пожалуйста, иди домой».

Сумка все так же лежала себе под столом. Я поднял ее, и она с чавканьем отлепилась от пола, остался боль-

шой багряный след. Может, уже хватит крови, подумал я с омерзением. Мне и так все время мерещится этот тошнотворный запах. Наверное, после ночного происшествия подтекло. Словом, это моя ноша, хмыкнул я.

Через десять минут я был на улице, шел домой и шурялся от яркого солнечного света. Ноги разъезжались в стороны в грязно-сером снежном месиве, но в автобус я не полез. Я никуда не торопился, да и солнце так приятно пригревало.

Лену я дома не застал. Конечно, она уже была на работе, нужно дождаться, поспать. Я поставил сумку в прихожей, около двери в ванную. Кое-как приладив куртку на плечиках, скинул промокшие ботинки и прошлепал в носках в комнату, оставляя на полу влажные отпечатки. Кажется, уснул я мгновенно.

Мне приснился какой-то мужчина, убеждавший меня, будто он был просто пекарем, ходил на митинги, а потом как-то все само собой завертелось, и он ни в чем не виноват. А я все присматривался к нему и не мог узнатъ. Он был какой-то неясный, расплывчатый, того гляди развалится. Иногда мне чудилось, что у него из живота лезут чьи-то чужие пальцы, руки, множество рук... Они выползали из него со змеиным шипением... Нет, это шумит вода в ванной...

Я проснулся, как был, в одежде, на смятом покрывале. В голове тихонько ныла боль. Из ванной доносился звук льющейся воды — Ленка дома! Растирая заспанное лицо ладонями, я поднялся, потянулся и вышел из комнаты. Постучал в дверь ванной, но то ли никто не ответил, то ли я не расслышал за шипением душа. Я приоткрыл дверь и сунул внутрь голову:

— Привет, — сказал я.

— Привет, — после некоторой паузы ответила Лена. Я угадывал ее силуэт за голубой занавеской. Мне на все наплевать, она должна быть только со мной.

— Ты знаешь, что я тебя люблю?

Она не ответила.

— И всегда буду любить, несмотря ни на что?

Молчание.

— Ты скоро?

— Угу.

Я притворил дверь и обратил внимание, что молния на сумке, лежащей на полу, немного расстегнута. Да и сама сумка, кажется, сдвинута. Я усмехнулся. Женщина! Обязательно ей нужно было проверить, что у меня там. Вернувшись в комнату, я включил телевизор и снова прилег на кровать, закрыл глаза. Показалось, что головная боль тотчас прошла. Похоже, я снова засыпал, потому что в следующий миг в комнате стало темно, и Лена сидела рядом, в розовом халате, неестественно выпрямившись. Она закуталась в свой длинный махровый халат, будто пытаясь скрыть от меня свое тело. В ее глазах отражались цветастые картинки из телевизора, а лицо ничего не выражало. Я понял, что будет трудно.

— Может, что-нибудь скажешь? — начал было я, но она лишь с силой помотала головой. Выражение лица при этом у нее даже не изменилось. Я больше ни о чем ее не спрашивал, и она сама не проронила ни слова. Лена так и сидела весь вечер с прямой спиной, уставившись в телевизор. Иногда мне казалось, что у нее задумчиво покачивается голова. Я сам себе подготовил поесть, почистил зубы и вновь лег в постель. Время было позднее, но мне, разумеется, не спалось. А впереди, закрывая часть экрана телевизора, маячил силуэт моей жены. Глубоко за полночь я все-таки уснул ненадолго, но потом меня что-то толкнуло, и я вывалился из забытья. В темной комнате слышны были какие-то нетвердые шаги. Кто-то ходил, сослепу натыкаясь на мебель.

— Лена? — позвал я, шаги замерли. — Ты чего? Ложись спать.

По колыханию матраса я понял, что она легла. Нужно придвигнуться ближе, обнять ее, но я не стал. На-

верное, она тотчас уснула, потому что не ворочалась, вообще не шевелилась, я даже не слышал ее дыхания. Осталось только ощущение, что рядом есть что-то холодное, но живое. Я долго еще пролежал так, не зная, что делать — ни сейчас, ни потом. Уже ничего не будет, как прежде. Все развалилось, размоловось в кашу, только внешне сохраняя привычную форму, а я не заметил, пока оболочка не треснула. И вот каким-то образом рядом со мной уже лежала все не моя любимая жена, а кто-то чужой.

Тоскливый звон будильника выволок меня из сна, а значит, я все-таки спал. Хмурый, с головной болью, я встал и двинулся в туалет. Нужно принять душ, а то мне везде мерещится эта густая вонь бойни — наверное, запах впитался в кожу и волосы. В комнате было еще довольно темно, солнце пряталось где-то там, за плотными занавесками, за рядами типовых многоэтажек. Лена не шевелилась, накрывшись одеялом с головой. Я спровоцировал нужду, умылся, затем поставил чайник, насыпал в чашку сахару и растворимого кофе. Пошел в комнату, чтобы спросить у жены, будет ли она вставать, и сделать ли ей в таком случае кофе. В прихожей я остановился. Странно, не было сумки. Убрала? Я хотел было задать вопрос вслух, но отчего-то не стал. Прошел в комнату, заглянул в шкаф, проверил по полкам, вещей не было. Лена не двигалась. Я вернулся в прихожую, включил там свет, заглянул в кладовку, тоже ничего... а нет, на одной из обувных полок лежала та самая черная спортивная сумка, скомканная и пустая. Я вытянул ее, с отвращением почувствовав что-то липкое на руках; развернул. Сумка напоминала улыбающуюся пасть с мелкими частыми зубами, и эта пасть что-то недавно сожрала. Внутри все было клейким и влажным от крови. Что за черт! Что здесь лежало? Что я притащил домой!

И в этот миг комната, где спала моя жена, осветилась.

Солнечные лучи влились через окна, и фигура под одеялом зашевелилась. Одеяло поползло вниз, на свет появилась встрепанная голова Лены. Я видел все это отраженным в зеркальном шкафу. Мне показалось, будто вострубили Ангелы, но на самом деле просто засвистел чайник. Только я не мог оторваться от зрелища, происходящего передо мной. Вот Лена опустила босые ноги на пол, оперлась руками о матрас и пружинисто встала, закутанная в тот же розовый халат. Казалось, она сделана из пластилина — такими мягкими и неестественными были ее движения! Вот она сделала неуверенный шаг... но не удержала равновесия и упала... упало. То, что корчилось на полу, спутав конечности в один клубок, не было моей женой. Оно выбралось из халата, и меня едва не стошило. Это был живой кровавый фарш, в который воткнули руки по локоть, ноги по колено, голову с шеей... Голову моей Лены.

Оно попыталось вновь принять человеческую форму, вытянулось, с покачивающейся головой Лены на вершине, и поползло ко мне. Я сидел на коврике в прихожей, не находя в себе силы пошевелиться. Я даже сказать ничего не мог. Оно выросло надо мной, бессмысленное лицо Ленки раскачивалось в вышине. Чайник завывал. Нет, это трубили Ангелы. Я протянул руки и коснулся странной твари, сотканной из перемолотой плоти других людей. Кончики пальцев обожгла резкая ослепительная боль, и я едва успел отдернуть руку. Фарш мгновенно всосал в себя кожу с подушечек моих пальцев.

Но оно не убило меня. Оно поползло дальше, на кухню, теряя на ходу руки и ноги моей супруги, задевая стены и мебель, оставляя на них влажные следы. На кухонный стол грохнулась Ленкина голова. Живой фарш взобрался на табурет, оттуда на подоконник и со звоном выдавил стекло. Я понял, что оно ушло. Я понял, что у меня на коленях лежит ледяная рука моей жены.

Казалось, торжественные завывания чайника становятся все выше, а потом он захлебнулся.

Не знаю, чем занимались на самом деле Артур и Марианна Кутаховы, не знаю, кем они были, с какими силами общались. Что пытались вызвать. И вызвали. Вряд ли они ожидали такого финала. Вряд ли они собирались принести себя в жертву. Вряд ли Рустам Зеленцов этого желал. Просто что-то пошло не так. Когда имеешь дело с дьявольским, всегда что-то идет не так. Да, я верю в дьявола. Думаю, он здесь всем управляет. А Бог? Он для праведников, давно не видел таких, кстати. Глупо считать, что последними из них были мои родители, но иногда мне так кажется.

То дело мы замяли, потому что в нашем районе бойня прекратилась. Я знаю, что это существо еще не раз появлялось в других местах города, но воочию я его больше не видел, потом оно и вовсе исчезло. Или я просто потерял его. С годами творилось все больше чертовщины — на улицах, в домах, в сердцах людей. Каждый год — как виток вниз, в ад. Только внешне все оставалось по-старому или даже становилось лучше. А внутри все разложилось, перемололось в фарш.

За пьянство меня попросили из органов. И чтобы не умереть (не знаю, зачем мне это было нужно), я занялся адвокатурой. Грязи ничуть не меньше. Каждый день я вижу людей, которых невозможно не ненавидеть. А многих еще и приходится бояться. Я больше не слышу Ангельских труб, но все сильнее чувствую подступающий жар адовых печей.

Трудно представить, но когда-то я любил этот город. Когда-то — да, любил.

Владимир Кузнецов

НАВЕК ИСЧЕЗНУВ В БЕЗДНЕ ПОД МЕССИНОЙ

Дождь. Четвертые сутки подряд небо затянуто тяжелыми, низкими тучами, превратившими день в бесконечные, давящие сумерки, а ночь — в непроглядную, как бочка с дегтем, пропасть. Огонь светильников и костров бессилен справиться с влажной, густой темнотой. Он вырывает из нее небольшие куски, в которые силятся уместиться промокшие, усталые люди. Темнота и вода вездесущи.

Райен Джей Виккерс, командир туннельного взвода Королевского Инженерного Корпуса, с тоской поглядел себе под ноги. Пол офицерского блиндажа, в котором он находился, размок настолько, что ботинки по щиколотку утопали в жидкой, глинистой грязи. Грязь источала отвратительный одор соловноватой болотной гнили. Огонек свечи, стоящей на столе, беспокойно дрожал, тревожимый вездесущими сквозняками. Свет, который он давал, был слабым и обманчивым, и Райену приходилось щуриться и низко склоняться над бумагой, чтобы различать выводимые пером буквы.

Едва слышимый сквозь футы земли, бетона и бревен, слуха Виккера коснулся противный гудящий свист. Лейтенант еще ниже наклонился над столом, вжав голову в плечи и прикрыв грудью небольшой лист бумаги, над которым трудился. Тяжело громыхнуло,

деревянная обшивка стен блиндажа заскрипела, с потолка посыпало мелкой влажной крошкой.

Когда вибрация стихла, Райен распрямился и продолжил писать. Буквы выходили кривые и неровные — руки, замерзшие и привыкшие к грубой работе, отказывались выводить их каллиграфически правильно.

«Милая Дженнни.

Уже второе рождество я встречаю в окопах. Немногие здесь могут похвастаться таким сроком, а те, кто мог бы, — предпочтут смалчать. Мы стараемся не думать о том, в каких условиях оказались, и что нам приходится терпеть, — иначе можно сойти с ума. Я не хочу тебя обманывать, рассказывая, как делают другие, что нам здесь живется неплохо. Думаю, категории „плохо“ или „хорошо“ в применении к фронту совершенно неуместны. Дни, проведенные здесь, измеряются иными понятиями, чуждыми тем, кому с Божьего благословения повезло не попасть сюда.

Кажется, что за два прошедших года в войне не произошло совершенно никаких сдвигов. Военная мощь гуннов неистощима, каждую нашу атаку встречает контратака, ничуть не слабее, а часто — гораздо более сильная. На любое изобретение нашего командования они отвечают быстро, перенимая его или выдумывая нечто еще более смертоносное.

Но для нас, тоннельщиков, дела обстоят несколько лучше, нежели для простых солдат на передовой. Наше ремесло здесь во многом схоже с тем, чем мы занимались дома, — и это успокаивает, позволяет иногда забывать о том, где мы находимся. Конечно, есть множество особенностей, которые отличают прокладку военных туннелей от простой добычи угля где-нибудь в Ньюкасле. Но непреложно главное — мы не часто встречаемся с врагом лицом к лицу. Это очень важно, Дженнни, ты не представляешь насолько. Убить человека — дело богопротивное и оттого невероятно сложное. Но стократ тяжелее сделать это, когда глядишь глаза в глаза. Ведь только издали, когда они кажутся серой, безликой толпой, немцы становятся врагами, кровожадной гунской ордой. Стоит

же приблизиться к любому из них на расстояние вытянутой руки – и ты видишь перед собой человека. Обычного человека, такого же, как и ты сам. И ты понимаешь, что где-то далеко отсюда у него остались жена, дети, мать...

Милая Дженнини, не подумай только, что я струсил. Я, как и в первый день, готов сражаться за Короля и Страну до последнего вздохания, но... Эти строчки должны приоткрыть тебе ту тяжесть, с которой мы живем, то, что довлеет над нами и поражает наш разум...»

— Лейтенант,— появление Рональда Дьюорри, сержанта тоннельщиков, заставило Райена прерваться. Он поднял взгляд на вошедшего солдата, с ног до головы покрытого грязью, так что только белки глаз выделялись на сплошном серо-коричневом фоне.

— Что тебе, Дьюорри?

— Уже восемь, сэр. Пора.

Виккерс посмотрел на часы. Сержант был прав — пришло время снова опускаться вниз, на два десятка футов, в недра влажной, глинистой почвы Фландрии. Аккуратно сложив письмо, лейтенант спрятал его во внутренний карман кителя. Не хотел оставлять его здесь, опасаясь, что случайным снарядом блиндаж может завалить, или, того хуже, кому-то из офицеров оно попадется на глаза. На фронте показная похабость и циничность были неотъемлемыми чертами любого — чем-то вроде защитного панциря, в котором укрывались солдаты и офицеры, стремясь отгородиться от ужасов позиционной войны. Деградация всех душевных аспектов: мыслей, потребностей, чувств — происходила со всеми попавшими сюда быстро и бесповоротно. Все сводилось к трем азам: хорошо поесть, выспаться и не умереть. Все остальное воспринималось как ненужная труха и подвергалось жестокому осмеянию. А отношение к тоннельщикам — «кротам», как их здесь называли, было еще более агрессивным. Их не считали настоящими солдатами, полагая, что внизу, в своих подземных лабиринтах,

они пребывают в полной безопасности. При этом никто из злопыхателей, само собой, вниз не спускался.

Сборы были недолгими — привычная процедура, повторявшаяся изо дня в день и совпадавшая в каждой мелочи. Когда-то бесконечно давно наставник Виккерса, горный мастер О'Хара, говорил, что перед спуском в шахту мелочей не бывает. Неоднократно убедившись в правоте старика-ирландца, Райен всегда подходил к подобным сборам, как к сакральному ритуалу, не отступая от заведенного порядка ни на йоту.

На плечи тяжело лег кислородный аппарат «Прото», лучший друг любого тоннельщика. Ременные пряжки по бокам притянули его громоздкую конструкцию к телу. Этот вариант компания «Зейб Горманн» разрабатывала специально для шахтеров: «Прото» был оснащен системой принудительного охлаждения, а кислородный баллон и емкость с сорбентом находились на груди, так, чтобы горняк в случае повреждения мог сразу его заметить. Две дыхательные трубки соединялись в специальный мундштук с зажимом для носа и ремнями для закрепления на голове, еще один шланг оканчивался датчиком давления в кислородном баке. Все эти части Виккерс скрупулезно проверял — от работоспособности каждого клапана, герметичности зажимов и наличия кислорода и сорбента напрямую зависела его жизнь.

Закончив с аппаратом, он перешел к оружию. Прогоревший пистолет, достав его из кобуры. Затвор ходил мягко, магазин был полон. Большинство офицеров предпочитали револьверы, но Райен считал, что пистолет Уэбли-Скотта имеет одно неоспоримое преимущество перед своими барабанными коллегами: вместо шести патронов пистолет вмещал семь. Штык винтовки Ли-Энфилд Виккерс отправил за голенище сапога. На поясе было и так много всего развешано, чтобы еще добавлять туда полуторафутовый клинок, который, как его ни повесь, все равно будет мешаться, упираясь в бедра и цепляясь за стенки тоннелей.

Потом последовали фляга с водой, небольшой запас свечей и старательно замотанные в промасленную бумагу спички. Нельзя было дать им отсыреть — стоило свече погаснуть, задутой неожиданным сквозняком или слишком резким движением, и тоннельщик рисковал оказаться в полной темноте, а ориентироваться в сложной сети шахт и ходов и без того было нелегко. Все это Райен упаковал в поясную сумку, а через плечо перекинул планшет со схемами. В нагрудный карман положил еще одну коробку спичек, на этот раз замотанную еще и в фольгу.

Виккерс и Дьюорри вышли из блиндажа, двинувшись по глубокой, укрепленной деревянными балками и шифером траншеи. Это была резервная линия, третья по счету, проложенная на расстоянии почти трех сотен ярдов от передовой. Снаряды сюда долетали редко, так что идти можно было сравнительно спокойно.

С неба снова лило. Вода скапливалась на дне окопа, противно чавкая под сапогами. Деревянных настилов здесь не было — их все забрали, чтобы устроить хоть какие-то подходы для снабжения, буквально тонувшего во фландрской грязи. Вездесущая сырость давно пропитала одежду, отчего казалось, что двигаешься по горло в воде. Но там, внизу, будет намного хуже, да. Там будет меньше воздуха, меньше света, меньше... всего. Только воды, стекающей отовсюду, и голубой глины, бесконечных залежей этой тяжелой пластичной породы, будет по-настоящему много.

Спуск в шахту располагался в глубоком, хорошо укрепленном бункере. От поверхности его отделяло несколько метров бетона, надежные опоры, тройной настил из бревен. Рядом тянулись просторные навесы — здесь, надежно укрытые маскировочной сеткой, находились тоннельные отвалы. Тысячи фунтов глины, извлеченной из земных недр, со всеми предосторожностями укрывались от взглядов немецких воздушных разведчиков. Их паковали в мешки для

брустверов, скидывали в котлованы, присыпая сверху песком и землей,— короче, распределяли, как могли. И все равно, на поверхности, у отвалов шахт, ее скапливалось огромное количество.

Из зева шахты тянулись мерно вздрагивающие шланги — где-то в глубине целый каскад насосов непрерывно откачивал просачивавшуюся сквозь верхний, песчаный, слой воду. Рядом тянулись электрические кабели, подававшие питание сложной технике.

— Где остальные? — спросил Виккерс, чтобы хоть на несколько секунд задержать начало спуска. Он не боялся, нет. Но там, внизу, человеку делать было нечего, и Райен ощущал это каждой клеточкой своего тела. Не он боялся тоннелей — тоннели отторгали его.

— Уже внизу, лейтенант. Мы немного задержались.

Райен взглянул на часы. Действительно, было уже семь минут девятого.

Тоннели здесь располагались в несколько ярусов — промежуточные, вспомогательные, водоотводные... Некоторые из них были полностью залиты водой, другие — только частично.

Уже в пятнадцати ярдах от спуска горел первый светильник, небольшая керосиновая лампа. Дорогое удовольствие, потому использовали их только в главных тоннелях. В остальных света или вообще не было — или одинокие сальные свечи коптили себе под нос. От них всегда стоял тяжелый, жирный дух, раздражавший ноздри. Впрочем, к нему можно было привыкнуть, он был всяко лучше тяжелого смрада разложения, который царил наверху, когда ветер дул с передовой.

О том, чтобы освещать тоннели электричеством, в условиях фронта не могло быть и речи — сейчас его едва хватало, чтобы обеспечивать бесперебойную работу насосов.

Сгибаясь, чтобы не задеть головами опорные балки, лейтенант и сержант шли по широкому тоннелю, пол которого на полтора дюйма был скрыт под водой.

Тысячи фунтов глины уходили по нему в отвал в тележках, носилках и даже в мешках, закинутых на спину. Титанический труд, делящийся уже полгода. Заполненная мерным гулом комната с насосами — и следующая шахта, куда, как щупальца, тянулись шланги и кабеля.

На следующем ярусе воды было уже несколько меньше. Стены все так же сочились влагой, но подземелье уже вгрызлось в глиняный пласт, пропускавший воду крайне неохотно. Здесь тоже можно было услышать мерный рокот насосов.

Электричество — великое изобретение. Виккерс помнил, как первые месяцы работы откачивать воду приходилось ручными помпами; на десятке таких непрерывно трудились солдаты, по двое на каждую.

Наконец впереди показалось тусклое свечение — там горела пара керосинок. Они освещали небольшое помещение, меньше пятидесяти квадратных футов, изначально задуманное как перевалочный склад, а впоследствии приспособленное кротами под место отдыха. Они называли его «Джентльменским клубом» и, как могли, обустраивали. Здесь, кто на чем, сидели и лежали шестеро или семеро тоннельщиков. За небольшим, грубо сколоченным столом сидел капитан Никол МакКинли, коренастый шотландец с широким лицом и большими руками. Он командовал предыдущей сменой.

— Виккерс,— приветствовал он вошедших кивком головы.— Мог бы и порасторопнее.

— Капитан,— таким же кивком ответил Райен.— Все тихо?

— Хейл что-то слышал в четырнадцатом. Минут пятнадцать назад.

Виккерс огляделся: рядового Хейла, молодого паренька, попавшего на фронт всего месяц назад, в комнате не было.

— Где он? — спросил лейтенант, усаживаясь на лавку напротив МакКинли.

— Остался в тоннеле.

— Больше ничего?

— Нет.— Шотландец встал из-за стола, привычно уклонившись от свисавшей с потолка лампы. Его смена закончилась, и он отправлялся наверх, спать. У рядовых кротов такой привилегии не было, им приходилось оставаться под землей по трое-четверо суток. Здесь они спали, ели и даже справляли нужду в специально вырытых для этого отнорках. Людей с опытом шахтного дела всегда не хватало, а сроки ставились самые жесткие. Впрочем, многих тоннельщиков подобный распорядок вполне устраивал — внизу они не рисковали повстречаться со случайным осколком или пулей. Здесь, конечно, хватало других опасностей, но большая их часть была кротам знакома еще с гражданской службы, с угольных шахт, забиравшихся вглубь на целые мили. Те, кто пришел перед лейтенантом, смешили только пятерых своих товарищей. Еще двадцать оставались под землей.

Виккерс осмотрелся. Усталые, грязные люди насторожено смотрели на него. Белки их глаз ярко выделялись на темных от грязи лицах.

— Кто еще в тоннелях? — спросил лейтенант.

— Хейл в четырнадцатом, Морган и Паккард — во втором, — отвечал Джаспер Ригс, второй сержант их взвода.

— Хорошо,— кивнул Райен.— Отдыхайте. Дьюорри, сходи во второй тоннель, а я посмотрю, как там Хейл.

Сержант кивнул и вышел. За прошедшие месяцы кроты научились ориентироваться в этих подземельях не хуже, чем на улицах родного города. Звук зажигаемой спички раздался, только когда Дьюорри удалился шагов на пятнадцать. Каждый тоннельщик старался экономить свечи — никогда не знаешь, как долго придется оставаться там, за сотни ярдов от ближайшего источника света.

Виккерс поднялся спустя несколько мгновений после ухода сержанта. Дел было много, и нужно по-

шевеливаться. Прикинув, как лучше дойти до четырнадцатого тоннеля, он еще раз окинул кротов взглядом. Люди негромко переговаривались, ведя нехитрые солдатские беседы о еде, о работе, о доме. Про себя Райен подумал, что еще пару лет назад подобные разговоры могли бы показаться ему банальными и примитивными. Война все изменила — простые слова обрели совершенно иную значимость и вес, словно превратились из пуховых перышек в чугунные болванки.

Согнувшись, но все еще цепляясь каской за оскализый потолок, Виккерс шел вперед. Голоса кротов давно остались позади, и глухую тишину этого места нарушали лишь плеск воды, шорох шагов и сиплое дыхание лейтенанта. Четырнадцатый тоннель был одним из самых длинных и, поднимаясь вверх, оканчивался всего в трех десятках футов под немецкими позициями. Он уходил в сторону от основной сети и служил своего рода приманкой для вражеских слушающих. Здесь следовало быть особенно осторожным — вне всякого сомнения, боши постоянно слушали землю у себя под ногами. Познакомившиеся с последствиями подземной войны еще при Сомме, они прекрасно понимали, чем может им грозить удачный подкоп. Кротам уже пришлось обрушить один из тоннелей, к которому боши смогли прокопаться. Тогда в тоннеле завязался бой, и двое англичан погибли. Тоннель пришлось засыпать на длину почти пятидесяти ярдов, чтобы скрыть от немцев, куда он вел.

Впереди раздалось тонкое чириканье. Неуместный звук, вроде бы совершенно чуждый этим казематам. За поворотом Райен увидел свет. Вокруг дрожащего огонька догоравшей свечки вырисовывались из темноты фигуры — подвешенная к потолочной балке клетка и согнувшийся у стены солдат — совсем молодой, не старше восемнадцати. Он сосредоточено прижимал к стенке тоннеля мембрану фоноскопа. Услышав шаги лейтенанта, парень вздрогнул. Когда, обернувшись, он

увидел Виккерса, на лице солдата проступило выражение облечения. Лейтенант встал рядом с Хейлом, так что их головы оказались на расстоянии не более фута.

— Что там, Даг? — спросил он негромко. Солдат поднял на него взгляд, и Райен вдруг заметил, что глаза у рядового Хейла были еще совсем детские: чистые, наивно испуганные.

— Я не знаю,— голос парня растерянно дрогнул. Виккерс озадачено нахмурился.

— Дай-ка мне,— сказал он, протянув руку к фоноскопу. Хейл послушно передал прибор.

Вдев фоноскоп в уши, Райен прислонил мембрану к липкой глине стены. Стارаясь не шевелиться, он прислушался.

Вначале ему показалось, что ни один звук не нарушает тишину, царящую в земных недрах. Постепенно тишина эта привычно расцвела тихим гудением, пульсировавшим, словно дыхание спящего зверя. Это были отзвуки взрывов, раздававшихся на поверхности. До нее сравнительно недалеко, и вибрация, которую создавали при детонации тяжелые снаряды, вполне различима. Но звуков горных работ — характерных шорохов и ударов — слышно не было.

— Все тихо,— произнес Виккерс, намереваясь уже убрать мембрану от стены. И тут он услышал.

Рожденный где-то в бесконечной глиняной толще, усиленный мемброй фоноскопа, ушней Райена коснулся звук. Более всего он напоминал стон — протяжный, низкий. Будто услышав его, беспокойно зачирикала птичка в клетке под потолком, прыгая по жердочке и хлопая крыльями.

— Вы тоже это услышали? — спросил Хейл тихо. Райен кивнул.

— Никогда не слышал ничего такого.— Бледность парнишки была заметна даже сквозь слой грязи на лице. Огонек свечи, закрепленной на балке, словно съежился. Виккерс опять прислушался, ожидая повторения звука,

но в этот раз в фоноскопе отдавались только привычные вибрации далеких разрывов. Спустя десять минут он вернул прибор Хейлу.

— Звук, похоже, природный,— сказал он после некоторых размышлений.— Стоит поспрашивать у ребят, может, кто-то слышал нечто подобное? Пойдем, тебе надо отдохнуть. Я пошлю кого-нибудь сюда, чтобы тебя сменил.

Хейл суетливо кивнул, в глазах его читалась искренняя благодарность. Похоже, звук серьезно испугал парнишку. Неудивительно. Райену также до сих пор было не по себе от услышанного.

На полпути назад их встретил Дьюрри. Лицо его поблескивало потом, а дыхание было тяжелым. Похоже, сюда он практически бежал.

— Лейтенант,— едва переводя дух, просипел он.

— Что стряслось, сержант?

— Морган и Паккард... пропали.

— Говорите толком, сержант. Что значит «пропали»? Немцы взорвали тоннель?

— Нет,— Рональд уперся ладонями в бедра, согнувшись вперед — восстановливая дыхание. На это ему потребовалась почти минута.— Они просто исчезли, сэр,— наконец произнес он.— Никаких следов.

Виккерс не ответил, молча отодвинув с дороги сержанта, и двинулся дальше по тоннелю. «Скорее всего, ребята просто запутали где-то. Может, свечки кончились, может, спички отсырели. От такого никто не защищен», — так он размышлял, ускоряя шаг.

Оказавшись в «Джентльменском клубе», лейтенант сразу почувствовал взгляды, устремленные на него из полутемных углов комнаты. Кроты явно были напряжены. Пропажа двух человек — серьезный повод для беспокойства. Как правило, это означает, что боши нашли один из тоннелей и подорвали его, похоронив вместе с оказавшимися там шахтерами. Но сейчас, если верить Рональду, взрыва не было.

Десяток пар глаз неотрывно следил за Виккерсом, ожидая его действий.

— Диллвин, Харт,— вызвал двух проверенных тоннельщиков Райен,— пойдете со мной. Кросби, в четырнадцатый тоннель, слушай. Что-то там неладное. Ригс, поднимай людей. Нужно проверить насосы, заложенную взрывчатку, уровень воды в пятом и восьмом.

Хейл тихонько прошел за спиной и уселся, опершись спиной о балку, поддерживающую потолок. Место было не слишком удобное: в центре комнаты, да еще и прямо под лампой. Обычно туда никто не садился.

Закончив с распоряжениями, Виккерс вышел. Двое названных им кротов пошли следом.

Бенджамин Диллвин отслужил в тоннельщиках уже почти два года, появившись на фронте вскоре после Виккера. Это был зрелый, опытный мужчина, полжизни проведший под землей; из тех шахтеров, которые продолжают спускаться в забой до самой смерти. В военном деле он также был человеком надежным, хотя местами грубым и жестковатым, как уголь, тысячи фунтов которого он выдал на-гора. Эндрю Харт — моложе, и зачислен во взвод всего семь месяцев назад, но за этот небольшой, в общем-то, срок сумел добиться уважения сослуживцев и офицеров. Был он удивительно неразговорчив, настолько, что временами казалось, что он немой. Но при этом Харт будто чувствовал землю. Чутье его было в чем-то сродни предвидению. Дважды он слышал немецких тоннельщиков раньше, чем фоноскопы улавливали первые шорохи, издаваемые их заступами. В первый раз ему не поверили, и через две недели боши вскрыли тоннель, отправив на тот свет двух кротов. Второй раз МакКинли и Виккерс прислушались к его словам и приказали прекратить работы. Когда все улеглось, забрали на десять градусов в сторону. Боши какое-то время продолжали копать, но, никого не обнаружив, забросили-таки это занятие.

Второй тоннель проложили уже довольно давно, не меньше трех месяцев назад. Сейчас, когда работы были почти закончены, туда в числе первых начали свозить взрывчатку, готовя гуннам праздничный фейерверк. Морган и Паккард проверяли состояние «подарка» — осечка здесь была недопустима, потому «заряженные» тоннели навещали по несколько раз на дню. Один из тоннельщиков, Эбби Грэм, даже ночевал возле «подарка». Он не поднимался на поверхность почти два месяца, и среди кротов прошел слух, что старина Эбби тронулся умом. Виккерс разделял это мнение, считая худого, бледного, как полотно, тоннельщика, по меньшей мере, странным. При этом Грэм дело свое знал крепко, был минером от Бога, и отправить его на верх не решался ни Райен, ни МакКинли.

До места осталось не больше двадцати ярдов. Отсюда уже хорошо должен был быть заметен свет — но его не было. Конец тоннеля уходил в темноту, отступившую перед свечами медленно и будто с неохотой.

Остановившись, Виккерс осмотрелся. Ящики со взрывчаткой, расставленные вдоль стен, моток провода, лежащий на одном из них, свеча, сгоревшая только наполовину. Все лоснится от влаги.

— Что скажете? — спросил он коротко.

— Отойди, лейтенант, — буркнул Диллвин, поджигая свечку. Райен сделал пару шагов назад. Пожилой шахтер присел на корточки и всмотрелся в глинистый пол. — Наследили тут, — ворчал он, — Дьюри топтался, что твой медведь. Ни черта не разобрать...

Виккерс, через голову Диллвина изучавший тоннель, вдруг заметил между ящиков тусклый блик. Обойдя шахтера, он наклонился, пытаясь разглядеть странный предмет.

— Что там, лейтенант? — спросил Диллвин. Райен запустил руку за ящик и извлек оттуда фоноскоп, протянув его солдату. Тот некоторое время рассматривал находку, затем кивнул.

— Это Моргана. Вот его знак — два креста.

Виккерс забрал прибор, спрятав его в сумку.

— С чего бы Моргану бросать его здесь? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь.

— А ни с чего,— заявил Диллвин.— Морган растяпой не был, нет. Он бы не бросил.

Замолчали, оглядывая помещение. Райен с досадой поджал губы; не самое лучшее начало смены, ничего не скажешь. Нужно возобновлять работу: рыть, таскать взрывчатку, укреплять тоннели. А как работать после такого?

— Птица,— вдруг произнес Харт, до того не проронивший ни звука. Лейтенант сначала не понял, что имел в виду тоннельщик, но затем едва сдержал дрожь. Из висевшей под потолком клетки не доносилось ни звука.

Подавив желание сразу же всунуть в рот мундштук «Прото», Виккерс подошел к клетке и заглянул внутрь. Птицы не было. Ни живой, ни мертвый. Дверца клетки была закрыта.

— Что за дьявол,— проворчал Диллвин.— На кой ляд им понадобилось забирать с собой птицу?

Ответа на этот вопрос у Райена не было. Вся эта история выглядела отвратительно. Подземелья — особенный мир, в котором часто происходят вещи странные, непривычные для жителя поверхности. Но все же большинство из них образованный человек может понять и объяснить, не впадая в суеверия и мистицизм.

— Они не забирали,— вдруг снова заговорил Харт.— Они не уходили. Следов нет.

— Не сквозь землю же они провалились! — не выдержал Виккерс. Впрочем, даже вскрикнул он шепотом — привычка хранить тишину была сильнее любых переживаний. Харт покачал головой.

— Нет. Не провалились.

Сказано это было настолько серьезно, что казалось, прежде чем ответить, Эндрю как следует все взвесил и изучил.

«Как будто они могли провалиться!» — подумал Райен. Досада, охватившая его, с каждой проведенной здесь минутой только усиливалась. Два солдата пропали, и он, командир взвода, вообще не представляет, куда они могли подеваться!

«Наверняка они просто ушли и заплутали в тоннелях. Мы вернемся и найдем их в клубе», — попытался он успокоить себя. Напрасный труд.

Харт поднял руку ладонью вперед — предостерегающий жест, короткий и ясный. При этом тело его, худощавое и жилистое, напряглось, вытянувшись, словно у спаниеля, вставшего в стойку. В ответ на удивленные взгляды он указал на стенку тоннеля, шагах в пяти справа.

Диллвин достал из-за спины обрез, проверив ход замка. Виккерс, стараясь не шуметь, расстегнул кобуру и достал из сумки фоноскоп. Надев его, он приложил мембрану к стене.

В ушах ясно раздался характерный шорох земляных работ. В их сторону копали — и уже совсем близко.

— Что будем делать? — Диллвин, видно, все понял по лицу лейтенанта.

Несмотря ни на что, Райен испытал некоторое облегчение. Проблема, которая встала перед ним сейчас, была сложной, но привычной. Это уже случалось и наверняка случится еще — схема действий давно была отработана.

— Диллвин, бегом в клуб. Возьмешь трех человек и гранаты. Мы остаемся, на случай, если боши успеют раньше тебя.

Все это Виккерс произнес едва слышным шепотом. Сейчас самым главным было не насторожить немцев. Если они не слышали кротов, то есть шанс захватить их врасплох, а это уже полдела. Если же боши будут знать, что в тоннеле кто-то есть, то первой в открывшийся ход влетит граната.

Минуты растягивались, с неохотой расставаясь с каждой следующей секундой. Казалось, время застыло,

как холодный воск, даже огоньки свечей стояли неподвижно, без малейшего движения. Не выдержав, Райен бросил взгляд на часы. Прошло только пять минут.

— Остановились,— прошептал Харт. В густой, как смола, тишине голос его словно растворился. Виккерс снова приложил мембрану фоноскопа к стене. Действительно, стало тихо.

Неожиданно по ушам будто резануло. Совсем рядом, в считанных футах, кто-то закричал — пронзительно, надсадно, так что даже сквозь толщу глины крик был хорошо различим. Он продлился не больше нескольких секунд, оборвавшись резко, словно кричавшему одним ударом снесли голову. Затем снова стало тихо.

«Что за черт? Может, там Морган и Паккард? — пронеслось в голове.— Как они попали к бошам?»

Ответа не было. Напряженно вслушиваясь, Виккерс пытался уловить хоть что-то, что пролило бы свет на произошедшее. И снова в повисшей тишине раздался тот странный,ibriющий гул — такой же, как в четырнадцатом тоннеле.

Райен снял фоноскоп, протянув его Харту.

— Послушай. Странный звук. Ты когда-нибудь такой слыхал?

Шахтер не принял протянутый прибор. Он молча взирал на лейтенанта, и в глазах его читалась глубокая звериная тоска.

— Что с тобой, Харт?

Шахтер снова не ответил. Вдали послышались приглушенные шаги. Вскоре показался Диллвин, а с ним еще трое. Все сжимали в руках обрезы, у одного на поясе болталась сумка гранат. Бенджамин молча указал глазами на стенку. Райен покачал головой.

— Затихли,— прошептал он.— Кричал у них кто-то...

Тут ему в голову пришло, что какой-то немец просто мог поранить себя киркой. Если так, работы скоро возобновятся.

Прождали около часа — за стеной все еще было тихо. Оставив Харта и одного из подошедших кротов, Эбба Арчера, дежурить на случай возобновления работы, Виккерс с остальными направился в клуб.

Возвращаясь, лейтенант старался не думать, вернулись ли Морган и Паккард, или нет. Он прокручивал в голове последний разговор с МакКинли. Они сидели в офицерском блиндаже, где кроме них находилось еще трое. Это были полевые командиры, то и дело бросавшие на тоннельщиков косые взгляды. Сочащаяся сквозь потолок вода, противно хлюпая, стекала в подставленные тут и там консервные банки. Потягивая остывший чай из узких стаканов, тоннельщики перебрасывались короткими, пустыми фразами, слишком уставшие, чтобы завязать настоящую беседу. Вдруг МакКинли произнес:

— Я читал, что в шестнадцатом веке, когда Фландрия приняла протестантизм, испанский король Филипп, стремясь вернуть ее в лоно церкви, направил сюда своего самого могущественного слугу — герцога Альбу. Говорят, борясь с протестантизмом, этот герцог каждый день казнил по несколько тысяч человек. Чтобы не тратить время на убийство, их закапывали в землю живыми.

— К чему вы это рассказываете, МакКинли? — подал голос один из пехотных офицеров, тоже капитан. Шотландец вылил остатки чая в стоявшую рядом жестянку.

— А ни к чему,— сказал он, не повернувшись к собеседнику.— Просто пришло на ум.

Виккерс тогда сильно удивился. МакКинли не казался ему человеком, который будет читать исторические труды, да еще и чужой страны. Что, в сущности, знал каждый из них о Бельгии до того, как попал сюда? Разве что название столицы и еще пары городов. Может быть, еще то, что говорят здесь по-французски. И больше ничего. Со временем их знания не слишком обогатились. Но теперь Бельгия для них была вполне реальна, осязаема. Это все меняло.

В клуб пропавшие солдаты не вернулись. Виккерс устало прикрыл глаза, надавил на веки пальцами. Нужно было организовать поиски, наверняка они все еще плутали где-то в тоннелях. Может, кого-то из них ранило, и оттого они ограничены в перемещениях, может, настолько устали, что решили оставаться на месте, пока кто-нибудь их не отыщет. В любом случае, бездействовать было нельзя.

— Дьюорри, — позвал он сержанта, — возьмите с собой трех человек и прочешите все тоннели, которые пересекаются со вторым. Они наверняка где-то там.

На какое-то время ему удалось отвлечься. Множество забот, с которыми была сопряжена работа тоннельщиков, быстро захватили его, и, сам того не заметив, Райен больше часа не вспоминал о случившемся. Потом появился сержант, усталый и поникший. Никаких следов пропавших ни ему, ни его людям обнаружить не удалось.

Потом прибежал гонец от Харта — боши снова начали свою возню. С двумя кротами Виккерс отправился во второй тоннель.

Когда они пришли, Харт сидел на корточках, прижавшись к подпорной балке спиной. В одной руке он держал гранату, а в другой обрез, положив его на сгиб локтя. Увидев Виккера и компанию, он коротко кивнул на противоположную стенку. Раздающееся из-за нее чавканье заступов было слышно без всякого прибора.

Звуки работы, издаваемые немцами, с каждой секундой будто становились все громче. Кроты напряженно вглядывались в стенку тоннеля, пытаясь предугадать место, откуда появится враг. Звуки становились все более отчетливыми, темп работы снизился — видно, немцы тоже чувствовали, что впереди пустота.

И вдруг все прекратилось. Работа замерла, и в воздухе повисла мертвая звенящая тишина. Кроты застыли, вслушиваясь в нее, стараясь уловить малейший шорох.

Но тут поднялся на ноги Харт. Он спокойно сделал несколько шагов и остановился напротив Виккерса.

— Что там? — срывающимся шепотом спросил лейтенант. Харт не ответил.

«Что за дьявольщина?» — Мысли в голове Райена напоминали рассерженных пчел, больно барабанивших по стенкам черепа.

Было по-прежнему тихо. Харт встал в нескольких шагах за спинами кротов, повернувшись к ним спиной.

Треск ломающихся досок ударил по ушам внезапно и болезненно. Почти одновременно с ним прозвучал выстрел — словно кнутом кто-то щелкнул. Развернувшись на звук, кроты увидели, как позади них, сквозь пролом в деревянной обшивке, свесившись, лежит покрытый глиной человек. Харт, отбросив еще дымящийся обрез, схватил его за плечи и рванул на себя. Тут же среагировал стоящий рядом с ним Диллвин — подхватив выроненную Хартом гранату, он рванул запал и бросил ее в освободившийся пролом. Послышались выкрики на немецком, какая-то возня. Кроты попадали в грязь, прикрывая головы руками.

«Если боши выкинут гранату, нас тут всех накроет», — успел подумать Райен, но тут грохнул взрыв. Горячая волна прошлась по спинам, что-то мягкое, но невероятно сильное на краткий миг надавило сверху, затем раздался влажный, натужный треск и шум обвали — этот страшный шум каждый из кротов узнавал сразу. Кто-то захрипел, завыл жутко, кто-то ругался, кто-то бормотал бессвязно. Стало темно — взрывная волна задула свечи. Воцарилась тишина.

Виккерс попробовал пошевелиться: сначала пальцы, потом разогнул руки, повел плечами, проверил ноги, поднявшись на локтях, — не считая нескольких свалившихся на спину комьев глины, он был невредим.

— Арчер, Диллвин, Харт, — негромко позвал он.

— Живой, вроде, — это Арчер, молодой еще парень, но уже немало повидавший на войне.

— Здесь я. И, похоже, целый,— так ворчать может только Диллвин. Старик завозился где-то неподалеку, шлепая грязью.

— Харт? — не дождавшись ответа, снова спросил лейтенант, чувствуя, как внутри все холодаеет. Молчун был ближе всего к взрыву, его могло задеть осколками...

— Тут.

Никогда еще Райен не испытывал такую бурю чувств от блеклого голоса шахтера. Перевернувшись, он сел и нашупал в сумке свечу. Зашипела, загораясь, спичка. Желтый ее огонек осветил приподнявшиеся с грязного пола фигуры. Участок тоннеля, где прорвались боши, теперь превратился в сплошную серо-голубую стену. Поднеся спичку к огоньку свечи, Виккерс встал на ноги. Огонек был слабый и трепетал только от дыхания Райена.

— Засыпало,— буркнул, поднимаясь с пола, Диллвин.— Плохи дела.

— Не каркай,— прошипел Арчер.— Аппараты у нас с собой, да и воздуха пока хватает. Завал тут небольшой, выберемся.

— И чем ты будешь копать? — скривился старый шахтер.— Руками?

— А хоть и руками! Глина не уголь, мягкая.

— Отставить,— прекратил перепалку Виккерс.— Диллвин, сходи в тот конец, посмотри, может, что можно приспособить для рытья. В крайнем случае, наломаем досок. А мы пока начнем копать.

Подхватив валявшийся на земле обломок доски, он подошел к завалу. Как ни прискорбно было признавать, но все же Диллвин был прав — тоннель проходил почти на границе глинистого слоя, и сейчас, после обвала, сверху между глиной и песком могла копаться вода. Раскапывая завал, кроты рисковали затопить себя. И чем дольше они ждали, тем более реальной становилась эта опасность.

— Берите доски и принимайтесь за дело,— произнес Виккерс негромко.— Начнем копать здесь и здесь.

Сырое скользкое дерево с чавканьем вонзилось в осевшую бесформенным студнем глину. Арчер явно покоропился с суждением — раскалывать такую породу было занятием не из легких, подвижная, неустойчивая, она никак не желала оставаться на месте. Сверху раздалось тихое журчание, первые, пока еще тонкие струйки воды начали стекать по пологому склону обвала.

— Где Диллвин? — не прекращая работы, спросил Виккерс, копавший вместе с рядовыми кротами. Еще один человек, который страховал бы работающих, был сейчас очень кстати. До конца тоннеля не больше десяти ярдов — и все же шахтер до сих пор не вернулся.

— Бен! — негромко позвал его Арчер.— Стариk, где тебя черти носят?

Ответа не последовало. Вне сомнения, Диллвин должен был услышать голос товарища, а значит, и ответить. Не в его сварливой натуре было пропускать такие шпильки. Райен прекратил копать и распрямился.

— Продолжайте,— бросил он тоннельщикам и двинулся к тупику.

Бенджамина Диллвина там не было. Человек исчез, не сообщив о себе ни звуком, ни жестом. Осмотрев место, Виккерс увидел огарок свечи, наполовину утонувший в грязи. Похоже, это все, что осталось от старого шахтера.

«Нет. Этого не может быть,— стараясь унять беспечно колотящееся сердце, про себя повторял Райен.— Человек не может так просто исчезнуть. Он только что был здесь. Только что».

— Лейтенант! — раздалось из-за спины.— У вас все в порядке?

— Да,— отозвался Райен, удивившись слабости собственного голоса. Дрожащими руками он ощупал стены, то и дело вгоняя пальцы в студенистую серо-голубую массу по самые костяшки. Ничего.

— Мы пробились, лейтенант,— снова услышал он голос Арчера,— давайте сюда, нора долго не выдержит!

Виккерс замер в нерешительности. Кроты ждут, что они вернутся вдвоем. Как объяснить им, что Диллвин пропал?

— Лейтенант? — удивленный голос Арчера раздался совсем близко. Видимо, устав ждать, он решил поторопить офицера. Развернувшись, Виккерс увидел застывшее в изумлении лицо тоннельщика: широко открытые глаза, судорожно ходящий кадык, нервно раздувающиеся ноздри. Они молча смотрели друг на друга. Райен не знал, что сказать солдату.

За спиной Арчера показался Харт.

— Его нет. Надо уходить.

Две короткие фразы прозвучали как удары молотка, короткие и точные. Райен вздрогнул, сгоняя охватившее его оцепенение.

Остаток смены прошел, словно в полузыгье. Виккерс отдавал распоряжения, следил за работами, принимал какие-то решения. Он боялся смотреть на часы, боялся, взглянув, увидеть, что прошло слишком мало времени, и впереди еще бесконечно долгие часы в этой сырой враждебной темноте. О наступлении утра он узнал, только когда вниз спустилась очередная пятерка тоннельщиков. Следом появился МакКинли, как всегда хмурый и неразговорчивый.

— Капитан, — приветствовал его Виккерс.

— Лейтенант. Все тихо?

— Нет. Трое пропали. Морган и Паккард, за ними Диллвин.

— Как случилось?

— Не знаю. Я отправил Дьюорри проверить, как дела у Моргана. Вернувшись, он доложил, что горняков нет. Мы искали их несколько часов, но не нашли никаких следов...

— То есть как не нашли? — недружелюбно поинтересовался шотландец, сверля Райена взглядом. Его воспаленные от недосыпания глаза, казалось, ничего не выражали, как будто смотрели не на человека, а в пространство.

— Не нашли. Я организовал поиски, но нам не удалось обнаружить никаких следов. Потом Харт засек подкоп немцев во втором тоннеле. У нас случилась небольшая драка, тоннель обрушился. Тогда пропал Диллвин.

— Его завалило?

— Нет. Обвал был небольшой, мы все оказались в кармане. Пока мы раскапывались, я послал Диллвина в конец тоннеля посмотреть, нет ли там каких-то инструментов. Там он исчез.

МакКинли продолжал бесстрастно буравить Виккерса взглядом.

— Вы, кажется, нездоровы, лейтенант,— произнес он тяжело, веско.— У вас жар? Сходите в госпиталь, пожалуйтесь врачу...

— Лейтенант не врет, кэп.— Арчер подал голос из темноты, собирающейся у стен клуба, где он отдыхал после того, как несколько часов вытаскивал по приказу Виккерса взрывчатку из второго тоннеля. МакКинли шумно вздохнул, видимо с трудом сдерживаясь. Бесстрастность его взгляда была обманчивой.

— Вы свободны, лейтенант. Можете идти,— произнес он наконец.

Наверху снова шел дождь. Лужи под ногами были странного бурого цвета. В них с водой смешивалась кровь, которая здесь проливалась едва ли не в больших количествах, чем вода. Солдаты, молчаливые и склонные, сидели в небольших углублениях, вырытых в подошве траншей,— они давали хоть какую-то защиту от дождя.

В офицерском убежище было чадно, около двух десятков свечей горело одновременно, сырье дрова в печи, сделанной из железной бочки, давали обильный дым. Дымохода у печки не было, слишком явный ориентир для вражеских наблюдателей. Дым клубился под потолком, постепенно уходя через входной проем. Кто-то незнакомый спал на деревянном лежаке, от-

вернувшись к стене. Он снял сапоги, и одна из ступней была видна под краем плаща. Неестественно белая, с потемневшими на концах пальцами, она напоминала ногу покойника. «Траншейная ступня» — один из бичей окопной войны. От сырости, холода и долгого ношения тесной, жесткой обуви нога начинает гнить заживо. Результат: жуткие боли и, в конечном итоге, ампутация.

Набрав в мятый жестяной чайник воды из бочки в углу, Райен поставил его на печку и сел за стол. Колени ныли от сырости и напряжения, мышцы по всему телу словно ослабли, казалось, нет сил даже пошевелить пальцем.

Устало прикрыв глаза, Райен на ощупь достал из кармана незаконченное письмо. Все так же, не раскрывая глаз, он аккуратно расправил его на поверхности стола, замерев на несколько мгновений, наслаждаясь ощущением теплой бумаги под ладонью. Открыв глаза, он подвинул ближе чернильницу и продолжил писать.

«Сейчас уже не услышишь, как поют „Типерерри“. Этот бравурный марш сменился мотивами более тягучими и однообразными, какие поют обычно, занимаясь тяжелым трудом. Многие солдаты с неприязнью смотрят на нас, офицеров. Это неудивительно — должен же быть хоть кто-то, кого они могут винить в тех ужасах, которые им доводится испытывать? Немцев? Нет. Слишком многие уже поняли, что по ту сторону ничейной земли сидят такие же люди, как и они сами. Такие же рабочие, фермеры, ремесленники и студенты. Такие же несчастные, которых чужая воля бросила в беспощадную мясорубку войны, которой, кажется, нет конца.

Мне думается, Дженнин, что сама земля противится этой жуткой войне, устроенной тщеславием нескольких человек. Этот гнев начинает обретать все более конкретные формы. Сегодня из моего взвода пропали три человека. Я хорошо знал их, мы долго служили вместе и многое прошли. Они исчезли, не оставив после себя никаких следов. Я не могу этого

объяснить. Я многое повидал здесь, на фронте, но все это, каким бы жестоким оно ни было, имело вполне понятные причины. То, с чем мне довелось столкнуться сегодня, — необъяснимо. И это пугает меня. По-настоящему пугает, Дженин».

Райен отложил перо, еще раз пробежался по тексту глазами. Свободного места на листе оставалось совсем мало — три-четыре строчки, не больше. Но оканчивать письмо таким образом не хотелось.

«Нужно написать несколько теплых слов», — решил он, но нужные фразы упорно не желали рождаться. Просидев над письмом минут пять, он сложил его и снова убрал в карман, решив, что закончит позже.

День прошел в привычной рутине: еда, сон, выволочка от майора, железно уверенного в том, что «все эти затеи с подкопами — сущий вздор». Часы разменно отсчитывали минуты, складывая из них час за часом.

К пяти появился Хейл.

Здесь, при дневном свете, мальчишка казался настоящим призраком — бледная кожа, болезненная худоба, темные круги под воспаленными, слезящимися глазами. Ногти на руках были совсем тонкими, прозрачными, их наличие выдавала только скопившаяся по краям голубая глина, на свету казавшаяся серо-черной.

Дуглас Хейл служил в тоннельном взводе уже пять месяцев. В Мессине его перевели откуда-то из Франции, где парень зарекомендовал себя хорошим слушающим, компенсирующим недостаток опыта остротой чувств. Райену нравился этот парень, война все еще не сломала его, и от наивных суждений, которые время от времени выдавал Даг, тепло веяло домом.

Но сейчас Хейл вызывал совсем иные чувства. Вжав голову в плечи, ссутулившись, он брел по окопу, обводя встречных бездумным, блуждающим взглядом. Райен, заметив его, окликнул. Хейл вздрогнул, словно от удара, и замер. Когда он поднял взгляд на Виккерса, в его глазах явственно пропало облегчение.

— В чем дело, Дуглас? — подойдя, спросил Райен. Хейл продолжал неотрывно смотреть на него.

— Все в порядке, сэр. Капитан МакКинли отправил меня наверх.

До следующей смены оставалось еще три часа, а людей и так не хватало. У шотландца должна была быть веская причина поступить так.

— Пойдем-ка со мной, Даг,— положив руку парню на плечо, произнес Райен. Хейл заметно дрожал. Виккерс отвел его в офицерский блиндаж — к счастью, кроме спящего, там сейчас никого не было.

— Садись,— он указал юноше на табурет, а сам налил в стакан воды и поставил его на стол,— рассказывай, что произошло.

Хейл какое-то время смотрел на стоящего перед ним лейтенанта снизу вверх. Глаза его обрели совершенно детское выражение; такое можно увидеть у ребенка, сильно напуганного и ищущего защиты у сильных и добрых родителей.

— Сэр... — начал Дуглас, нервно прикусив губу,— капитан МакКинли отправил меня наверх, потому что я... я испугался.

— Испугался? — такой ответ удивил Виккера. Исputаться в подземелье было немудрено, и более старшие и опытные солдаты могли поддаться панике. Это не ново, и МакКинли прекрасно знал, как поступать в таких случаях. Отправка наверх явно не была лучшим способом.

— Расскажи подробнее, что случилось.

Хейл опустил глаза, затем снова посмотрел на лейтенанта — умоляюще, пронзительно. Казалось, само воспоминание о произошедшем будит в нем дикий, неуправляемый страх.

— Капитан отправил меня в диверсионный тоннель. Я слышал, как немцы роют сверху, на пятнадцать градусов левее и на двадцать вверх, ярдах в шестидесяти,— переход к профессиональным знаниям, похоже,

позволил Дагу немного успокоиться.— Я уже собирался уходить, чтобы доложить об услышанном, но тут снова раздался тот звук, помните? Тот, который мы слышали в четырнадцатом...

— Да, я помню.

— На этот раз он был громче и... ближе. Совсем рядом. Воздух был совершенно неподвижный, но вдруг огонек у свечи задрожал, словно от порыва ветра, задергался, а потом стал гаснуть — медленно, будто фитиль догорал. Я хотел было достать спички и новую свечку, но тут завыло снова... совсем близко и со стороны тоннеля, из-за границы света. Воздух сделался вязким и липким, словно джем, дышать стало тяжело, как будто на грудь надавило чем-то тяжелым. Руки так ослабли, что я не смог расстегнуть пуговицу на кармане. Я боялся крикнуть, боялся, что немцы меня услышат... Свеча почти совсем потухла — только маленький язычок остался, так что видно было не больше, чем на фут вокруг него...

По мере того, как Хейл продолжал свой рассказ, голос его менялся. В нем постепенно проступала некая искра, которая бывает в речах тех, кто пережил сильное потрясение и вновь вспоминает его. На щеках парня проступил лихорадочный румянец, пальцы мелко дрожали.

— Стало так темно, что я не видел своих ног — их как будто вообще не было. И тут я понял, что перестаю их чувствовать. Совсем. Будто бы их отрезали. Я не мог пошевелить ими, не мог встать. А потом я почувствовал ее...

Хейл, не мигая, смотрел на Райена, широко распахнув глаза и часто облизывая потрескавшиеся губы.

— Она ползла по моей коже вверх, и от ее касания меня словно охватывал паралич. Мне было так страшно, что я не мог даже раскрыть рта. Я не видел ничего вокруг, ничего не слышал, только чувствовал, как она ползет по коже вверх. Я знал, что как только она кос-

нется лица — я пропал. Так же как Морган и Паккард, как старик Диллвин...

Он замолчал, закрыв глаза и съежившись всем телом. Виккерс протянул ему стакан с водой.

— Выпей.

Парень секунду ошело смотрел на протянутый ему стакан, затем принял его двумя руками и в несколько глотков осушил.

— Харт меня спас. Он пришел с фонарем. Я не мог идти, он на плечах дотащил меня до клуба... Капитан стал спрашивать, что случилось, а я не мог ему ответить — только плакал все время. Я не помню, что он со мной делал, но, казалось, вечность прошла. Когда я пришел в себя, то был уже наверху. Кто-то помог мне выбраться на поверхность...

Дуглас замолчал. Виккерс тоже не спешил говорить. Рассказ Хейла походил на расцвеченный юношеской фантазией приступ клаустрофобии. Свеча начала гаснуть, и парень, сильно переживавший из-за пропажи товарищей...

«Вот в этом-то и беда,— оборвал стройный поток мыслей Райен.— Даг испугался — вполне логично. Но где Диллвин? Я сам видел, как он уходил. Ему некуда было деться. Некуда. Не-ку-да».

— Иди к себе, Даг,— сказал он, наконец,— поспи. Все образуется.

Парень послушно встал и направился к выходу. Уже в проходе он остановился и повернул голову к Виккерсу, в задумчивости присевшему за стол.

— Нет, лейтенант. Нет. Темнота... Она будет ждать.

Оставшись один, Райен поставил локти на стол и обхватил голову руками. То, что происходило, снедало его изнутри, не давая покоя. Наконец, не выдержав напора собственных мыслей, он встал и, торопливо сбравшись, вышел из блиндажа.

У него была еще пара законных часов на поверхности, можно заняться расчетами или просто поспать — в

предстоящей двенадцатичасовой смене вряд ли удастся сомкнуть глаза. И все же что-то тянуло Райена вниз, неудержимо тянуло.

МакКинли он нашел у одного из «подарков» прове-ряющим коммутации.

— Что, лейтенант, не сидится наверху? — Шотлан-дец осклабился. На грязном, блестящем от влаги лице крупные желтые зубы выделялись особенно заметно. Виккерс промолчал.

— Тут среди ребят слухи поползли... — отвернувшись, проворчал МакКинли, — из-за Диллина и Моргана с Паккардом. Ты сам что думаешь об этом?

— Не знаю, капитан, — после некоторой заминки ответил Райен, — странно...

— Странно, — кивнул шотландец. — Под землей во-обще много странного происходит, уж поверь мне. И люди не первый раз пропадают.

Виккерс снова промолчал. Шотландец, покончив, наконец, с проверкой, развернулся к нему.

— Вот что я тебе скажу, — процедил сквозь зубы, — па-нику надо пресекать. Сразу же. Если ты не хочешь по-том пулеметами загонять сюда людей. Страх может пожрать любого.

Они вернулись в клуб, после чего МакКинли, вос-пользовавшись ранним приходом Виккера, сдал ему дела и ушел наверх. Сержант Дьюорри проводил капи-тана долгим взглядом.

— Как здесь, Рон? — негромко спросил Виккерс, са-дясь за стол. Сержант дернул плечом.

— Понемногу. Копаем. Один из насосов остановил-ся, пришлось переключать на резерв. Сейчас Кертис им занимается. Удивительно, что эти штуки вообще работают в таких условиях.

— Где Харт?

— Харт? В десятом, мне кажется. Сменил Дага — у парнишки случился приступ.

Виккерс поднялся, направляясь к выходу.

— Пойду, проверю слушающих,— бросил он сержанту, озадаченно глядящему ему вслед.

Унылое однообразие узких тоннелей поглотило Райена. Пропитанные влагой брусья, деревянная обшивка стен, вечная грязь под ногами, хлюпающая и вязкая, словно квашня.

Харт сидел неподвижно, как статуя. Фоноскоп лежал у него на коленях — непохоже, чтобы он был нужен шахтеру.

— Лейтенант, — не оборачиваясь, приветствовал он Виккерса. Райен сел рядом с ним.

— Все тихо? — шепотом спросил он. Харт кивнул. Какое-то время молчали.

— Что думаешь о Хейле? — спросил, наконец, Виккерс. Харт меланхолично пожал плечами.

— Испугался.

— А Диллвин?

Шахтер не ответил. Он продолжал буравить взглядом глинистую стену перед собой и, казалось, даже не мигал. Райен какое-то время ждал ответа, но затем, отчаявшись, встал и двинулся прочь.

— Темнота.

Харт произнес всего одно слово, но чувствовалось в нем не меньше, чем в рассказе Дугласа. Виккерс замер, ожидая продолжения, но шахтер снова умолк.

К полуночи Виккерс отправился проверить коммуникационный узел, с которого шли провода сразу к трем минам. Протянутый под потолком провод входил в небольшую коробку, откуда расходился по трем тоннелям.

Райен расставил и поджег пару свечей по обе стороны коробки, достал из сумки небольшую отвертку, аккуратно развинтил уже подернувшиеся пятнами ржавчины болты, удерживающие крышку. Коммутация здесь была самой примитивной, и все же проверять ее надлежало тщательно — малейший сбой мог привести к преждевременной детонации, которая, случись не

вместе с остальными взрывами, означала бы бесполезную трату аммонала.

Неожиданно лейтенант услышал тихий, скребущийся звук. Он шел откуда-то сверху и почти растворился в монотонном плеске воды, но тренированное ухо тут же выделило его из общего фона, заставив Райена взяться за пистолет. Звук повторился уже отчетливей, затем, в потолке, в паре шагов от Виккерса, образовалась дыра, из которой хлынул мутный поток воды.

— Дьявол! — выругался лейтенант, спешно закручивая коробку. Вода время от времени просачивалась в небольшие щели в глинистом слое, когда ее накапливалось достаточно много.

Нужно было укреплять потолок, чтобы течь не расширилась и не обвалила весь свод. Для этого понадобится человек десять, винтовые домкраты и дощатые щиты...

Кусок глины, не меньше десяти квадратных футов, обвалился, и вода ударила сплошной стеной, едва не сбив Райена с ног. Вместе с водой в тоннель упали две человеческие фигуры.

Не думая, Виккерс выстрелил. Ему тут же ответили, но, ошеломленные падением, боши не смогли толком прицелиться. Следующий выстрел Райена достал одного из них, повалив на землю. Второй, с короткой лопатой в руке, бросился на лейтенанта.

Прежде чем Виккерс выстрелил еще раз, немец ударом в запястье отвел его ладонь, затем, навалившись всем телом, повалил на пол. Заточенный край лопаты приближался к горлу Райена. Двумя руками он сдерживал натиск немца, не в силах вывернуть кисть с пистолетом для выстрела. Захрипев от напряжения, он перевалился на бок, так что собственный вес уже не помогал бошу. Тот прекратил давить и резким ударом выбил пистолет из руки англичанина. Второй удар был направлен в лицо, но Райен успел подставить руки. Локтевая кость отозвалась на удар острой болью.

Подогнув ногу, Виккерс отпихнул врага от себя, тут же рванув из голенища штык. Немец приподнялся на локте, замахнувшись лопатой для рубящего удара, но Райен оказался быстрее – коротким ударом он вогнал штык в грудь боша. Тот замер, тяжело и надсадно хрюя, рука с лопатой застыла в воздухе. Вырвав окровавленное лезвие, Райен ударил еще раз. С этим ударом слился тяжелый, вязкий звук – потолок тоннеля позади медленно просел.

Райен поднялся на ноги и посмотрел вверх. Там уходил в бесконечную темноту колодец бошей. Сверху доносились какие-то крики, возня. Нужно было уходить.

«Правый рукав имеет связку с четвертым тоннелем», – услужливо подсказала память. Райен, не размышляя, бросился туда. Прежде чем прозвучал взрыв, он успел отойти на пятнадцать ярдов.

Взрывная волна, пронесшаяся по тоннелю, ударила его в спину, швырнув вперед почти на пять ярдов. Упав лицом в грязь, он замер, ежесекундно ожидая, что сверху на него обрушатся тонны глины. Прошла секунда, другая...

Поднявшись, Виккерс первым делом отряхнул руки и полез в карман за спичками. Вокруг царил непротивный мрак, и сказать, в каком состоянии тоннели, было совершенно невозможно. Сухо чиркнув о терку, спичка в пальцах Райена вспыхнула, контрастно очертив окружающие предметы. Фитиль свечки загорелся неохотно, треща и плюясь крошечнымиискрами. Прикрыв его ладонью, Райен дал огню разгореться и осмотрелся.

Тоннель за спиной завалило, и, судя по всему, завалило основательно. Боши все проделали чисто – удача в этот раз была на их стороне. Лейтенант, пошатываясь, побрел вперед.

Он ошибся. Может, неверно запомнил, а может, побежал не в тот тоннель. Теперь это было не важно. Ход оканчивался тупиком, заваленным взрывчаткой.

Присев на один из ящиков, Райен постарался унять охвативший его страх. В висках стучало, перед глазами плыли круги, дыхание стало частым и судорожным.

— Когда-то это должно было случиться,— сам себе произнес он.— Два года — большой срок.

За пазухой что-то тихонько и мягко хрустнуло. Достав из внутреннего кармана письмо, Райен какое-то время изучал его. Затем, взял карандаш, положил лист на планшет.

Он не знал, для чего это делает. Никто и никогда не найдет его останков, никто не обнаружит это письмо, не прочитает. И все же Райен ощущал необходимость закончить его, не оставлять так, словно разговор, прерванный на полуслове.

Карандаш запуршил по бумаге, выводя непослушные, прыгающие буквы — или это руки дрожали? Всего пару строк, коротких строк... Огонек свечи вздрогнул, будто тронутый сквозняком. Райен поднял на него глаза.

Она начала собираться в углах, незаметно, как густой черный туман. Казалось, это странные испарения, которые исторгает сама земля. Райен готов был поклясться, что даже ощущает их запах.

Он отложил письмо в сторону, словно хотел, чтобы оно было как можно дальше. Темнота лизнула его сапоги, поползла выше. Пальцы будто сковал холод, а каждый вздох давался все тяжелее.

«Как мало мы знаем о мире, в котором живем,— вдруг подумалось ему.— Как наивны мы, полагая, что покорили и поняли его».

Словно из последних сил на доли мгновения вспыхнула свеча, но вспышка эта уже не могла победить темноту. С легким шипением огонек погас, оставляя лейтенанта Райена Джей Виккерса в бесконечном мраке. Его сиплое дыхание слилось с дыханием темноты, ровным и глубоким. Ее липкие щупальца забрались под одежду, заскользили по коже, обволакивая каждый ее

дюйм. И не было никого, кто бы видел это. Никого, кто бы мог понять, что именно здесь произошло.

Завал смогли разрыть тремя часами позже. Кроты нашли двух мертвых немцев: одного заколотого, другого с дыркой от пули. Также они обнаружили пистолет Виккерса. Поиски лейтенанта ничего не дали. Только в одном из тоннелей на ящике с аммоналием нашли сложенный вчетверо лист бумаги. Это было письмо, написанное рукой Виккерса. Последние строки были выведены карандашом.

— Нужно отправить письмо этой Дженнини,— робко предложил сержант Дьюорри. МакКинли покачал головой:

— Нет. Она умерла с полгода назад. Тиф. Виккерс знал это, но продолжал писать. Наверное, ему просто хотелось думать, что где-то там его кто-то ждет.

Он задумчиво поглядел на исписанный лист, который держал в руках. Последние карандашные строки словно горели огнем под его взглядом.

*«Бесчисленных дней поток я прожил лишь тобою,
И сладкой встречи миг я вижу радостной картиною,
Моя любовь к тебе прольется чистою водою,
Со мной навек исчезнув в бездне под Мессиной».*

Олег Кожин

...ГДЕ ЖИВЕТ КРАКЕН

Вблизи цистерна казалась еще больше. Огромная, некогда белая, а ныне увитая трещинами и ржавыми потеками, будто плющом, она возвышалась над детьми, как самый настоящий небоскреб. Вообще-то, когда ты маленький, над тобой возвышается абсолютно все: дома, автобусы, грузовики, непонятные иечно занятые взрослые. Даже мальчишки из старших классов, которые отбирают у тебя деньги, данные родителями на завтраки,— и те нависают над тобой словно башни. Правда, мало кто считает себя маленьким в десять лет. Первая в жизни круглая дата, первый официальный юбилей как будто завершает некий цикл, по окончании которого слово «маленький» к тебе больше не применимо. Словно ноль на конце десятки — не зацикленная в круг линия, а спираль, переводящая тебя на новый виток.

Из стоящих на холме шестерых детей только Лысик все еще относилась к разряду малышей. У нее даже собственного велосипеда не было. Именно потому она всю дорогу тряслась на раме Димкиного велика, тихонько ойкая всякий раз, когда тот неосторожно подпрыгивал на ухабах неровной дороги. Остальным заветная десятка уже стукнула, и транспорт у них был свой собственный.

Генке, самому старшему из шестерки, через месяц исполнялось двенадцать, и возраст автоматически де-

лал его вожаком маленького велосипедного войска. В другое время он бы вряд ли стал возиться с мелюзой, даже если она не считает себя таковой, но сейчас у него просто не было выбора. Летом родители стараются отослать детей подальше из хоть и провинциального и маленького, но тем не менее грязного, пыльного и очень загазованного городка. Чада разъезжаются по бабушкам и дедушкам, по тетям и дядям, по дачам, приусадебным хозяйствам и летним лагерям. Генке не повезло. Именно это лето его родители выбрали для того, чтобы раз и навсегда выяснить отношения,— они разводились. И дела им не было до того, что все друзья сына объедаются фруктами, трескают бабушкины пирожки или ночами рисуют соседям по комнате усы из зубной пасты.

Впрочем, не повезло в это лето всем шестерым. «Велосипедное войско» сформировалось только по той причине, по которой обычно и появляются недолговечные детские сообщества с продолжительностью жизни чуть длиннее, чем у бабочек-капустниц,— этим детям некуда было податься.

У Пузыря, которого на самом деле звали Сашкой, не было бабушек и дедушек, а доверить свое пухлощекое чадо незнакомым людям его мама и пapa боялись.

Родители Стаса были слишком бедны для того, чтобы вывезти его куда-нибудь дальше пригорода, куда они периодически и выбирались всей семьей на так называемые «пикники». Стас никому не говорил, но все ребята знали, что он держится вместе с ними и терпит подзатыльники и обидные прозвища, которыми награждал его Генка, только потому, что его уже тошнит от жареных сосисок и хлеба с кетчупом.

Димка же полгода назад потерял мать, и теперь его отец чаще вспоминал о бутылке, чем о родном сыне. Даже когда он подрался в школе и сломал себе палец, в травмпункт, а потом и в поликлинику его водила классная руководительница Зинаида Карповна. В последнее

время в их доме часто стали появляться неприятные озлобленные тетки, похожие на давно не кормленных собак-ищеек. Вооружившиеся папками, в которых, роясь по дому, вечно что-то записывали, они громко отчитывали Димкиного отца и постоянно угрожали странными буквами Кэ-Дэ-ЭН. Что это такое, не знали ни его новые друзья, ни сам Дима. Но в одном он был уверен твердо — ищейкоподобные тетки хотят забрать его у отца. Видимо, из-за сложной семейной ситуации Генка донимал его меньше остальных. У Димы даже не было обидного прозвища.

Хуже всех приходилось Лысику. Из всей компании, пожалуй, один лишь Димка знал, что ее зовут Рита. И то знал лишь потому, что жил с ней в одном дворе. Лысику вообще не везло по жизни. Из родни у нее была только старенькая бабушка — седая, сухонькая и почти слепая. Бабушка была предельно нищей — даже на одежду из «секондхэнда» (а только ее она и могла позволить своей внучке) ей приходилось откладывать. Вот и сейчас на Лысике, точно на вешалке, болталось короткое серое платьице в белый горошек, которое едва доставало до вечно покрытых закоростеневшей кровью и разводами йода и зеленки коленок. Какой уж там велосипед? Она скромно сидела на самом краешке рамы и иногда оглядывалась на Диму, точно боялась, что тот передумает и заставит ее идти пешком. То и дело Лысик нервно поправляла синюю косынку, из-под которой в разные стороны торчали оттопыренные обезьяны ушки. Рита была Лысиком именно потому, что была лысой. Тонкая синяя ткань скрывала ежик русых волос, коротких настолько, что не каждый мальчишка ее возраста отважился бы такой носить.

Виной всему была Ритина бабушка. Именно в ее начинаящий сдавать под давлением маразма разум присла гениальная идея профилактики педикулеза.

— Так надо! — сказала бабуля и старой металлической советской машинкой для стрижки волос обкорна-

ла внучку под ноль. А Рита терпеливо снесла экзекуцию и молча превратилась в Лысика. Прозвище появилось с легкой Генкиной руки. А вот своим местом в их маленьком временном союзе Рита была обязана Кате.

Как костюм итальянского модельера выделяется среди китайского ширпотреба, так и одиннадцатилетняя Катюша выделялась на фоне остальных ребят. Пятерка неудачников — так она их называла.

— Пятерка неудачников, и я — ваша королева! — улыбаясь, говорила она и заливалась искренним смехом, отсвечивая на солнце белозубой улыбкой.

И на нее никто не обижался. Любую, даже самую жестокую ее шутку мальчики принимали как игру, раголепно ожидая маленьких милостей своей повелительницы, а Лысик молчаливо терпела, как терпела она все невзгоды, выпавшие на ее маленькую жизнь. Будучи неглупой девочкой, она прекрасно понимала, что нужна Катюше только для оттенения ее красоты в глазах мальчишек, но все равно послушно исполняла свою роль.

Сама Катюша якшалась с «Неудачниками» именно из-за мальчишек. Ей нравилось это странное, пока еще не совсем понятное обожание в их глазах. Нравилось, как они стремительно глупели и превращались в послушных комнатных собачек, стоило лишь оказать им малейший знак внимания. Катя была маленькой женщиной. И, как и всякая настоящая женщина, она умело манипулировала своим мужским окружением. Как сейчас, например.

У Катюши был свой велосипед — красивый, новенький, безумно дорогой, того нежно-розового цвета, от которого млеют все девчонки в возрасте до пятнадцати лет. Среди грязных, украшенных драными наклейками, цепочками, птичьими косточками и трещотками из игральных карт великов мальчишек он смотрелся «Роллс-ройсом» среди «Запорожцев». Для своей дочери Катины родители могли позволить все самое

лучшее. Но в последнее время девочка предпочитала кататься «на раме» у Генки, проверяя таким образом верность своего фаворита.

И Генка проверку выдерживал с честью! В тот же вечер, когда Катюша впервые попросила покатать ее, а потом пожаловалась на жесткую раму, он отыскал на свалке старое мотоциклетное сиденье и при помощи ножа и веревок соорудил мягкий и довольно удобный валик. От этого стало похоже, будто на раму надели глушитель, но Королева такой подход восприняла благосклонно, а это все окупало. С тех пор Катюша передвигалась только так. Вот и сейчас она облокотилась на широкий руль Генкиного «байка» и, щурясь, смотрела на цистерну.

— Это здесь? — болтая в воздухе ножкой, поинтересовалась она у своего водителя. Ветер, взявший разгон где-то у подножия резервуара, взлетел на холм и, подхватив ее золотистые волосы, швырнул их в Генкино лицо.

— Здесь... — Голос его вдруг стал хриплым и сухим, будто горло покрылось глубокими трещинами, и слова застревают, теряются в них. До боли в животе ему хотелось уknуться носом в эти мягкие душистые локоны. Так захотелось, что задрожали крепко сжимающие руль пальцы.

— Ну, так чего ждем? — не оборачиваясь, Катюша довольно улыбнулась. Она знала, как влияет на Генку, и не стеснялась этим пользоваться. Торчащим из босоножки пальцем Катюша зацепила трещотку, и та приглушенно щелкнула по спицам колеса.— Поехали?

— Нельзя туда ехать! — внезапно вмешался Пузырь. Его расплюvшаяся физиономия была еще краснее обычного, толстые, как оладьи, щеки висели едва не на плечах, а футболка намокла от пота.— Мне мама говорила...

— Ме мямя гавалия,— скривившись, передразнил его Генка.— А тебе мама не говорила, чтобы ты жрал

меньше? Из-за тебя, свинья жирная, час сюда добирались!

Пузырь обиженно насупился, но промолчал — сказанное было чистой правдой. Во время поездки группе приходилось то и дело останавливаться, чтобы дать раскрасневшемуся Сашке догнать их и немного отдохнуть.

— Большая... — глядя на цистерну, задумчиво сказал Стас.— Геня, ты не говорил, что она такая большая!

— А самому головой подумать слабо? — разозлился вожак.— Знаешь, какой он здоровый? Где он, по-твоему, жить должен? В ведре, что ли?

Стас неопределенно пожал плечами, как бы не опровергая, но и не соглашаясь с доводами. Он пристально смотрел на цистерну, будто мысленно обмерял ее рулеткой.

— А кто там живет? — робко поинтересовалась Лысик.

Она все и всегда делала очень робко. Со стороны могло показаться, будто девочка боится, что ее могут обидеть, обозвать, ударить, но на деле это было совсем не так. Риту никто не бил, и даже обижали ее не больше других. Просто она всегда вела себя так, будто смирилась. Она напоминала перегоревшую лампочку — тусклую, безучастную, выгоревшую изнутри. Никому не нужную.

— Конь в пальто,— огрызнулся Генка. Лысика они подобрали уже по дороге, и потому подробностей она не знала, но объяснять что-то ей вожак считал ниже своего достоинства.

— Кракен,— ответил вместо него Стас. По голосу было слышно, что он ну ни капельки не верит в официальную цель их визита. Бросив мрачный взгляд на загорелую Катю, он презрительно сплюнул в дорожную пыль и счел нужным добавить: — Геня говорит, что он там Кракена видел.

— Ну, ты дебил! Не видел я его! — заорал Генка.

— А чего ж ты нас сюда приволок? — Стас вновь сплюнул сквозь зубы. Этому трюку он научился совсем недавно и харкался теперь с такой частотой, что легко уделывал любого «корабля пустыни». — Чего мы сюда перлись, раз здесь нет ни фига?

— Не, ну ты точно дебил! — Генка постучал костяшкой согнутого пальца себе по лбу. — Все пацаны знают, что он тут есть...

— Я не знал, — вставил свое веское слово Пузырь.

— А ты и не пацан, ты баба жирная! — сбрил его Генка. — Еще раз перебьешь — всеку! Понял?

Побледневший Пузырь утвердительно тряхнул головой, отчего его щеки и складки на шее колыхнулись, как застывший холдец. Когда Генка серчал на Пузыря и «всекал» ему, это было больно.

— Короче... — восстановив порядок, Генка успокоился и вернулся к своей обычной манере разговора. — Пацаны говорят, что он только этим летом тут завелся. До этого сто раз сюда ездили — не было. И еще... говорят, что это он братьев Копытиных сожрал...

Все невольно притихли. Даже Катюша, которая вроде бы находилась на своей волне и не вмешивалась в разговор, перестала болтать ногами и с интересом прислушалась. Про братьев Копытиных в городе ходили самые разные слухи. Хулиганы и оторвые, однажды они пропали все трое разом. Через месяц их нашли. Мертвых.

Гришка Подольский, который был лучшим другом самого младшего Копытина и потому присутствовал на похоронах, говорил, что хоронили братьев в закрытых гробах. На поминках он подслушал разговор двух уже изрядно поддатых гостей и зуб давал, что слышал, как один из мужиков сказал:

— И все трое — без головы!

После того случая в городе было много шума. Родители еще долго загоняли детей домой, едва на улице чуть-чуть темнело, милиция шугала мальчишек из под-

валов и с чердаков, а сами мальчишки передавали из уст в уста страшилки о жуткой смерти братьев Копытиных, обраставшие невероятными подробностями с каждым новым рассказчиком. Но по-настоящему никто ничего не знал.

— А еще его пацаны с «пятьдесят шестого» видели,— продолжал Генка.— Они раньше сюда ездили по крышки жечь, а потом, как Krakena увидели,— сразу перестали. Поэтому они теперь в Гнилой Балке тусуются. Косой говорит, у него три шупальца, и на каждом голова одного из братьев. И все головы — живые...

— «Пятьдесят шестым» сорвать — раз плонуть! — скрипившись, перебил его Стас.— Косой прошлым летом всем тряпцел, что он летающую тарелку видел, ты и этому веришь?

— А че?! Может, и видел?! — Генка не был бы лидером, если бы не умел отстаивать свое мнение.— Чем докажешь, что нет?

— Я у бабушки в деревне тоже... — начал было Пузырь.

— Заткнись! — одновременно рявкнули на него оба спорщика, и Сашка испуганно стих, по-черепашьи втянув голову в плечи.

Только теперь все осознали, что на корабле назрел бунт. Капитан Гена сверлил недобрый взглядом мятежного штурмана Стаса, а тот в свою очередь хмуро разглядывал его, выискивая слабину, брешь, в которую можно будет ударить. И Генка понял, что подставился. Но отступать уже было поздно, ведь на раме, с безмятежной улыбкой поглядывая в их сторону, сидела золотовласка Катюша, и ее кудрявые локоны приятно щекотали Генке предплечья всякий раз, когда она поворачивала голову. Надо было идти ва-банк, и Генка пошел.

— Я его не видел...

Стас криво ухмыльнулся и откинулся в седле, будто говоря — что и требовалось доказать.

— Но я его слышал.

И, не дожидаясь, пока команда оправится от таких откровений, он оттолкнулся от земли ногой и покатился с горки навстречу цистерне. Звонко завизжала довольная Катя — скорость ей нравилась. Пожав плечами, Стас напоследок сплюнул еще раз и, мягко толкнувшись, покатился следом, поднимая за собой низкое облако пыли. За ним, пыхтя и отдуваясь, промчался Пузырь.

Димка еще раз поглядел на неровный, разбитый грузовыми машинами, мотоциклами и дождями склон и страдальчески вздохнул. Скатиться подобно Генке, да еще и с девчонкой на раме, у него не хватило духу.

— Слезай, — бросил он Лысику. Та покорно соскочила на землю и снизу доверчиво посмотрела на Димку. Наткнувшись взглядом на ее большущие синие глазищи, тот вздохнул еще раз и, лихо перекинув ногу через раму, тоже слез с велосипеда. Сланцы тут же утонули в густой и горячей пыли, и Димка поморщился, представив, как вечером придется мыть ноги. Но ощущение было приятным, и уже через пару секунд он принял загребать пыль специально, стараясь пропускать ее на-полненное солнцем тепло через всю стопу.

Лысик молча шагала рядом, и ее ноги в стоптанных голубеньких босоножках утопали в пыли почти по щиколотку. Спуск оказался не таким уж и крутым, хотя и очень неровным. Осеню стекающая со склона вода превращала его в непроходимое болото, а сейчас, жарким и душным летом, все колеи и протоки полностью высохли, и земля оказалась изрезана высохшими длинными шрамами, перевитыми, точно змеи или корни деревьев.

Пока они спускались, Димке приходилось вести велик обеими руками, но внизу он по привычке перехватил руль за середину и уверенно повел его уже одной рукой. Задумавшись о своем, он даже вздрогнул, когда в свободную руку вцепилась маленькая теплая детская

ладошка. Но тем не менее не повернулся, чтобы посмотреть, и, что уж совсем удивительно, не отнял руки. Почему-то это показалось ему очень приятным, вот так вот идти под жарким солнцем, загребать горячую пыль сланцами и ощущать в своей ладони слегка влажную ладошку семилетней девочки. Ему уже давно не было так хорошо. С тех пор, как не стало мамы, ему редко бывало хорошо.

— Дима,— позвала Лысик и, чтобы быть уверенной, что он точно ее услышит, слегка подергала его за руку.

— Мммм?

— Дим, а там, правда, Кракен живет?

— Правда.

— Такой, как в «Пиратах»? Как у Дэбби Джонса?

— Дэйви,— поправил ее Димка.— Дэйви Джонс. Дэбби — это женское имя.

— Дэйви,— согласно кивнула Лысик.— Такой же?

— Точно такой,— подтвердил Димка.— Только еще больше. Видишь, какую здоровую бочку себе занял?

Он мотнул головой в сторону «бочки», которая с каждым их шагом становилась все громадней. Казалось, это не они приближаются к ней, а сама цистерна ползет им навстречу, постепенно захватывая небо, облака, раскаленное солнце, редкий лес, горизонт... весь мир. Любое заброшенное здание выглядит страшным и зловещим, но это ко всему прочему носило на себе еще и какую-то особенную печать мрачности. Окруженная изогнутой и ржавой оградой, похожей на кривые зубы давно умершего чудовища, цистерна выглядела, как замок злого колдуна, который по странной прихоти сделал его в виде большой бочки. Полуразрушенные смотровые вышки по углам ограды только усиливали сходство, выглядя этакими стрелецкими башенками, развалившимися под меткими выстрелами катапульт и требушетов.

— А правда, что это он Вальку Копытина съел? — не унималась Рита.

— Правда. И Вальку, и Серегу, и Мишку. Всех троих. А головы себе оставил.

Лысик удивленно раскрыла рот. Глаза ее испуганно округлились.

— Зачем?!

Направив колесо велосипеда в глубокую колею, Димка задумчиво посмотрел на Лысику, прикидывая, действительно ли она такая доверчивая или просто издевается. Рита продолжала преданно смотреть ему в рот, ожидая ответа.

— Чтобы было с кем поговорить,— ответил он наконец.— Тоскливо же весь день в бочке сидеть. Пока дождешься, чтобы к тебе еще какой-нибудь дурак свалился, сто лет пройти может. Так и со скуки помереть недолго.

— И что, вот так целыми днями с ними разговаривает — и все?

Димка сделал вид, что глубоко задумался.

— Нуу... Нет, наверное. Еще в шахматы играет... в шашки, в «Чапаева» там...

Лысик неожиданно посмотрела на него со взрослой серьезностью и, еще крепче сжав его ладонь, доверительно сказала:

— Я бы не хотела, чтобы нам головы оторвали...
Дим, давай не пойдем?

И это прозвучало так искренне и доверчиво, что у Димки против воли сжалось сердце. Он остановился, повернулся к Лысику и, глядя в ее большие, небесно-синие глаза, честно сказал:

— Нет там никого. И не было никогда. Это нефтьебаза старая, мне... — он запнулся, дернул щекой, но все же справился с собой и закончил: — ...мне мама рассказывала. Мы раньше этой дорогой часто ездили. Осенью за грибами, зимой на лыжах, летом на речку. Там, дальше,— Димка махнул рукой в направлении убегающей за горизонт и прячущейся между деревьями разбитой грунтовки,— классное место есть. Папка рыбу ловил, а

мы с... мамой... мы костер жгли. А потом шашлыки все вместе ели... или уху варили...

Он мотнул головой, отгоняя воспоминания, как назойливую пчелу, норовящую ужалить побольнее.

— Нет там никакого Кракена. Просто Геныч перед Катькой рисуется.

Глядя ему в глаза, Лысик маленькими пальцами сжала его ладонь и кивнула. Димка отвел взгляд первым, в горле стоял комок, глаза щипало, сердце гулко бухалось о грудную клетку, как застрявшая между оконными рамами ласточка. Отвернувшись, он резко вырвал руку из теплых объятий Ритиной ладошки и зло зашагал вперед, за ограду. Туда, где раздавались громкие спорящие голоса. Туда, куда мальчику и девочке ни за что нельзя приходить, взявшись за руки. К товарищам по играм.

Приподняв велик, он выволок колесо из глубокой колеи и уверенно направил в развязленный проем между частоколом гниющих железных зубов. Сорванные с петель ворота валялись прямо на земле, и на них четко отпечатались три змеящихся следа — проехавшие здесь недавно велосипеды. Металлические листы гулко выгнулись, когда Димка наступил на них, а потом и загрохотали, когда по ним быстро пробежались запыленные синенькие босоножки Лысика.

Ребята стояли у самой стенки бывшего нефтяного резервуара и о чем-то горячо спорили. Точнее говоря, спорили только Генка и Стас. Пузырь трусливо жался на приличном расстоянии, чтобы быть твердо уверененным, что не подвернется под горячую руку, а Катюшка демонстративно делала вид, что ей все это неинтересно. Она брезгливо ковыряла палочкой какое-то маслянистое пятно, на вид довольно свежее, вытекающее из дыры в цистерне. Димке вся эта картина напомнила передачу про дикую природу, которую им в школе как-то поставил вместо урока учитель краеведения. Там матерые рогатые олени бились друг с другом едва ли не до

смерти, а большеглазая стройная самочка безучастно следила за ними со стороны.

— Было, блин! Сам же слышал! — От крика на шее у Генки вздулись маленькие венки, пульсирующие и синие.— Не слышал, скажешь?

— Че я слышал? — Изо рта Стаса с каждым словом вылетали маленькие капельки слюны.— Че я слышал? То, что вода булькнула? И что? Кракен вылез? Нет его ни фига!

— Есть!

— Нету ни фига!

Подкатив велосипед к сваленным в общую кучу «байкам», Димка положил его и, обогнув орущую парочку, подошел к Сашке.

— Чего не поделили?

— Кракена,— глупо улыбнулся Пузырь. Однако, заметив, что шутить Димка не настроен, тут же успешил исправиться: — Геняч сказал, что, если по «бочке» постучать, можно услышать, как оно ворочается... Ну, Стасян и постучал.

— И как,— Димка с интересом посмотрел на уходящий в небо бесконечный гладкий бок цистерны,— услышали?

— Нууу... — уклончиво начал Сашка.

— А ты сам попробуй!

Вздрогнув, Димка обернулся. Болтая с Пузырем, он даже не заметил, как со спины к нему подошли остальные ребята.

— Попробуй,— повторила Катюшка, протягивая ему свою, измазанную в чем-то тягучем и черном, палку.

— Давай, Димон,— поддержал ее Генка.— А то Стасян глухой, похоже.

— Сам глухой,— зло огрызнулся Стас. Бунт продолжал развиваться. В обычное время Генка бы такого не стерпел и непременно «всек» бы непокорному по «тыкве». Бунтарь Стас понимал это лучше других, а потому поспешил закрепить свой успех:

— И нет здесь никакого Кракена. Просто железная бочка с водой.

Бессильно зарычав, Генка вырвал из рук Катьки палку и сунул ее Димке. Катюша обиженно ойкнула и отодвинулась к Стасу, но Гена не обратил на это никакого внимания:

— Давай, Димон! Сам послушай!

Палка была нагрета Катиной ладонью и оттого казалась приятной на ощупь. Взвесив ее в руке, Дима подошел к стенке цистерны вплотную. Пристально оглядев напряженно следящих за ним ребят, он недоуменно пожал плечами и с силой ударил по ржавому металлическому боку.

Он ожидал, что удар гулким «бууу-ууумм» отзовется во всем полом теле огромного резервуара, но услышал лишь короткий и приглушенный стук. Обернувшись вновь, Димка с удивлением увидел, что все ребята с любопытством вслушиваются в наступившую тишину. Напряженные глаза, сдвинутые брови, приоткрытые рты — все пятеро настойчиво сканировали пространство, надеясь услышать, как в темных недрах проржавевшего нефтяного резервуара ворочается гигантское существо, которого здесь просто не могло быть. В этот момент Димка чувствовал себя неимоверно взрослее всех стоящих перед ним полукругом детей вместе взятых. Он перехватил палку поудобнее и с силой заколотил ею по прогнившему железу. Раздраженно отбросив палку в сторону, он снова посмотрел на товарищей. Пятерка стояла все в тех же напряженных позах, ушами-локаторами вылавливая все возможные звуки. И Димка сорвался.

— Да вы чего все?! Какой, на фиг, Кракен?! Это пустая железная бочка, в ней нефть хранили...

— Ш-ш-ш-ш! — внезапно прошипел Пузырь, прижав палец к губам. Но Димка уже и сам замолчал. Потому что почувствовал — у него за спиной, где-то за стенкой, показавшейся вдруг такой тонкой и ненадежной,

мягко шлепнулось что-то влажное. Это было похоже на плеск большой рыбины и одновременно на булькнувший и теперь идущий к самому дну булыжник. А за плеском раздался странный шорох. Станный, потому что природа шороха обычно сухая и колючая, но этот был мокрый и какой-то слизистый. Было отчетливо слышно, как нечто скользит там, за выгнутой железной стеноей, в полной темноте и тишине.

Несмотря на жаркий день, Димке вдруг стало так нестерпимо холодно, что мелко и противно затряслись коленки. Холод сформировался где-то в районе макушки и быстро кинул вниз, к самым пяткам, намертво приморозив ноги к утоптанной земле. Чувствуя, как встают наэлектризованные от страха волосы на руках, Димка пытался сдвинуться с места и не мог. Ему оставалось только стоять и слушать, слушать, слушать... и надеяться, что это, чем бы оно там ни было, поворачается и вновь уляжется спать.

— Я же вам говорил! Лопухи! Я же говорил, что там Кракен!

Звук Генкиного голоса перебил шорох, будто государственная радиостанция, заглушающая любительские передачи. Моментально, словно их отсекли гигантским скальпелем, пропали звуки из цистерны, и оцепенение тут же спало. Димка поспешно сделал несколько шагов назад и оказался прямо в середине полу круга своих друзей. Мальчишки и девчонки смущенно переглядывались, вымученно улыбаясь. И только Генка едва не плясал от радости.

— Что, выкусил!? — дразнил он Стаса. — Кричал — нету, а как услышал, так в штаны наложил!

— Он прав.

Приплясывающий от удовольствия Генка замер и медленно повернул голову к источнику возмущения спокойствия. Димка набычился и упрямо повторил:

— Там ничего нет. Это просто вода. Крыша ржавая вся, там, наверное, до краешка налито — дождь, снег...

Приободренный такой поддержкой, вновь оживился Стас. Он прочистил горло, собираясь сказать что-то едкое, и вдруг выпучил глаза и, ткнув пальцем в самый верх цистерны, протяжно закричал:

— Крааакен!

Тут же началась невероятная неразбериха. Все разом кинулись прочь от цистерны, позабыв про велосипеды, про друзей, думая только о том, как бы самому унести ноги. В панике кто-то, кажется, Генка, заехал Сашке локтем в живот. Пузырь упал и только тихонько ойкнул, когда прямо по нему пробежала сначала Катя, а за ней и Лысик.

На месте остались стоять лишь Димка да Стас, чей заливистый смех презрительно летел вслед убегающим друзьям.

— Кракен! Кракен! — издеваясь, кричал он.

До Генки наконец-то дошло, и теперь он, пунцовый до кончиков ушей, возвращался назад, и сжатые до белых костяшек кулаки не сулили шутнику ничего хорошего. Однако самого шутника это, кажется, не слишком волновало. Торопливо подобрав с земли палку, Стас остался стоять на месте.

Генка остановился, не доходя до него шагов пять. Воздух со свистом вылетал из его раздувшихся ноздрей, лоб и щеки пылали пунцовыми пятнами, кулаки сжимались и разжимались, душа чью-то невидимую шею. И тем не менее, глядя, как непринужденно поигрывает палкой Стас, подходить ближе Генка не решился.

Не торопясь, к мальчишкам вернулись Лысик и Ка-тиуша.

— Ну, и кто теперь в штаны наложил, а? — Стас нахально улыбнулся и, словно приглашая противника подойти поближе, постучал кончиком палки по носку своей кроссовки.

— Да ты же сам слышал! — не выдержав, заорал покрасневший Генка. — Все слышали!

Ища поддержки, он оглянулся, пытаясь взглядом поймать глаза ребят. Катюшка, как всегда, сделала вид, что она не при делах, отрешенно изучая свои туфельки. Пузырь неловко переминался с ноги на ногу и больше поглядывал на Стаса, чем на Генку. Смешно приоткрывшая рот Лысик, напряженно следящая за развитием конфликта, вообще не рассматривалась вожаком, как вероятная поддержка. А вот Димка...

— Никто ничего не слышал,— сказал Димка.— Просто вода плещется.

От бессия Гена готов был заплакать, но знал — нельзя. И без того подорванный авторитет был бы тогда окончательно втонтан в землю. Он скрипнул зубами, с трудом подавил рвущийся наружу гнев и ехидно поинтересовался:

— А что же там шуршало тогда, а?

— Льдины,— поколебавшись, ответил Димка.— Папка говорит, что если солнце до них не достает, то льдины могут и до зимы не растиать. Так что нет там никого.

— Нет, значит? — Генка, прищурившись, пристально посмотрел Димке прямо в глаза.— Может, тогда полезешь и посмотришь?

Повисло молчание. Вся компания, не дыша, переводила глаза с одного мальчика на другого. Все понимали, что одно дело — утверждать что-то, и совсем другое — проверить. Это уже тянуло на незаввенное «слабо?».

— Дим, не надо лезть... — донесся откуда-то снизу рассудительный голос Лысика.

— Рот завали, — резко одернул ее Генка. И тут же вновь переключил свое внимание на Димку.

— Ну, так что? Посмотришь? Лестница-то целая.

Димка с сомнением глянул на лестницу. С виду она действительно была целой, но доверия тем не менее не внушала. Двадцать метров грубо сваренного между собой «уголка», вместо перекладин перечеркнутого

арматуринами, ломано тянулись до самой крыши. Пролезть по такой уже было нешуточным испытанием. А если учесть, что гипотетически лестница вела прямо в пасть к некоему жуткому созданию, то сложность становилась запредельной.

— Что,— не унимался Генка,— слабо?

Полукруг завороженно ахнул. Это произошло. Волшебное слово названо, и дальше все будет развиваться согласно старой детской магии. Возможны лишь две развязки, и в обеих плохо придется не тому, кто произнес слово, а тому, кому оно адресовано.

— Дим, не лезь туда,— попросила Лысик. Она пыталась остановить или хотя бы отсрочить начинаяющуюся битву двух характеров.— Поехали домой, а, Дим?

— Еще раз хайло откроешь,— с угрозой пообещал Генка,— зубы выбью! Пшла отсюда, дура лысая!

Он с силой вытолкнул Лысика за пределы сжимающегося полукруга. И битва началась.

— И ничего мне не слабо! — скав губы в ниточку, попытался защититься Димка.

— Не слабо? А чего ж ты еще не там? — Генка был проверенным, испытаным, много раз апробированным и никогда не дающим осечки оружием.

— А чего ты сам не лезешь? Самому-то слабо? — все еще маневрируя, Димка понимал, что его медленно, но верно загоняют в тупик, где и прицельно расстреляют из всех орудий.

— Залезть мне не слабо,— Генка уже полностью вернул себе уверенность. Он хлестал противника заготовленными фразами, которые были заранее известны обоим.

— А чего ж ты еще не там? — Димка все же попытался отсрочить неизбежное.

— Не хочу, чтобы мне голову оторвали,— Генка ответил с явным чувством собственного превосходства.— Я-то знаю, что там Кракен.

— Да нет там никого!

— Так ты проверил, прежде чем трепать!? Тявкать всякий может, а ты докажи!

Некоторое время они молча сверлили друг друга глазами, а затем Генка презрительно выплюнул:

— Ссыкло!

Лицо Димки вспыхнуло, словно лампочка. Краска мгновенно залила его от шеи до кончиков ушей. Рот приоткрылся, чтобы в ответ бросить что-нибудь едкое и злое... Но вместо этого Димка круто развернулся и направился прямиком к лестнице. Следом за ним поспешили все остальные.

Вообще-то лестница была наспех срезана болгаркой, примерно на уровне двух метров от земли, видимо, как раз для того, чтобы не лазали дети. Но кто-то заботливый (возможно, даже «пятьдесят шестые», первыми обнаружившие, что на привычной и давно знакомой площадке для игр поселилось страшное нечто) приставил к металлическому боку цистерны сколоченные вместе доски, достающие почти до самой первой ступеньки.

Димка задрал голову к небу, чтобы оценить расстояние, и обмер.

По ржавым перекладинам медленно ползли синие босоножки Лысика. Легкий ветер трепал серое платьице, из-под которого сверкали тощие ножки и смешные белые трусики. Из-за роста ползти ей было неудобно, и потому Лысик передвигалась пошагово — ставила правую ногу на ступеньку выше, перехватывала руками толстый металлический уголок и подтягивала себя на верх. Получалось не слишком скоро, но, судя по тому, что до верху ей оставалось метров семь, ползла Рита уже давно.

— Рита! — заорал Димка.

На секунду развевающееся платьице остановилось, и из-за него показалась лопоухая голова в синей косынке. Лысик смело помахала ему рукой и, улыбнувшись, крикнула в ответ:

— Дима, ты не лезь сюда! Здесь очень страшно! Я сейчас все посмотрю и быстренько вернусь!

Голова вновь скрылась, и тоненькие ножки в синих сандалиях вновь продолжили свое ступенчатое восхождение. Генка заржал:

— Даже девчонка не боится! А ты зассал!

Он даже не понял, откуда прилетел удар. Средь бела дня в глазах вспыхнули звезды, и Гена мешком осел на землю. А мимо него уже молнией промчался Димка. Вихрем взлетев по упруго пружинящим доскам, он подпрыгнул и ухватился за перекладину. Ноги сами нашли опору, и Димка не пополз — полетел догонять почти добравшуюся до крыши Лысика.

— Ну, блин! — отбросив палку, Стас резко метнулся к «байкам» и рывком вытащил свой. — Мы так не договаривались!

Генка, уже пришедший в себя, помотал головой и, глядя на беглеца мутными глазами, зло рявкнул:

— Куда?!

Игнорируя его, Стас спросил:

— Кать, ты едешь?

Без каких-либо раздумий Катя юркнула к нему под руку и, даже не поморшившись, устроилась на жесткой металлической раме. В ее глазах по самому краю плескался испуг, готовый вот-вот пролиться слезами.

— Пузырь? Ты с нами?

Бывший штурман уводил остатки мятежного экипажа с собой. Сашка Пузырь послушно тряхнул сальными щеками и побежал поднимать свой велик.

— Бежите, да? — с ненавистью прошипел Генка. — Кракена испугались?

— Придурак ты, — тихо ответил Стас. — Плевал я на твоего Кракена. А вот когда Лысик или Димка грохнется и башку себе поломает, нас тут не будет. А ты можешь сидеть и ждать ментов, баран безмозглый!

С этими словами Стас круганул педали и исчез, увозя на раме законную добычу — прекрасную Катеньку с

золотистыми волосами. Солнце, отразившееся в бешено вертящихся спицах, послало зайчик в припухший Генкин глаз.

Глядя вслед удаляющемуся велику восхищенными глазами, Пузырь тоже надавил на педали и медленно, будто тяжеловесный таран, покатился к бывшим воротам. Здесь, на безопасном расстоянии, он остановился и, обернувшись к сидящему в пыли Генке, крикнул срывающимся голосом:

— Генка — баран безмозглый!

И, глупо хихикнув, воодушевленный своей смелостью, Пузырь покатил вслед за новым командиром сильно поредевшего отряда.

— Сууукаааа! — от обиды и злобы Генка заорал так, что вздулись вены на шее.

Мгновенно вскочив на ноги, он схватил с земли палку и кинулся вслед за удаляющимся Пузырем. Но когда его кроссовки коснулись поваленных ворот, те предательски громыхнули, и Сашка обернулся. Увидев бегущую за ним смерть, он сдавленно хрюкнул и со всех сил налег на педали.

Поняв, что не успеет, Генка в бессильной злобе швырнул палку ему вдогонку. Та, крутанувшись в воздухе несколько раз, на излете плашмя прошлась Пузырю по спине и, выполнив миссию, упала в дорожную пыль, точно неразорвавшаяся ракета. Взвизгнув, как девчонка, Сашка закрутил педали на пределе своих возможностей и вскоре был уже у самого подножия холма. Не ожидавший от него такой прыти Генка с досадой крикнул:

— Сука жирная! Я тебя зарою, понял?

С трудом осилив пригорок, Пузырь немного отдохнул и тоненько пискнул:

— От-со-си-иии!

И чтобы Генка уж наверняка понял его правильно, поднял согнутую в локте правую руку и ударил по ее сгибу левой.

— Убью,— прошептал Генка одними губами и слепо побрел к своему велосипеду. Мысленно он представлял, как палкой забивает Пузыря до смерти, а тот визжит, и корчится, и умоляет его пощадить. Только вместо толстогубого, с обвисшими щеками, поросячего рыла Сашки он видел то презрительно скривившееся лицо Стаса, то отрешенную мордашку златовласой Катеньки.

Велосипедов почему-то было два. Тупо уставившись на лежащие на земле «байки», Гена пытался сообразить, кому принадлежит второй, если все остальные его кинули. И в этот самый момент откуда-то с неба донесся крик: «Рита, стой! Да стой же ты!», заставивший опухший Генкин глаз запульсировать с новой силой.

— Димооооон,— протянул Гена и осторожно потрогал налившееся болью веко пальцами. Теперь он знал, кому отомстит в первую очередь. Этому неверующему, этому трусливому засранцу, из-за которого он лишился и компании, и Кати! Недобро ухмыляясь, Генка взбежал по доскам к лестнице и, резво перебирая руками и ногами, по-обезьяньи ловко стал карабкаться вверх.

Димка нагнал Лысика у самого конца лестницы. Она уже взялась за изогнутые перила и пыталась влезть на крышу, как Дима ухватил ее за лодыжку. Не ожидавшая этого Лысик заверещала от ужаса и принялась вырываться. Столько отчаяния и страха было в этом вопле, что Димка ослабил хватку, и Лысик буквально влетела на крышу, все так же не переставая кричать.

Оттолкнувшись раз, другой, Димка взлетел следом, чтобы успокоить, объяснить, что все в порядке, и сейчас они спустятся обратно... и застыл.

От времени, непогоды и отсутствия ремонта крыша заброшенного нефтяного резервуара обвалилась почти наполовину. Выглядело так, словно несколько лет назад сюда упало что-то большое и тяжелое, смяв железные листы, пробив перекрытия и искорежив металлические опоры. В образовавшуюся дыру были

хорошо видны внутренние стенки резервуара, украшенные черными потеками густой слизи, проржавевшие, разрушающиеся, но все еще достаточно крепкие, чтобы держать в себе воду.

Воды, такой же черной, как и запачкавшая стены слизь, было в «цистерне» едва на треть. Густая и маслянистая, она, казалось, поглощала не только любое отражение, но и сам свет. Лениво перекатываясь, она, как живая, наползала на стены своего хранилища, будто пробуя дотянуться до стоящих на самом краю обвалившейся крыши детей.

А в самой середине, занимая почти все свободное место, лежало то, отчего плескалась стоячая вода. То, от чего, не переставая, визжала Лысик.

Кракен.

Димка даже не заметил, что уже несколько секунд его перепуганные вопли начисто заглушают писк Риты. Он вообще не слышал ничего, кроме плеска антрацитового черного тела, состоящего из толстых щупалец и гигантской головы, похожей на раздутый древесный кап. И не видел ничего, кроме двух огромных, каждый больше его роста почти в два раза, глаз — бездонных, умных и отчаянно злых. Затягивающих людские души и медленно переваривающих их внутри себя несколько сотен лет.

Встретившись с ним взглядом, тварь встрепенулась. Если бы у нее был рот в человеческом смысле этого слова, Димка был бы готов поклясться, что Кракен плотоядно ухмыльнулся.

Толстые щупальца, украшенные отвратительными круглыми присосками и изогнутыми когтями, метнулись в стороны, с чавкающим звуком впиваясь в стенки цистерны. Конечности напряглись, металл застонал, и существо поднялось навстречу детям.

Димка больше не кричал. Молчала и Лысик. Поднявшись на ноги, она обреченно подошла к мальчику и, нащупав его руку, в который раз за день крепко сжала ее своей маленькой горячей ладошкой.

Пара щупалец метнулась вверх и, изогнувшись, зацепилась за края резервуара когтями, но Димка на них даже не глянул. Его глаза увидели новую цель, от которой у него мелко затряслась нижняя губа, а за ней и вся нижняя челюсть, и зубы заклацали, будто от переохлаждения. Гипнотически-медленно поднимаясь со дна цистерны, Kraken размахивал щупальцами, и начинало казаться, что их гораздо больше, чем должно быть... больше, чем может быть даже у такой невероятной твари. И конец каждого щупальца был увенчан мертвой человеческой головой.

Головы скалили зубы, моргали белесыми глазами, кривили бескровные губы в недобрых усмешках и о чем-то безмолвно шептались. И даже не отличая их одну от другой, Димка знал, что где-то там, среди всего этого адского сонма мертвых лиц, есть трое знакомых — хулиганистые братья Копытины: Валька, Мишка и еще один, имени которого он все никак не мог вспомнить.

Уродливая голова Krakena замерла на самой границе бочки, не выдвинувшись из-за разломанной крыши ни на миллиметр. Он не боялся света, по крайней мере, щупальца, которыми он зацепился за края цистерны, чувствовали себя нормально. Просто по какой-то причине он не желал появляться в нашем мире целиком. Огромные черные капли скатывались по лоснящемуся телу, будто слезы. Громадные глаза-плошки отражали в себе два нечетких силуэта — мальчика и девочку. И одинокое извивающееся щупальце уже тянулось к ним, страшно покачивая украшающей его мертвую головой, в которой Димка с ужасом узнал младшего Копытина — Вальку. Только сморщенного, облысевшего и словно постаревшего на тысячи лет.

За спиной Димки Лысик придушиенно пискнула и вжалась ему в плечо маленьким мокрым личиком.

Щупальце выползло из цистерны и повисло перед ребятами, как большая змея, раскачиваясь из стороны

в сторону. Мертвая голова клацала зубами в такт каждому наклону, точно мышцы нижней челюсти у нее не работали. Белые, как молоко, глаза, бешено вращаясь в орбитах, слепо пялились на притихших детей. Чтобы не смотреть на это уродство, Димка зажмурился. Рука его непроизвольно закрыла собой трясущуюся Риту.

Но оказалось, что не видеть зла – это еще не значит не слышать и не чувствовать его. От вони, которая стекала с мертвой головы вместе с густой черной жижей, сворачивались ноздри, а в уши метрономом стучалось жуткое клацанье кривых зубов мертвого Вальки.

Димка вдруг всем телом ощущил, что мертвое лицо теперь находится прямо перед ним, пытаясь выманить его из спасительной темноты, за которой он спрятался. И каким-то шестым чувством Димка вдруг понял, что от него требует, что приказывает ему сделать огромный, истекающий слизью Кракен. И это было так просто, так легко, и потом можно безбоязненно возвращаться домой, и жить долго и счастливо! Нужно было всего лишь...

Подтолкнув Лысика еще глубже себе за спину, Димка шумно выдохнул и резко раскрыл глаза. Смело встретив взгляд бесмысленных белесых шаров, он до хруста сжал кулаки и, с трудом преодолевая дрожь, ответил:

– Я ее тебе не отдам!

Резко выкинув руку вперед, Димка с ненавистью впечатал кулак в мягкое, дряблое лицо мертвеца. Под костяшками громко хрустнуло. Голова резко подалась назад, и мальчик увидел, как из глаз ее медленно сочится густая черная смола. И в тот же миг Кракен взревел.

Это было совершенно бесшумно. Просто все несметное множество голов вдруг одновременно развязило безвольные рты и выдохнуло в пустоту. И в то же время это было громоподобно. Тем же самым чувством, которым Димка уловил голос мертвой головы, он услышал сейчас этот невероятный рев – громче

взрыва, громче грома, громче рыка самого огромного хищника. Яростный рев разгневанного древнего бога.

От этого бесшумного крика барабанные перепонки взорвались болью. В ушах мгновенно стало горячо и влажно, и от этого Димка едва не пропустил, как позади него кто-то радостно закричал:

– Попались, сучата!

И после этого звук пропал, словно тот, кто смотрит реалити-шоу о нашем мире, вдруг внезапно нажал на пульте кнопку «mute».

Обернувшись, Димка увидел, как в полнейшей тишине бледнеет, вытягивается лицо Генки, спешившего сюда, чтобы наказать непокорного друга, и нашедшего свой кошмар. Как открывается его перекошенный рот, и из него вытекает, вываливается, выплескивается... безмолвие.

Мимо беззвучно метнулось что-то гибкое, лоснящееся и черное. В считаные секунды оно обвило собой захлебывающегося в крике Генку и вздернуло его в небеса.

Димка проводил его глазами. Смотреть за тем, как в воздухе, объятое черной гибкой плетью, совершенно бесшумно летает человеческое тело, было не просто страшно, а невыносимо жутко. Чувствуя, как седеют волосы на висках, Димка наблюдал, как из недр резервуара выскочило еще одно щупальце и захлестнуло Генке горло.

Миг, незаметное усилие скрытых под черной кожей мышц, и тело, будто тушка обезглавленной курицы, нелепо размахивая руками, полетело на дно. Голову с вытаращенными глазами и похожим на букву «О» ртом Кракен ловко насадил на свободное щупальце. Это было невероятно, но мертвые веки вдруг задрожали, рот перекосился, и Генкино лицо скривилось. Свободное щупальце пригладило на новой голове растрепанные волосы и, качнув ею из стороны в сторону, будто помахав на прощанье, ринулось вниз.

Кракен уходил. Расслабились упирающиеся в стеки цистерны щупальца, и гигантская голова, украшен-

ная злобными глазами-озерами, рухнула на воду. Вязкая тягучая жидкость почти не дала всплеска, затягивая в себя древнее чудовище, как смола затягивает неосторожное насекомое. С той лишь разницей, что Кракен уходил на глубину добровольно.

Постепенно в смолянистой густоте исчезли почти все щупальца и головы. Последними скрылись полные ненависти глаза, большие и невероятно одинокие. Как только черная муть сомкнулась над ними, откуда-то из глубины выплыл огромный пузырь. Раздуваясь маслянистой радужной пленкой, он становился все тоньше и тоньше, пока не лопнул с оглушительным хлопком. И тогда Димка понял, что звук вернулся. Он устало прикрыл глаза и тихонько сказал:

— Пойдем домой, Рита. Все кончилось.

* * *

Разрумянившееся за день солнце медленно собиралось отходить ко сну. Как настоящий художник, оно не могло уйти, не закончив работу, и уж тем более не могло заснуть, закончив картину наспех. С чувством, смакуя удовольствие, солнце красило тени в багровый цвет. До полной темноты оставалось еще около двух часов.

Слой за слоем нанося краски, светило широкими мазками скрывало страшные события, которые произошли на заброшенном нефтяном резервуаре. Словно оно стыдилось, что нечто подобное могло произойти в его смену. Потому-то так старательно прятало солнце свежие воспоминания, делая их зыбкими и нереальными, похожими на сон или кошмарное видение, вызванное тепловым ударом.

Ветер легонько гладил взлохмаченные Димкины вихры и пытался проникнуть под тугую косынку Риты. Ласково касаясь детей, неспешно отбивающих шаги по разбитой грунтовой дороге, петляющей в нескольких километрах от города, он старательно перемешивал

их мысли, осторожно извлекая из сознания куски свежих, сочащихся кровью и страхом воспоминаний. Наливающийся вечерней прохладой ветер был со светилом в явном говоре. Иначе зачем бы ему это делать?

За полкилометра до города Лысик выпросила у Димки велосипед и теперь гордо толкала его перед собой — маленькая, лопоухая, едва достающая до руля макушкой. Димка шел рядом, незаметно поддерживая велик за сиденье и подталкивая его всякий раз, когда дорожка уходила вверх. Рита трещала без умолку всю дорогу. Ее детский голосок, становящийся таким рассудительным и взрослым, когда она говорила о чем-то серьезном, успокаивал окровавленные пульсирующие уши Димки. Было здорово идти рядом с этой маленькой девочкой в смешном стареньком платьице и стоптанных босоножках. Идти рядом и улыбаться, и соглашаться со всем, что она скажет.

— Я же говорила, давай не пойдем,— назидательно сказала Лысик.— Не послушался?

Димка кивнул.

— Страшно же было, да?

Снова кивок. Димка помнил, что было страшно, но отчего — не мог сказать точно. Чувствуя, почти физически ощущая, как внутри его головы кто-то старательно затирает ластиком все нереальные, жуткие и фантастические события сегодняшнего дня, он на мгновение увидел перед собой огромные зрачки, полные вселенской ненависти и тоски, и зябко поежился. Не зная, кто или что так заботливо бережет его разум, опасно оскальзывающейся на самом краю мрачной, сулящей безумие бездны, Димка был в душе благодарен ему. Дьявол, Господь, или же простая особенность детской психики, способной любой кошмар свести к буке под кроватью,— какая, к черту, разница? Если это позволит ему спокойно спать по ночам, не пугая отца и соседей жуткими криками,— он, Димка, ничего не имеет против.

— Теперь-то будешь меня слушать? — Снова в голосе Лысицы проскользнули взрослые нотки, которые она, сама в том не ведая, позаимствовала или у бабушки, или у поэтической нынче матери, которую почти не помнила.

— Буду, — уверенно кивнул Димка. Вслушиваясь в ее слова, он вдруг понял, что и она уже почти не помнит, чего они, собственно, так испугались.

— И больше никуда лезть не будешь?

— Не буду.

Лысик ненадолго замолчала, затем спокойно отпустила велосипед и робко заглянула Димке в глаза.

— Дим?

— А?

— Ты так больше не делай, хорошо? Я очень не хочу потерять...

Она все-таки сбилась и смущенно уставилась на грязные пальцы, выглядывающие из босоножек, бывших когда-то голубыми. И куда только девалась вся эта ее напускная взрослость? Он стоял перед ней, почти на две головы выше и на три года старше, и, улыбаясь, смотрел, как она нервно теребит края перепачканного за этот невыносимо долгий день платья.

— И ты тоже. — Он слегка наклонился, так, чтобы их глаза были на одном уровне. — Тоже больше никогда так не делай. Потому что мне бы не хотелось потерять младшую сестренку.

И тогда Лысик, маленькая и невероятно худая, метнулась к нему, обвила ручонками и, уткнувшись лицом Димке в грудь, счастливо заплакала.

Она что-то бессвязно лопотала про родителей, которых толком и не знала, про старенькую бабушку и... про старшего брата, которого ей всегда хотелось иметь. Старшего брата, который не даст ее в обиду ничему и никому в этом мире. А Димка осторожно обнял ее свободной рукой, прикрыл глаза и с наслаждением втянул ноздрями тяжелый, пропахший разогретым асфальтом и бензиновыми парами воздух. Вместе с

выдохом уходил кошмар пережитого дня, окончательно очищая память от всего невероятного и сверхъестественного. И тотчас же, обострившимся шестым чувством, он ощутил, что пропадающая память – это никакая не особенность психики.

Дима почувствовал, как в этот самый момент гигантский незримый ластик старательно подчищает картину мира, изымая из нее существование чудовищ, мертвые головы и одного несчастного мальчика по имени Гена. Для всего этого на новом полотне просто не оставалось места. И так было даже лучше.

День клонился к вечеру. День заканчивался. Но начиналось нечто новое. Нечто неизмеримо большее. Начиналась новая жизнь.

НИКТА

Пролог

Энто...

Недолго процарствовала на престоле Екатерина. В 1725 году от Рождества Христова взошла — через два года померла от хвори легочной.

Опального фельдмаршала Меншикова осенью 1727 года сослали в Тобольский край. Покинул Петербург и внук Петра Великого, последний мальчионка рода Романовых, со всем своим двором выехал в январе следующего года. Хворал сильно молодой царь. Попал он в Москву токмо через месяц, в Твери останавливался, под Москвой. А как вкатил с торжеством — так считай и перестал Петербург столицей быть.

Трактирщик, плесни-ка еще, будь мил!

Захворал град Петра, зачах, стенили головы и совесть у властей, окромя, наверное, губернатора Михиха, Христофора Антоновича. Да что мог немец по-делать в оном великом конфузе и разброде... Бежать стали люди из города, словно дома их горели, иль наводнение вновь бесы нагнали.

А в Москве старые бояре лютовать принялись, желчь и силу копить, не любили они Петербург, поговаривали, даже бабушку молодого императора в московском Новодевичьем монастыре заточили. Видимо, посему и покинул молодой Петр Второй град на Неве.

Да отсыпал еще больше власти старым крохоборам, да пошел в загул, да помер от оспы январской ночью четырнадцати лет от роду, в 1730 году.

В феврале того же года Анна Иоанновна, дочь брата Петра Великого Иоанна Алексеевича, празднично — вся в кружевах и бирюльках драгоценных — въехала в Москву, где войска и высшие чины в Успенском соборе присягой нарекли ее самодержицей.

Эх...

До смерти Петра Великого, энтово, отрадней, веселее жилось...

Новое судно спускали со стапеля верфи, по сему поводу шла гульба вразнос, катился по трапу кубарем какой-нибудь камер-юнкер, теряя парик, причитая, следом скакали его зубы, смех господ... Гуляли так, что закачаешься. Рекой водка лилась.

Эх, вкусная в вашей харчевне юшка, наваристая, густая, в крупке ложка вязнет, не юшка — суп другим словцом, энто как царь-батюшка наш, земля ему пухом, учил. Пар над горшочком, расстегай рыбные, пиво твореное в кружке — что еще надобно простому человеку? Правильно, кувшин вина! Но обождет... Эх, хорошо! И название ведь экое интересное, у трактира-то у вашего, легкое, жизнью пышет. «Поцелуй»!.. Эх, я хоть старик стариком, а энто дело помню, сладкое энто дело... Эй, плесни-ка еще пива, трактирщик!

С размахом жила Россия, с надрывом, с песней! Красовался Петербург — возвел Петр-батюшка вокруг Заячьего острова всем градам град!

Иноземцы поплыли к нам, хлынул ученый люд, художники, купцы, офицеры — армейские и морские, а следом — авантюристы и шарлатаны всех мастей.

Гуляло окружение государя. Дворянство брало под залог имений кредиты, весело все пропивало, а когда захаживали банкиры да купцы с расписками, растрясили карман. И без долгов боярам царь-батюшка всыпал перца, коли не был за отъездом: скоблил им бороды,

заставлял рядиться в чулки белые да парики из бабьих волос, чтобы до зада свисали, и ножками дергать, плясать на свое увеселение.

Война, говорите... война, да, энто дело суръезное, не младенческое играние, поди. Опустели дворы, закрытыми стояли ворота, торчали в окнах сонные, яко мухи, дворяне. Не метали деньги холопы, в свайку не резались, людышек простых на войну позабирали, сыновья и зятья боярские в полках унтер-офицерами ходили, младых в обучение по школам окунули...

Но ведь дали русского сапога понюхать шведам и османам, даже после позора при заснеженной Нарве, когда псы Карла Двенадцатого викторию сыскали.

Нет, ей-богу, интересное энто было время при Петре Алексеевиче, живое.

А потом пришло время мертвых.

1

Будка из желтого кирпича стояла около здания присутственных мест. Ветер наседал на единственное окошко, трепал печатные лоскутки каких-то объявлений, свирепо приkleенных к разбухшей двери.

Шум – звон битого стекла? – прервал его вязкий сон. Будочник с трудом отлип от холодной печки, прошаркал к двери, споткнулся о набитые соломой колонши у входа, тихо выругался.

Он вышел на порог и посмотрел в ночь.

Серый Петербург прятался в ветвях и провале неба. Будочник был призван следить за «благочестием» введенного участка, но не видел этого «благочестия» в самом городе. Некогда статный и ухоженный Петербург исчез, его лоск и величие словно заточили в глухой монастырь, избавились от них в одночасье, как покойный император Петр Великий, одержимый мечтами об Анне Монс, в свое время избавился от законной супруги.

В грязных сумерках град смотрелся убого; казалось, что он отрицает марафет последних десятилетий.

Выл ветер, выли собаки, выло время. И чудилось, будто все утонуло в мутной дорожной жиже, даже мелочи — «ювелиры» снова стали «золотых и серебряных дел мастерами», отменили гражданский шрифт, летоисчисление повели от сотворения мира, а не от Рождества Христова.

Петр Первый умер. Петербург захворал, запустел. Никаких более «зер гут», «данке шон» и «гутен морген, мин херц!»

Отставной солдат закутался в ватный казакин, такой же серый, как и тени у порога; поправил тесак у пояса — спокойствия хотел набраться, что ли. Не вышло. А алебарда осталась в будке.

Кто-то двигался в жирных тенях. Или что-то.

Будочник сделал несколько шагов от домика и, имея желание зажать рот руками, супротив воли вскричал:

— Кто идет?

Темным пятном проглядывалась съезжая¹. Черное на сером. Длинная вертикальная тень мелькнула слева, прошла — святый боже! — сквозь морозные узоры ограды.

— Кто идет? Гады! — закричал он сипло.

Он успел соснуть всего час, в желудке словно лежало пушечное ядро: употребленные перед сном три чарки водки, соленая говядина, вареные яйца и сайка с изюмом. Большой желудок будочника, казалось, был не способен справиться даже с разжеванным хлебным мякишем.

Хмель крутил тело, чадил дыханием — сильно пьян был немолодой будочник, или как Петр Первый сказывал: «зело шумны», да только весь шум достался голове.

На всю улицу горело лишь два фонаря, через забрызганные маслом стекла свет оседал на мостовую двумя неясными пятнами. После переезда царского двора в Москву уличное световое хозяйство забросили — фона-

¹ Съезжий дом Административное здание, в котором помещались канцелярия, архив, тюрьма

ри, еще недавно зажигаемые с августа по апрель согласно академическим «таблицам о темных часах», холодными слепыми шарами встречали очередные сумерки. Приходилось «подрабатывать» фонарщиком: каждый вечер будочник кочевал от одного бело-голубого столба к другому, спускал на блоках светильники, чистил и заливал внутрь масло.

Мрак издал свист, резкий, неприятный — так подзывают собак.

Будочник звучно пустил ветры. Даже сам малость струхнул.

Кто-то прошмыгнулся за ветвями ив — словно ветер приволок ошметки тумана.

— Дрыхнешь на посту, пес паршивый?! — крикнул мрак.— Пил вчерась?

Будочник таращил глаза, вертел головой. Горло мигом пересохло, стало шершавым, точно дно старого чугунка. За воротник полукофтана набивался колючий ветер. Распирающие живот газы снова вырвались наружу.

Он во второй раз за ночь вспомнил об алебарде, но отнюдь не с надеждой скорей схватить длинное древко. Крепкий засов, какое-никакое тепло и жесткая лавка с лоскутным покрывалом — именно эти вещи подстегивали желание кинуться к будке. Он неожиданно понял, что его красный воротник очень хороший ориентир для призрака.

— Повешу собаку! Службу не разумеешь! — вновь закричала тень, а дальше изругалася по-матерному, по-черному.

И он появился. Вышел из полумрака сначала голос, потом — высокое существо, возможно, человек.

Ноги будочника взрезала лезвием слабость.

Исполинская тень приближалась, обретала черты — солдат хотел зажмурить глаза, но не мог. То, что ему открывалось, было невозможно.

Будочника колотило, когда он крестился. Свят, свят, свят.

Появившийся из теней был худощав и непомерно высок, на голову, а то и полторы выше обычного человека. Узкие, не по росту, плечи и маленькая голова. Благородность осанки просматривалась даже в полутенях.

Исполин ступил в тщедушный круг света, и будочник конвульсивно сглотнул. Ему даже удалось сделать шагок назад.

Красноватое лицо призрака подергивалось, крупные губы кривились, брови пытались запрыгнуть на высокий лоб. А вот глаза... они смотрели прямо на будочника: большие, черные, свирепые.

Судорога лица прекратилась, и призрак властно улыбнулся. Он явно чего-то ждал. Он был похож на...

Окончательно же убедил отставного солдата шитый золотом кафтан, кружевные манжеты, усыпанный бриллиантами шейный платок и уродливый обрезанный парик.

— Ваше императорское величество,— сказал будочник и дрожащими руками потянулся к сбитой на ухо шапке.

* * *

С идущего в порт иноземного судна пошлина не ожидалась. Приказ генерал-губернатора: сидеть и скучать. Не важно, кого или что вез корабль, руки у таможенников Троицкой пристани чесались без разбора — всех приплывающих желалось обворовать как можно быстрее, но вот беда — почти никто не плыл. Одна надежда на приказ императрицы: Анна Иоанновна приняла отрадное решение вернуть столицу в Петербург.

Губернатор Бурхард Кристофор Миних смотрел на неспокойное море. Дождь хлестал в высокие окна, за ними размывалась темная масса пристани. Серая дождливая осень бухла снизу и сверху, где вода, где

тучи — поди, разбери. К возвращению царского двора графу Миниху было поручено привести в порядок петербургские дворцы. Большего и не смоглось бы — чиры города могли залечить только люди, их желание вернуться, соскоблить грязь.

Вот только имелась еще проблема, требующая срочного, необычного решения...

Миних ждал гостя.

Яркий испанский галеон устраивался на стоянку в пристани. Острый, как поджелудочная резь, корпус, рубленая корма, ветер и дождь в парусах, стволы полукулеврин, выглядывающие из портов. Он был похож на первый иноземный корабль, доставивший в Петербург вино и соль и лично встреченный Петром Великим в лоцманской одежде. Пятьсот червонцев тогда пожаловал император голландскому шкиперу, а матросам — по тридцать ефимков...

Миних выждал еще минуту и задумчиво двинулся к дверям. От поблекшего золота и серебряных обоев интерьера Корабельной таможни его уже мутило. Выйдя из хоромины, он направился к кораблю, пряча лицо в воротник шубы.

Судно качалось на зыби, играли ослабленные швартовы.

Спустили трап, и по нему на берег сошли два человека в низких черных капюшонах. В длинном балахоне отличить посла было тяжело. Миних, привыкший видеть его в нарядных одеждах и расшитых шляпах, даже невольно улыбнулся.

Они сошлись напротив заброшенного здания биржевого отделения, и сквозь пелену дождя граф Миних приветствовал прибывших путников на латыни.

— Я думал... ад...

Губернатор расслышал только это. Слова коренастого монаха сбивал ветер и дождь.

— Что?! — Миних приблизился ближе. Он выглядел растерянным, и не отвратная погода была тому причиной.

— Я думал, труднее всего поджечь ад,— повторил монах (точно ли экзорцист? в этом Миних уже сомневался). Не прокричал, а сказал. Холодно, спокойно.— Но я ошибался.

Испанец поднял капюшон к клубящимся тучам, приравнявшим в его глазах Петербург к преисподней,— действительно, лило так, что у огня не было никаких шансов. Посол молчал.

— Карета! Попешим! Сюда!

Уже внутри кареты с полицейским служителем и вооруженным офицером на козлах, в сухом салоне, который тут же принял размокать от их одежды и тел, когда возница кнутом рассек над головой водяную крупу, они заговорили снова.

— Звук не может возвратиться к струне,— сказал монах, глядя на лужу под ногами.— Зато каждая капля вернется в небо.

— Разумеется... — пробормотал Миних. От людей напротив неприятно пахло.

— Ваше дело. Оно не обычно. Мы отплыли незамедлительно.

— Весьма ценю. Весьма. К вам обратился, не знал, кому уж.

— Призрак, значит? — прямо спросил монах.

Миних кивнул. Облизал пересохшие губы.

— В городе беснует. Диво... кошмар... Сам император покойный, Петр Алексеевич...

Он замолчал. Остался — свист ветра, звонкие копытца лошадей, скрип ремней.

Капюшоны путники так и не сняли. Миних чувствовал легкую тревогу. Он почти не видел лиц и, по правде говоря, не был уверен: хочет ли?

И еще губернатор понял, что посол, которого он месяц назад отправил в Испанию, так и не вернулся. Напротив него сидели два абсолютно незнакомых человека.

Монахи.

2

Десятки тонких свечей едва освещали большой зачехченный потолок. Множество самых разных теней, темных и светлых, дрожавших, как травинки, и застывших, портретных, маскарадными формами покрывали стены, стол, мебель и лица собравшихся. Вокруг низкого стола, заваленного объедками и бутылками, сидели люди и с улыбками на желтых лицах внимательно следили за рассказом.

— А я ему: дрыхнешь на посту, пес паршивый?! Пил, говорю, вчерась?! Тот перепугался, глаза вытаращил, головой вертеть стал, аки сова, мне аж страшно сделалось, что того и гляди оторвется. Кто же мне тогда дверь отворит?!

Рядом выстрелил дробью чей-то смех.

— Повешу, говорю, собаку, раз службу не разумеешь! И ближе подхожу. К свету, чтобы кафтан увидел, золотой нитью расписанный, да парик обрезанный. И рожу кривлю, будто перекосило меня от злости. Он креститься стал, потом как зарядит: ваше императорское величество, ваше императорское величество — и обмяк. Едва отступить я успел. Ключ взял и наверх. К высокородию. А темно в доме, ступени кругом. Как найти? А? — Рассказчик обратился к слушателям, но те не ответили.— А по хралу! Храпит этот статский советник не хуже пьяного мужика! Мой Макар, и тот так не храпит!

Смех снова прокатился по топчанам и кушеткам.

— Захожу к нему тихо, открываю занавесь, чтобы свету место дать. И как ударю шпагой по кровати, что подлец аж подпрыгнул. Курицей встрепенулся и закудахтал! Что, вопрошаю, воруешь, скотина? Тот молчит, глаза на меня таращит. На веревку, спрашиваю, хватит тобою украденного? И бросаю ему петлю на кровать. И тут чую, братцы, засмердело!

— Фу-у-у, — отзывались слушатели.

— Да, неприятность случилась с его высокородием, опростался советник, что ж делать. А я продолжаю, мол, почему ты, холоп, дороги в городе моем не строишь? Всю деньги под себя метешь! Построй мне, говорю, дороги, скотина, да такие, чтобы гости голландские и немецкие завидовали. А не то буду являться к тебе каждую ночь, пока ты в эту петлю сам не залезешь! Подошел ближе и доской по башке. У будочника прихватил.

— А как уходил оттуда, прислуга-то небось тоже проснулась?

— Это, братцы, отдельная наука. Здесь надо наглость иметь. Вошел мужик со свечой, а я на него давай орать, а ну, холоп, дай ходу, и иду, как гренадер на шведа! И по дому так же. Тут, братцы, напор важно не потерять. Потеряешь напор, дашь слабину — и все, не царь ты, не император и не призрак, а обычный разбойник и вор. Пока видит в тебе человек силу, уверенность, пока не успевает опомниться и рассмотреть, надо уйти.

— А я его ждал за углом на извозчике, — высоким голосом выдал толстяк.

— Да, Алексей вот меня поджидал, дай бог ему здоровья.

Громко топотча сапогами, в комнату проник бородатый мужик с охапкой бутылок. Со всех сторон потянулись руки и избавили его от груза.

— Барин, еще вина принесть? — обратился бородач к рассказчику.

— Неси, Макар, неси! Все неси, все, что есть. Гуляем сегодня.

В ответ на это комната наполнилась одобрительными возгласами и утонула в них, как тонет дырявая португальская каравелла в свинцовых волнах громыхающего о камни шторма.

— Как Петр преставился, житья от воров не стало!

— Верно!

— Верно ты это делаешь, Николай, страшашь казнокрадов.

— Только вот опасное это дело. А ну как расколют тебя?

— А мне за себя не боязно. Меня, братцы, за Петербург печаль одолевает. За Россию. Как царь помер, так подлецы да воры из своих нор повылезали, каждый себе норовит утащить кусок пожирнее да сожрать побольше. Не могу я на это просто так смотреть.

В комнате снова появился Макар и бутылки.

* * *

Неистовый лай собак пасхальными колоколами ударили в голову. Отчаянные окрики добавили беспорядка в развалившийся сон.

— Макар!

В звонкий лай вмешался лошадиный храп и топот.

— Макар! Какого беса не топишь? Макар!

В соседней комнате что-то грузно ударились о пол, и хриплый голос принял отчитывать нечистую силу.

— Макар! Выпорю, скотина! Хочешь, чтобы околел я, что ли?! Воды принеси, сучий потрох! Да поживее!

В двери показалось бородатое лицо. Одетый в тулуп Макар прохрипел:

— Да, барин... сей же час!

— И собак уйми! Кому там вздумалось в такую рань?

Ухая и проклиная весь бесовский род до седьмого колена, неровным, но быстрым шагом Макар выкатился во двор.

— Ну, куда пошел? Ах, мужицкое племя. Воды же просил.

Николай Полесов обулся в сапоги, встал, пошатался немного и снова сел. Голова болела, того и гляди, лопнет, а застывшие ноги, как две кочерги — хоть сейчас в печь, греть вместо каши. Собаки не унимались.

— Ну, и кого там черти принесли?

Николай снова встал и, набросив на мятую рубаху зеленый каftан, подошел к запотевшему пузырю. По-

елозив кулаком и присмотревшись, он увидел знакомый силуэт.

— Уезжает что ли кто? А не зашел даже? Ну-ка!

Толкнув плечом низкую дверь, он с протяжным скрипом вывалился во двор. Яркий свет кольнул глаза, свежим, морозным молотом жахнул по голове.

— Тихо, суки! — приказал он собакам.

Псы неохотно, один за другим, затихли. Прицелившись одним глазом, Николай направился к воротам.

— Никола!

— Изволь! Я — Николай, ты кто будешь?

— Аль не признал? Хорошо, видать, вчера зенки залил.

Николай поежился в кафтане, потер лоб и, бережно поднимая голову, нашел глазами лицо гостя.

— Федор! Ты?!

— Ну, так я, кто ж еще.

— А мы вчера гуляли, знаешь ли. Худо мне нынче.

Рядом возник Макар и протянул барину большой кувшин.

— Ох ты! Давай! — вынимая руки из-под мышек, вскрикнул Николай. — Подтопи теперь. И пошустрее, поди, не май на дворе. Черт бы тебя подрал, Макар, со двора взял?! Ледяная же! Точно заморозить решил, подлец?!

— Никола, я к тебе не просто так, дела у нас тут в городе.

— Что там? — донеслось из кувшина.

— Немец наш, Миних, монаха призвал кастильского, большого мастера по чину отчитки бесов. Да и всяческих других наставлений на путь истинный. И не посмотрел, что католик. Принял в дом, как брата.

— И что?

— Собирается демона изгонять.

— Какого еще демона?

— А не знаешь будто? Поди, много чертей разных по городу рыщет, и не поймешь, за кого первым взяться. Такого демона, Полесов, которым ты рядишься, дурья

башка. Зело докучает сие дело немпу, чиновников пугает, убытки приносит. А к нам императрица обещалась, что он скажет? Извини, матушка, тут дядька твой из могилы встал, людям покою не дает? Так?

— Отколь знаешь про монаха?

— Как же мне не знать, когда я сам, своими глазами оного видел. Капюшон на нем, даже руки укрыты, полы по земле волочатся. А с ним еще помощник, ученик его, видать. Науку перенимает. Тоже в капюшоне, только ростом выше и молчит все время. В мешки свои оба закутались, на латыни говорят с немцем, ни черта не поймешь.

— Так с чего ты взял, Федор, что эти два антихриста по мою душу?

— Мне ли не знать, по осени отправлял немец послы за море за иноверцем, мастером по части бесов. Посла мы с тех пор не видали, а эти двое тут как тут. Вот те крест, собираются из тебя душу вытрясти. Ловить тебя будут.

— Так я же не дух! Меня не отчитаешь.

— Не отчитаешь, это верно, зато можно колесовать иль на кол посадить.

Николай повесил кувшин на забор и, тяжело вздохнув, вернул руки под мышки:

— Что за охота тебе была, Федор, ко мне в такую рань тащиться, чтобы страшать почем зря? Вот скажи?

— Ты не понял, Николай, они взяться за тебя решили. Ты что в последний раз учудил? Ты хоть знаешь, на кого накинулся?

— А то! — довольно ухмыльнулся Николай.

— Вот мой совет. Ты, конечно, сам разумеешь, не батюшка я тебя наставлениями учить, но лучше кончай лиходеить. Если живот дорог.

— Спасибо, Федор.— Николай постучал ногой о ногу и, выдохнув кислое облако, добавил: — Приезжай в покров разговляться. А то и сейчас заходи, у нас еще много осталось. Давеча...

— Эх, Полесов, зря ты так. Дело говорю. Ну, как знаешь.

Федор запрыгнул в седло, потрогал уздечку на холке, звонко цокнул, дернул вожжи и дал коню шпоры. Никола отступил на шаг и попал сапогом во что-то мягкое.

— Макар! Разбери тебя нечистая! Ты и двор не убрал! Убью, скотина!

3

Губернатор настежь распахнул дверь кабинета и, громко стуча башмаками, подошел к окну, нетерпеливо выглянув во двор.

Такого замешательства, даже испуга, Миних не чувствовал давно. Инженер пяти армий, участник Войны за испанское наследство под знаменами принца Евгения Савойского, имевший боевой опыт военных походов в Европе, получивший в Германии чин полковника, а от Августа Второго в Польше — генерал-майора... этот человек чувствовал липкий холод в желудке при виде нищих у ворот его дома.

— Mein Got...¹ — прошептал он.

Улицу наполняло великое множество юродивых, богомольцев, гадальщиц, калек и уродов. Они окружили его дом и молча смотрели в окна. Возле фонаря, привалившись спиной к мусорной урне, сидел мальчишка в лохмотьях и, задрав голову, казалось, глядел прямо на Миниха. Вот только Миних видел парня давеча — мальчишка тогда был слеп.

Губернатор задвинул шторы, тут же раздвинул их — ничего не изменилось.

Во дворе один из стражников воткнул алебарду подтоком в землю и использовал ее как сошку — устроил на ней тяжелое ружье и целился в закрытые ворота. Его товарищ выглядел не так напряженно, он стоял по другую сторону дорожки, натирая тряпицей шип своей алебарды.

¹ Боже мой (нем.)

Слепой мальчик поднял руку и помахал. В этом простом жесте были лишь холод и угроза. На кисти не хватало двух пальцев.

Действительно ли я вижу их? Людей на улице? После появления в Петербурге испанского экзорциста со странным помощником Миних ни в чем не был уверен.

Толпа убогих у ворот неожиданно расступилась, и в образовавшийся коридор, словно в расчищенную мечами и щитами средневековых варваров кровавую колею, ступили два человека в монашеских одеждах. Темные силуэты, бездушные мятые балахоны, слежавшиеся в провале капюшона тени, в складках которых блестят глаза.

Приглушенный звук выстрела заставил Миниха вздрогнуть. Губернатор видел, как старая цыганка схватилась за живот и повалилась набок возле ворот, которые тут же облепили людские тела, налегли, опрокинули внутрь двора.

Экзорцист и монах медленным шагом приближались к крыльцу. Стражник, возившийся с ружьем, дернулся, словно его хлестнули по лицу, отбросил оружие, выпрямился и замер истуканом. Второй охранник повернулся к нему, перехватил алебарду двумя руками и размахнулся.

Топор ударил стражнику в лицо, и он упал. Но тут же попытался встать, заливая землю кровью. Через стекло Миних с ужасом увидел, что сделала с ним алебарда — одна сторона головы стражника была отсечена, болтались кровавые лоскуты плоти.

Экзорцист поднял руку — широкий рукав спал до запястья — и щелкнул пальцами. Стражник с алебардой снова размахнулся и свалил раненого с ног, проломив череп. Затем аккуратно положил топор на бульдожник дорожки, воткнув острым обухом в шов, так чтобы полумесяц лезвия смотрел в мрачное небо, и, примериввшись в рост, упал на него шеей.

У Миниха потемнело в глазах, горло перехватило.

Губернатор на обессиленных ногах добрел до стола, уронил себя в кресло и рванул ящик. Внизу истошно завопили, ритмично застучало, будто кто-то бился головой о стену. Он уже слышал поднимающиеся по лестнице шаги. Две пары ног в мягкой обуви.

— Безмерность грехов! Вонь греховности! Ее могут заглушить только костры! *Haeretica pessimi!*¹

Экзорцист вошел в кабинет и вперил в Миниха серебро глаз, прячущихся в темноте капюшона. Следом появился монах: замер в дверях, глядя на лестницу, и смотрел до тех пор, пока крики, стоны и стук внизу не прекратились. К своему краткому удивлению — губернатора колотило от страха, мысли дробились — последнюю фразу экзорциста Миних не понял, хотя готов был поклясться, что знает каждое слово... знал.

Плотный испанец заскользил вдоль стены к столу. Миниха тряслось, словно в малярийном ознобе. Двустрельный кремниевый пистолет скакал в руках, он пытался направить дуло в сторону экзорциста.

— Ваш город — яма, наполненная греховными страстями! И способы их удовлетворения воистину омерзительны в своем разнообразии,— произнесли невидимые губы. Человек в балахоне с капюшоном подступал ближе. Молчаливый монах стоял в дверях, сложив руки на впалой груди.

— Ни шагу боле... выстрелю... — выдавил Миних, пытаясь положить палец на курок.

Экзорцист рассмеялся. Он сделал странный знак кистью — руки губернатора неожиданно перестали трястись, он взвел курок, затем против своей воли перехватил пистолет правой рукой, развернул и сунул длинные стволы себе в рот. Холодный металл уткнулся в небо.

— *Bien?*² Не промахнетесь? — спросил испанец.— И на дорогах мыслей стерегут разбойники,

¹ Бессовестные еретики (*лат.*).

² Хорошо (*исп.*).

верно? Ужасно, когда теряешь контроль над своим телом...

Миних чувствовал вонь, истекающую от экзорциста. Так пахнет заваленная трупами река, залитые нечистотами улицы.

— Вы хотели избавиться от призрака, а получили молот, который ударит огнем и железом по всем еретикам этого города. Вы смешны... Дух покойного императора — простой фигляр, дурачок. Проступки этого обманщика перед господом ничтожны среди грязи улиц и душ... Всюду *el infierno, la hereja!*¹ Выбрось его! За преступления пусть карает закон, а за грехи — буду карать я.

Губернатор извлек мокрые стволы изо рта и отшвырнул пистолет в сторону. Как бы он не желал это сделать — сделал все-таки не он. Его тело слушалось испанца.

Экзорцист был уже в двух шагах, стоял по другую сторону стола.

Миних не мог пошевелить даже пальцем.

— Ты ответишь... — Язык еще принадлежал ему.

Когда испанец рассмеялся, волны разложения, накатывающие от него, стали невыносимыми.

— Почему бы людям не брать пример с животных? Радоваться каждому дню. Петух воспевает даже то утро, когда окажется в супе. А вы? — сказал экзорцист. Он перестал хихикать.— *Beelzebul! Astaroth! Shabriril! Azazel! Osiris! Nikta! Per nomina praedicta super, conjuro te!*²

Губернатор перестал понимать латынь... он осознал, что не помнит, чем занимались монахи в Петербурге эти два... три?.. дня после прибытия... не помнит многого... даже детство в болотистом Бюстелянде... осталось только название волости, но тоже истлевало, уходило...

¹ Хорошо (*исп.*).

² Вельзевул! Астарот! Шабрири! Азазел! Озирис! Никта! Вышеперечисленными именами заклинаю тебя! (*лат.*).

— Per nomen sigilli! Conjuro et confirmo vos, demons
fortes et potentes, in nomine fortis, metuendissimi et
benedicti: Adonay, Elohim, Saday, Eye, Asanie, Asarie...¹

Острые боли в животе сложила его пополам. Миних ударился лбом о край стола, вывалился из кресла. Рвота и кровь хлынула на доски. Он повалился лицом вниз, со свистом дыша, парик слетел с головы. Никогда в жизни ему не было так больно.

— Hirundinis memoria, vermis!²

Экзорцист приблизился к нему — край балахона мелькнул возле перекошенного лица губернатора, дергающегося в луже собственной кровавой блевоты. Боль крутила внутренности, крошила позвоночник, выдавливала глаза. Нога испанца опустилась на его плечо, перевернула на спину. Миних ничего не видел сквозь слезы. В его кишках копошились личинки.

— Sub mea! Fiat servus submissa!³

Боль стала утихать. Миних с трудом оторвал от пола голову. Его измятые внутренности горели огнем.

Через несколько минут он смог сесть и очистить глаза от слез.

— Iterum audistis me!..⁴ — закончил испанец. — Теперь — ты мой пес.

Он скинул капюшон, впервые в присутствие губернатора, и Миних закричал. Кричать он мог. О да, за целый мир.

— Заткнись, — приказал экзорцист.

Губернатор замолчал.

Места для собственных мыслей и страхов практически не осталось — так становится полна шкатулка для украшений красивой дамы. Голову Миниха наполняла горькая преданность новому хозяину.

¹ Священной и почитаемой печатью! Заклинаю вас, демоны сильные и могущественные, именами страшными и чудными: Адонаи, Элохим, Садаи, Эйе, Асание, Азарие (лат.).

² Проглоти свою память, червяк! (Лат.)

³ Подчинись воле моей! Стань рабом безропотным! (Лат.)

⁴ Снова внемли мне!.. (Лат.)

4

Присвистывая и завывая, как голодный волк, мокрый ветер облизывал черные кости развалившегося ночью сарая. Николай стоял на крыльце и, кутаясь в кафтан, отрешенно смотрел на деревянный скелет, сквозь который виднелось темное поле. Кривой, размытой чертой до самой небесной хляби по нему ползла рыжая, блестящая дорога. Поле тянуло ее на холм, за которым она пропадала в холодном тумане.

— Хорош был сарай,— вздохнул он.

— Да что там? Гнилой был! — отозвался из конюшни Макар.— Того и гляди рухнет. Феклу чуть не прибило доской как-то раз. Так его бабы с тех пор стороной обходят. Где ж тут хорош.

— А что там на дороге? Гляди! — Николай вытянул руку в сторону разрушенного сарая.

— Что?

— Никак корова загуляла...

Макар подошел к Николаю и, сощурившись, стал напряженно вглядываться в сырую даль.

— Не. То человек, кажись. Пьяный, видать, смотри, как шатает. Во, упал!

Затаив дыхание, оба стали всматриваться в едва заметную точку на дороге. Новый порыв ветра намочил лицо Макара, стоявшего с краю навеса, и бородач вытерся рукавом.

— Не встает. Околеет он так! Ну-ка, Макар, выводи телегу!

— Барин, да ты что? Запрягать-то поди сколько!

— Тогда так пойдем,— застегивая пуговицы на кафтане, скомандовал Николай. Он открыл дверь и громко крикнул внутрь: — Фекла, нагрей воду!

— Ох, барин, и несет же тебя нелегкая вечно,— захал мужик и покрепче вдавил картуз в голову.

Путника принесли и положили на скамью в сенях. Дыхание его походило на стон, хриплый и глубокий. Две старые бабы, прогнав девок, начали его греть и обтирать. Тело было изуродовано страшно: пальцы на ногах раздавлены и переломаны, тряпкой в рукаве болталась рука с перебитой ключицей. Зубы выбиты почти все, нос свернут, в пустую глазницу забилась бурая глина.

— Никола, брат,— простонал несчастный.

Полесов застыл и прислушался. Грязь грязью, но он заметил манжеты, белые петлички и синий писарский мундир с вышивкой на рукавах. Волосы из рыжей глины торчали светлые, голос будто знакомый.

— Федор?

— Кто же... — Товарищ закашлялся и брызнул изо рта кровью.

— Кто тебя так? Ты скажи! Разбойники? — едва сдерживая слезы, обратилась одна из баб.

— Немец... Миних... — Федор слготнул и сделал попытку встать, но вместо этого скрутился и так жалобно простонал, что одна баба не выдержала и тихонечко разревелась.

— Миних?! Как?! — взревел Николай, позабыв про ужасное состояние, в котором находился его друг.

Федор собрался с силами и стал рассказывать:

— Скрутила губернатора нечистая. Погиб город, мертвых больше, чем живых. Везде они... везде... на столбах горят, по реке плывут, головы... крысы жрут, из глаз... и белые... кости повсюду! Миних инквизицию устроил... все грешники, еретики теперь, сущий ад... сущий ад устроил в Петербурге. Хворост... синим горит, а на столбах — люди! живьем пылают... стоны кругом! Насилу я уцелел, ушел... но заставы... дороги все, все в заставах. Булавой меня зацепил, ирод окаянный... дюже больно прихватил, скотина. Думал, помер, ан нет! Жив!

Неожиданно Федор вытянул здоровую руку, схватил Николая за грудки и впился в него единственным глазом:

— Бес в него вселился! Бес! Дьявольское отродье. Демон испанский! Повелевает им, душу его забрал, у всех душу забрал, антихрист. Но... люди говорят... — Федор еще сильнее приблизил к себе лицо Николая и, брызгая розовой слюной из пустого рта, продолжил шепотом: — Есть старец за Волховом... да-а-а. Святой! Есть... людей он лечит, Феодосии, жене булочника помог... в обители живет, в Зеленой пустыни... Мартири... Мартириевой. Да! Люди не станут брехать, висельники-то. Без рук когда, не станешь брехать. Святой старец! Праведник... помочь может... отчитать беса...

Федор закашлялся и отпустил бледного Николая. Тот вытер ладонью лицо и оторопело спросил:

— Как звать старика?

— Перед лицом Господа моего... Отпусти грехи мне мои... Да чем же мы тебя так прогневили? Чем? Скажи! За что послал ты нам такое испытание?

Баба, которая вытирала Федору лоб, привстала и тихим голосом обратилась к барину:

— Послать бы за дьяконом...

Николай отшатнулся и испуганно посмотрел на женщину. Затем, словно одумавшись, смерил взглядом старуху и, совладав с собственным языком, сказал:

— Пошли.

* * *

Всю ночь Федор стонал и мучился, а под утро умер. Гроб увезли на телеге в дождь, который не переставал. Превратив дорогу в грязную канаву, он собирался, видимо, сделать то же самое со всем остальным миром. Николай смотрел, как телега месит глину и ползет на холм, увозя одного из его лучших товарищей. Страш-

ную смерть принял Федор, но еще страшнее было то, о чем он рассказал. Тяжелые мысли опустились на Полесова и готовы были раздавить его, как старый, не нужный сарай.

Невинные шалости, которые, как он думал, помогут добром Миниуху в борьбе с воровством и казнокрадством, на деле обернулись великими страданиями для всего города. От мысли, что виноват в этом именно он, Полесова бросало в жар. У него не получалось даже напиться — вино лишь коверкало движения, но подлейшим образом оставляло разум чистым и ясным. Наполненным множеством скверных мыслей и отвратительного отчаяния. Неспособность изменить прошлое врезала во все его члены странные пружины — новые и сверкающие. Движения стали резкими и сумбурными. Непонятная энергия заполнила все его существо и как будто ждала повода, чтобы выйти наружу. Но выйти ей было некуда, и это кромсало сознание Николая на лоскуты. Он не мог найти радости ни в чем: ни в вине, ни во сне, ни в других плотских утехах, которым раньше с превеликим удовольствием предавался. Душа задыхалась, кричала, металась, подталкивала его к какому-то действию, смысл которого он едва ли мог осознать.

Через неделю Полесов не выдержал и отправился вместе с удивленным Макаром в сторону Москвы, за Волхов, искать старца.

5

До Зеленой пустыни было полторы сотни верст. Зимой на санях или летом на колымаге дорога заняла бы один-два дня. Но на дворе стояла глубокая осень, дождливая и холодная, и великие грязи захватили русские дороги. Только на пятый день, утомленные и измученные бесконечной распутицей, Николай и Макар достигли последней дороги к монастырю. И хоть была она по здешним меркам новая и широкая, беспощадные грязи одолели и ее.

Здесь, уже совсем близко к монастырю, им встретился мужик, который с полубезумной улыбкой шел рядом с пустой телегой. При виде бороды Макара он остановился, отвесил поклон в пояс и перекрестился. Затем попалась на дороге баба, завернутая в черные тряпки с головы до ног, только глаза видны. За ней плелся ребенок, то ли мальчик, то ли девочка, затянутый крестом засаленных тряпок, с глиняными гирями на ногах. И она отвесила поклон нечесаной бороде Макара.

К пустыни подъехали к вечеру, когда и без того темные облака сделались еще темнее, а холодный ветер стих и только иногда тревожил лихими набегами, проникая в самые глубокие складки одежды. Макар перерзал в телеге и нахмурился:

— Приехали, барин.

Стены, окружавшие монашескую обитель, хранили следы недавнего пожара и во многих местах были разрушены. Закопченный кирпич неопрятными осколками вываливался из обожженных прорех. Поверх низких дырявых крыш свечой возносилась к небу каменная колокольня. Невысокий собор с пятью главами стоял рядом, а с других сторон колокольню обступили обычные домики, служившие разным монашеским нуждам. Один из них, примыкавший к разбитой стене, был разрушен, и теперь два худых бревна удерживали его обезглавленный остов, навалившись на них рваным брандмауэром. Ворот не было, въезд преграждало бревно. По завету преподобного Мартирия в обитель нельзя было верхом. Макара предупредил об этом хромой кузнец с постоянного двора, где они ночевали.

Николай вылез из телеги.

— Погоди тут,— указал он мужику и зашел в обитель.

Сразу за бревном ему встретился низенький, тощий инок с красным перекошенным лицом и жиденькой бородкой. Он шел, пошатываясь, как камыш, едва представляя ноги.

— Желаю здравствовать,— обратился к нему Николай, но тот даже не повернулся.— Мне бы к настоятелю.

— Там он,— выкинув из рясы руку, проскрипел человечек,— за трапезной.

Николай прошел между собором и трапезной и очутился на хозяйственном дворе. Там был устроен навес, наспех сколоченный из свежих и обгоревших бревен. Под ним с одного края аккуратными рядами лежали колотые дрова, а с другого стоял большой стол, за которым сидел архимандрит и вместе с двумя другими монахами разделял тыкву. Первый монах, выпучив глаза, резал, второй, кривясь, вытаскивал сердцевину, а настоятель с лицом каменным и серым доставал из сырой требухи семена и складывал в небольшой растопыренный мешок. На вытоптанной земле вокруг стола развалились тыквы: приплюснутые белые, вытянутые зеленые, шары в красную прерывистую полоску и огромные рыжие. С одной такой, едва ли не с лошадиную голову, как раз боролся первый монах.

— Желаю всем здравствовать,— сказал Николай.— Простите, что отвлекаю вас от трудов ваших, ищу старца чудотворящего. Люди говорят, в вашу обитель сослан был.

Все трое разом прервали свое занятие, чем вызвали в Николае некоторое замешательство.

— Пошто он тебе нужен? — спросил архимандрит.

— Мне, ваше высокопреподобие, беса изгнать.

Монахи переглянулись, а борода настоятеля принялась шевелиться и трястись, будто под ней он старался как можно быстрее разжевать кусок холодной смолы.

— Не всяк беса отчитать способен,— наконец произнес настоятель.

— Высокое благословление на то нужно,— добавил монах с выпученными глазами.

Архимандрит между тем осмотрел Николая, и борода его снова зашевелилась.

— У нас работников не хватает,— продолжил он.— Как забрал Бог преосвященного Корнилия, наступили для нас тяжелые времена. Новгородский архиепископ земли лишил, иконы вывез, утварь разную. Прогневился господь и ниспоспал нам наказания одно другого строже. Сим летом погорели, аккурат в Петров пост.

При упоминании последнего несчастья все трое тяжело вздохнули и, шепча бородами, по три раза перекрестились. Николай запустил руку под пояс и извлек оттуда рыжий кожаный мешочек. Он стыдливо положил его на край стола, рядом с яркой выпотрошенной тыквой. Глаза монахов посветлели. Отступив, Николай уловил странное изменение в воздухе. К мягкому и знакомому запаху лежавших под навесом дров начал подмешиваться тоже знакомый, но совсем неожиданный запах.

— Аз был бы счастлив, коли бы мое скромное пощертование... — начал Николай, но странный запах так быстро усилился, что у него даже перехватило дыхание, он резко выдул воздух из ноздрей и продолжил: — смогло бы оказать...

В этот момент все три монаха сморщились.

— Да благословит тебя Господь,— сказал архимандрит, отводя взгляд от мешочка и покрывая себя крестным знамением.— Послушника за колокольней найдешь. Дрова колет. Ветхой звать.

— Послушника? — удивился Николай.— А разве не монах он? Не инок?

На это бороды снова пришли в движение:

— Старовер он. Негоже в православной обители в иноческие раскольников постригать. Ждем, пока не покается, пока не отречется от греховных привычек.

Николай поблагодарил монахов и Бога, трижды перекрестился вместе с ними, поклонился настоятелю и отправился за колокольню. Там, в густом сумраке, старик в косоворотке и с бородой, заправленной за пояс, вдумчиво рубил дрова. Странный и резкий запах, судя

по всему, исходил именно от него. Это была смесь человеческого пота и чеснока, которым растирался дед, вместо того чтобы мыться. Старец был точен — чурки легко разваливались под колуном и белыми лепестками разлетались в стороны.

— Желаю здравствовать,— обратился к нему Николай.

— С места не двинусь,— неожиданно ответил старик.— Сам заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

Николай не сразу понял, что старец говорит именно с ним. Он даже обернулся проверить, нет ли кого за спиной.

— С тобой говорю, с кем еще.— Старик бросил на Полесова косой взгляд и поставил под удар очередную чурку.

— Батюшка...

— Не батюшка я тебе,— оборвал его Ветхой и ударил топором так, что Николай даже вздрогнул.

— Горе у нас...

— И поделом! — Старец подтянул выбившуюся бороду.— Чай не святых казнит демон? Хоть и бесовский выродок, но за грехи. Да и город антихристом на костях выстроен, уж потоп в страстях.

Николай опешил, он был уверен, что старик не откажет.

— Что же ты сам не прогонишь демона? Давай, нарядись нынче патриархом и задай бесу порку. Вот потеха будет — два нехристя сошлись, кто кого дюже.

Лицо деда покрывала густая борода — виднелись только глазки и кривой нос. Только по ним Николай едва ли мог определить, смеется старик или говорит серьезно. Он всматривался, но разобрать мешали сумерки.

— Я слов нужных не разумею. Обрядов и молитв не ведаю,— осторожно пожаловался Николай.

— Обрядов не ведаешь? А пошто тебе обряды, пошто молитвы?

— Так...

— Думаешь, обряды демону страшны, али слов он каких-то убоится? — Дед снова ударил топором.— Аль будет смотреть он, сколь ты перстов в крестном знамении складываешь? Сколь раз аллилуйю поешь и как имя Господа произносишь? — Старик взял новую чурку.— Вера важна. Без веры ты хоть все писание вызубри, хоть в какие рясы нарядись, хоть в какой скит заройся, не услышит тебя Господь и не поможет.

Николай не нашелся, что ответить. Вместо этого он сделал еще одну попытку уговорить старика, но в замешательстве начал совсем не с того.

— Аз рядился, чтобы мздоимцев да казнокрадов обличать. На путь честный направить, людям помочь...

— Мздоимцев? — переспросил Ветхой и ехидно приснулся.— Тех, кому мошну на стол суют?

Николаю сделалось окончательно не по себе. Казалось, он говорит не с дедом, а со своей въедливой совестью.

— Не поеду никуда, вертайся за ворота к своему другу и скажи, чтобы сюда шел. Поздно уж, у нас заночуете. А утром чтобы духу вашего здесь не было!

Еще удар — и щепки бабочками разлетелись вокруг старика.

* * *

За ночь лужи покрылись хрупким льдом. Между стеной и огромной низкой тучей во все небо возникла огненная брешь и осветила нежным утренним светом потрепанные стены Мартириевой пустыни. Полесов молча подошел к Макару и стал смотреть на то, как мужик запрягает лошадь.

— А, ну и ладно! — встрепенулся Макар.— Так смердит от того старца, что упаси бог с ним три дня в одной телеге трястись.

Николай угрюмо посмотрел на бородатого мужика.

— Да уж лучше в хлеву, с куриами да хряками! — принялся развивать тему мужик.

— Неужто? — раздался строгий голос за спиной Николая, тот быстро обернулся и увидел Ветхоя. Старик был в тяжелом сером кафтане, с сумой через плечо. В нос ударили характерный запах, Макар сморщился:

— Помилуй, Господи, мя грешного, дай мне силы вынести... — начал Макар.

— Не поможет, — ехидно отозвался старец, — персты не так складываешь.

— А как надо?! — встревожился мужик, увидев ухмылку своего барина.

— Никак не надо, — ответил Ветхой, чем ввел Макара в совершенное замешательство. — Видение мне было, поеду с вами.

6

Необычный туман стоял над Невой. Густой и призрачный. Он заполнил Петербург сизой мглой, превратив улицы в бездонные каналы, кишащие призраками. Тишину предрассветного сумрака нарушали только псы, но лай их не гулял по переулкам и не отражался эхом от стен, а был заперт ближайшим изгибом улицы.

Стены Петропавловской крепости уже второй десяток лет перекладывали: почерневшее дерево меняли на камень. Огромные круглые бревна, вынутые из старых стен, отлично подходили для расправы с многочисленными грешниками. Миних, прежде занятый только реконструкцией крепости, неожиданно обернулся лютым извергом и устроил в городе беспощадное судилище. Улицы, каналы, площади и набережные наполнились страданиями и ужасом.

По Неве в синем молочном тумане плыла небольшая шлюпка. В ней было двое: один с бородой, другой — в синем кафтане, расшитом золотом, в черной треуголке и с повязкой до глаз на лице.

— Силен демон, наперед все разумеет,— задумчиво сказал Ветхой, перебирая лестовку.— Делай все, как я тебя научил. И не бойся. Ничего не бойся, что бы ни случилось.

Николай вздохнул и продолжил грести. Во мраке над туманом появился деревянный шпиль собора Петра и Павла, крепость была уже близко. Когда подошли к разобранной стене, лодка стукнулась и развернулась кормой. Человек в треуголке выбрался на землю, перекрестился и тяжело, но решительно начал перебираться через камни и бревна во двор крепости. Второй остался в лодке.

* * *

— Все, как Миних говорил, ты погляди! — дивился солдат инвалидной команды.— Поди, и прям ряженый! А ну пшел, скотина, чай ждут тебя!

Солдат толкнул фальшивого Петра мушкетом в спину.

— И не думай, заряжено. Иди давай, императорское величество. Пшел!

— Да как ты смеешь, собака?!

— Смею, смею, будьте покойны, величество, уж предупреждены про обман. Пальну и глазом не моргну. К коменданту тебя велено доставить.

Он еще раз ткнул растерянного Петра, тот ссущился, поник и повиновался. Они направились по тропинке к небольшому черно-белому домику на немецкий манер. Между тем туман начал светлеть. К горизонту с другой стороны уже приближалось солнце.

В это время к разобранной стене подошел другой человек из шлюпки. Он был одет в плотный серый кафтан и имел бороду, заправленную за пояс и торчавшую колесом на груди. В несколько легких и резких прыжков он перебрался за крепостную стену и, разрывая белесый туман, побежал в сторону соборного шпиля.

Солдат довел пленника до нужного здания и крикнул:

— Отпирай давай.

Охранник за дверью фахверкового домика не спал. Окошко открылось, закрылось, ключ скрипнул в двери, застонали ржавые петли.

— Гляди, кого изловил! Все, как Миних сказал. «Лже-петра доставить, а старика убить немедля». Во как!

В ответ раздалось мычание и тихая ругань. Впереди была лестница. На десятой ступеньке Лжепетр вскрикнул, схватился за сердце и осел. Стражник растерянно ткнул его мушкетом, ругнулся, пнул пару раз и с удивлением посмотрел в открытые глаза. Треуголка слетела, обнажив белые волосы. Стражник подошел ближе и сорвал повязку с лица.

— Господь всемогущий!

Тем временем серый кафтан достиг соборной площади, отобрал у спавшего часового мушкет и хотел было выстрелить в воздух, но оружие дало осечку. В густом тумане пороха, забитый с вечера, отсырел. Часовой тем временем проснулся и принял криками будоражить двор. Через пару минут площадь наполнилась солдатами гарнизона. В центре стоял высокий старец и держал в руках давший осечку мушкет. Его губы перекосило, руки дрожали, но в глазах было что-то горячее.

— Аз есмь царь! Петр Алексеич Романов! Император всея Руси! — С каждым новым словом огонь в глазах набирал силу.— Псы паршивые, морды поганые заточили меня в монастыре супротив воли, сказавши всем, что я помер. Но вот закончилась невольность, освободился я и хочу порядок установить. Худо дело в государстве

российским! Воины! Се пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что бьетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должен вас также смущать неприятель, яко близкий, но под личиной человека, за град радеющего, град сей же убивающий своим ядом. Вы сами победами своими былыми неоднократно доказали свою доблесть и преданность. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборавшего по вас; на того Единого, яко всесильного в бронях, упрайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего! Вперед! За отчизну!

Солдаты слушали, разинув рты от удивления, не успев толком освободить глаза от сна, силясь понять, что происходит. Новоявленный Петр с бородой ниже пояса двинулся между тем к немецкому домику Миниха. Толпа невольно, как под гипнозом, двинулась за ним.

* * *

Глядя на седую бороду и неморгающие глаза рухнувшего на лестнице пленника, стражник осенил себя крестом, достал нож, поднес ему ко рту и подержал. Лезвие не запотело.

— Пресвятая Богородица, помер!

Он скатился вниз по узкой лестнице, громко обругал охранника у двери, и они вместе убежали в туман. Наступившую тишину нарушил резкий вдох. Мертвый ожиł, поднялся, отряхнулся, поправил бороду, запер дверь изнутри и, скав лестовку, направился в покой Миниха.

Демон был за дверью — Ветхой чуял его зловоние, его темную волю.

Старец перекрестился двумя перстами, начертал в воздухе «Иисусъ», как писалось имя Сына Божьего до

«книжной справы», надругавшейся редактированием над Священным писанием и богослужебными книгами, и с краткой молитвой к Истинному Духу Святому ступил в губернаторские покои.

Католик был там. Лежал на просторной кровати, обнаженный и мертвый, как и подобает жестокому религиозному фанатику, испустившему дух три века назад. На изгаженных тленом простынях покоилось тело «великого инквизитора» Кастилии и Арагона, «молота еретиков, света Испании, спасителя своей страны, чести своего ордена», как величал инквизитора Себастьян де Ольмедо, хронист той ушедшей во мрак эпохи.

Томмазо де Торквемада открыл глаза. Холодные антрацитовые зрачки мертвых глаз посмотрели на старца.

* * *

Ведомая вернувшимся Петром толпа вышла на дорогу рядом с собором. Николай шагал, осматриваясь. Вдруг остановился как вкопанный. «То самое место, аккурат меж деревом со сломанной веткой и будкой». Шаги солдат стихли. Нависла угрожающая тишина. За невидимыми домами заржали кони.

Он повернулся к толпе, но забыл слова. Туман сковал движения и звуки. Сотни глаз теперь смотрели на него. Одни со страхом, другие с надеждой. Кто с недоверием, кто с ненавистью. У Николая затряслись коленки. Так бывало и раньше, он был тогда мальчиком, в церкви, перед попом, когда надо было прочитать молитву. Вокруг много людей, и все смотрят. Все оценивают, надеются, верят, завидуют, злорадствуют. Ждут.

Вдруг у края толпы возникло движение. Растанкивая локтями собравшихся, к Николаю направлялись поручик и пятеро солдат. Их мушкеты пробирались

сквозь толпу, как мачты корабля через взволнованное море. По толпе прошел ропот — «Самозванец».

— А ну расступись! — скомандовал обер-офицер.

Толпа бесшумно освободила место для выстрела. За Николаем кто-то, спотыкаясь, кинулся в сторону.

— Товсь!

Пятеро солдат вскинули мушкеты.

— Пли!

Четыре сизых облачка поднялось над стрелявшими, лишь один мушкет дал осечку.

* * *

Черно-синий труп поднялся и спустил с кровати ноги. По его блестящему от гнилостных выделений лицу бежала частая дрожь — словно разложившиеся черты были покрыты тончайшей органзой. Глаза закрывались и открывались, губы кривились в ухмылке.

Это двигались не только лицевые мускулы — черви и сороконожки без устали скользили из раны в рану.

— Тебя не смущает моя, — произнес Торквемада по-русски и закончил на латыни, — *nuditas virtualis*?¹

— И в устах дьявола смешаются языки... — прошептал старовер.

— С какой гоесией² ты явился ко мне, старик?

— С верою в Господа истинного и животворящего, верою в царствие Его, которому несть конца...

Тот, в чьих стеклянных глазах навсегда поселилось пламя гудящих костров, встал, неприятно смеясь.

— *Vana rumoris*³. Ты испытываешь ко мне отвращение, старик. Твой голос сочится им, твои смешные молитвы полны им. А я к тебе — нет. Знаешь почему? Нет? Отвращение к врагу помешает сожрать его.

¹ Невинная нагость (лат.).

² Мания, колдовство (лат.).

³ Пустая болтовня (лат.).

И снова резкий пустой смех — так клацают двери старого склепа. На иглах гнилых зубов скрипела земля.

Старец шагнул ближе к окну, к свету, поднял левую руку с пропущенной между средним и безымянным пальцами лестовкой, побежал большим пальцем по бочкам четок: лапосткам, передвижкам...

Губы старообрядца зашевелились.

Он прочитал «Отче наш» и начал «Богородице Дево», когда Торквемада нанес ответный удар.

От мощи заклинания колыхнулся воздух, в комнате стало темнее. На улице заржали кони.

Ветхой закашлял кровью, но читать не перестал. Лестовка — духовный меч, символ непрестанной молитвы — двигалась в узловатых пальцах.

Инквизитор зашипел.

Старец трижды прочитал «Господи, помилуй» и двинул передвижку:

— Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Кровь скапливалась в седой бороде, капала на пол.

— *Haeretica pessimi et notitiae!*¹ — крикнул мертвец.

Он пытался приблизиться к старцу, но не мог.

Со стен повеяло холодом, леденящий мороз защипал щеки, брызнули влагой глаза, захрустела в носу кровь. Старец качался в струях ледяного воздуха.

— Как рассеивается дым, Ты рассей их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия...

Температура падала, красные сосульки ломались в бороде старика, но тот продолжал отчитку.

— Днес сражайся со блаженных ангелов воинством в битве Господней, как былся против князя гордыни люцифера и ангелов его отступников, и не одолели, и нет им более места на небе...

Инквизитор кричал на латыни, на испанском, на французском, на арабском, его страшное тело окуты-

¹ На вечное заточение (*лат.*).

вал белесый дымок. Свет бился с тенями, мрак пожирал лучи солнца.

— Воззрите на Крест Господень, бегите, тьмы врагов!
Холод. Жар. Слепота. Прозрение.

— И вопль мой да придет к Тебе!

Притянутый демоном вселенский холод сделался видимым, обрел форму текущего киселя, клубящегося морока.

А потом вмешались мушкетные выстрелы. Стреляли с улицы. Заинdevевшее стекло пошло сеточкой трещин. Ввалившееся лицо испанца на секунду обратилось в сторону окна, нечто близкое к удивлению отразилось на нем.

Одна из пуль угодила в горло, вырвав кусок серой плоти. В разорванной гортани копошились насекомые. Вторая пуля ударила над глазом — широко открытым, неживым, отекшим ненавистью. Еще две попали в грудь.

Спальня заискрилась снежинками, а затем все сделалось ослепительно белым. Усиливающийся хруст, скрипучее крещендо перешло в тихий скулящий вой. Выл Торквемада.

Лестовка в трясущемся кулаке старца истекала кровью. Старообрядец упал на колени и последним усилием воли сфокусировал на живом мертвце святой молитвенный луч.

— Изыди из жидовского тела, тварь! — закричал Ветхой.

Глаза «молота еретиков» брызнули землей, ужасные корчи вывернули конечности — и злой дух покинул мертвое тело.

В воцарившейся тишине щелкали бобочки лестовки.

— Благодарим тя, поем, славим и величаем крепкую, и великолепную силу державы власти твоей, Господи Боже Отче Вседержителю: тако премногих ради твоих неисчислемых щедрот и человеколюбного твоего милосердия, изволил еси избавити...

Когда стариk шепотом дочитал молитву благодарности об изгнании беса, в комнату ворвалась стража. Двое солдат волокли под локти Николая. Кафтан на самозванце был разодран, накладная борода — сорвана, лишь пара жалких клочков прилипли к одежде. Последним, дрожа всем телом, в комнату проник бледный губернатор. Он кутался в халат и тяжело дышал. Лоб пришедшего в себя Миниха был покрыт испариной.

Труп испанца попытались вынести, но он разваливался на куски. Кое-кто из солдат не совладал с желудком.

— Сожгите его. Заверните в тряпье и сожгите, — сказал Миних, отступая в коридор. Он знал, что больше не проведет в этой спальне — в этом доме! — ни одной лишней минуты.

— Помогите старику! — бился в хватке Николай. — Вы разве не видите...

— Посмотрите старика! — приказал Миних. — А этого пустите!

— Помер, — сообщил поручик, склонившись над старцем и косясь на пропитанную кровью лестовку.

Вдруг на лице губернатора появилась тень страха.

— Кто-нибудь видел монаха? — слабым голосом спросил Миних. — Ученника... Если он был учеником...

Эпилог

Неспокойный выдался денек, плотный, галдящий, криклиwyй, слегка сумасшедший. Яко пустой дом наполнился прознавшими про mestечко для ночлега беспризорниками — пристани и выстроенные единой стеной набережные наводнил шумный люд.

Гулять да праздновать стал народ.

Ведаете, как разуметь, что давеча все худо было — когда слишком сильно радуются, гуляют вовсю, аж глаза лопни. Мол, легко живем, сладко пьем! Эх... Костры догорели, крики стихли, тела сняли с колес, кровь смыли с камней, колья выкорчевали с дорог, покойников предали земле, живых вручили провидению. И очи отворотили, будто и не было ничего, всех оных дикостей, жути энтой.

В Петербург поплыли суда: итальянские, голландские, немецкие и прочие, инженеры и архитекторы прибывали в город, чтобы подготовить его к возвращению императрицы.

Презабавный барин кружил возле Аничковского моста. Суетился под триумфальной аркой, возведенной перед въездом на мост по случаю торжества будущего, приставал к прохожим с намерениями неясными, о чем-то спрашивал, совал руки в карманы пиджака и жилета и благодарствовал на чаек — где рублем, где пятью рублями, а где и полтинником. Малым то и дело подмигнет, полденьги кинет. Чудно одет был барин, ибо по-трошку отличался каждым отдельным нарядом: и пиджаком, и плащом, и сапогами, и брюками, и «фофочкой» на шее, оную носил привычно, не как удавку. Имел чудак широкий лоб, густые черные усы и собственный волос, смоченный и набок уложенный поверх залысины.

Когда я мимо ковылял, то и меня барин не пропустил: бросился, рублем наградил, в глаза пристально заглядывал со словами: «Отец, какой год нынче? Где я, отец? Не тот Питер, не тот...»

Сумасброд, единственным словом, иль, энтово, спиртами разными одурманен.

Зато стихи читал чудные, зловещие даже, не слышал я подобных доселе:

На дорогах высокий гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

В Питер... во как...

А про демона не желаю, не буду сказ вести. Не ведаю, куды он направился, куды понес Ночь под личиной монаха... может статься, что и погиб вовсе, в теле испанского инквизитора, дьявола рогатого, вместе с гнилым мясом в землю ушел... Не спрашивайте старика, зело темное энто дело, кто правду имеет, тот лампу на комоде не гасит за поздним вечером...

Все мы марионетки, все... не стоит обольщаться, не стоит гневаться на старика. Энто так. С тех пор, как появилась из Хаоса богиня Ночной Темноты — Никта. И как народила она от своего брата Вечного Мрака: День, Смерть, Сон, Судьбу, Месть, Рок, Обман, Насмешку, Раздор и Старость... и Харон ее дитя, паромщик в царство мертвых...

Мы — ее забава.

И нет фонарей, что навсегда изгонят Никту и ее отпрysков.

И нет тьмы, что не убоится света в наших сердцах, настоящих, полных верою.

Amen.

Игорь Кременцов

10 ФУНТОВ

Часть 1

Шел 1920 год, я устроился работать на верфи, и мы с Китти зарабатывали весьма неплохо. Нам хватало на съемную меблированную комнату, молоко и говядину к завтраку и на кое-какую одежду. Весьма недурно, когда есть возможность хорошо заработать. Еще лучше, если эта возможность существует постоянно.

Китти была моей сестрой. Ей еще не исполнилось шестнадцати, я же переступил порог совершеннолетия. Мы были очень похожи, я и Китти, как две капли воды из одного стакана. С тем лишь отличием, что во мне все-таки преобладали мужские черты, Китти же была воплощением юной женственности.

Мы снимали комнату в доме неподалеку от вокзала Сент-Панкрас. Не столь далеко, чтобы не слышать гулкого ворчания поездов, но и не так близко, чтобы оно мешало спать. По воскресеньям мы наведывались в церковь Святого Панкратия, но это к рассказу не относится, так как события того времени произошли на территории Сент-Панкрас.

Если вам когда-нибудь доводилось побывать на этом вокзале, впрочем, как и на любом другом вокзале Лондона, то вы должны были видеть множество нищих, которые, будто мухи, во множестве кружат близ лавок на перроне и выпрашивают подаяние. Согласитесь, не

слишком приятное зрелище, особенно для человека чувствительного.

Должно быть, в моих словах присутствует определенная толика жесткости к этим беднягам, обездоленным бессердечной судьбой, но, поверьте, я имею полное право так говорить. Впрочем, как и моя сестра. В свое время мы сами были нищими. После того как отцу всадили нож между ребер в одном из кварталов для черни, нам троим: мне, Китти и матери – пришлось продать почти все. Мать оставила лишь отцовские часы на цепочке, которые впоследствии перешли ко мне и сыграли значительную роль в этой истории.

Я знаю, что такое просить подаяние, потому что мы жили этим больше восьми лет. Думаю, это дало мне право судить о нищих на перроне Сент-Панкрасс. Уверяю вас, это весьма скверные люди, готовые толкнуть вас под поезд только ради того, чтобы занять более выгодное место. Можете не сомневаться лишь в одном – большинство из них невероятно голодны и хотят спать. Проверено на собственном опыте.

Мой путь на работу каждое утро вел через вокзал, по замощенному брускаткой перрону. Сквозь пар поездов и суetu толпы под бой часов на главной вокзальной башне я каждый день шел на верфь. Таким образом я экономил более трех четвертей часа.

Обычно Китти варила мне яйцо, крепкий кофе и заворачивала в газету хлеб с говядиной. С этим-то свертком и связано то, что я обратил внимание на нищенку с ребенком.

Они напомнили мне мать и Китти.

Когда трагически погиб отец, я был достаточно взрослым по меркам лондонского дна. Мне исполнилось восемь. Малышке же, которая впоследствии превратится в моего двойника, едва минул годик.

Я бегал по улицам, обычно там, где много людей, а где еще просить подаяние? Ярмарки, торговые ряды, даже богатые кварталы. Словом, в свое время я подроб-

но изучил все лондонские закоулки. А мать была лишенна возможности беспрепятственно ходить там, где ей заблагорассудится. С годовалым ребенком на руках это затруднительно, и тот, кто скажет обратное, получит оплеуху. От меня...

Эта женщина обратила на себя внимание тем, что сидела на особыцу, отдельно от остальных. Вроде бы ничего особенного, но моему наметанному глазу показалось странным, что вокруг нее нет ни одного бояска, выпрашивающего подаяние. При этом она расположилась в людном, проходном месте, которое иначе как рыбным не назовешь. В обычное время здесь толпится не меньше полудюжины нищих, но сейчас, когда эта боячка с младенцем просила милостыню, рядом с ней никого не было.

Ее словно бы избегали.

На вид ей можно было дать как сорок, так и шестьдесят лет. Впрочем, опыт общения с обитателями лондонского дна подсказывал, что ей не более тридцати. Непосильная ноша бедности вкупе с отчаянием делают из молодых людей стариков. Как снаружи, так и внутри. Нищенка была худая, словно пугало из прутьев, ее одежда представляла собой ветхое рванье, лучшие части которого могли бы сгодиться разве что на половину тряпку. Острые, необычайно широкие скулы делали настолько разительной худобу лица, что казалось, будто по обеим сторонам его зацепили невидимыми крючьями и теперь изо всех сил растягивали. Когда-то голубые глаза ныне выцвели в оттенок посеревшего от времени теста и были посажены так глубоко, что можно было подумать, будто их притянуло к затылку магнитом.

В руках нищенка держала сверток тряпья, имеющий очертания крохотного человечка. Кто внутри, девочка или мальчик, определить было невозможно.

Это до такой степени напомнило мне детство, что дыхание перехватило. Прошло много лет, мать умер-

ла, а Китти выросла, превратившись в красавицу, но я снова словно был тем самым ребенком, снующим в толпе. Как будто я пришел к родным, чтобы отдать им выпрошенные пенсы — на эти деньги мать покупала для Китти еду, так что я в каком-то смысле был кормильцем.

Не совсем понимая зачем, я остановился. С тех пор как мы с сестрой стали жить нормальной жизнью, я никогда не останавливался перед нищими. Даже если кто-то из них был родом из моего прошлого.

Костлявое существо с ребенком сидело прямо на брускатке, а это весьма непросто. Попробуйте стать на колени в рассыпанный сухой горох. Подобные ощущения вы испытаете, если будете долго сидеть на твердой поверхности, имея телосложение смерти со средневековых карикатур.

Несложно было догадаться о том, что нищенка хотела есть. Голод выжигал ее изнутри, заставляя внутренности ссыхаться до размеров, вдвое меньших, нежели положено природой.

В кармане пиджака газетный сверток с едой потяжелел. Он камнем тянул меня к земле. Я никогда не смогу съесть камень, каким бы вкусным он ни был. Боякам в этом деле проще, они привыкли есть что угодно.

Как будто ничего не изменилось... Женская худоба. Нет, не худоба — критическое истощение, за которым обмороки, галлюцинации и смерть. Грязный сверток со спящим ребенком внутри. Вокзал, шум, люди, и никому нет дела. Я принес пенни для Китти...

Я стоял и смотрел. Время наворачивало круги на тысячах циферблотов. Секунды спешки, минуты отставания, ржавчина шестеренок и разбитые стекла часов — ничто не способно вернуть вас в прошлое. Кроме воспоминаний.

Сверток с едой стал еще тяжелее. Я не мог больше выносить мертвого груза в кармане, а потому вытащил хлеб с говядиной, чтобы отдать это все скелету

в тряпье. Еда нужна, чтобы наполнить молоком материнскую грудь. Увы, у этой женщины наполнять было нечего — груди нищенки давно иссохли и не могли выполнять предназначенную им природой функцию. Но камень в кармане я таскать тоже не собирался.

Я протянул нищенке еду, и внезапно произошло нечто, заставившее меня изумиться. Тонкое лицо, череп, покрытый папиросной бумагой, озарилось оскалом. Босячка открыла рот, и я увидел, что добрая половина зубов у нее отсутствует. Что до остальных — они были черные, пропитанные гнилостью и дурным запахом. Впрочем, мое удивление вызвало не это.

Нищенка взглянула на меня притянутыми к затылку глазами и отрицательно помотала головой. Я развернул газету, показывая содержимое. Тонкие губы заходили вверх-вниз, кожа лица еще сильнее натянулась, отчего казалось, что скулы прорвут в ней дыры. Женщина заговорила со мной.

— Нет, сэр. Не надо. Хлеб не надо. Я не буду, и она не будет.— Тонкая паучья рука коснулась ребенка.— Нужно другое, нужны деньги. Вы видите? Хотя бы немножко. Прошу вас. Иначе она не будет жить... Прошу вас. Деньги... Вылечить.

Только тогда я увидел фанеру с выцарапанной на поверхности надписью. Видимо, писали чем-то вроде обугленной головни, вычерчивая буквы черным и одновременно вытравливая их тлеющим деревом.

«Если вам не безразлично то, будет ли жить моя дочь, подайте на лечение, кто сколько способен».

— Не нужно пищи, прошу вас, сэр... Я не хочу есть. Я должна спасти ее. Она будет жить... Будет, будет, будет... Он сказал, что вылечит. Нужны лишь деньги.— Скелет в ложмочьях закатил глаза. Показались серые, с синевой вен, белки. К моему горлу подступила тошнота.

Нищенка наклонилась над ребенком, коснулась его губами и вновь просительно повернулась ко мне. Она

стала тихонько раскачиваться, что-то беззвучно причитая.

Из вороха тряпок, твердых от грязи и шевелящихся от мух, на меня уставилось лицо крохи. Дитя было объято тем самым сном, который иногда пугает родителей, и он, скорее всего, был усугублен голодом или болезнью. Казалось, девочку ничего не разбудит. Синее, в грязных разводах лицико застыло совершенно неподвижно. Один глаз был закрыт, тогда как другой невидяще глядел сквозь меня. Возможно, причиной послужил паралич или судорога, а может быть, малышка еще не умела бессознательно контролировать мышцы во сне. Как бы там ни было, выглядело это пугающе.

В следующий миг я отскочил, потому что нищенка сунула вперед своего младенца. Засаленные лохмотья свертка едва не коснулись моего лица. Сработал оборонительный рефлекс, и я вскинул перед собой руки, оттолкнув дитя.

Позже я опишу то непонятное чувство, внезапно завладевшее мной, пока же только скажу, что развернулся и зашагал прочь. Быстро, едва не переходя на бег. Меня знобило от омерзения, но оно возникло не от прикосновения к ребенку. Мне отвратительна была мать, готовая на все, лишь бы выжать из чужого кармана хоть пенни. На любую ложь.

— Деньги, сэр. Прошу вас, очень нужны деньги. Иначе он не будет ее лечить... Ему нужны деньги. А все остальное он умеет. Прошу вас, будьте добры... Сэр! Сэр! Куда вы...

Наверное, впервые в жизни я так быстро миновал перрон Сент-Панкрас. Позади раздавались вопли, постепенно заглушаемые шумом вокзальной суеты. Сверток с едой я кинул под остановившийся поезд. Тотчас, как крысы, к нему ринулись несколько оборванных фигур, но я не стал следить за тем, что будет дальше.

Прикосновение к ребенку не выходило у меня из головы.

Часть 2

Кажется, никогда работа на верфи не отнимала у меня столько сил. И причина была совершенно не в выброшенном обеде. Некий червячок сомнения ворочался в груди, не желая утихомириться. Я не мог выкинуть из головы утреннюю встречу. Нищенка на вокзале подействовала на меня крайне странно, и это не давало мне покоя.

Возвращаясь домой той же дорогой, я не увидел нищенки. Должно быть, днем она с ребенком уходила куда-то отсыпаться, потому что ночью полисмены не позволяют бродягам спать в общественных местах. Можете сколько угодно сидеть на лавочке в сквере, но не дай вам Бог закрыть глаза.

Весь вечер я был сам не свой, и Китти заметила это. Несколько раз она пыталась выведать, что же такое случилось, отчего я хожу, как в воду опущенный, ни дать ни взять с привидением повстречался.

И тут я понял, что она не столь уж далека от истины. От этого меня бросило в пот, и Китти решила, что я заболел лихорадкой. Ни в чем ее не разубеждая, я стоял у окна, погрузившись в мысли.

Бледное лицо, местами серое от грязи. Ребенок был худ, но не до такой степени, как его мать. Лицо девочки напоминало восковую маску, на которую многократно проливали грязную воду. Влага испарялась, грязь оставалась на месте, впитываясь в чувствительные детские поры.

Дитя спало... Да, спало. Крепкий сон, от которого не пробудит даже открытый глаз. Отчего-то я готов был побиться об заклад, что глаз этот не закрывался очень долгое время. Мало того, он открыт до сих пор и сейчас пялится в никуда, мутный и холодный. Будто голубиное яйцо с нарисованным зрачком.

Господи, это похоже на безумие, но время, проведенное среди обитателей лондонских трущоб, научило меня брать в расчет даже то, что не поддается логике. Сытой человеческой логике.

Доведенное до отчаяния человеческое существо лишается всего того, что делает его человеком. Вместе с жиром и мясом бедность высасывает из вас мораль и нравственность. То, что кажется страшной сказкой благополучному обывателю, вполне может стать обыденной реальностью для живого скелета, подобного вокзальной нищенке. Все что угодно, даже святотатство с ребенком...

Мертвым ребенком!

Второй глаз, закрытый веком, такой же мутный и холодный и видит ту же самую темноту.

Лицо малышки, когда я коснулся его, выставив перед собой руки, было холодным. Не просто холодным. Ледяным. Таким бывает застывшее мясо, пролежавшее в погребе несколько дней. Только мясо никто не берет с собой на вокзал и не выпрашивает деньги на его исцеление.

«Если вам не безразлично то, будет ли жить моя дочь, подайте на лечение, кто сколько способен».

Нет, невозможно. Хотя за свою жизнь я много раз слышал о том, что цыгане крадут грудных детей, чтобы ходить с ними по ярмаркам и просить подаяние. Дети умирают, но их не хоронят, таская в тряпичных конвертах до тех пор, пока младенец все еще напоминает живого... Поговаривали, что и англичане не брезгуют подобным. Слава Богу, мне не привелось встретиться с такой мерзостью. Хотя мог ли я быть уверен после всего, что произошло?

Лицо девочки было стылым. Как говядина из погреба, которую Кигги каждый вечер достает, чтобы приготовить мне обед. Но ведь можно предположить, что это паралич. Поэтому глаз всегда открыт, а мать хочет излечить девочку от недуга. Мышцы, которые долгое время бездействуют... Могут они быть холодными? Да! Или нет? А может, у девочки что-то с кровеносной системой.. Или просто она замерзла. Да, верно, замерзла!

Каких бы предположений я ни делал, стоя у окна и всматриваясь в сгущающиеся сумерки, где-то глубоко

внутри зрела уверенность в том, что девочка мертва. Уверенность эта крепла с каждой минутой, с каждой продуманной и отмеченной догадкой.

Как обычно, к десяти, когда гасят фонари, мы с Китти легли спать. Спустя несколько часов, за полночь, я проснулся от собственного крика. Рядом стояла сестра, взлохмаченная и напуганная. Похоже, что она струхнула не меньше моего, но только в реальности. Ее напугал я, а меня испугала женщина-скелет с мертввой (мертвой ли?) девочкой на руках.

— Деньги, сэр. Прошу вас, очень нужны деньги. Иначе он не будет ее лечить... Ему нужны деньги. А все остальное он умеет. Прошу вас, будьте добры... Сэр! Сэр! Куда вы...

Она протягивала ребенка, бесконечно повторяя слова, брошенные утром мне в спину. Девочка следила за мной своим глазом, и я мог поклясться, что она совсем не мертвая.

Или, скорее, не совсем мертвая.

От этого я закричал и проснулся.

Получасом позже я выходил из дома полностью одетым. Лондон встретил меня мрачной сыростью туманных ночей. Обычная погода, привычная с детских лет.

Я направился к вокзалу Сент-Панкросс, по пути сделав небольшой крюк к церкви Святого Панкратия. Наверное, глупо, но на душе полегчало. Я постоял у дверей, тихо вознося мольбу о том, чтобы мои подозрения не подтвердились.

Иногда молитвы помогают. Иногда — нет.

Часть 3

В ту ночь мне показалось, что Китти права, и я заболел лихорадкой, от которой тело трясется, будто осиновый лист, а в голове появляются бредовые идеи. Тем не менее я продолжал бродить в поисках нищенки.

Больше двух часов я метался по вокзалу и его окрестностям. Повсюду, ныряя в темноту под деревьями и выныривая у погасших фонарей, сновали десятки черных, исхудавших от бедности людей. Они не обращали на меня ни малейшего внимания, но взгляды некоторых из них обжигали. Особенно после того, как я пару раз поинтересовался, где может находиться женщина с ребенком, у которого, судя по всему, паралич. Мне в спину, а иногда и в лицо, летели смешки, угрозы и проклятия. Я плутал по окрестностям Сент-Панкрас, дрожа от холода и непрошеных мыслей.

Нищие не покидают своих мест. Для них территория, подобная вокзальной, где можно переночевать, погреться и выпросить милостыню, все равно что лесная чаща для волков. Куда бы зверь ни уходил на охоту, все равно он возвращается к своему логову. Особенно это касалось тех босяков, у которых не было хоть какого-нибудь жилья. Поэтому я искал нищенку поблизости от вокзала.

К несчастью, я смог ее найти — прямо на платформе, близ прибывшего поезда. Будто черный призрак, худая, как смерть, она грелась в облаках пара, выбивающегося из-под вагонов. Настоящее привидение в тумане. Пассажиры внутри, те, кто по какой-то причине не спал, недоуменно рассматривали это чудо.

Черный призрак укачивал дитя. В белых клубах это смотрелось настолько причудливо и в то же время обыденно, по-человечески, что я усомнился в своих домыслах. Так могут убаюкивать лишь живого ребенка.

Белые языки пара облизывали их с дочерью. Казалось, что нищенка стоит в огромном куске полупрозрачного теста. Лишь немногие клубы пара дотягивались до моей одежды, по большей части рассеиваясь в нескольких футах от места, где я стоял.

Я уже упомянул звериные черты обитателей лондонского дна, но не могу не подчеркнуть особо того чутья, что превращает голодных людей в хищников.

В данном случае чутье заставило нищенку бежать, но сам факт бегства не меняет глубинной сущности дикого зверя; убегая, он не перестает быть хищником.

В какой-то момент я понял, что смотрю на пустой участок перрона. Поезд подпустил тумана, белая стена стала гуще, но ни бродяжки, ни ребенка там больше не было. Чутье подсказало хищнику, что нужно бежать. Я начал озираться по сторонам и вновь заметил женщину на другом конце вокзала. Она оказалась там невероятно быстро; трудно было ожидать от столь измощденного существа такой скорости. Тонкая черная тень мелькнула вдалеке, сливаясь с сырой ночной темнотой. Я бросился вслед, кляня собственную беспечность. Как можно было упустить ее, подбравшись так близко!?

Расталкивая полночных пассажиров, оставивших поезд, чтобы подышать воздухом, я мало-помалу прошел путь босячки. Готов биться об заклад, у меня на это ушло вдвое больше времени. Когда я пересек Сент-Панкрайс, ее след уже растворился в лондонской ночи. Передо мной расстилалась обширная территория, густо застроенная складами и ремонтными бараками. Между ними ручейками петляли ржавые рельсы, скучно освещенные лишь несколькими фонарями. В такой темноте искать нищенку будет не легче, чем на окраинах Лондона с накрепко завязанными глазами. Здесь я был слеп и беспомощен, как ребенок, который стал причиной моих ночных похождений.

Я надумал идти домой. В сложившихся обстоятельствах это было самым мудрым решением. Перечеркивая так нежданно возникшую здравую идею, появилась мысль сократить путь и пойти напрямик. Все-таки я знал Лондон как свои пять пальцев, а это дает преимущества в любое время дня и ночи.

Я спрыгнул на рельсы и пошел вдоль путей, меряя шагами расстояние между шпалами. Вскоре показался забор; перемахнув через него, я окажусь в проулке, от которого рукой подать до нашего жилища.

Все-таки, несмотря на работу с неплохим заработком, нормальную еду и теплый очаг, во мне по-прежнему жил уличный мальчишка. Присущее париям чутье никуда не делось, оно неискоренимо и живет в глубине души долгие годы. Затаившись, оно ждало случая показать себя. Это оно, а не я, приняло решение проложить путь меж мастерских и бараков.

Гигантская птица выпорхнула из груды мусора, на-валенной поперек рельсов. Она попыталась взлететь, но не смогла и нелепо, словно марионетка в руках пьяного кукольника, побежала. Худая, черная, облаченная в лохмотья птица. Должно быть, полету мешал грязный кулек из тряпок, в котором лежало дитя; крылья птицы-смерти прижимали его к груди.

— Стой! — Я дюжину раз выкрикнул это слово, прежде чем нагнал нищенку. Впрочем, «нагнал» — не то слово. Скорее, я настиг ее, по-хищнически безжалостно, о чём сожалею и поныне.

Погоня длилась минут пять. Бродяжка пыталась ускользнуть, но тщетно. Было видно, как силы покидают костлявое тело, и казалось удивительным, что она каким-то образом способна бежать. На мгновение нищенка пропала из виду. Я безуспешно пытался разглядеть ее в темноте, когда мое внимание привлекли доносящиеся откуда-то сверху звуки.

Чуть в стороне из темноты проступал исполинский дом, напоминающий могучий каменный утес на речном берегу. Это было трехэтажное здание заброшенного склада, и нищенка, вместо того чтобы попытаться обогнать его, карабкалась по пожарной лестнице. Она, верно, рассчитывала попасть в дом через одно из окон, в которых давно уже не было даже намека на стекла или ставни.

Должно быть, к нам уже мчались сторожа — шум погони не мог не привлечь их внимания. На какой-то момент я пожалел, что ввязался в эту историю, и усомнился в собственном психическом здоровье, а потом

подпрыгнул на полфута и уцепился руками за нижнюю перекладину пожарной лестницы.

Здание склада было старым, и лестница, которая должна была выдерживать вес нескольких человек, оказалась гнилой. Наверху что-то хрустнуло, в глаза мне посыпалась труха, и некий мягкий черный предмет, задев меня, упал на землю.

Еще несколько секунд я продолжал подниматься, моргая и пытаясь избавиться от проклятой трухи. Затем пришло понимание того, что именно сейчас подо мной приземлилось. Крики наверху, и черная тень, сползающая по лестнице, подтвердили мою догадку. Нищенка уронила ребенка.

Внутри все оборвалось. Я разжал руки и прыгнул, молясь лишь о том, чтобы не задеть дитя. Впрочем, дальнейшие события показали, что ничего не изменилось бы, даже если бы я приземлился прямо на него.

Я склонился над ребенком, невольно сдерживая дыхание. Темнота надежно скрывала от глаз то, во что превратилось тельце, но света хватало, чтобы понять: дитя совершенно неподвижно. К тому же оно не издавало ни звука, а в ноздри мне ударил запах, навевающий образы конюшен и дохлятины.

Сверху плюхнулась нищенка. Колени ее, не выдержав, подломились, и она рухнула наземь, распластавшись возле своего отпрыска. Я помог ей встать; меня не оставляло ощущение, что я поднимаю цаплю,— настолько легкой оказалась бродяжка. Она беззвучно рыдала, с изрядной частотой вклинивая в плач слова о том, что дочку нужно вылечить. Из ее фраз я понял, что малышку звали Эверет. Девочка по-прежнему была неподвижна.

Порывшись в карманах, я нашел зажигалку. Фитиль изрядно отсырел — работа на верфи, в постоянной морской влажности, и ночная прогулка по туманному Лондону не прибавили ему сухости. Я возился с минуту, пока, наконец, огонек не заплясал на сырых волокнах. Все это время я не мог сказать ни слова.

Картина, которую огонь вырвал из промозглой ночной темноты, и вовсе лишила меня дара речи. Нищенка склонилась над ребенком. Подобно смерти, она простирала к Эверет руки — свои длинные, тонкие, паучьи конечности.

Думаю, три недели назад Эверет еще было можно вылечить, но нынче же девочке не помог бы ни один самый искусный Эскулап. В желтом дрожащем свете дитя смотрело на меня все тем же единственным открытым глазом. Второй был закрыт. Мне показалось, что кроха улыбается, но причиной тому был удар о землю, который выбил ребенку челюсть, создав на лице ухмылку мертвого чеширского кота.

Эверет смеялась над тем, как ловко ей удалось привести дядю.

Часть лохмотьев, в которые была завернута девочка, остались в руке у матери, остальные разметались от столкновения с землей. Словом, я прекрасно видел, что собой представляет тельце и откуда идет запах гнилья.

Лицо сохранилось лучше всего. Что до остального, то ручки и ножки трупика блестели от слизи и были густо покрыты неровными черными пятнами. Некоторые отметины, едва проявившиеся, напоминали синяки, другие же, зрелые, щерились наружу уродливыми язвами, в которых что-то копошилось. Самое большое и глубокое пятно было на животе. То, что там шевелилось, мало-помалу высыпалось наружу и продолжало двигаться уже на земле.

— Девочка моя... Ничего страшного, ничего, я тебя вылечу, обязательно. Как давно ты не улыбалась, милая... — Женщина подхватила труп, покрывая поцелуями застывшее лицо. Внутри меня, казалось, произошел взрыв. Из эпицентра в сердце взрывная волна пошла вниз жестким спазмом в животе, вверху отздавшись тошнотой.

Нищенка стала заворачивать Эверет. Ее слова и та интонация, с какой они произносились, погружали меня в

оцепенение. Я понял: она верит, будто малышку кто-то способен вылечить. Мне захотелось ударом повалить эту безумную женщину наземь и бить, бить, бить ногами... Пока птичье тело не превратится в груду ломаных костей, обернутых грязно-кровавым тряпьем.

— Посмотрите на мою крошку. Вы видите, сэр, она вам улыбается. Вы ей понравились.— Улыбка ребенка влажно поблескивала, и оттуда, сонная и замерзшая, недовольная тем, что ее потревожили, выползла жирная муха. Она свалилась, и у самой земли, будто опомнившись, взлетела, растворившись за пределами светового пятна.— Сэр, по вам видно, что вы настоящий джентльмен, не способный оставить в беде несчастную женщину с больным ребенком...

Ее зубы гнилым частоколом торчали из воспаленных десен. Мне казалось, что муха, выпавшая изо рта Эверет, обязательно станет искать приют между зубами у нищенки. Возможно, она уже это сделала.

— Господи, сначала я подумала, что вы охотитесь за мной, как те...

Должно быть, под «теми» она подразумевала людей, узнавших правду об Эверет и пожелавших отобрать мертвое дитя, чтобы похоронить его. Впрочем, она вполне могла говорить о полицейских или о боярках, которые не желали делить с ней место на Сент-Панкранс. По крайней мере, пока она носила с собой это...

— Но вы не такой, вы другой... ведь так? — Наши взгляды скрестились. Зажигалка в ладони раскалилась почти докрасна, но я не чувствовал боли — она маячила где-то за пределами сознания. Я целиком сосредоточился на этих двоих... Вернее, на одной, той, которая была матерью. Должно быть, она расценила блеск в моих глазах превратно и попыталась придать голосу томность.— Мне очень нужна эта сумма, сэр. Один фунт. Я готова сделать для вас все что угодно. Вы много раз захотите почувствовать то, что я могу предложить. Ваши глаза блестят...

Кожа начала чадить. Боль в ладони стала явственнее. Кажется, я услышал шипение.

Нищенка сделала шаг ко мне, предпринимая попытки задрать юбку. Я не позволил ей сделать этого.

— Стой! Господи... стой там! Не приближайся! — Каждое слово, вылетая наружу, царапало мои губы, будто птица — перьями. Во рту стало сухо.

— Джентльмен боится, что его возлюбленная узнает про нас. Я уверяю, ничего подобного не случится. Всего лишь фунт, сэр. Или сколько сможете, прошу вас. Тогда он вылечит мою малышку... Он обещал!

— Нет! Стой, где стоишь! Иначе ты ничего не получишь! Не подходи! — Теперь мне уже не хотелось забить нищенку до смерти. Я желал лишь одного — бежать подальше от проклятого места.

— Да, джентльмен. Как скажете,— забормотала, попятившись, женщина. Эверет все так же насмешливо смотрела на меня единственным открытым глазом. Свернутая челюсть сползла вниз, отчего казалось, будто трупик беззвучно хохочет. Я был недалек от того, чтобы услышать ее смех наяву.— Прошу вас, дайте фунт, или сколько сможете. И он вылечит ее, обязательно вылечит. Прошу вас, сэр... Ему нужно десять фунтов. Он всегда берет такую сумму. И всегда вылечивает. У меня уже есть девять. Спрятаны надежно, так, что не найдет ни одна пронырливая крыса. Еще один, сэр, всего лишь один.

Что такое фунт для обычного человека? Для того, кто имеет постоянную работу, жилье, семью, кто может позволить себе приличную еду, это треть месячной зарплаты. Для нас с Китти это две трети моего заработка на верфи, который позволяет нам жить по-человечески. Для нищего это месяц, а то и более, сыртной жизни, недорогая, но чистая ночлежка и возможность раздобыть себе теплую одежду, спасающую от ночной сырости.

Девять фунтов ровно в девять раз умножают ценность того, что я перечислил.

Если нищенка не лгала, то... То это значит, что безумие способно совершить невозможное. Судя по трупным пятнам, девочка умерла не более трех недель назад. Раздобыть за это время подобную сумму исключительно подаянием — невероятно. Впрочем, недавние слова нищенки свидетельствовали о том, что она торгует своим телом, хотя сомнительно, чтобы это принесло ей хоть грош.

И все-таки я понимал, что она не врет, хотя сей факт был выше всякого уразумения.

Боль в ладони стала нестерпимой. Приближался критический момент, когда зажигалка раскалится настолько, что неминуемо случится взрыв.

Мои чувства пришли в полное замешательство. Теперь мне не хотелось бежать отсюда и тем более бить нищенку. Я всей душой хотел увидеть человека, посмевшего обмануть безумную мать, таскавшую труп собственного ребенка в надежде на чудо воскрешения.

Боль стала нестерпимой, но я не позволял себе погасить огонь, иначе темнота сокрушила бы все преграды, стоящие между мной и нищенкой. Отчего-то я был уверен, что женщина пойдет на все, даже на то, чтобы перегрызть мне горло. Пусть шансов совершить убийство с грабежом у нее было меньше, чем воскресить Эверет, я боялся даже вообразить, что это существо коснется меня своими руками-крючьями. Поэтому зажигалка перекочевала в другую ладонь. Тотчас кожу пронзило огнем, и в голове у меня слегка прояснилось.

— Мэм... Боже... Вы что, ничего не видите? Посмотрите на нее... — Мой голос сорвался на визг, настолько пересохло во рту; чтобы избавиться от этого ощущения, я готов был искусать язык до крови.— Она же мертвая. Вы безумны...

Нищенка отпрянула. Теперь полутьма скрывала ее. Из-под темного покрова ночи на меня смотрел дикий, изголодавшийся зверь, ведомый самым сильным инстинктом в природе — инстинктом материнства.

— Не смейте говорить так, сэр! Слышите?! Вы никакой не джентльмен! Тогда вы такой же, как они... Такая же чернь, как эти ублюдки, пытающиеся похитить у меня деньги на лечение Эверет. Господи, да! Я знала, зачем вы гонитесь за мной! Чтобы забрать мои фунты...

Нищенка встрепенулась было, готовая прыгнуть в темноту и бежать куда глаза глядят, но я успел остановить ее жестом и словом.

— Стой! Мне не нужны твои деньги! Я богат... — По сравнению с ней я и вправду был богат, пусть даже десять фунтов мне могли лишь присниться.— Просто я ошибся... Ошибся. Ведь каждый имеет право ошибиться, так? У твоей дочери слишком странная болезнь... Прости. Ты должна пойти в полицию. Мы вместе пойдем, и там ты все расскажешь. Они помогут тебе... Спастиесь от людей, которые хотят отобрать твои деньги. Я тоже тебе помогу.

— Нет, сэр, нет. Я не верю вам, слышите... — В ее голосе появилась дрожь. Готов поклясться, что она расплакалась бы, но в ее тщедушном теле, иссущенном до костей голодными буднями, несталось влаги даже для этого.— Вы врете... Все врете. Они желали зла нам с Эверет. И вы тоже. За что это все на наши головы? Господи, если бы моя родная крошка не заболела...

Один Бог видит, что способно было заставить ее пойти со мной. Думаю, легче уговорами совладать с дикой волчицей, нежели с человеком, столь сильно погруженным в омут сумасшествия. Я знал, что она отсюда никуда не двинется. Со мной она не пойдет.

— Нет! Ты слышишь? Нет, и еще раз нет... Ты должна мне поверить. Ради себя. Ради твоей малыши. Скажи мне, хотя бы, как зовут доктора, который исцелит Эверет?

— Идите к дьяволу, сэр! Будьте вы прокляты! Я не скажу вам его имя. Боже, я жалею, что сказала вам, как зовут мою дочь... О, я поняла! Я раскусила вас! Вам не нужно идти к дьяволу, потому что вы и есть дьявол. Вам нужны

имена, чтобы забирать невинные души! Господи, зачем я сказала, как зовут мою крошку... Боже, Боже, Боже... Изыди, тварь! Уйди с нашего пути! Слышишь? Слышишь!

Она сорвалась на крик, а из глаз, вопреки моей уверенности в том, что это невозможно, хлынули слезы. Крупные и густые, похожие на слизь, такие бывают, если организм сильно обезвожен. Бедняжка давно не заботилась о собственной еде и питье.

— Я не дьявол! Понимаешь? Не дьявол! Дьявол забирает по грехам, но не по именам. Кому ты хочешь отнести девочку, говори? Если скажешь, я дам тебе фунт.— Я должен был узнать, кто этот негодяй. Узнать и рассказать все в полиции.

— Не могу! Он не велел! Он единственный джентльмен в этом проклятом мире, и я прекрасно его понимаю. Вы все охотитесь за ним, потому что он способен совершить чудо. Какие же вы твари... Я вас всех не навижу! Ну почему? Почему вы не даете нам с Эверет покоя? Будьте вы прокляты... Будьте прокляты небом, землей, всем, чем только можно! Пусть Бог проклянет вас, твари!

Ее трясло. Тело трепетало от мелкой дрожи, которая была вызвана отнюдь не холодом. Между словами она неуловимо быстро покусывала губы, и красные капельки стекали по подбородку, ныряя в черноту лохмотьев, закрывающих грудь. Видимо, у нищенки начиналось что-то вроде эпилептического припадка. Вскоре вместе с кровью ее рот стал источать пену, вздувавшуюся липкими красными пузырями.

— Твари, твари, твари! Проклянет вас! Проклянет, проклянет, проклянет! Бог! Твари, твари... — Нищенка без остановки повторяла ругательства, перемежая их проклятиями. Она не способна была остановиться.

Эверет смотрела на меня своим открытым глазом. Возможно, она погибла из-за подобного припадка матери. Я встретился с ней взглядом и понял, что тожехожу с ума.

Дитя мне подмигнуло. Боль в ладони доползла до костей и теперь, будто крот сквозь землю, пытаясь выйти с другой, тыльной, стороны. Послышалось шипение. Это поджаривалась кожа. Вместе с ней, будто шкварки на противнике, шипели и плавились линии моей судьбы.

Малышка в руках матери ухмылялась, и дело было не в вывихнутой челюсти. Все это время Эверет смеялась над чужим дядей, который дрожал от боли и страха. Думаю, никогда в жизни, ни до, ни после того случая, я не пугался так сильно.

Второй глаз Эверет открылся. Возможно, причиной тому стала одна из личинок в голове девочки, а вероятнее всего, это была галлюцинация, вызванная пляской теней на детском личике. Как бы там ни было, дитя взглянуло на меня и рухнуло лицом вниз, потому что нищенка разжала руки. Дочка вывалилась из них, будто набитый куль. И слава Богу. Если бы труп смотрел на меня и дальше, я потерял бы сознание.

— Проклянет, проклянет, проклянет, проклянет, проклянет! — Женщина опустилась на колени. Медленно, будто кобра, уползающая в горшок факира, она подобралась к трупу и обмякла. Она легла на дочь, укрыв Эверет костлявым одеялом своего тела. Не прекращая бормотать проклятия, нищенка корчилась в судорогах, истекая красной пеной. В давние времена ее сочли бы одержимой и сожгли бы.

Я уже не разбирал слов. Голова разрывалась от гула, а зрение расплывалось тучей красных пятен. Они в точности походили на крути алых пузырьков, усеивающих губы боячаки.

Тут руку объяла острыя, обжигающая боль. Вспышка и оглушительный хлопок швырнули мир в омут сырой ночи. Зажигалка взорвалась прямо в моей ладони, и это частично привело меня в чувство.

Темнота вокруг была жирной и тягучей, словно масло, которым на заводах обрабатывают станочные детали. Казалось, ее можно коснуться рукой, испачкав-

вшись, будто в дегте. У нее был свой вкус и запах. Пригорюно-сладкий аромат гнили, несвежего мяса и живых личинок. Аромат Эверет.

У темноты также был голос. Он принадлежал нищенке, которая билась в припадке, источая проклятия. Тьма надежно маскировала происходящее, но мне хватало и того, что я слышал. Нет ничего страшнее безумия; той ночью я навсегда уверился в этой мысли.

Понятия не имею, чем я руководствовался, когда стал рыться в карманах брюк, пытаясь выудить оттуда... Нет, не английский фунт стерлингов. Подобная сумма была слишком велика, чтобы таскать ее по ночному Лондону. Я достал отцовы часы. Золоченый кругляш на платиновой цепочке, который я всегда носил с собой. Они шли в точнейшей согласованности с циферблатом на главной башне Сент-Панкрас и стоили почти фунт. Самая дорогая вещь у нас с Китти.

«Деньги, сэр. Прошу вас, очень нужны деньги. Иначе он не будет ее лечить... Ему нужны деньги. А все остальное он умеет. Прошу вас, будьте добры... Сэр! Сэр! Куда вы?»

Мне стало плевать, как зовут этого мерзавца, который обязался вылечить Эверет. Все равно, что будет с нищенкой, когда она поймет, что ее надули. В тот миг я был чужд всему, будто египетский сфинкс, и меня не волновала дальнейшая судьба часов. Я бросил их в содрогающуюся гору тряпья и что есть сил кинулся в темноту.

Застывший детский взгляд еще долго сверлил мою спину; я мчался, пока не почувствовал себя вне досягаемости этих мертвых глаз.

Голос нищенки еще долго преследовал меня, прежде чем я понял, что он звучит в моей голове. Я молил-ся о том, чтобы он замолчал.

Иногда молитвы помогают. В ту ночь они оказались бессильны.

Часть 4

Я отправился на верфь, скрывшись от всех в одном из дальних ее уголков. Слух улавливал отголоски ночной работы. Мужчины, среди которых было много бродяг, зарабатывали свои гроши погрузкой угля в трюмы кораблей. Все вокруг потонуло в густом предутреннем тумане; от влажного воздуха, проникавшего под одежду, била дрожь. Впрочем, погодные неудобства ничуть меня не смущали, я вообще не замечал их.

Боль в ладонях по-прежнему не чувствовалась. Я смотрел на выжженные стигматы, покрытые крупными мокрыми волдырями, и не мог понять, отчего они настолько безболезненны. Видимо, шок притуплял ощущения, и лишился я даже пальцев на руке, боль смахивала бы на легкий зуд.

Я пробыл на верфи до самого утра, промокший и дрожащий непонятно отчего — то ли от холода, то ли от ночных впечатлений. Едва рассвет забрезжил над горизонтом, а мокрая пелена в воздухе поредела, я отправился на работу, отбыв там положенное время и за весь день не произнеся ни слова. Мужчины, работавшие рядом, изумленно переглядывались и пожимали плечами, не решаясь, однако, завести беседу.

Кожа стала слезать с ладоней липкими розовыми лохмотьями, напоминающими вареную свиную шкру. Жжение со временем усилилось, но я не придавал ему значения. Нынешняя боль была сущей ерундой по сравнению с тем, что пришлось испытать ночью.

К сумеркам, когда рабочий день завершился, я понял, что не способен сделать и шага. Ноги подкашивались, а внутренности выворачивали рвотные позывы, хотя со вчерашнего ужина у меня во рту не было ни крошки.

Я не припоминаю, как добрался до дома. В памяти остались лишь красные пятна, едкая густая пелена, застилавшая обзор, и уличный гул, витавший где-то на

границах восприятия. Последним запечатлевшимся в голове воспоминанием было то, как я добрел до квартиры, постучал в дверь и рухнул прямо на руки Китти. Лицо сестры было заплаканным, словно она не спала всю ночь.

Почти сутки пребывания на улице вкупе с пережитым не могли не сказаться на моем здоровье. Несколько дней я метался в лихорадке. Все это время Китти не отходила от изголовья моей кровати, отпаивая меня отварами и лекарством. Увы, это было лишь прелюдией несчастья, поразившего не столько меня, сколько сестру.

Моя лихорадка вылилась в чахотку. Сырость и холод посеяли в легких семена болезни.

Работа на верфи больше не приносила нам с сестрой ничего. Ее попросту не стало. Мне обещали придержать местечко, но болезнь затянулась. Все наши деньги Китти потратила на барсучий жир, который, как известно, помогает в борьбе с туберкулезом.

Китти никогда не узнает о том, что случилось в ту злосчастную ночь.

Сестра стала худой и черной. За два месяца, что я лежал в постели, она постарела на много лет. Казалось, время пошло для бедняжки быстрее, отчего морщины и дряблость явственно проступили на ее лице. Теперь я знаю, что в какой-то мере так и было.

Плевательница для мокроты, стоявшая под кроватью, очень скоро перешла сестре по наследству. К тому времени, как барсучий жир восстановил мои легкие, а запас денег иссяк, Китти подхватила чахотку. Это произошло в самый тяжелый для подобного недуга период — зимой.

Мы снова стали обитателями лондонского дна, отличаясь от бояков лишь тем, что у нас все еще была комната. Мой золоченый кругляш, часы на цепочке, пришли бы тогда как нельзя кстати: мы могли бы заложить их.

Временами я молился. О том, чтобы Китти выздоровела, а нищенка никогда более не появлялась на моем пути.

Китти проводила дни под одеялом, словно в кокон, кутаясь в ткань, пропахшую мускусом и заразой. Небо нависло над крышами пеленой серых туч, сыпавших редкими колючими снежинками. Я снова отправился на верфь в канун Рождества. В это время отыскать работу так же сложно, как собрать десять фунтов на лечение мертвеца.

В тот день я так и не попал на верфь, потому что путь мой пролегал через вокзал Сент-Панкросс.

Временами молитвы сбываются. Но чаще всего происходит совсем наоборот.

Часть 5

На вокзале царила предпраздничная суматоха. Столпотворение, не затихавшее ни на секунду, своей суетливостью вполне могло соперничать с мириадами снежинок, бешеною круговортью заполнявших лабиринты лондонских уочек.

Сент-Панкросс принял на себя мощный людской поток. Тысячи лондонцев забивались в поезда, чтобы на праздниках нанести визиты родным и близким. Места в вагонах им освобождали те, кто приезжал в столицу из разных уголков Британии, а то и из Европы, чтобы вдоволь насладиться незабываемой праздничной атмосферой, присущей лишь Лондону с его мягкой рождественской погодой. Нигде более вы не почувствуете аромат Рождества так ярко. Впрочем, я был далек от праздничной суеты.

В тот момент я был подобен щепке, неведомым образом плывущей против всех течений. Я пробирался сквозь ручейки людей, вливался в общий исполинский поток, движимый множеством различных причин и целей, но в то же время был вне всего этого, сам по себе, с

тяжелым грузом мыслей о работе и еще более мрачными предчувствиями по поводу Китти.

С каждым днем сестра чахла, ссыхаясь с неимоверной быстротой. Черты лица, казалось, заострившиеся до предела, с каждыми прожитыми сутками все более истончались. Опорожня тазик для мокроты, я замечал все больше кровавых ошметков, алевших в сгустках слизи пугающими островками безнадежности.

Мы с Китти перестали быть похожими.

Пробираясь сквозь толпу, временами я ловил на себе сочувственные взгляды. В этом не было ничего удивительного. По сути, я снова стал босяком и пополнил бесчисленные ряды тех, кто метался возле торговых точек и прочих мест скопления людей в надежде выпросить лишний медяк. Думаю, бродяги на Сент-Панкрасс тоже были недалеки от того, чтобы принимать меня как своего.

Я не знаю, что привело к следующим событиям — пресловутое звериное чутье, имеющееся у нищих, или цепь закономерностей, определяющих человеческие судьбы. Нынче я понимаю, что то, чему суждено произойти, все равно непременно случится — на вокзале или где-то еще. Как бы я не старался игнорировать людской поток, у судьбы свои планы.

Сколько ни молись, это не поможет ни на йоту.

Бродяжническое чутье поведало о том, что впереди меня поджидает нечто, чреватое тревогами. Потроха стянулись в комок, а ноги наполнились предательской легкостью, которая, увы, ничуть не помогает идти.

Течение судьбы вынесло меня на островок пустоты. Иного названия я подобрать не могу.

Будучи окружен огромным количеством людей, в какой-то момент я понял, что остался в одиночестве, оказавшись на свободном пятаке. Люди огибали его, будто речная вода — нагромождение валунов. Растекаясь в стороны, толпа обходила это место. Глаза прохо-

жих выражали всю гамму чувств – от страха до отвращения или презрения.

Взгляды людей скользили по фигуре, которая металась внутри островка, время от времени приближаясь к идущим с протянутой за милостыней рукой. В струйках пара, порожденного множеством легких, в окружении колючих снежинок она время от времени замирала для того, чтобы плотнее запахнуть лохмотья. В ней угадывались костлявые птичьи черты, присущие людям, до крайности изможденным нуждой.

Я узнал ее и, видимо, тоже был узнан. Не знаю, сохранила ли память нищенки подробности событий той ночи, или они стерлись из-за припадка, но женщина замерла. Ее лицо напряглось, превратившись в жесткую деревянную маску. Я увидел, как в один миг сузились ее глаза и приподнялась верхняя губа. Обнажились ряды зубов, еще более черных, чем раньше. Седая прядь, выпавшая из-под тряпки, служившей платком, разделила лицо надвое, придав ему пугающее потустороннее выражение. Как будто на меня смотрел вампир.

Должно быть, она не знала, как реагировать на нашу встречу. Мгновения текли мучительно долго. Капля за каплей время сочилось сквозь невидимую стену, возникшую между нами. Я почувствовал, как громко стучит сердце. Дыхание перехватило. Должно быть, она переживала то же самое.

Однако ее черты вдруг стали мягче, а лицо посветлевло. Я с удивлением заметил, что в глазах нищенки нет того безумия, чтоискрилось в них несколько месяцев назад. Если бы не уверенность в невозможности моего предположения, я сказал бы, что в них светится здоровое умиротворение, присущее счастливым людям.

Легкость в ногах мало-помалу распространилась на туловище, охватила руки и голову. Мне показалось, стоит толпе расступиться и впустить на островок порыв ветра, как тело тотчас взлетит, и я не смогу этому

препятствовать. Мои члены отказывались повиноваться. Я стоял и смотрел, как нищенка приближается.

Ее тело будто становилось все больше. С каждым шагом ко мне угловатое переплетение жил, суставов и костей вырастало. Мы оказались лицом к лицу, и ее дыхание, трепещущее в морозном воздухе облачками пара, затуманило мне обзор.

Ее глаза были счастливыми...

«Твари, твари, твари! Проклянет вас! Проклянет, проклянет, проклянет! Бог! Твари, твари...»

Я услышал голос. Нищенка бормотала проклятия, но ее губы были неподвижны. Все оттого, что брань звучала внутри меня. Воспоминания выплыли наружу, подменяя реальность словами из прошлого. Женщина не могла сказать ничего гадкого, потому что была умножена...

Счастлива.

Нищенка открыла рот, но на этот раз не ругательства сорвались с ее уст.

— Я знаю вас, сэр. Вы тот джентльмен, верно? Настоящий джентльмен.— Кажется, она пыталась улыбнуться, но с непривычки это получилось скверно. Лицо исказилось гримасой.— Это ведь были вы. Вы... Тогда.

Я лишь кивнул.

Она вытянула руку, коснувшись моей груди. Я хотел отпрянуть, но не смог, стоя, будто парализованный. Дыхание перехватило: сердце и легкие сжались в спазме, словно от прикосновения нищенки меня поразило разрядом тока.

Ее рука поползла вверх. Тонкие, твердые пальцы, будто холодные ветки, царапнули мне шею, перепрыгнули через подбородок и остановились на щеке. Бродяжка гладила мое лицо и улыбалась своей неумелой улыбкой.

— Вы настоящий, настоящий джентльмен, да хранит вас Господь.— Скреб-скреб-скреб, костяшки, затянутые холодным пергаментом, ласкали мои щеки, задевали многодневную щетину, касались скул.

Снег повалил гуще. Островок словно бы расширился — люди сторонились нищенки, чувствуя в ней нечто чуждое. Теперь они ощущали это и во мне тоже. Скреб-скреб-скреб...

Я отвел взгляд, ощущая, что начинаю тонуть в ее глазах, исполненных умиротворения.

«Твари, твари, твари! Проклянет вас! Проклянет, проклянет, проклянет! Бог! Твари, твари...»

— Храни вас Бог... — Скреб-скреб-скреб.

Голос, исходящий из ее уст, смешивался с надрывным, отталкивающим криком, живущим в моей памяти. Подобный коктейль — наихудшая какофония, с которой мне приходилось сталкиваться.

Сквозь круговерть бранных и благодарственных слов в мое сознание прорвалась мысль. Будто раскаленный докрасна уголек, она проплавила пласти смятения, в какой-то степени меня отрезвив.

За что нищенка меня благодарит? Нет... Не то. Почему она счастлива?

Повисла тишина, породив которую, сознание отгородило меня от зrimой реальности. Губы нищенки продолжали двигаться. Она что-то говорила и улыбалась. Умиротворение. Проклятое умиротворение. Ведь она здесь совершенно одинока. Без своего кошмарного ребенка, расцветшего пятнами разложения, словно клумба бутонами. Она не может быть так довольна лишь потому, что я кинул ей карманные часы...

Скreb-скreb-скreb... От этого звука я не способен был отгородиться.

Нищенка убрала руку и взглянула куда-то за мою спину. Ее улыбка стала шире, но теперь она светилась не благодарностью, но неподдельной любовью. Нечто подобное я видел у матери в ту пору, когда нужда еще не превратила ее в манекен, не способный на проявление хоть каких-то чувств, кроме отчаяния.

В этот момент я понял, что ОН ИСЦЕЛИЛ ЭВЕРЕТ.

Что-то коснулось моего запястья. Крохотное, влажное, холодное, на ощупь сходное со стылой начинкой, вынутой из мясного пирога. Я не успел сжать ладонь, и в нее заползло мягкое кожистое насекомое, снабженное пятерней белесых лапок. Словно лакированные башмачки, каждую лапку увенчивал острый, давно не стриженный ноготок. Разумеется, это было никакое не насекомое и тем более не содержимое пирога. Свою ладошку в мою ладонь вложил ребенок.

Крохотные пальчики задвигались. Скреб-скреб-скреб...

Я знал, что должен повернуться, но не в силах был этого сделать. Древний инстинкт выживания, заставляющий первобытных людей прятаться в пещерах, а детей с головой укрываться одеялом, блокировал мои движения.

Не существовало пещеры или, на худой конец, одеяла, под которым можно было надежно укрыться от всех на свете страхов. Имелся лишь пустой островок посередине вокзала, поток лиц, проносящийся мимо, скреб-поскreb по моей щеке, и это...

ОН ВЫЛЕЧИЛ ДЕВОЧКУ... ОН ВЫЛЕЧИЛ ЭВЕРЕТ... ОН...

Крохотная ладошка крепко обхватила мой указательный палец. Это ощущение в достаточной мере доказало, что все происходящее не сон и не бред. **ОН ВЫЛЕЧИЛ МАЛЫШКУ.**

Я обернулся.

Эверет подросла...

Это была последняя мысль перед тем, как земля под ногами куда-то пропала, а я нырнул в мутное марево обморока.

Спустя несколько часов я очнулся в ночлежке, где к Рождеству открыли временный медпункт для бездомных. Никто не мог рассказать что-либо существенное. Оказывается, полисмены решили, что нашли в доску надравшегося пьяничугу, и собирались отвезти меня

в участок. Благо, из моего рта ничем не разило, потому меня доставили сюда.

Больше я никогда не видел Эверет и ее мать.

Часть 6

Я решил написать эту историю, потому что так легче отличить правду от фантазий, порожденных разыгравшимся воображением. Прежде чем перенести все на бумагу, я по многу раз воскрешал в памяти случившееся, дробил на мелкие кусочки и вновь собирая, словно мозаику. Время имеет свойство добавлять нюансы, не имеющие отношения к реальности, но я не желаю терять четкости воспоминаний. Поэтому пишу.

Нынче весна, начало марта, пока еще выюжит, и, дай Бог, холода продержатся еще минимум пару недель. Как это ни странно, но нам с Китти холод сейчас жизненно необходим. То, что для бояков равносильно бичу смерти, для нас — живительная сила. Правда, это больше относится к сестре, нежели ко мне.

Бедняжка скончалась примерно месяц назад. Должно быть, ее организм ориентировался на наше денежное состояние, потому что Китти протянула аккурат до момента, когда у нас не осталось ничего, кроме долгов. Тем не менее мы еще жили в совершенно опустевшей комнате — ведь мне пришлось продать все наше имущество. Работы не предвиделось. Никакого местечка ни на верфи, ни в каком-то другом месте.

Тело Китти исхудало до критического предела. У нее больше не было груди, бедер и живота, на их месте свисали пустые складки кожи. Казалось, будто смерть высосала сестру через соломинку. Щеки горели, словно их растерли уксусом. Приступы кашля напоминали, скорее, крики. В каждый спазм, вырывающийся наружу частицами легких, Китти вкладывала всю свою боль и отчаяние.

Доктор Лит, который из милости стал навещать нас бесплатно, лишь беспомощно молчал. Болезнь пожирала сестру изнутри, а я приближался к полному одиночеству.

Китти умерла легко. Сравнительно легко, потому что приступ кашля, во время которого у нее горлом пошла кровь, оказался коротким. Раньше такие приступы были куда длиннее. Когда он закончился, сестра спокойно лежала на кровати. Ее шея дергалась от глотательных движений. Видимо, Китти поняла, что сплевывать уже бессмысленно.

У меня не оказалось денег на похороны. Хозяйка разрешила пожить без квартирплаты до тех пор, пока я не добуду гроб и место для погребения. Милая женщина, она дала мне немного серебра. Несколько шиллингов, чтобы оплатить работу гробовщика. Что касается могилы, то она посоветовала выкопать ее самому, чтобы не тратиться попусту.

Через день мы с Китти покинули комнату. Трупное окоченение превратило сестру в мумию, и мне не составило труда завернуть ее в одеяло. Взвалив сверток на плечо, я почти не ощутил тяжести. Казалось, там, внутри, никого не было. Китти стала легче вязанки хвороста.

Хозяйке я сказал, что несу труп на кладбище, где уже ждут гроб и могила. Она осенила меня крестом и поцеловала в лоб. Мне до сих пор совестно, что я обманул эту добрую женщину. Таких, как она, нынче редко встретишь. Все больше попадаются черстые, будто сухарь, люди.

Шагнув в зимнюю стужу, мы с Китти отправились не на кладбище. Я перенес сестру подальше от людей, в квартал, где стоят пустые дома, по весне предназначенные на слом. Внутри нет никого, кроме бродяг. Но там, где поселились мы с Китти, нас не отыщет ни один босяк. Я нашел замечательное местечко, вход в которое привален рухнувшими стропилами и совершенно не заметен, если его специально не искать.

Это просторный подвал, где раньше хранили всякую снедь. До сих пор там валяются черепки посуды и витает аромат специй. Внизу весьма холодно, так что с Китти ничего не случится. Она лежит на земляном полу, завернутая в свое одеяло и до боли похожая на Эверет.

Иногда я разворачиваю края, там, где находится лицо, и разговариваю с сестрой. Жаль, что она не способна ответить. По крайней мере, сейчас. Хорошо, что существует холод, который сохраняет плоть.

Внутри я нахожусь не более нескольких часов. Вполне достаточно, чтобы поспать и восстановить силы. Остальное время я брожу по улицам, доверяясь звериному чутью нищих и зная, что где-то там, в закоулках Лондона, мне встретится Эверет с матерью. Они не могут прятаться бесконечно. Разумеется, они все еще в городе; какой смысл покидать его в холодное время.

Нищенка нужна мне сильнее, чем воздух, потому что она отведет меня к НЕМУ. Тому, кто исцеляет самую безнадежную болезнь всего за десять фунтов. Настоящему джентльмену. Рано или поздно мы с ним встретимся, и Китти выздоровеет.

Днем я ищу их, а ночью собираю деньги.

Когда-нибудь я вымолю прощение за содеянное. Собирать нужную сумму подаянием слишком долго: пройдет весна, и, прежде чем я наберу достаточно денег, настанет жаркая пора. Китти не выдержит этого. Я тоже, потому что не могу представить себе лицо сестры, украшенное бутонами разложения. И не вынесу запаха...

Подаяние – слишком долгий путь. К тому же я не желаю скатываться в пропасть нищенства. Работу не найти, да и нет такой работы, где мне заплатят достаточно, чтобы воплотить в жизнь мой план. Поэтому я приношу их сюда. Людей, у которых есть деньги. Звериное чутье нищих безошибочно ведет меня к ним. Впрочем, если кто-то посторонний попадет в подвал, то никого не увидит, потому что я закапываю тела – благо, земляной пол не

сильно промерз. Пока что их одиннадцать, и это плохие люди.

Они такие, потому что среди них проститутка с мужчиной, у которого, судя по одежде и кольцу на пальце, есть семья и хорошая работа. Я долго наблюдал за ними в забегаловке. Мужчина неумеренно пил, отпускал сальные шуточки и бесстыдно дотрагивался до женщины. Никто не убедит меня в том, что их жизни стоят дороже, чем жизнь Китти.

Это плохие люди, потому что там, в земле, лежит сутенер, торгующий живым товаром.

Плохие, потому что в компанию затесался мерзавец папаша, сделавший адом жизнь своей семьи.

С перерезанным горлом там лежит торговец опием, чье золото исцелит мою Китти. В Лондоне многое подобного сброва, так что деньги меня уже не беспокоят.

Я молюсь, чтобы Китти выздоровела. Пусть молитвы не всегда помогают, но чутье никогда не лжет. Она будет жить.

Максим Маскаль

СТАРИК ЧЕЛЬБИГЕН

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?!

— Знаю, мам. Два часа ночи.

— И где ты шлялась? Мать с ума сходит! А чем от тебя разит? Ты что — курила?!

— Мам, успокойся. Я иду спать.

— Ах, успокойся?! Все! Мое терпение лопнуло! Завтра же отправлю тебя к бабушке, и будешь там жить все лето. Мать на двух работах вкалывает, а она со своими рокерами ночами пропадает. А как ты закончила десятый класс? Тройки, одни тройки!

— Две четверки,— уточнила Женя, стягивая с ног высокие черные сапоги.

— Да что ты говоришь?! Вот умница у меня дочка — две четверки! — Мать замахнулась было рукой, но лишь бессильно прислонилась к стене.— Что же с тобой творится? Я в твои годы позже девяти домой и прийти не смела, а ты... Эх, да что с тобой говорить.

— Вот и правильно, мам, к чему эти разговоры. У тебя была одна жизнь, у меня другая. Иди спать — прошишь на работу,— Женя повесила куртку на вешалку, проскользнула в свою комнату и захлопнула дверь. Через мгновение оттуда раздался грохот тяжелого рока.

— Выключи сейчас же, соседей перебудишь! — Мать стукнула в дверь.— Ох, за что мне это наказание?

В комнате Женя приглушила громкость музыкального центра, который крутил диск ее любимой группы

Tiamat. Стянула короткое черное платье и, оставшись только в чулках и трусиках того же цвета, упала на кровать. Длинные рыжие волосы разметались по подушке. Из-за этих волос и черной одежды в школе ее прозвали ведьмой. Она не возражала. Уж лучше быть ведьмой, чем милой девочкой-я-все-знаю, вроде тех, что сидят на первой парте. На любой вопрос учителя у них готов ответ, домашние задания всегда сделаны, контрольные только на «пятерки». А после школы — кружок вышивания, секция бальных танцев и бегом домой делать уроки. Перед сном повздыхают над клипами Димы Билана. Тоска. Да они даже не знают, кто такой Йохан! Женя нашарила на кровати пульт от центра и выключила музыку. Хотелось курить, но мама могла почувствовать дым и проснуться. Женя выключила свет и забралась под одеяло. Завтра ее ждет интересный день, они с ребятами договорились устроить вечеринку на кладбище. Женя не считала себя настоящим готом, как ее друзья, но они слушали такую же музыку, не слишком заморачивались учебой, и с ними было о чем поговорить. А один парень ей нравился даже больше, чем просто как друг. Возможно, завтра она позволит ему поцеловать себя. Или даже... Но нет, не стоит загадывать так далеко. Женя улыбнулась и задремала.

— Женька! Ах ты, стерва маленькая! Это что такое?!

От громких материных криков Женя проснулась. Зевая, натянула футболку и вышла в коридор. Мать уже собралась на работу и стояла у двери в сером плаще.

— Это что такое, я тебя спрашиваю? — протянула она руку к дочери. На ладони лежала пачка сигарет и то, что Женя купила перед предстоящей вечеринкой.

Проклятье! Сигареты — ерунда. Мать все равно догадывалась, что она курит. Но какого черта она забыла вытащить из куртки презервативы? «Черные! То, что нужно для первого секса!» — весело думала вчера Женя в аптеке. Теперь было не до веселья.

— Мам, ты не думай, я...

— Не мамкой! Значит, вот чем вы занимаетесь на этих ваших тусовках?! Я тебе устрою сладкую жизнь, шалава малолетняя! Чтобы к вечеру сумку собрала. Едешь к бабушке в деревню — решено.

— Но мама!

— Никаких «но»! Бабушка за тобой присмотрит, а не будешь ее слушаться — получишь крапивой по заднице. Все поняла?

Женя знала, когда с матерью можно было спорить, а когда — нет. Когда такой тон — спорить бесполезно. Может, к вечеру она остынет?

— Поняла.— Женя сделала виноватое лицо.

— Я на работу, ключ твой забираю, чтобы сидела дома. В холодильнике борщ, разогреешь, с голоду не помрешь.

— Мне в библиотеку надо.

— Сказки своим дружкам рассказывай.— Мать захлопнула за собой дверь. Ключ повернулся в замке, озабочив своим скрежетом начало домашнего ареста.

Полная задница.

Так Женя в самом начале летних каникул оказалась в богом забытой хакасской деревушке. Весь последний вечер в Новосибирске она ругалась с матерью, но та была непреклонна. Черные презервативы, найденные в куртке дочери-десятиклассницы, оказались последней каплей. Женщина надеялась, что несколько месяцев, проведенных вдалеке от соблазнов большого города, пойдут непутевой девчонке на пользу. Сутки в душном поезде, где мужики в затертых трико, наевшись «Доширака» и напившись «Балтики», плялились на молоденькую рыжую ведьмочку в соблазнительных черных чулках. Еще три часа в прокуренной маршрутке. И вот Женя стоит перед указателем с надписью «Абаза». Строго говоря, тут не деревня, а городок с населением в двадцать тысяч. Но это было для Жени слабым утешением. Почти каждый год мать собиралась съездить в Абазу, чтобы бабушка пови-

далась с внучкой, но всякий раз появлялись какие-нибудь дела. Теперь внучка приехала одна, хотя страшно этому противилась и даже мечтала взорвать вокзал, чтобы остаться дома.

— Женечка?

Девочка обернулась и увидела невысокую, крепко сложенную старушку в цветастом сарафане. Рыжие волосы были убраны в пучок, а на шее висели деревянные бусы.

— Внученька! — Старушка распахнула объятия и широкими шагами пошла к Жене.

— Привет, бабушка.— Она смущенно прижалась к пахнущему чем-то сладким плечу.

— А ты стала совсем большой. Надеюсь, что мы пойдадим. Ну, пошли домой?

Женя подхватила свой рюкзак и, стараясь не отставать, пошла за бабушкой. Для своих лет та оказалась весьма энергичной. Минут через пятнадцать они пошли к частному деревянному дому, вокруг которого росли березы. Ставни были выкрашены в веселенький голубенький цвет, калитку украшала металлическая табличка «Осторожно, злая собака».

— Не бойся, собаки нет. Здесь живем только я и мой кот.— Бабушка подмигнула Жене.

По дороге она успела расспросить внучку о маме, школе, городе, друзьях, погоде и куче других вещей, поэтому Женя чувствовала себя, словно после допроса с пристрастием. С каким облегчением она бы сейчас залезла в горячую ванну с пеной и солью! Потом приняла бы душ и, закутавшись в полотенце, села бы перед компьютером, чтобы проверить форумы и дневники, где собирались ее виртуальные друзья. Но, конечно, ванны у бабушки не было, как и Интернета. И если вместо ванны бабушка предложила Жене сходить попариться в баню, то компьютер было заменить абсолютно нечем. «А пошло оно все в баню»,— вздохнула девочка и сама пошла туда же.

Лучше бы она ходила грязной. Но кто мог знать, что именно в этот вечер старик Чельбиген выйдет из леса? Она просто оказалось не в то время не в том месте. Ей не повезло. Ведь она ни в чем не виновата. Именно это твердила себе потом Женя, когда раздирала руки в кровь от страшного зуда, а кашель сгибал ее пополам. Она отхаркивала кровь на белые бабушкины наволочки, а перед глазами все стояло то жуткое лицо, которое она увидела среди деревьев, когда, в чем мать родила, выскочила из бани, чтобы вылить на себя ведро ледяной воды.

— Девочка! Эй, девочка! — отвратительный старик вышел из-за деревьев, неуклюже перевалился через низенький заборчик, отделяющий бор от участка, и за семенил в ее сторону.

Увидев его, Женя пронзительно завизжала и, опрокинув полное ведро, бросилась обратно в баню. Накинув на дверь крючок, она, тяжело дыша, прислонилась к влажной двери. Кто это был? Изъеденное мелкими язвочками морщинистое лицо, крючковатый нос, с которого, казалось, капали отвратительные зеленые сопли. А глаза? Маленькие, будто вдавленные в глазницы, они блестели каким-то нездоровым блеском. Женя прислушалась. Ушел? Она повернулась, пытаясь найти в двери достаточно большую щель, чтобы выглянуть во двор, но тут дверь затряслась от сильных ударов. Девочка испуганно вздрогнула. Откуда в этом полуживом старикашке столько силы?

— Открой, милая! Дай взглянуть на тебя! — хрипло заговорил старик за дверью.

— Пошел к черту, старый извращенец! — набравшись смелости, прокричала ему она.

— Не обижай дедушку, я не сделаю тебе ничего плохого, открой,— не переставая колотить в дверь, просипел старик.

— Убрайся!

Хлипкого крючка надолго не хватит. Удерживающие защелку гвоздики были готовы уже вылететь из отсыревшего дерева. Что же делать? Да, веселенький городок, подумала Женя. Судорожно нацепив прямо на голое тело майку и джинсы, которые она ранее сбросила тут же в предбаннике, девушка прошла в горячее помещение бани, где было небольшое окошко, задернутое стареньkim платком. От жара печки тело под одеждой покрылось потом. Женя отдернула занавеску. Да, сквозь это окошко вполне можно пролезть. В предбаннике старик по-прежнему стучал в дверь, что-то приговаривая. Если она выскочит из бани с этой стороны, то успеет добежать до дома. Смахнув липкий пот со лба, Женя огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно разбить стекло. Уже замахнувшись тяжелым ковшиком, она заметила, что стекло в раме удерживают лишь несколько ржавых гвоздей, с силой потянула за один, и он вышел из стены. Расправившись с остальными, она осторожно вынула стекло и прислонила его к стенке. Путь свободен. Тут она поняла, что уже несколько минут не слышит старика. Женя на цыпочках вернулась к двери и прислушалась. В этот момент дверь бани вновь затряслась под ударами.

— Открой, девочка! Я только хочу посмотреть на тебя!

— Пошел прочь! — выкрикнула Женя и, не теряя времени, бросилась к окошку.

С трудом протиснувшись в узкое отверстие, она выбралась наружу и, присев на корточки, прислушалась. Похоже, старик все еще был у двери. Пригнувшись, Женя побежала к дому через заросли кустов малины, до крови раздирая руки о ветки. Только захлопнув за собой дверь и задвинув засов, она глубоко, с облегчением вздохнула. Из кухни вышла бабушка, вытирая полотенцем перепачканные мукой руки.

— Попарилась, внучка? — улыбаясь, спросила она, но потом заметила исцарапанные руки тяжело дышащей девочки.— Что случилось, милая?

— Там был ужасный старик, бабушка, он ломился ко мне!

— Что ты такое говоришь? — всплеснула руками женщина, роняя полотенце.

Бабушка быстро подошла к окну и успела заметить, как старик исчезает в лесу.

— Ох, Господи, это же Чельбиген,— только и выдохнула она.

Позже, вечером, когда они сидели на кухне за большой тарелкой румяных пирожков, бабушка рассказала внучке старое хакасское поверье.

— Древние хакасы называли мужчин, имеющих физический изъян и злых по характеру, Чельбиген апчах — старик Чельбиген. Раньше верили, что по земле бродит такой дух — страшный, уродливый и злобный, который питается красотой и счастьем людей. Он сулит людям богатства за частичку их красоты. Была легенда, что одна девушка променяла свои зеленые глаза на сундук золота. Взамен Чельбиген отдал ей невзрачные серенькие глазки. Вот только не принесло ей счастья богатство, стала она жадной, родня и друзья отвернулись от нее. Так и умерла она в одиночестве, трясясь над своим золотом, словно Кощей.

— Ну и сказочки у тебя, бабушка,— рассмеялась Женя, проливая чай.— Ты хочешь сказать, что это дух ко мне в баню приходил? По-моему, это был просто старый извращенец.

— Сказка ложь, да в ней намек, добрым девицам урок,— строго сказала бабушка, словно в подтверждение прописной истины махнув половинкой пирожка.— У нас, знаешь ли, городок маленький, да никто не знает, где этот Чельбиген живет. Был бы он просто стариком — все бы знали, где его изба стоит. А нет. Он просто выходит изредка из леса, как вот сегодня. Где же он все это время прячется? Не в берлоге же.

— Может, у него избушка в лесу? Или вообще он где-нибудь в соседней деревне живет, а к вам в гости ходит,

когда в бане женский день? — со смехом предположила девочка.

— Все бы тебе хиханьки да хаханьки, вся в мать, — вздохнула бабушка. — Ладно, давай со стола убирать да ко сну собираться. Но на будущее ты будь осторожней. Больше, я надеюсь, он не покажется, но осторожность никогда никому не вредила. Встретишь его еще раз, ни о чем с ним не говори — сразу домой беги, поняла?

— Поняла, поняла.

— А я завтра с мужиками поговорю, вдруг кто еще видел Чельбигена. Тогда надо будет шептухам сказать — пусть заговоры проведут, отгонят духа подальше.

— Заговоры? Да у вас тут весело, вот где настоящая готика, — покачала головой Женя, одним большим глотком допивая чай.

Уже две недели Женя жила в Абазе. С бабушкой они поладили. Женя откопала на чердаке целый сундук старых книжек, и теперь они заменили ей Интернет. Она могла целый день проваляться на раскладушке, которую вытащила на веранду, с увесистым томиком, периодически проваливаясь в сладкую дрему. Вечерами несколько раз даже посмотрела с бабушкой ее любимую «Кармелиту». Бабушка с увлечением смотрела этот сериал, не пропуская ни одной серии. За полчаса совместного просмотра она успела рассказать внучке обо всех героях этой цыганской саги, так что Жене начало казаться, что она смотрит «Кармелиту», по крайней мере, год. Бабушкин телевизор ловил всего два канала — первый и второй — поэтому кроме новостей, российских сериалов и медицинских передач смотреть больше было нечего. Женя с грустью вспоминала свои полсотни кабельных каналов, особенно рок-канал, где крутили клипы и концерты ее любимых музыкантов. Хорошо, что она хотя бы привезла с собой плеер и пару десятков дисков. У бабушки из музыки было

только радио на кухне, передающее сплошной «Маяк». Однажды Женя с удивлением услышала, что с кухни доносится песня Йохана. Она вскочила с раскладушки и успела как раз перед тем, как бабушка потянулась, чтобы выключить приемник.

— Стой, бабушка! Это же *Tiamat*!

— Ой ты? — удивилась бабушка.— А я думала, что за черти воют?

— Этой композицией шведской группы *Tiamat* мы завершаем нашу передачу «Железный марш». До встречи в следующий четверг,— сказал ведущий.

— Ну, дела,— Женя удивленно покачала головой.— Я и не знала, что на «Маяке» такую музыку гоняют.

— Гоняют, гоняют. Слава Богу, раз в неделю. У нас бабульки уже и письма на радио писали, чтобы этих чертей не включали, а они все гоняют. У Петровны однажды чуть инфаркт не случился, когда они заорали, словно их режут.

Женя чуть не умерла со смеху, когда это представила. Все еще улыбаясь, она полезла на чердак, где тайком от бабушки курила привезенные из Новосибирска сигареты. Оказалось, что ее запас подходит к концу. В последней пачке осталось всего несколько штук. Аккуратно затушив окурок в баночке из-под кукурузы, она вернулась на кухню.

— Бабушка, тебе в магазине ничего не надо? — Женя уже несколько раз ходила в магазин и на рынок за покупками.

— Хлеба можно взять, макароны кончились. А ты чего собралась-то? Тебя же обычно из дома не выгонишь.

— Мне батарейки в плеер нужно.

— Возьми тогда пару буханок хлеба, макарон пачку, что еще? Маслица можно и муки, пирожки будешь кушать?

— Буду, бабушка, давай пакет.

Проклятый пакет, который хранился у бабушки наверно еще с советских времен, не выдержал и порвался

прямо в тот момент, когда Женя перебегала дорогу. По асфальту весело покатился батон, вслед за ним запрыгали батарейки и сигареты, из-за которых Женя поругалась с продавщицей. Паспорт ей, видите ли, подавай! В итоге все равно продала, но нервы потрепала. Женя принялась собирать покупки, и тут перед ней резко затормозила белая «Нива». Из машины вылез молодой парень в помятой рубахе в красную клетку и удивленно уставился на Женю. Скажи только что-нибудь, и я тебе по яйцам врежу, хмуро подумала она.

— Тебе помочь? — Он присел рядом с ней и поднял с дороги пачку масла, которая изрядно помялась при падении.

— Спасибо, не надо,— проворчала девушка.

— У меня в машине есть пакет,— поднялся он, не выпуская пострадавшую пачку из рук.

Несколько машин, сигналя, обехали Женю. Парень включил в «Ниве» аварийный мигающий сигнал и вернулся с пакетом. Они быстро собрали туда продукты.

— Давай подвезу,— предложил он.

Женя растерянно молчала, а он забрал у нее пакет и пошел к машине. Вздохнув, она пошла за ним и забралась на переднее сиденье. Взревев мотором, «Нива» резко тронулась с места.

— Тебе куда? Прости, не представился, я — Паша.

— Женя. Улица Рудная, девяносто второй дом, возле бора.

— Понял, мигом домчу. Не против музыки? — Он щелчком отправил кассету в магнитолу.— Первый раз вижу в Абазе девушку в неформальской майке.

— Что? — не поняла Женя.

— Я про твой прикид.— Он кивнул на майку с изображением черепов и надписью Tiamat.— В нашей деревне девчонки только по «Иванушкам» сохнут.

Тут, словно выждав нужный момент, ожили динамики. Салон «Нивы» заполнило грохотание Metallica. Парень убавил громкость и снова взглянул на Женю,

видимо, ожидая ее комментария про музыкальные предпочтения абазинских девушек.

— «Иванушки» — отстой,— сказала она.— Можно я тут у тебя покурю?

— Закурил сам, угости водителя.— Паша протянул ей спички.

Некоторое время они молча курили.

— А ты чего, сам неформал?

— Нравится,— просто ответил он, выбрасывая окурок в окно.

— Ясно.

— А ты крутая,— неожиданно заявил он, сворачивая на бабушкину улицу.— Может, как-нибудь еще прокатимся?

— Может,— ответила она, вылезая из машины с пакетом в руках.

Она хлопнула дверцей и, не оглядываясь, пошла к дому. Паша коротко посигналил на прощанье и умчался, подняв облако пыли. Открывая калитку, Женя улыбалась.

Поздно вечером она лежала в своей комнате и читала «Братьев Карамазовых». Вот уж странное дело. Раньше она просто терпеть не могла всю эту классику, которую проходили в школе. Ей куда больше нравилось читать Стивена Кинга, Дина Кунца и другие истории ужасов. Чтобы хоть как-то отвечать на уроках, она использовала книжку «Русская литература в кратком изложении». К примеру, огромная «Война и мир» занимала там всего страниц пятьдесят. Чтобы ответить на тройку, этого вполне хватало. Но, ясное дело, Стивена Кинга в бабушкином сундуке не было. От нечего делать Женя взяла наугад несколько книг Достоевского и с удивлением должна была признать, что ей нравится. Кинг, конечно, круче, но и Достоевский оказался неплохим мужиком. Из зала доносился храп бабушки, которая заснула перед телевизором, когда в окошко что-то стукнуло. Будто камешек. И еще раз. Женя от-

ложила книгу и подошла к окну. Перед домом стояла белая «Нива», а Паша занес руку, чтобы бросить новый камешек. Женя быстро вскочила на подоконник и высунулась в форточку. Приложив палец к губам, она страшно зашипела на парня.

— Тихо ты! Бабушку разбудишь. Сейчас выйду.

Уложив под одеяло несколько курток из шкафа, она создала видимость спящего тела. Затем накинула ветровку, сунула в карман сигареты, осторожно открыла окно и вылезла на улицу. Вечернюю тишину городка нарушали только песни сверчков, редкий лай дворовых собак и гул мотора автомобиля. Паша уже сидел внутри. Женя видела, как в темном салоне горит огонек его сигареты. Она аккуратно прикрыла створки окна и пошла к машине. Садясь, как можнотише захлопнула за собой дверцу.

— Привет.

— Привет.

Он мягко тронулся, не зажигая фар, и колеса зашуршили по сухому асфальту. Отъехав на безопасное расстояние от бабушкиного сна, Паша включил ближний свет, который выхватил из темноты толстого рыжего кота, перебегающего дорогу. Он включил магнитолу и прибавил скорости. Белая «Нива» летала по пустой дороге, а в динамиках Курт Кобейн пел про сердце в коробке.

— Сто лет не слушала «Нирвану», — усмехнулась Женя.

— Не нравится?

— Очень нравится. Сделай погромче.

Они выехали на набережную, и в днище машины заколотили мелкие камушки щебенки. Паша свернул на какую-то уходящую вниз неприметную дорожку. «Нива» наклонилась под крутым углом, и они съехали прямо к реке. Парень выключил мотор. Всего в нескольких метрах от машины текла горная речка. Паша взял с приборной доски пачку легкого «Бонда». Такие же сигареты курила и Женя. Он зажал губами сразу две, чиркнул спичкой и протянул ей зажженную сигарету.

— Мерси.— Она глубоко затянулась.

Так ей еще никто не прикуривал. Она опустила окно и выпустила дым в темноту, из которой пахло речной тиной.

— У вас тут всегда так тихо?

— Кроме пятницы.

— А что в пятницу?

— Дискотека возле ДК. Все колбасятся под «Иванушек», а потом идут на берег пить водку.

Женя рассмеялась.

— Внучка!

— Что, бабушка?

— Жених твой приехал!

— Иду!

Они встречались уже третью неделю, почти каждый вечер. На «Ниве», которую Паша брал у своего отца, они объездили весь городок вдоль и поперек несколько раз. Хотя, конечно, особо здесь не покатаешься — все улочки можно было исколесить минут за сорок. Но Жене нравились эти поездки. Так приятно сидеть рядом с парнем в старенькой машине под громкую музыку, вдыхая смешанный аромат мужского одеколона, бензина и табака. Паша взял у нее диски, переписал их на кассеты, и теперь в поездках их часто сопровождали песни Йохана и других ее любимых музыкантов. Паше они тоже понравились, хотя сам он отдавал предпочтение более традиционному року — Metallica, Nirvana, Deep Purple. Так, меняя кассеты, они колесили по городу, неторопливо разговаривая или просто молча. И это молчание было не натянутым, как часто бывает между недавно познакомившимися людьми. Нет, казалось, что они знакомы уже долгие годы, и такое молчание — тоже своего рода общение.

Интересно, что бы сказала мама, если бы узнала про Пашу? Женя ей ничего не рассказывала, когда они созванивались. Бабушка секреты внучки тоже не выдавала — говорила лишь, что девочка ведет себя хо-

рошо. Этот парень был совсем другим, не таким, как ее новосибирские знакомые. Честно говоря, по ним Женя даже не скучала. О том, что она собиралась поцеловаться с тем парнем на кладбище и даже на всякий случай купила презервативы, теперь и думать было неловко. То ли дело Паша. Когда он несколько вечеров подряд не смог приехать, она скучала. Сидела на чердаке, курила и думала о нем. Неужели это и есть любовь?

Бабушка заметила перемены в поведении внучки. Но никакого недовольства не высказывала, шутливо называя парня женихом. Поначалу это немного злило Женю, но потом перестало. Жених? А может, и так. Хотя Паша пока лишь чмокал ее в щечку на прощанье, он, похоже, был именно тем, с кем бы ей хотелось провести вместе всю жизнь. Женя старалась не думать о том, что через полтора месяца ей нужно возвращаться в Новосибирск. С Пашей они это тоже не обсуждали. Он был на год старше и собирался осенью поступать в местное ПТУ. На вопрос о том, не хотел бы он поехать куда-нибудь учиться в вуз, парень лишь отшутивался — мол, кому я там нужен. Она не стала развивать тему, впереди у них еще больше половины лета.

Этим вечером они решили съездить на рыбалку. Паша уверял, что в реке водятся огромные хариусы. Женя согласилась, хотя и никогда в жизни не ловила рыбу. Это, кстати, очень удивило Пашу.

— Никогда не была на рыбалке? Ты шутишь?

— Что тут такого? Я же не удивляюсь, что ты никогда не был на рок-концерте.

— Почему не был? В прошлом году к нам из райцентра приезжала местная группа «Последняя весна».

— «Последняя весна»? Ой, как круто. А я ходила на Scorpions и «Алису» — вот это настоящие концерты.

— Ладно, твоя взяла, я неудачник. Но кто виноват, что в Хакасию никто выступать не приезжает?

— Это точно. Ну, будешь в Новосибирске — свожу тебя куда-нибудь.

— Договорились.

Они выехали за город, затем переехали мост и свернули на лесную дорогу. «Нива» затряслась по кочкам. Примерно через полчаса дорога внезапно кончилась, уткнувшись в огромный пень, заросший мхом. Но Паша останавливаться не собирался. Объехав препятствие, машина, ревя мотором, поехала по какой-то заросшей колее. Еще около получаса они ехали по этой заброшенной тропе, пока не оказались на небольшой полянке. Паша заглушил мотор.

— Приехали.

Женя вылезла из машины и с удовольствием потянулась, разминая затекшие руки и ноги. Сквозь стволы сосен, которые окружали полянку, виднелась широкая река. По дереву пробежала белка, зажав в зубах огромную шишку.

— Красота! Теперь я понимаю, почему ты не хочешь отсюда уезжать...

— Да, конечно, красиво, но когда видишь это каждый день, становится скучновато. Сама же рассказывала — у вас там рестораны, магазины, «Скорпи» приезжают. А тут что? Деревня, — усмехнувшись, махнул рукой Паша.

— Зато там нет такой природы. Кому нужны эти рестораны, когда можно приехать на рыбалку, а не пылиться среди многоэтажек. Может, мне сюда переехать? Возьмешь меня в жены, построишь домик возле реки, корову заведем, хозяйство.

— И городская девчонка будет доить корову, стоя по колено в навозе?

— Не такая я и неженка, как ты вообразил!

— Вот и проверим. Сейчас наловим рыбы, будешь ее чистить и уху варить. — Он протянул ей удочку.

— Да не вопрос, — ответила она, закинув удочку на плечо и спускаясь к воде.

— Ты туда столько соли высыпала? Влюбилась, что ли? — спросил Паша с ложкой в руках.

— Может, и влюбилась.

- В кого?
- Дурак ты!
- А что я сказал?
- Да ничего. Ну-ка наклонись, у тебя чешуя к подбородку прилипла.

Паша отложил ложку и наклонился к ней. Она смахнула у него с лица рыбную чешуйку и посмотрела прямо в глаза. Он моргнул и подвинулся еще ближе. Женя закрыла глаза и почувствовала, как его губы осторожно нашли ее. Соленый от ухи поцелуй продолжался целую вечность. Наконец они оторвались друг от друга.

— Не знаю я, в кого ты влюбилась, но я, кажется, в тебя, — сказал он.

— Не подлизывайся, посуду мыть я не буду, — ответила она, зачерпывая полную ложку ухи.

— Так я и знал — неженка! — рассмеялся он, присоединяясь к трапезе.

Уха была съедена, костер догорал. Они лежали, обнявшись, на дырявом пледе, который Паша расстелил на траве, и смотрели, как огромное красное солнце опускается в реку на горизонте.

— Как здорово, что тебя отправили в ссылку в нашу деревню.

— И не говори — просто повезло. Пусти, я пойду в кустах клад поищу.

— Только далеко не забирайся, — сказал он, снимая руку с ее плеч.

— Не вернусь через пять минут, жди дольше.

Возвращаясь на поляну, Женя присела на ствол поваленного дерева и достала сигаретную пачку. Ей хотелось несколько минут побыть одной. Но не получилось. Когда она подносila к сигарете зажженную спичку, из-за деревьев вышел тот самый страшный старик.

— Добрый вечер, девочка. Вот и снова встретились.

Женя вздрогнула и с испугом посмотрела на него. Откуда он тут взялся? Он что, следил за ней? Она загасила спичку и убрала сигарету.

— Что тебе нужно?

— Я же говорил, что не сделаю тебе ничего плохого. Ты такая красивая, разве я могу обидеть такую красавицу? А какие у тебя волосы!

— Послушай, убирайся отсюда.

— Когда ты злишься — ты становишься еще красивей. Настоящая воительница! — Старик причмокнул своими отвратительными губами.— У меня есть к тебе предложение, девочка.

Женя молча смотрела на него и прикидывала, сможет ли она схватить толстую ветку, которая лежала в паре метров от нее. Старик тем временем продолжал.

— Я хочу купить твои волосы. За них я готов предложить тебе целый сундук золота. И, конечно, я не оставлю тебя лысой, как можно? Просто вместо твоих роскошных рыжих волос ты получишь обычные черные. Ты ведь любишь черный цвет? А еще и сундук золота в придачу!

— Что за чушь ты несешь? — раздраженно спросила Женя.— Мне бабушка рассказывала какие-то байки про девушек и золото. Хочешь сказать, что ты и есть тот самый злой дух? Да по тебе психушка плачет!

— Почему злой? Вовсе я не злой. Ты не веришь мне? — Старик порылся в карманах грязных штанов и действительно вытащил несколько золотых монет.— Вот смотри, настоящее золото.

— Нет, спасибо,— сказала Женя, вставая.— А теперь я пошла, уйди с дороги.

— Но мне очень понравились твои волосы,— расстроился старик.— Не отказывайся. Хочешь два сундука золота?

— Да не нужно мне твое золото! — выкрикнула девочка.

— Давай соглашайся.— Он неожиданно выхватил из кармана большие ржавые ножницы.— Больно не будет.

— Паша!!! — закричала Женя при виде страшных лезвий.— Помоги!

Старик, жутко ухмыляясь, начал приближаться, но тут раздался треск ломающихся веток, и к ним выбежал Паша. Женя бросилась к нему. Парень обнял испуганную девочку и заслонил ее своим телом.

— Тебе чего надо, дядя? — спросил он старика, по прежнему сжимающего в руке ножницы.

— О, принц на помощь примчался, — словно бы удивился старик. — А где твой белый конь?

— Паша, это тот сумасшедший, про которого я тебе рассказывала.

— Который за девушками в банях подглядывает? Ясно. Ну что, дядя, разойдемся по-хорошему? Или начистить тебе рожу?

— Смотри, какой смелый! Не боишься меня? — Старик пощелкал в воздухе ножницами.

— Чего мне тебя бояться? Женя, иди к машине, а мы тут потолкуем.

— Никуда я не пойду! — Она схватила с земли ту самую ветку и сунула ее парню.

— Двое на одного? Нечестно, ребята, — затряс головой старик.

— Проваливай! — Паша взмахнул веткой.

— Ладно, ладно, ухожу. — Старик спрятал ножницы в карман, повернулся и медленно пошел прочь.

— А ты подумай! Два сундука золота! — обернувшись, на ходу крикнул он Жене.

Она нахмурилась.

— Слушай, нельзя его так отпустить. — Она потрясла Пашу за плечо. — Я же теперь не смогу спать спокойно, вдруг он заберется ко мне в дом со своими ножницами.

Паша несколько секунд молчал.

— Ты права, — сказал он. — А ты готова сделать это?

— Что сделать?

— Ты же сама предложила. Прикончить его.

— Прикончить? Убить? — Она растерянно посмотрела на парня. — Я думала, мы сможем его связать и отвезти в милицию. Он же угрожал мне, пусть его посадят в камеру.

— Ах, вот оно что. Прости, я что-то туплю.— Он потер лоб ладонью.

Она внимательно посмотрела на него.

— А ты бы мог убить ради меня?

— Ради тебя? Конечно.

Женя прижалась к нему и поцеловала.

— Я пересолила уху из-за тебя,— шепнула она парню на ухо. И, отпрянув, добавила:— А теперь давай догоним этого старого извращенца, врежем ему по башке и отвезем в каталажку.

— Идем,— сказал он, покрепче перехватывая ветку.

Они пустились следом за стариком по темному лесу.

Далеко уйти старик не успел. Заслышав шум погони, он остановился и поджидал ребят на маленькой полянке.

— Передумала? — мерзко усмехнулся он, глядя на Женю.

— Передумала, иди сюда,— поманила она его рукой.

Старик широко улыбнулся, обнажив гнилые зубы, вновь достал ножницы и приблизился к девочке.

— А ты лучше пока отойди, парень. Не волнуйся, ничего плохого я твоей подружке не сделаю. Если повезет, она с тобой еще и золотом поделится,— сказал он.

— Да, да, как скажешь.— Паша отступил на несколько шагов, не выпуская ветки из рук.

Старик подошел вплотную к Жене, и она почувствовала отвратительный запах его дыхания. Он протянул руку, чтобы схватить ее за волосы, но тут Паша быстро шагнул вперед и взмахнул рукой. Удар пришелся старику прямо по голове. Тот охнул и, выронив ножницы, схватился за голову. Паша ударил еще раз, на этот раз попав по уху. Что-то хрустнуло. Сначала Женя решила, что это сломалась палка. Но нет — похоже, что череп старика не выдержал сильного удара. Старик закатил глаза и упал на землю. Тело несколько раз дернулось и замерло.

— Ой,— выдохнул Паша.— Он живой?

— Я надеюсь, что ты не перестарался.— Женя присела и взяла старику за руку.— Не чувствую пульса.

— Черт! — Паша отбросил палку в кусты.
Тут старик очнулся и крепко схватил Женю.
— Обмануть меня хотела, сучка? — прошипел он.
— Отпусти, отпусти! — закричала она.
— Отпусти ее, гад! — Паша бросился на помочь девочке.

Но хватка старика была словно железной.
— Ты пожалеешь, сильно пожалеешь,— хрюпел он, будто тисками сжимая девушку.
— Да отпусти же ее! — Паша безуспешно пытался оторвать старика от Жени.

— Будь ты проклята,— выплевывал старик слова в лицо девочки.— Аяртым, тымо, хартыгас, харан аалчы, улуг аалчы!

Тут Паша с силой пнул старика в голову, и еще раз, и еще. Старик закричал и выпустил девочку, а Паша все бил и бил, словно не мог остановиться.

— Хватит, Паша! Да прекрати же! — кричала Женя.

Тяжело дыша, парень, наконец, отошел от старика, лицо которого превратилось в кровавое месиво. Старик не шевелился и, похоже, не дышал.

— Я все-таки прикончил его,— сказал Паша и согнулся во внезапном приступе рвоты.

В город вернулись уже поздно ночью. Тело старика они закопали там же в лесу, тщательно закидав могилу ветками. Потом долго мылись в холодной реке.

— До завтра? — спросил Паша.

— До завтра,— сказала Женя.— И никому, слышишь, никому об этом не рассказывай.

— Конечно, это только наш секрет. Никто и никогда об этом не узнает.

— Спокойной夜里.— Она вылезла из машины.

— Спокойной夜里, вот только вряд ли я смогу уснуть,— сказал Паша, но девочка его уже не слышала.

Паша протер усталые глаза и поехал домой.

Утром на Женю напал страшный кашель. Горло распухло и болело. Простудилась на речке, подумала девочка. Бабушка, ворча на непутевую внучку, которая шастает по ночам на рыбалках с парнями, заварила ей жутко горькую траву. Морщась, Женя весь день глотала эту настойку, но кашель не проходил. Тайком она пробралась на чердак, чтобы покурить, но от дыма стало только хуже. Кашляя, она завернулась в одеяло и так просидела до самого вечера, когда приехал Паша. Кататься они не поехали, да и поговорить толком не смогли из-за надсадного кашля, который мучил девочку. Тут пришла из аптеки бабушка, и парень уехал. Женя выпила таблетки, проглотила еще чашку травяной настойки и провалилась в тревожный сон. Ей снилось то ужасное лицо убитого старика, то перепачканные в крови руки Паши, которые он отмывал в реке. «Аяртым, тымо, хартыгас, харан аалчы, улуг аалчы!» – последние слова старика звучали в ее голове. На следующий день у нее поднялась температура, голова раскалывалась от боли, и бабушка вызвала врача.

– Да у тебя грипп, дорогая, – заявил усатый доктор, осматривая Женю. – И, похоже, астма. Раньше этим болела?

– Нет, – сквозь кашель ответила она.

– Вот рецепт. Если станет хуже – нужно будет госпитализировать.

Хуже стало на третий день. Да не просто хуже. Руки распухли и сильно чесались. Женя расцарапала их до крови от назойливого, непрекращающегося зуда.

– Быть не может. Панаэриций? – восхликал врач. – Нет, с таким диагнозом я тебя в больницу положить не могу. Карантинное отделение у нас на ремонте, а так ты мне всех больных заразишь. Будем лечиться дома. Сильно чешется?

– Очень! – почти закричала она. – Сделайте что-нибудь, поставьте укол!

— Укол тут не поможет. Нужно купить вот эту мазь и еще микстуры от кашля и жара.— Он протянул бабушке бумажку.— Завтра утром я к вам зайду, посмотрим состояние.

Но утром девочка его не узнала. Она бредила.

— Уйди, ты же мертвый,— отпихивала она убитого в лесу старика, когда тот пытался воткнуть ей в руку шприц.

— Держите ее крепко, мне нужно взять кровь,— скомандовал бабушке врач.

— Не трогай меня! — кричала Женя.

— Не пойму, что так повредило ее психику,— посетовал доктор.— Я сейчас же отдам кровь на анализ.

Женя кашляла кровью, когда врач вновь вошел в комнату. Вместо лица у него была кровавая маска. Это Паша был его, догадалась девочка.

— Паша! Убей его еще раз! — закричала она.— Помоги мне!

— Тиф. Это тиф. Я ничего не понимаю. Откуда у нас в Хакасии тиф? — сказал старик, доставая из кармана белого халата золотые монеты.

— Убери свое золото! — сопротивлялась Женя, когда ей пытались дать таблетки.

Что-то вонзилось в руку, и она почувствовала, как силы покидают ее.

— Помогите, это Чельбиген апчах,— прошептала девочка, погружаясь в сон.

На кухне, где на плите медленно закипал чайник, бабушка Жени, вытирая полотенцем слезы, рассказывала Петровне о том, что случилось с ее внучкой. Петровна была шептухой.

— Что ж ты сразу ко мне не пришла? Верно ты сказала, Чельбиген это. Надо было сразу его спровадить, еще возле бани.

— Да замоталась я, дура старая, ведь так и собиралась. А после не приходил он, я и запамятовала.

— Теперь заговор не поможет, ты сама видишь, дело серьезное,— кивнула Петровна на стенку, из-за которой были слышны стоны девочки.

— Что же делать?

— Думать надо. Слышишь, что она говорит?

— Аяртым! Тымо! Хартыгас! Харан аалчы! Улуг аалчы! — в бреду выкрикивала Женя.

— Что это значит? Ты же знаешь, я по-хакасски почти не говорю,— спросила бабушка.

— А то и значит — болезни это, которые Чельбиген на твою внучку наслал. Астма, грипп, панариций, тиф, оспа. Чем-то твоя внучка сильно разгневала духа, раз он ее так проклял.

— Оспа? О господи! — Бабушка тяжело опустилась на табуретку.— Завтра мать ее должна из Новосибирска приехать и доктора из райцентра.

— Завтра может быть уже поздно. Что наш врач сказал? Тиф? Значит, завтра нападет на девочку оспа. Боясь, не выдержит она. Сама подумай — весь этот букет болезней просто убьет ее.

— Да, да,— прошептала бабушка.— Петровна, ну придумай же что-нибудь, от всего сердца тебя прошу.

— Я вот что подумала. Говоришь, перед тем как аяртым, то есть астма, у нее началась — где она была?

— На рыбалке с женихом своим. С Пашей, Николая Кузьмича сыном.

— И ничего она тебе не рассказывала? Что у них на рыбалке случилось?

— Нет, ничего не говорила. Вернулась ночью уже, сразу спать легла. А утром кашель начался.

— А где этот Паша?

— Да вот у дома в машине сидит. Врач его к Жене не пускает, а он не уезжает.

— Живо зови его сюда!

И Паша все рассказал. Сначала молчал, обжигая язык горячим чаем и вздрагивая от криков за стеной. Потом начал говорить, сперва отрывисто и неуверен-

ю, потом, под суровым взглядом Петровны и запла-
каным бабушки Жени, рассказал все, что случилось
той ночью.

— Вызывайте милицию, я убийца, пусть сажают меня.
Женя ни в чем не виновата,— сказал он в конце.

— Обожди ты. Милиция ей ничем не поможет. А вот
ты можешь,— сказала Петровна.— Ты ведь хочешь по-
мочь ей? Хочешь, чтобы она выздоровела?

— Да я все сделаю, что нужно! Скажите только, что?

— Одна беда: ей ты поможешь, а себе — нет. Плохо
тебе будет, боюсь даже говорить, насколько плохо.
У Чельбигена есть секрет, который позволяет ему
жить так долго, многие и многие поколения. Он умеет
не только похищать красоту, но и самих людей. Когда
старое тело отслужит свое, его душа может переселить-
ся в другого человека. Но одно тело не может носить в
себе две души, и они вступают в борьбу. А Чельбиген
силен, он всегда побеждает. По крайней мере, до сих
пор, раз земля все еще его носит.

— Плевать на меня. Главное — помочь Жене,— обо-
рвал парень.

Петровна долго смотрела на него.

— Ты настоящий мужчина, Паша. И я вижу, что ты
любишь девочку. Мне очень жаль, что все это случи-
лось. А теперь слушай, что ты должен сделать.

К вечеру нарушение психики, которое вызвал тиф,
только усилилось. Не прекращался кашель, таблетки
и уколы не сбивали температуру и головную боль. Из
воспаленных и расчесанных рук начал сочиться гной.
Девочка в бреду металась по кровати, смниая мокрые
от пота простыни. Она уже не понимала, где галлюци-
нации, а где реальность. Все смешалось.

Паша едет по лесной дороге. Останавливается на по-
ляне, где остался след от их костра. Достав из багажни-
ка лопату, он идет в чащу. Женя согнулась в кашле. «Не
ходи, не ходи туда», — шепчет она. Парень разрывает све-
жую могилу, куски земли летят в стороны, задевая кусты,

которые раскачиваются в наступающих сумерках. Старик Чельбиген лежит в могиле. Женя в страхе закрывает глаза забинтованными руками. Чельбиген поднимается и садится в могиле, из ушей и носа сыпется земля. Он открывает рот, и оттуда вылезают белые слепые черви. Старик улыбается. Сверху на него смотрит Паша. Бабушка пытается влить в девочку хоть немного куриного бульона. Женя глотает с ложечки, но ее тут же тошнит зеленою слизью с капельками крови. Паша протягивает старику руку, и тот крепко хватает ее, чтобы вылезти из ямы. Черви и жуки в панике расползаются. Женя кричит. Огромная желтая луна освещает лес. В желтом свете видно, как старик разговаривает с Пашей и, откинувшись назад, смеется. Паша отбрасывает в сторону лопату. Девочка пытается докричаться до любимого, но он ее не слышит. Он кивает старику и начинает раздеваться. На землю летит рубаха в красную клетку, джинсы, тяжелые ботинки. Чельбиген обнимает его, словно любовника. Они стоят так в свете луны. Потом старик начинает дымиться, словно где-то внутри его отвратительного тела разгорелся огонь. Паша вздрагивает, словно пытаясь вырваться, но старик держит крепко. Их окутывает плотный черный дым. От жара лицо Жени горит. Бабушка прикладывает к ее лбу ладонь и испуганно отдергивает. Она кладет на лоб девочки влажное полотенце, и та на несколько минут успокаивается. Дым рассеивается. Старик исчез. Паша стоит неподвижно еще какое-то время, а потом начинает одеваться. Из-за деревьев выходит старушка. Она кивает парню и что-то шепчет, размахивая руками. Он оглядывается на женщину и что-то кричит. Женя тоже кричит. В комнату входит усатый врач. Он пытается поймать руку Жени, чтобы поставить укол, но она яростно сопротивляется. Врач всаживает ей иголку в бедро. Девочка тяжело выдыхает и замирает. Ее веки закрываются. Она еще несколько раз вздрагивает, пытается что-то сказать, но засыпает. Врач устало качает головой.

Автобус проехал указатель с названием города, оставляя Абазу позади. Женя смотрела на дорогу сквозь запыленное стекло. Рядом сидела ее мама, с тревогой смотря на дочку, которая, по рассказам бабушки и изумленного врача, всего несколько дней назад была на волосок от смерти. Похоже, что идея отправить ее на лето в деревню была не самой удачной. Пусть уж лучше будет в городе, где по крайней мере есть нормальные медики. Что же это за Паша, которого она искала все последние дни? Она даже отказывалась уезжать, пока не увидит его, но отец мальчика сказал, что тот уехал к родственникам во Владивосток. Странно, конечно, что он не пришел попрощаться, ведь, похоже, что они успели подружиться за эти каникулы. Дочка проревела в подушку всю ночь перед их отъездом.

— Я вернусь, я найду тебя,— шептала Женя, глядя в окно.

— Ты вернешься,— сказал Чельбиген, провожая взглядом автобус.

Потом он завел мотор и вывел «Ниву» из придорожных кустов. Потирая пальцем свежую язвочку на подбородке, он медленно поехал обратно в город.

Альберт Гумеров

ВОЛКИ ДА ВОРОНЫ

Он сидел, уставившись в одну точку где-то на краю горизонта. Нечесаные космы спутанными седыми пряжами рассыпались по плечам, морщины змейками разбегались по лицу, со лба, цепляясь за пустую глазницу и раскальвав лицо на две неравные части, спускался до подбородка кривой уродливый шрам.

Этажом ниже ковырялись алюминиевыми вилками в тушеной капусте другие лишние и ненужные, подлецы и герои, забытые солдаты несуществующей страны. Ему не было до них никакого дела. Впрочем, им до него тоже. Все как всегда.

Война застала Михаила в столице. Он уже хотелозвращаться домой, когда по радио объявили о вероломному вторжении фашистской Германии на территорию Советского Союза. Люди толпами стояли под развесанными на столбах громкоговорителями, растерянно переглядывались, перешептывались, недоверчиво качали головами — никто и представить себе не мог, что самый страшный кошмар столетия уже начался.

Домой Михаил решил не возвращаться — какой в этом смысл, если дома в скором времени может вообще не стать? Просто потому, что он, Мишка, смалодушничал и сбежал. Он не называл это патриотизмом, нет, — он всего-навсего знал, что так будет правильно.

Очереди на призывных пунктах были просто огромные — живой поток напоминал змея Уророса, проглатывающего собственный хвост: непонятно, откуда такое громадное количество людей берется и куда уходит.

Похожий на библиотекаря из райцентра очкастый мужичок вежливо поинтересовался возрастом Мишки, а услышав, что ему двадцать, лишь покачал головой. До войны Мишку в армию никто не взял бы — под призыв попадали лишь те, кому исполнился двадцать один год.

До того, как отправиться на призывной пункт, Мишка прошелся по магазинам и знакомым, изрядно потратился, но раздобыл все необходимое: пару бутылей самогона, немного муки, леденцов-петушков — духи очень любят кости, «огонь-воду» и сласти...

Рихард всегда считал, что нет ничего хуже нелюбимой работы. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы работа превращалась в каждодневную пытку или, что еще хуже, в рутину. Свою работу Рихард очень любил.

Русский язык сложный до умственного затмения, и настоящих спецов во всей стране можно перечесть по пальцам. Рихард очень гордился, что может называть себя специалистом без всяких натяжек. Русский он выучил для того, чтобы не возникало необходимости в переводчике — сорокатрехлетний оберштурмбаннфюрер¹ СС Рихард Ридль крайне не любил работать в присутствии посторонних и непосредственно пытками занимался в нагло закрытом помещении со звукоизоляцией.

Садистом он не был и удовольствия от того как корчится в муках очередная жертва, не получал ровным счетом никакого. Сам себя он считал исследователем — Ридлю нравилось добывать информацию, так не-

¹ Оберштурмбаннфюрер — старшее офицерское звание в СС и СА, соответствовало званию подполковника. С 19 мая 1933 года введено в структуру СС в качестве звания руководителей территориальных подразделений СС-штурмбанн.

обходимую стране. Оберштурмбаннфюрер СС Рихард Ридль был патриотом.

На работу он всегда приходил одетым с иголочки, гладковыбранным и в тщательно отглаженной одежде — таким образом он подчеркивал собственное превосходство над источником информации, принадлежность к гораздо более высокой эволюционной ступени, нежели существо, с ужасом ловящее каждое его движение.

Обаятельно улыбнувшись собственному отражению в зеркале и надев белоснежный докторский халат, Рихард вымыл руки и пошел в «рабочий кабинет», как он сам называл это место.

Как правило, источники информации делились на две категории: тех, кто истерически оберштурмбаннфюрера боялся и начинал верещать и тараторить, едва он входил, и на тех, кто с презрением плевал Ридлю в лицо, хохотал и скверносоловил, бравируя своей смелостью. И в первом, и во втором случае Рихард оставался бесстрастным — на работе необходимо всегда сохранять ясность мысли, а материал... материал попадает-ся разный, тут уж ничего не поделаешь.

Переступив порог «рабочего кабинета», оберштурмбаннфюрер понял, что этот русский чем-то отличается от всех, с кем он имел дело. Да и на русского он, в общем-то, не очень похож — ярко выраженный монголоид, маленький, плечистый и длинноволосый.

Удивила Рихарда отнюдь не внешность пленника — неожиданностью для оберштурмбаннфюрера стало плескавшееся в глазах русского безразличие. Казалось, что парню ровным счетом нет никакого дела до того, что творится вокруг. Даже тот факт, что перед пленником стоит его палач,— а этого бедняга не мог не понимать,— совершенно не трогал странного мальчишку со слишком узким для русского разрезом глаз.

Вздохнув, Ридль решил не морочить себе голову нужными догадками, объяснив это тем, что источник

информации испытывает стресс, а потому неадекватно воспринимает происходящее.

Никаких чувств к соседям старик не испытывал. Многие из них поначалу бывали слишком разговорчивы, но, видя, что он вообще никак не реагирует на их присутствие, принимались ворчать, а потом отвечали тихой неприязнью. Некоторое время спустя его вообще переставали замечать и воспринимали скорее как предмет мебели и местного колорита, нежели в качестве соседа. Да и как еще воспринять человека, который сутки напролет, неподвижно сидя в своей проржавевшей каталке, невидящим взглядом сверлит небо, лишь изредка прерываясь на еду.

К большинству ветеранов нет-нет, да заглядывал кто-нибудь из родственников. После таких визитов старики еще долго улыбались, плакали, делились впечатлениями. К молчаливому длинноволосому калеке никто не приходил. Никогда.

Мишка был шаманом. Как отец. Как отец отца... Никакого конфликта между коммунистической идеологией и верой в потустороннее: духи были для Мишки также реальны и обыденны, как, например, соседи. Без помощи духов в тундре выжить почти невозможно, а чтобы рассчитывать на эту помощь, с соседями надо дружить и всячески их ублажать.

Выехав за город, Мишка долго бродил в поисках совершенно безлюдного места. Выйдя на небольшую полянку и рассудив, что это как раз то, что нужно, шaman принял раскладывать с краю все необходимое: куриные кости, измельченные леденцы, муку, бутыли с самогоном, нож с рукоятью из волчьей лапы... Очень осторожно он вынул из мешка завернутую в тряпки семейную ценность — небольшой бубен.

Сев на корточки, Михаил выкопал небольшую ямку, потянулся к кожаному шнурку на шее, снял с него волчий зуб, положил в ямку...

К полудню все было готово: волчий зуб вплетен в сотканный на земле узор из трав и муки. Для любого постороннего он мог показаться простым нагромождением линий, для шамана же правильное построение рисунка было гораздо дороже нескольких лет жизни, потраченных на учебу.

Раскидывая по полянке леденцы и кости, Мишка подумал, что в этот момент больше всего напоминает разбрасывающего подкормку рыбака, а узор на земле, по сути, был ни чем иным, как сетью... Вот только рыбка в нее попасть могла такая, что была в состоянии играючи разорвать в клочья и сеть, и незадачливого «рыбака»... Страшно шаману не было – бояться его отучили еще в раннем детстве.

Воспользовавшись огнivом, Мишка разжег костер, с отстраненным видом следя за тем, как мгновенно, почище пороха, вспыхивает мука, как язычки пламени бегут по траве, как облизывают куриные косточки с прилипшими тут и там волокнами мяса, как пузырятся и плавятся леденцы...

Не так решительно, как ему хотелось бы, шаман взял в руки бубен. Для пробы несколько раз негромко в него ударил. Аромат жженой муки и карамели обволакивал Мишку, наполнял силой и непоколебимой уверенностью в том, что он все делает правильно.

Монотонный ритм бубна уносил куда-то далеко-далеко, клубы дыма поднимали все выше и выше... Веки отяжелели, Мишка прикрыл глаза, и так прекрасно видя, что происходит вокруг.

Наконец, уже не вполне осознавая, кто он, где находится, и что он вообще такое, шаман вынул из кожаных ножен маленький клинок с рукоятью из волчьей лапы и, протянув руку над ямкой с зубом, с силой полоснул себя по ладони. Быстро набухнув, горячие капли тяжело поползли вдоль линий и застарелых шрамов, пока, наконец, не сорвались в огонь. Не долетая до земли, кровь начинала кипеть, и клубы дыма с каждым мгно-

вением приобретали все более отчетливые очертания. Неподвижно держа кровоточащую ладонь высоко над огнем, шаман ждал.

...Глаза у волка были человеческими. Зеленые глаза очень усталого старика. Дух настороженно присматривался к шаману и ждал, что же сделает человек.

А человек очень долго вглядывался в глаза потустороннего гостя и сказал лишь:

— Я хочу жить. Помоги.

Волк оскалился, кивнул и прыгнул на шамана. Мишка вяло отшатнулся, но необходимости в этом не было: сотканное из дыма тело развеялось, огонь погас, все вновь стало обыденным и привычным, оставив лишь горьковатый привкус да ноющую боль в ладони. Это все мелочи. Главное в том, что теперь появился большой шанс спастись даже в случае смертельной опасности.

Чем больше Рихард работал с пленником, тем сильнее тот удивлял оберштурмбаннфюрера: вначале Ридль просто угрожал бедолаге расправой,увечьями и прочими муками, но очень скоро понял, что для странного парня все это пустой звук. Затем эсэсовец попробовал разговорить пленного не «кнутом», а «пряником», суля разнообразные блага от послаблений в режиме до свободного проживания на территории Германии. Все это, конечно же, было ложью — пленный разведчик Красной Армии будет казнен сразу же после того, как расскажет все, что знает.

Красноармеец оставался равнодушным ко всему. Видно было, что парень где-то очень далеко от «рабочего кабинета» и своего мучителя. Казалось, он уже смирился с тем, что его повесят. Или расстреляют. Или закроют в газовой камере. Не важно. Безразличие молодого парня, которому еще жить и жить, к собственной судьбе обескураживало оберштурмбаннфюрера. Разведчик сидел на стуле и смотрел не на своего палача, а куда-то вдаль — туда, где нет ни войны, ни гари и копоти, где

смерть вполне естественна, а не грозит выковырять тебя огненным ковшом прямо из окопа, где ты не вскакиваешь среди ночи от того, что слишком тихо, а это не к добру, где над тобой кружат не вороны, а бабочки летом... где твои мягкие лапы осторожно ступают по мягкой земле, а вокруг — мир, который обнимает тебя, как дитя, а рядом так же мягко ступает твоя стая...

Рихард потряс головой, чтобы отогнать наваждение. Помогло не очень — где-то в районе затылка родилась тупая боль, которая сейчас начала монотонно пульсировать, сбивая с толку, мешая сконцентрироваться на работе... Причем Ридль явственно ощущал, что виновен во всем странный красноармеец. Бред, конечно, чем могло навредить эсэсовцу связанное и беззащитное существо? Тем не менее Рихард был твердо убежден, что голова у него болит именно из-за этого равнодушного разведчика.

С ненавистью взглянув на пленного, Ридль вышел из комнаты и прошел к умывальнику. Ополоснувшись холодной водой, уставился в зеркало. Словно ощупывая собственное лицо, Ридль провел кончиками пальцев по гладкой холодной поверхности: тонкие губы, похожий на клюв нос, глубоко посаженные черные глаза, расčeсаные на пробор прямые волосы цвета воронова крыла... На вид все в порядке, только кожа чересчур бледная. Вспомнив о том, насколько реалистично он представлял себя в теле волка где-то далеко отсюда, Рихард невольно вздрогнул. Случится же такое! Неужели именно это видят сидящий за стенкой парень? Немудрено, что ему плевать на все, происходящее вокруг... Ридль неприятно улыбнулся: ничего, очень скоро он вернет мальчишку к реальности. Правда, парень вряд ли будет от этого в восторге. Еще раз взглянув на себя в зеркало, оберштурмбаннфюрер подумал, что очень похож на хищную птицу...

Когда в феврале сгорел дом престарелых, где жили такие же старики, как они, больше недели все ходили

словно в оцепенении. Каждый понимал, что их дом вполне может вот точно так же вспыхнуть и выгореть. Больше всего старики негодовали, когда стало известно, что правительство выделило по сто тысяч рублей членам семей погибших в пожаре ветеранов. Шептались, что неправильно поощрять людей, отказавшихся от собственных родителей. При этом каждый нет-нет да поглядывал в сторону молчуна в коляске — уж он-то точно не смог бы выбраться из такой заварушки.

А старик сидел и думал, что, случись пожар в их печальной обители забытых и ненужных, спастись он даже не попытался бы — пожалуй, наоборот, с нетерпением ждал бы, как языки пламени вырывают его из цепких объятий жизни, такой опостылевшей, такой чужой...

Свой первый бой Мишка запомнил навсегда в мельчайших деталях: как он еще не успел вырыть до конца окоп, а стоявшие рядом, будто по команде, скатились в неглубокую яму, как некоторые уже не поднялись, как лежавший рядом мужик лет сорока начал неистово креститься и молиться вслух, а увидевший это молоденький лейтенант принялся на чем свет стоит стыдить беднягу, что, дескать, это непростительно, и после боя мужика ждет неприятный разговор.

Разговора не состоялось — лейтенант, желая личным примером поднять боевой дух солдат, повел их в атаку и одним из первых получил свою порцию смерти. Сорокалетний мужик — тот самый, которому был обещан разнос от лейтенанта, — ползком тащил тело офицера обратно в окоп, чтобы оно не досталось врагу. Он почти успел — очередь прошила обоих у самой насыпи.

Как они отбились, Мишка не понял. Четче всего в памяти отпечатался неприятный звук, когда они пошли в штыковую навстречу подошедшему вплотную фашисту, и его нож — тот самый, с рукоятью из волчьей лапы, — заскрежетал о ребра паренька в немецкой форме.

Второй бой запомнился хуже — детальность исчезла. Потом смерть окружающих стала для Мишки обыденной. Вокруг него постоянно гибли люди. На шамане же не было ни царапины. За умение прекрасно стрелять, прятаться и бесшумно передвигаться — до войны Мишка был охотником — его перевели в разведчики.

С новыми обязанностями Михаил справлялся, зачастую помогая другим ребятам — ведь опыта у него было не в пример больше. Все настолько привыкли к Мишкайной неуязвимости, что просто впали в ступор, когда из очередной вылазки он не вернулся...

Его зажали в клещи. Он чувствовал их дыхание, слышал хриплый лай, знал, где они и кто они, — он сам был охотником, а они пытались сделать из него добычу. Он умел прятаться, он был бесшумен, даже когда они рыскали в полу шаге от него, он проливал их кровь, а они даже не понимали, что их становится все меньше и меньше... А в небе радостно галдели вороны...

Они загнали его по всем правилам охоты — из леса шаман выскочил прямо к обрыву, так что деваться было некуда. Они не стреляли — хотели взять живым. Перехватив нож поудобнее, он оскалился, а спустя секунду воронье карканье над лесом разорвал протяжный волчий вой... Шаман знал, что останется жив.

На уговоры Рихард времени больше не тратил. Белоснежный с утра халат был весь забрызган и измазан красным, лицо пленника превратилось в кровавое месиво, один глаз вытек, одна из коленных чашечек была просверлена — Ридль понимал, что слегка перестарался в начале, но теперь ничего не вернешь.

Парень держался. Все так же сидел с отрешенным видом, лишь вздрагивая время от времени, когда оберштурмбаннфюрер переходил на следующий виток допроса.

От боли голова Рихарда просто раскалывалась: она пульсировала огненными вспышками через рваные про-

межутки времени то медленно, то вновь ускоряясь. Ридль щедил сквозь зубы ругательства, продолжал пытку и злился оттого, что терпел боль не так стойко, как пленный разведчик. Утешало оберштурмбаннфюрера лишь то, что видения больше не повторялись.

О самоубийстве стариk никогда даже не задумывался. Ни когда его собирали по кусочкам, ни когда заново учился пользоваться руками, ни когда суставы выворачивало, а каждая клеточка тела начинала ныть, реагируя на погоду. Не ты эту жизнь давал, не тебе и отнимать.

Он сидел перед окном и глядел в небо. Просто так, от нечего делать. И мгновение тянулось за мгновением, часы складывались в дни, недели — в месяцы, а годы — в вечность. Сидя у окна, стариk ничего не ждал, ничего не хотел — он просто убивал время до тех пор, пока время не убьет его.

Мишка сидел и смотрел, как похожий на ворона мужчина в заляпанном кровью — его кровью — халате издавалась над его телом. От тела тянулись тоненькие, сотканные из дыма нити, которые время от времени подрагивали, заставляя мышцы двигаться, имитируя реакцию на боль. На коленях у Мишки лежала семейная драгоценность — небольшой бубен. Время от времени шаман начинал тихонечко по бубну постукивать, постоянно меняя ритм и силу ударов, и тогда мужчина в халате скрежетал зубами, хватался за виски, тер лоб, уходил в соседнюю комнатку и подставлял голову под кран. Думал, будто это помогает, потому что шаман на время переставал постукивать по натянутой коже бубна и отстраненно гладил лежащего рядом огромного белого волка.

Рихард подумал, что он потихоньку сходит с ума: боль разрывала голову, которая, казалось, вот-вот лопнет, оберштурмбаннфюрер боролся с желанием начать бить-

ся головой о стенку или взять нож и разрезать кожу от затылка и до подбородка, выпустить этот навязчивый гулкий стук наружу, чтобы он, наконец, оставил Ридль в покое.

Спазмы ненадолго отпускали, лишь когда ледяные струи воды хлестали по затылку. И Рихард блаженно замирал, впитывая каждый миг тишины и спокойствия.

Порой краем глаза он замечал какое-то движение, один раз даже показалось, что в углу «рабочего кабинета», довольно скалясь, лежит громадный белоснежный волк, но когда Рихард моргнул, видение исчезло. «Это все из-за усталости,— успокоил себяoberштурмбаннфюрер.— Последнее время я слишком много работаю. Это усталость. Обычное переутомление и головная боль».

Несмотря на все усилия Рихарда, проклятый разведчик так ничего ему и не сказал.

— Ладно, парень, раз уж из тебя такой отвратительный собеседник, лучше бы тебе все время молчать. До самой смерти. Не расстраивайся, долго ждать не придется! — Ридль посчитал собственную шутку весьма удачной, и смех оберштурмбаннфюрера карканьем разлетелся по комнате.

Рихард взял с подставки щипцы.

— Открой ротик, малыш, скажи «А-а»...

Увидев, что сидящее на стуле тело охнуло, дернулось и потеряло сознание, шаман, наконец, встал. Бубен зазвучал в полную силу, а Мишка, войдя в транс, начал исполнять ритуальный танец. Огромный белоснежный волк тоже поднялся на ноги — его обещание вот-вот должно было исполниться.

Когда сорокатрехлетний оберштурмбаннфюрер СС Рихард Ридль, схватившись за виски, упал на пол и лишился чувств, шаман оторвал «нити» от привязанного к стулу исковерканного пытками тела и склонился над мужчиной с тонкими губами и похожим на клюв носом.

Первыми, кто поприветствовал шамана в новом теле, были жуткая головная боль и слабость. Кожа, мышцы, ощущения — все казалось плохо подогнанной маской. С трудом поднявшись с пола и на ходу стягивая грязный халат, Мишка, пошатываясь, побрел к выходу, даже не взглянув на изломанную, ставшую теперь чужой, оболочку — на новое пристанище своего палача...

Следующим утром сорокатрехлетний оберштурмбаннфюрер СС Рихард Ридль в «рабочем кабинете» не появился — его тело нашли мертвым в собственной квартире. Кровоизлияние в мозг.

Весь день напролет старик смотрит в небо. Рихард помнил недоумение и ужас, когда очнулся в чужом изуродованном теле, помнил, как безуспешно пытался объяснить себе и другим, кто он на самом деле, помнил, как диверсионная группа Красной Армии выкрала его перед самой казнью, как эти люди, которых он считал злейшими врагами, выхаживали его, лечили, жалели, радовались, что он вернулся, помнил, как все сходили с ума от счастья, когда война, наконец, закончилась, как привыкал к новой жизни в этой непонятной стране с такими странными людьми — одновременно трогательными и жестокими, подлецами и героями, как очутился здесь, в доме престарелых, потому что, в конце концов, оказался никому не нужным — ни чужой стране, ни чужим людям, ни даже самому себе...

Весь день напролет старик смотрит в небо. Иногда он видит в небе воронов и улыбается, ведь эти птицы так похожи на него...

Ольга Дорофеева

ВЕРЛИОКА

Телефон, а не будильник. Значит – труп.

Впрочем, Смирнов не удивился. Еще ночью, скавшись комочком под тонким одеялом, чувствуя всей кожей холодное дыхание первых заморозков, он знал, что утром произойдет что-то страшное и гадкое. Ледяной воздух далекого глухого леса не давал ему согреться; запахи прелой листвы и тины, шорох поникшей травы, хруст веток мешали уснуть. Крик внезапно застигнутой птицы врывался в его дремы, тревожил, звал на помощь. Смирнов не хотел идти, он стонал, ворочался, подтягивал колени к животу, но что-то неизбежное уже шумело, грохотало, накатывалось...

Он поежился, пнул носком ботинка склеившиеся желтые листья. Девушку нашли рыбаки. «Как всегда, – вяло подумал Смирнов. – Если бы не рыбаки, наши реки были бы полны рассыпавшимися скелетами, неопознанными трупами, объеденными голодными зубастыми рыбами. В отделениях висели бы бесконечные списки пропавших без вести, люди приносили бы к рекам погребальные венки, а рыбы вырастали бы огромными и жирными, они выпрыгивали бы из воды...» Мысль была настолько омерзительна, что Смирнов решил ее не додумывать.

А труп его встревожил. Располосованное белое тело с узкими провалами темной плоти не нравилось Смирнову. Золотистые волосы смешались с листьями,

испачканные в грязи и тине руки словно пытались врати в землю. Тело хотело оставаться в этой желтоватой от глины почве, прорости корнями-пальцами, уйти в темноту кротовых нор. Оно не хотело в морг.

— Поверить не могу, есть документы! — раздался над ухом довольный голос опера. Следователь прокуратуры Анатолий Смирнов вздрогнул, поморгал и сделал вдумчивое лицо.— На ней была маленькая жилетка с карманом, а в ней — пропуск в институт. Фамилия, имя. Малова Елена. Не помню такой среди потеряшек.

— Да,— согласился со всем сразу Смирнов.— Надо съездить, поговорить.

— Не раньше чем завтра,— развел руками опер.— Ты знаешь...

— Да,— хотя он не знал.— Ладно, давай сюда. Я сам поеду.

Направляясь к теплой, старательно пыхтевшей мотором машине, Смирнов обернулся. Река темной блестящей лентой уходила от невысокого берега с мертвой, зверски зарезанной Еленой вправо и влево. Вправо — к жилым кварталам города Москвы. Влево — к далекому глухому лесу.

— Значит, вы пошли в казино. Дальше? Рассказывайте, рассказывайте.

Девушка всхлипнула.

Рассказывать было особо нечего. Сэкономив правдами и неправдами долларов по сто, они с Еленой Маловой ходили по субботам в казино. Да, в одно и то же, «Гранд Рояль». Потому что их там уже знали и пускали. Играли совсем чуть-чуть, в основном строили глазки и пытались познакомиться. Нет, вы не подумайте, просто где же еще иногородняя девушка может...

— Я не думаю,— сказал Смирнов и обманул. Он думал. Помимо всего прочего, он думал, что почему-то никто не идет знакомиться на стадион. Или в туристи-

ческую секцию. Хотя тоже неизвестно, кого там можно встретить.

Но все золотоволосые иногородние девушки считают, что самое лучшее место для знакомства с мужчиной — это казино. А потом их находят рыбаки.

— Вы хорошо его запомнили?

— Так.— Подружка пожала плечами.— Высокий, массивный, плечи широкие. Очень коротко стриженный, почти бритый. Одет шикарно...

— А лицо? — не выдержал Смирнов после трех минут описания костюма, рубашки, туфель и бумажника.

— Ну,— девушка замялась,— опухший он какой-то был. Один глаз вообще заплылый. Зато второй — злой такой и пронзительный, как у ме... ээ... Злой, в общем.

— Зачем же ваша подруга поехала куда-то ночью с таким красавцем? — спросил Смирнов, стараясь смотреть зло и пронзительно.— Куда, кстати, не знаете?

— Знаю! Не точно, конечно, но Леночка,— всхлип,— сказала, что проведет воскресенье в загородном доме. Еще посмеялась, что она в вечернем платье, придется раскулачить его на одежду...

— Ладно, успокойтесь. Малову не вернешь, а вот вам надо бы сделать выводы,— нудно и бессмысленно бормотал Смирнов, глядя на рыдавшую в голос девушку.— Если это все, то я, пожалуй, пойду. Телефон у вас есть, если что...

— Подождите. Еще у него была трость. Хотя вроде не хромал,— всхлип.

Зябко, сырьо, тревожно. Не надо было ему ездить к этой девушке. Пусть бы опера... Желтые листья кружили у ног, как хитрые псы, заглядывали в глаза, пытаясь прочитать его мысли. И отвлекали. Как не старался Смирнов сосредоточиться, вместо логических цепочек в голове вертелись обрывки детского стишка. «Ростом высокий» — это хотя бы из описания предполагаемого убийцы. «Об одном оке» — уже бред. Ростом высокий, об одном оке. Бред.

И ведь было же чувство, что он откуда-то знал того мужчину. Неприятный тип, с таким лучше не встречаться. Бандит, наверняка. Где-то слышал он такой словесный портрет. Стишок мешал, не отвязывался. Ростом высокий, об одном оке. Плечи в пол-аршина, на голове щетина. Бабушкиным голосом. Стоп!

Смирнов остановился, замерли и листья, подняв кверху любопытные морды.

— Пошли вон! Ничего не скажу! — погрозил им следователь прокуратуры. — Но это же и есть описание убийцы! Что там дальше?

Листья не знали или не хотели говорить. А Смирнов не помнил. И, если честно, совсем не хотел вспоминать. Настолько не хотел, что у него противно сосало под ложечкой от одной мысли, что он может этого убийцу найти.

Поэтому он достал трубку и набрал бабушкин номер.

Отвратительное зрелище. Особенно гадко кровь смотрелась на стенах, как будто кто-то размахивал шлангом или душем... кровавым душем. На полу лужа, диван покернел от огромного сочного пятна. Бабушка лежала у окна, лицом вниз, на седых растрепанных волосах запеклась темная пена. Тошнотворно пахло бойней. Смирнов подошел, присел и нежно погладил свою бабулечку-роднулечку по худой спине, удивляясь где-то на задворках сознания аляповатой черно-белой кофте.

Потом в квартире появились люди. Их было много, они здоровались, фотографировали, раскрашивали столешницы и дверные ручки кисточками, добывая отпечатки. Смирнов устал и ушел в кабинет, сел в любимое кресло. Мысли путались, а перед глазами стояла забрызганная кровью стена.

— Толик, ты здесь? — В кабинет вошла сухонькая старушка в темном, волосы собраны в пучок, на носу очки в металлической оправе. — Сиди, сиди. Может, чаю тебе заварить?

«Кто-то из бабушкиных подружек», — Смирнов отрицательно повертел головой. Очень знакомая, сто раз ее встречал, это точно, но не вспомнить ни имени, ни откуда она. Хотя и так понятно, что соседка: узнала и

пришла. Стоявший в горле сухой ком вдруг погорячел и раздулся кверху, в глаза, выдавив жгучие слезинки.

— Судьба такая, Толечка,— вздохнула старушка.— Надо справляться. Сколько власти он себе забрал, смотри-ка. А все с Леночки началось. Ты помнишь Леночку?

— Ммм,— выдавил Смирнов. Прямо сейчас он помнил только одну Леночку — Елену Малову, но вряд ли речь шла о ней.

— Надо вспомнить,— нравоучительно сказала гостья.— Надо! Ты и так слишком надолго все забыл. В секретере — в стенке секретер, знаешь? — возьмешь самодельный конверт из зеленого картона, там все. И держись, внучок. Удачи тебе.

— Спасибо... — недоумевающее пробормотал Смирнов. Теперь ему хотелось получше рассмотреть так хорошо проинформированную старушку, может, имя-фамилию вежливо узнать. Но пожилая женщина отошла к окну и с интересом рассматривала что-то во дворе.

— Голуби,— вдруг сказала она,— осень.

— Толь! — кто-то внезапно ударил следователя по плечу. Смирнов вздрогнул, повернулся.— Ты спиши, что ли? Не заболел?

Недоуменно нахмутившись, Смирнов быстро посмотрел обратно, на окно. Никого.

— Слушай, ээ, Костин, а здесь была бабулька такая? — спросил как можно небрежнее, заодно зевнув и прикрыв ладонью рот.

Но опер на небрежность не купился, хотя и второй раз про «заболел» спрашивать не стал.

— Не было бабулек. Слушай, а как ты вообще здесь оказался?

— Ну,— Смирнов скорбно покачал головой,— убитая — моя бабушка.

— Бабушка?

Интонация у опера была очень неправильной, поэтому Смирнов встал и вышел в комнату с кровью.

В белом меловом контуре лежала смутно знакомая женщина лет сорока, темные короткие волосы, пунцовая помада, пятна крови на лице и кофте. Перерезан-

шего горла было почти не видно. Следователь напряг мозговые извилины и внезапно выловил из них хоть какое-то настояще воспоминание.

— Это Люба, дальняя родственница из Саратова. Или Саранска, путаю их. Она живет... жила здесь примерно с полгода, после того, как бабушка...

Ага. Умерла, а сегодня пригласила в гости на чашку чая. Но этого никому знать не надо.

— Сегодня я заехал взять некоторые вещи и обнаружил ее убитой...

— А квартира кому досталась? — виновато поинтересовался опер, изо всех сил притворяясь, что не думает ничего плохого.

— Моим родителям,— возмущенно осадил его Смирнов.— Бабушка оформила дарственную еще при жизни. Так что — никаких инсинуаций!

— Что за вещи? — продолжал высматривать бес tactный Костин.

— Фотографии,— уверенно ответил следователь.— Так я возьму?

Опер махнул рукой, но все же поперся за Смирновым и понаблюдал, как тот открыл секретер в одной из секций массивного книжного шкафа и достал склеенный из картона зеленый конверт. Он был сделан в форме плоской коробки, а закрывался просто на клапан. Смирнов открыл конверт и не глядя вытащил старую черно-белую фотографию. Костин грустно вздохнул.

— Дело ты будешь вести?

— Не думаю.— Смирнов не хотел. У него и так было много забот.— У меня уже есть сегодня один труп, пусть кому-нибудь другому дадут.

Только на лестнице он наконец-то смог посмотреть на фотографию, которую так и нес прижатой к шершавому боку конверта.

Маленький Толя Смирнов на фоне типичной дачной веранды, застекленной небольшими прямоугольниками в рамках из деревянных реек. За спиной росли кусты, над головой наверняка пели птицы, а рядом стояла девочка, удивительно похожая на маленькую Лену Малову.

У них действительно была дача где-то под Клином, но что с ней случилось, Смирнов не помнил. Просто однажды летом они туда больше не поехали. Родители ничего не объясняли, и Толя решил, что дачу продали. Ничего особенного: через несколько лет появилась другая, гораздо ближе к Москве, которую сто лет спустя перестроили в коттедж. Про первую, клинскую, все забыли.

Но именно там была сделана старая фотография, и именно туда приезжала на лето соседская блондиночка Лена. Не из Москвы — она точно жила не в Москве. Смирнов распахнул портфель, судорожно зашуршал бумагами. Тверь. Из Твери она приезжала. И Малова — из Твери.

Забытые, вычеркнутые события вставали из глубин памяти мутными призраками. Была там какая-то история, связанная с Леночкой. Заплаканные родители, дородная тетенька в милицейской форме, ее настойчивые вопросы. Пропала девочка, кажется. Потерялась в лесу. А его, Толика, почему допрашивали?

И опять беспричинная тревога нахлынула на него ледяной волной предчувствия и страха. Под Клином такие густые, дремучие леса. Там рано темнеет, там уже первые заморозки, стылая вода в речках, золотые русалки. Там случилось что-то, непонятно связанное с гибелью студентки Елены Маловой. Смирнов вздохнул. Надо было ехать, поднимать архивы, пока рабочий день не закончился.

После часа скитаний по пыльным коридорам Смирнов получил вожделенную кремовую папку с веревочками и стул в так называемой «комнате для работы».

То, что пропавшую девочку звали Леной Маловой, он уже знал. Как и то, что ее не нашли.

Про совпадение имени и фамилии он старался не думать, вчитывался в пожелтевшие страницы, искал. Постепенно факты из протоколов складывались в единую картину, и становилось понятно, какую роль в этом деле сыграл маленький Смирнов.

В конце дачного сезона Лена и Толя пошли погулять в лес. То ли кто-то надоумил, то ли сами решили собрать ягод-грибов, но к вечеру дети домой не вернулись. На следующий день недалеко от поселка нашли Толика — грязного, перепуганного, в слезах. На вопросы он не отвечал, молчал или плакал. Лену так и не нашли.

Кроме этих печальных, но простых сведений, в деле было и кое-что оригинальное. Во-первых — и этот факт как раз стал причиной бесконечных вопросов тетеньки в форме — из коллекции Ленинного дедушки пропал нож. Действительно необычный: длинный, но очень узкий, как заточка, с изящной, инкрустированной стеклянными кабошонами рукояткой. В деле был рисунок, и Смирнов вертел его то так, то этак, пытаясь что-то вспомнить. Ничего не получалось. Но интерес следователя был понятен: ведь ни ножа, ни девочки не нашли.

Второй странностью было заключение детского психиатра: Толя пережил сильнейшее потрясение. Заблудиться в лесу, потерять там подружку, бродить всю ночь, плача и зовя на помощь, или задремать под кустом, дрожа от страха и холода, — всего этого, по мнению специалиста, было недостаточно. Шок, который испытал мальчик, равнялся шоку от падения, например, кометы прямо ему на голову. Смирнов добросовестно порылся в памяти и покал плечами: никакого шока он не помнил. Он вообще не помнил себя в этой истории.

Поэтому, перед тем как вернуть дело архивариусу, следователь аккуратно переписал адрес своей бывшей дачи на бумажку, неведомо как затесавшуюся в дело. Оборванную наискосок страницу детской книжки.

На платформе было пустынно, только ветер гонял по сырому цементу желтые листья. Смирнов проводил взглядом электричку и огляделся.

Вечерело. Серый холодный туман подымался рваными клочьями из низин, полз по мокрым склонам холмов. Смирнов помнил эти холмы, и тропинки, и

старые черные ели справа от дороги. Это была странная память — память тела, бегавших здесь детских ног, срывавших лопухи и шишки рук. Его тело, давно выросшее и изменившееся, узнавало это место... и боялось его. До дрожки в коленках.

Следователь вздохнул, разглядывая чьи-то когтистые лапы, поверх которых был записан адрес. «Сказочное чудовище... славянская мифология». Он и так знал, где находился поселок, но шестое чувство подсказывало, что идти надо было не туда. Разгадка, с которой ему так не хотелось встречаться, была в другом месте.

Там, где страшнее всего.

За черными елями.

Не задумываясь, насколько нелепа эта вечерняя экскурсия горожанина по проселочной дороге и через лес, Смирнов побрел вперед, меся коричневую грязь кожаными туфлями.

— Ростом высокий, об одном оке,

В плечах пол-аршина, на голове щетина,

На клюку опирается, сам страшно ухмыляется... — машинально бормотал Смирнов, продираясь сквозь ельник.— Ростом высокий, об одном оке... Да кто же, черт побери?

Внезапно лес кончился. Перед следователем лежала заповедная поляна с травой выше колена, обрамленная черными высоченными елями. Посреди поляны стояло изогнутое, как арка, дерево с опущенными до земли ветвями.

— Ростом высокий... — Смирнов положил ладонь на сердце и прижал, чтобы не вырвалось на волю. Раньше времени.— Так кто же? КТО???

— Кто-о? — застонал ветер.

— Кто-о? — эхом откликнулись ели.

— Кто-о? — зарыдали мокрые травы, склоняясь до земли.

— Высокий... око... — вспоминал Смирнов. Внезапно словно молния мелькнула перед глазами: маленькая девочка шепчет ему на ухо. «Там живет чудовище, и его зовут... Вер!»

— Вер!..

— Вер!.. — замерев, повторили деревья и травы.

«Его зовут Верлиока!»

— Верлиока! — выпрямившись и отбросив портфель, закричал Смирнов.

— Вот он я!

И веря, и не веря, Смирнов смотрел на появившегося монстра. Громадный циклоп с лысым черепом и длинными, до земли, руками стоял всего в нескольких метрах от него, щерил кровавую пасть и буравил следователя острыми глазами.

— Хорошо, что ты пришел, — лающим голосом проговорил он. — Значит, вспомнил меня?

Да, вспомнил. До липкого ледяного пота на ладонях, в подмышках, до сосущего червяка в животе. До окаменевших, неподвижных ног.

Маленькая девочка с золотыми кудрями шепчет на ухо: «Там живет чудовище, и зовут его Верлиока. Но ты не бойся, у моего дедушки есть волшебный нож, который убивает чудовищ. Надо вонзить его прямо в сердце. Пойдем?»

Он вспомнил.

Они стоят на поляне, взявшись за руки, а Верлиока идет им навстречу. Эта пасть, эти зубы, ужмылка. Лена шагает вперед и замахивается ножом, но чудовище просто опускает на нее руку. Нож отлетает в сторону, а трава внезапно становится красной... Толя бежит, бежит прочь.

Он вспомнил.

— Теперь твоя очередь, маленький трус!

Одним толчком Верлиока повалил Смирнова на спину и тотчас же прыгнул сверху. «Да у него не руки!» — когтистая лапа располосовала щеку. Челюсти монстра вытянулись вперед, уши заострились и встали торчком. Чудовище плотоядно щелкнуло острыми зубами у самого лица следователя. Извернувшись, он выкатился из под омерзительной туши и вскочил на ноги.

— Что же ты за дрянь?!

— Я — Верлиока! — захотел оборотень, прыгая вперед.

Смирнов снова оказался на земле. Ноги путались в траве, левую руку монстр впечатал в грязь обеими лапами. Сопротивляться не было сил.

— Волшебный нож,— прошептал совсем рядом детский голосок.— Волшебный нож.

Правая рука Смирнова нашупала под травой что-то холодное, металлическое. Сжав пальцы, следователь почувствовал неровности кабошонов, отчаянно дернул кверху. В руке у него был нож!

— Надо вонзить его прямо в сердце! — сказала девочка.

— С тебя должок! — смрадно выдохнул Верлиока, вывалив из пасти черный язык.

— Получи! — одним ударом Смирнов всадил сверкающее длинное лезвие в самую середину волосатой звериной груди.

На платформе было пустынно. Смирнов огляделся. Как его сюда занесло? И вышел почему-то здесь, на полустанке. Покопался в карманах, но на билете — только номер зоны и цена. Что за глупость? Определенно, ему пора отдохнуть. Следователь скатал билет в шарик и щелчком отправил в пожухлую траву за платформой, следом — непонятную бумажку, обрывок цветной страницы из детской книжки. Угрюмо ссугулившись, побрел было к переходу на другую сторону станции, когда вдруг заметил на скамейке маленькую девочку.

— Привет! — от неожиданности поздоровался он.— Ты почему одна?

— Сейчас мама придет.— Она была белокурой и голубоглазой, как одна его знакомая из далекого детства. Ленка Малова. Тоже тихая, но бесстрашная. Смирнов невольно усмехнулся. Сам-то он всегда считался трусом, а вон как дело повернулось — подался в следователи. А Ленка — наоборот, выучилась на дизайнера, теперь сидит в удобном кресле и теплом офисе...

— Ты осторожней, пока одна,— наказал он девочке.— Ну, пока! Тебя как зовут-то?

— Леночка,— прошептала она, глядя в спину уходившему Смирнову.

Александр Юдин

ЧИКИ-ЧИК

Элитная вечеринка в Винтажном зале Центра современного искусства шла на убыль. Уже отплясала и даже спела под «фанеру» группа «Стринги» — бесспорный гвоздь программы; уже раскраснелись лица и съехали набок галстуки счастливых участников статусного мероприятия, а парочка раскрученных телеведущих, нанятых на роль конферансье, свежие остроты подбирала с усилием.

Профессор Костромиров допил коньяк, поставил опустевший бокал на поднос подвернувшегося официанта и, отказавшись от новой порции, в некоторой задумчивости направился к выходу.

При взгляде на этого сорокашестилетнего мужчина, на его хорошо тренированную, мускулистую фигуру, загорелое, с хищными чертами лицо мало кто догадался бы, что перед ним представитель сугубо мирной, можно сказать, кабинетной профессии. А если точнее — профессор Института востоковедения, член-корреспондент Российской академии наук.

Кой черт занес его на эти галеры, размышлял между тем профессор. Целый вечер убит впустую. Да, «Хенnessи» тут неплох, виски тоже — двенадцатилетнее «Джемесон 1780»... Все же это недостаточные основания, чтобы три с половиной часа тусоваться среди целлюloidной публики московского бомонда. Ни одного интересного собеседника за весь вечер! Голова утром

болеть будет... Виски с коньяком мешать определенно не стоило. Но что-то ведь подвигло его на этот шаг, продолжал анализировать Костромиров, пробираясь к выходу. Профессор имел пытливый, логический склад ума, а потому любил во всем докапываться до сути. Пожалуй, основную роль сыграло природное любопытство. Костромирова сначала смущило, а потом заинтриговало то обстоятельство, что пригласил его на эту закрытую вечеринку сам ее устроитель — Сладунов Борис Глебович, личность довольно известная. Сладунов входил не то в сотню, не то в тысячу богатейших людей страны, был сопредседателем партии «Конкретная Россия» и прославился отчаянной патриотичностью. Борис Глебович приобрел на аукционе «Сотбис» малоизвестный шедевр Малевича «Зеленый треугольник» и торжественно даровал его Третьяковской галерее. Стоит ли удивляться, что вскоре после этого возбужденное было против него уголовное дело о сокрытии многомilliардных налогов благополучно замяли.

Костромирова заинтриговало то, что с этим самым Сладуновым он никаких общих дел никогда не имел и даже знаком не был. До сего момента их пути не пересекались. А тут — на тебе! — личное приглашение на закрытый ужин в ЦСИ. Странно? По меньшей мере. Но и любопытно, черт побери!

Костромиров уже подходил к дверям, как вдруг путь ему преградила монументальная фигура секьюрити.

— Вы будете Костромиров Горислав Игоревич? — спросил охранник, сверяясь с бумажкой.

— Совершенно верно, — подтвердил профессор.

— Господин Сладунов просил уделить ему несколько минут.

— Ну... хорошо, — недоуменно огляделся Горислав Игоревич. — А где он сам-то, ваш господин Сладунов?

— Столик Бориса Глебовича вон там, на балконе, — кивком головы указал охранник, — в самой середке.

Костромиров поднялся на галерею, опоясывавшую Винтажный зал по периметру. Он пребывал в легком раздражении. Если у этого нуориша и впрямь есть к нему дело, зачем было ждать целый вечер?

Сладунова Горислав Игоревич узнал сразу — видел пару раз по телевизору. Рядом с ним за столиком сидел тип кавказской наружности в ослепительно-белом костюме. Заметив профессора, Борис Глебович призывающе замахал рукой.

— Горислав Игоревич! — воскликнул он, ногой поддвинув профессору свободный стул.— А я вас жду. Что ж вы за весь вечер так и не подошли? Ну, да ладно, давайте знакомиться. Это Чингиз Раджиев, мой зять и юрист компании,— Сладунов указал на кавказца в белом.— А это Костромиров Горислав Игоревич, профессор востоковедения, член-корреспондент РАН, кавалер Ордена Почетного Легиона. Я ничего не упустил? У вас столько всяких титулов да званий...

— Нет,— ответил Костромиров, с вежливой улыбкой разглядывая коммерсанта,— все верно.— И кивнул белоснежному зятю.— Очень приятно.

На первый взгляд Сладунов являл собой фигуру, ничем особенно не примечательную. Был он чуть ниже среднего роста, довольно плотен, с заметным брюшком; голову имел крупную, коротко остриженную, лоб широкий, нос хрящеватый. В глазах его, да и во всем облике сквозила эдакая крестьянская или, точнее, кулацкая хитринка. Горислав Игоревич невольно отметил, что формой головы и чертами лица Сладунов очень напоминает императора Веспасиана — так, как того запечатлев в мраморе забытый ныне античный скульптор.

— Вы не очень похожи на профессора,— довольно бесцеремонно заметил Раджиев.

— Чингиз! — укоризненно покачал головой Борис Глебович.— Однако мой зять прав. Уж очень у вас, Горислав Игоревич, вид не профессорский. Спортом не бось занимаетесь?

— Просто держу форму,— холодно ответил Костромиров.

— Оно и видно,— кивнул Сладунов.— Уважаю.— И, обращаясь к зятю, добавил: — Вот, Чингиз, бери пример: сорок шесть лет человеку, а разве дашь? Максимум тридцать семь! А уже и профессор, и членкор, и все чики-чик.

Раджиеев пробурчал в ответ нечто нечленораздельное.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил Сладунов.— Чингиз! Что ж ты застыл? Потчуй гостя.

Зять снова пробормотал что-то неразборчивое и потянулся к одной из стоявших на столе бутылок.

— Не извольте беспокоиться,— остановил его Костромиров,— мне уже довольно на сегодня.— И с намеком добавил: — У меня еще кое-какие дела.

Сладунов бросил на профессора пристальный взгляд и кивнул:

— Да, дело прежде всего. Кстати, о делах: я слышал, что вы пишете сейчас научную работу... Как это у вас называется? Ах да, монография. И тема ее как-то связана с Мальдивскими островами. Я прав?

— Действительно,— с искренним удивлением подтвердил профессор.— Однако я поражен. Откуда вам это известно?

Борис Глебович лишь таинственно заулыбался в ответ и снова спросил:

— А про что все ж таки работа? Если это, конечно, не секрет.

— Никакого секрета,— пожал плечами профессор.— Монография посвящена первой династии мальдивских султанов и, в частности, основателю Мальдивского султаната Мухаммаду уль-Абдале. Ведь именно Мухаммад I в середине XII века обратил мальдивцев в ислам, до него местные жители исповедовали буддизм. Так вот, среди прочего я исследую причины и, гхм, условия...

— Это и вправду интересно,— прервал его Сладунов.— Но почему вдруг Мальдивы?

— Что значит почему? Во-первых, таково задание издательства, с которым я сотрудничаю, а во-вторых, эта тема в сфере моих интересов. Вы сами изволили заметить — я востоковед.

— И как продвигается, так сказать, реализация проекта? — не унимался коммерсант.

— Простите, Борис Глебович, — не выдержал Костромиров, — но чем вызван такой интерес к моей научной деятельности?

— Сейчас все объясню. Только давайте сначала попробуем вот этот «Курвуазье». Вы убедитесь, он исключительный. Двадцатилетней выдержки. Нет, нет, я настаиваю! Только попробуйте, и все, — убеждал Борис Глебович, разливая коньяк по широким бокалам.

Костромиров пригубил из вежливости.

— Ну как? — прищурился Сладунов.

— Да-а, — покатав драгоценный напиток во рту, признал профессор, — «Курвуазье» хороший.

— Что я говорил! — засмеялся Борис Глебович. — Вот теперь можно и о делах. А то вы небось уже извелись, гадая, что этому капиталисту от вас потребовалось? Сразу скажу, что хочу предложить вам интересную сделку. Интересную прежде всего — для вас. В общем, так. Все началось, хе-хе, с мечты. Я всегда, знаете ли, мечтал прикупить какой-нибудь морской островок. И не только, чтобы тупо вложиться в недвижимость. Государство у нас, как известно, беспокойное. Не ровен час... Всякое может случиться. И потом, сейчас вот мне пятьдесят шесть с хвостиком, силенок хватает. Но время-то бежит. И когда-никогда передам я все дела Чингизу, а сам заживу в свое удовольствие. И личный остров на этот случай неплохой вариант, верно? Ладно. Приобрести остров, скажем, у побережья Хорватии или Испании той же — не штука. Но мне хотелось, чтобы круглый год — лето! Сам-то я с Сахалина родом, условия, в смысле погодных, там не сахар, считай, каторжные, хе-хе. А на старости лет хочется погреть, так

сказать, косточки. И на отопление чтоб не тратиться. Тоже плюс, согласны?

Профессор пожал плечами.

— Короче говоря, загорелось мне купить один из островов Мальдивского архипелага. Их там тысяча сто девяносто две штуки. И большинство необитаемые. А климат какой? Сказка! Ниже плюс семнадцати температура вообще не опускается. И никогда не поднимается выше тридцати семи. А так, в среднем по году, колеблется от двадцати четырех до тридцати. Баунти, просто баунти! В смысле — рай. Да вот беда! Оказалось, Мальдивское правительство своих островов не продаёт категорически. Максимум — сдает в долгосрочную аренду. Но когда я ставлю перед собой какую цель... Тамошние чиновники тоже люди. Короче говоря, неважно как, но заветный остров я прикупил. Правда, небольшой совсем, где-то триста пятьдесят метров в длину и метров сто в ширину. Но весь зеленый такой. И даже с готовым жилым строением. Кто и когда там этот дом построил, не знаю. Но домик оказался вполне себе ничего. Эдакое бунгало, если понимаете, о чем я. Ну, я его довел до ума, оборудовал как полагается, все чтобы чики-чик. Ладно. Поскольку остров был безымянный, имя ему я придумал сам. Теперь он — остров Сладулин.

Костромиров недоверчиво посмотрел на Бориса Глебовича.

— А что? По-моему, удачное такое название. И фамилию мою фиксирует, и с родным Сахалином в созвучии, — пояснил Сладунов, явно гордясь своим словотворчеством.

— Но за домом следить надо, верно? — продолжил Борис Глебович. — Собственность — штука ответственная. И потом, хочется ведь так: когда бы я туда не приехал — один ли, с супругой или еще, хе-хе, с кем — чтобы все, значит, чики-чик. То есть, по-любому, нужен присмотр, понимай — прислуга. Во-от. Ну, к туземцам

доверия у меня нет. И что с них взять, когда кокосы да бананы им сами в рот падают; с ленцой ребята, короче. И главное, я их не знаю совсем. Какое тут доверие? По нынешним временам личная преданность выше деловых качеств ценится. Согласны? Так-то вот. Что было делать? Пришлось задействовать собственных родственников. И мне спокойнее, и им благодеяние. Короче, выписал я с Сахалина двоюродного дядьку в материной стороны, Василия Васильевича, сестру свою, тоже двоюродную, Татьяну Степановну, да еще Антоху. Кем мне тот Антоха приходится, по правде, черт разберет; что-то такое жено моего сводного брата. Ну, неважно. Антоха – за сторожа, ну а Танюха – та повариха и кухарка; она ведь в этой сфере, считай, всю жизнь оттарабанила. Дядька Василий там за главного. Он из военных, майор морской авиации. В отставке, понятное дело. В общем, я рассудил, что порядок он поддержать сумеет. Большего-то от офицера требовать нельзя, хе-хе, большего-то они ничего не умеют. Ать-два, равняйсь, смирно! Согласны?

Профессор Костромиров неопределенно хмыкнул. Он попивал коньяк и слушал Сладунова хотя и с интересом, но с нарастающим недоумением: к чему тот все это ему рассказывает?

– Но мне «равняйсь, смирно» от него как раз и нужно. Чтобы порядок в доме, и все чики-чик, – продолжал между тем Борис Глебович. – С каждым из родственников я по всем правилам заключил трудовой контракт, на пять лет с пролонгацией. Оклады им определил хорошие; раз в год им отпуск полагается. Не обидел, короче. Но их обязанности в договорах прописал тоже четко. Значит, как я и говорил, Василь Васильич состоит у меня в должности управляющего, Танюха Степановна – повариха. Ну и другие женские дела по дому ей вменены. А Антон, тот совмещает две должности: сторожа и садовника; надо ж кому-то и о приусадебной, так сказать, территории позаботиться, верно? Короче,

все чики-чик. Одна беда — недвижимость-то хорошо бы освоить. Ну, пожить там какое-то время, осмотреться, все дела. Чтоб, типа, понять, пригоден дом для комфортного проживания? А то, может выйти, решу туда перебраться на ПМЖ, так сказать, а там — и то не так, и это не этак, согласны?

Горислава Игоревича порядком раздражала манера собеседника то и дело задавать риторические вопросы, тем не менее он отхлебнул из бокала и кивнул. Костромиров решил все-таки дослушать рассказ экстравагантного мультимиллионера до конца. Он интуитивно ощущал какую-то интригу. Только какую?

— На родственников-то моих сахалинских надежда слабая. Они в своем медвежьем углу привыкли к «совку», так их куда ни сунь — им везде курорт. По хорошему-то, мне надо самому туда ехать. Хотя бы с неделеку пожить там. Да только — во! — Сладунов чиркнул себя ребром ладони по горлу. — Времени совсем нету, ни капельечки! Дела, дела... Ну, лишен я такой возможности, хоть ты тресни!

Борис Глебович покачал головой и, вздыхая о своей тяжкой доле, наполнил опустевшие бокалы. А потом вдруг подмигнул Костромирову:

— Но мир не без добрых людей, верно? Дней пять назад, кажется, на саммите «Конкретной России», разговорился я, значит, с генеральным директором Издательского Дома «Гешихт-респект» Пфаненштилем Генрихом Ивановичем и пожалился ему на свою проблему. А он возьми и посоветуй: дескать, а чего бы тебе, Борис Глебович, не послать кого-нибудь заместо себя? В качестве, так сказать, эксперта. Но чтобы человек был культурный, образованный — из нашей среды, короче. Вот, говорит, профессор Костромиров — член-корреспондент и все дела, да ко всему еще и кавалер французского Ордена Почетного Легиона — как раз сейчас работает над темой, напрямую связанной с твоими разлюбезными Мальдивами. Пускай он погостит в

твоей недвижимости, обживется, да все потом аккуратно доложит — готов-де дом к приему хозяина или как. Заодно закончит свой научный труд. А то, говорит, обещался сдать в издательство еще в феврале, а уже середина апреля. Короче, и тебе хорошо, и ему польза... А? Что скажете, Горислав Игоревич?

— Я правильно понимаю, — поднял брови Костромиров, — вы предлагаете мне отправиться вместо вас на Мальдивы? На этот ваш... Сладулин?

— Да, — коротко подтвердил Сладунов и уставился на профессора с хитрым ленинским прищуром.

— Довольно неожиданное предложение.

— Все за мой счет. Включая перелет до Мале, проживание, питание. И обратные билеты, разумеется, тоже.

— Дело совсем не в деньгах... Хотя и в подобном спонсорстве я никоим образом не нуждаюсь.

— Кто говорит о спонсорстве? Все на условиях взаимности. Поживете там недельки три или месячишко (как пойдет), допишите эту свою книжку про султана, на природном, так сказать, материале. И отвлекать там вас никто не сможет, при всем желании: остров-то необитаемый, кроме обслуживающего персонала — никого. Даже Интернета нет. Но мобильная связь работает исправно. А по окончании представите мне подробный отчетец, довольно будет и в устной форме: расскажете, насколько дом готов к проживанию, и как прислуга справляется со своими обязанностями. По рукам?

Горислав Игоревич не заметил даже, как допил свой кофейник. Зять Сладунова поспешил вновь наполнить его бокал, и профессор машинально отхлебнул едва не половину.

— Нет, нет, знаете ли, — запротестовал он, только сейчас осознав, что изрядно захмелел, — все это как-то слишком неожиданно и... несуразно...

— А что вас останавливает? — вкрадчиво спросил Сладунов, перегибаясь к нему через стол. — Вы же, насколько знаю, холостяк, детей нет. То есть семейных обязательств никаких. И путешествовать любите. Да,

да, Генрих Иванович охарактеризовал вас как опытного путешественника. Поработаете на лоне тропической природы, в спокойствии, на всем готовом. А задание... Что задание? Вам и делать-то ничего специально не надо! Поживете там, осмотритесь, а потом поделитесь со мной впечатлениями. Между прочим, Генрих-то Иванович не в шутку переживает, говорит, вы ему издательский план срываете... Вот и выйдет: и вам хорошо, и всем польза. Ну же! Решайтесь, профессор!

— Даже не знаю, что и сказать,— в растерянности развел руками Костромиров.

— Вот и славно! — воскликнул Борис Глебович.— Значит, по рукам, и чики-чик! А я ведь знал, что вы не откажетесь, уже и контрактик подготовил. Совершенно для вас необременительный, все условия — в вашу пользу, сейчас сами увидите. Чингиз! Где бумаги?

* * *

«Не стоило вчера коньяк с виски мешать,— сокрушенno думал профессор Костромиров, подъезжая на такси к аэропорту «Домодедово»,— ох, не стоило. Коньяк — напиток ревнивый, соседства, даже самого благородного, не переносит...»

Этим субботним утром Горислав Игоревич проснулся с тяжелой головой и с надеждой, что весь вчерашний вечер ему приснился. Но надежда растаяла, стоило ему подняться с постели и дойти до кабинета — там, на столе, лежал подписанный обеими сторонами «агентский договор». Костромиров взял в руки два прошитых степлером листка бумаги, обреченно упал в кресло и принялся за чтение.

«Сладунов Борис Глебович, действующий от собственного лица, именуемый в дальнейшем „Принципал“, с одной стороны, и Костромиров Горислав Игоревич, действующий от собственного лица, именуемый в даль-

нейшем „Агент“, с другой стороны, при совместном упоминании именуемые „стороны“, заключили настоящий Договор о нижеследующем:

1. Предмет Договора

1.1. Принципал поручает, а Агент принимает на себя обязательство выполнить в указанные в настоящем Договоре сроки следующий комплекс фактических действий: проверить пригодность объекта недвижимости (далее по тексту – „Дом“) для комфортного и безопасного проживания в нем Принципала и членов его семьи (далее по тексту – „поручение“).

1.2. Точное наименование и место нахождения Дома указано в Приложении № 1 к настоящему Договору.

2. Обязанности сторон

2.1. Принципал обязуется организовать и оплатить поездку Агента до места исполнения поручения и обратно, а также берет на себя все организационные вопросы, связанные с проживанием Агента в Доме, а равно все расходы, связанные с таковым проживанием (включая ежедневное не менее чем трехразовое питание), на весь период выполнения последним поручения Принципала.

2.2. Агент обязуется добросовестно выполнить поручение Принципала и по его завершении представить последнему полный устный отчет.

2.2.1. Агент обязуется выполнить поручение Принципала в течение 20 (двадцати) календарных дней с момента его доставки к месту исполнения поручения. По обоюдному согласию сторон данный срок может быть продлен.

3. Ответственность сторон и форс-мажор

3.1. За неисполнение или ненадлежащее исполнение настоящего Договора стороны несут ответственность в соответствии с законодательством РФ.

3.2. Стороны освобождаются от ответственности за частичное или полное неисполнение обязательств по настоящему Договору, если это неисполнение явилось следствием

обстоятельств непреодолимой силы, возникших после заключения настоящего Договора в результате обстоятельств чрезвычайного характера, которые стороны не могли предвидеть или предотвратить.

В случае наступления указанных обстоятельств срок выполнения сторонами своих обязательств по настоящему Договору отодвигается соразмерно времени, в течение которого действуют эти обстоятельства и их последствия.

4. Особые условия

4.1. В случае, если в процессе исполнения настоящего Договора здоровью Агента, по не зависящим от Принципала причинам, будет причинен какой-либо вред, Принципал не несет ответственности за наступление подобных последствий.

5. Заключительные положения

5.1. Настоящий Договор составлен в 2-х экземплярах и вступает в силу с момента его подписания обеими сторонами.

5.2. Договор может быть расторгнут досрочно лишь по взаимному согласию обеих сторон».

Вчера, ознакомившись с договором, Костромиров потребовал внести изменения в пункт 4.1. «А если вам потом крыша на голову рухнет или еще что,— заявил он.— Такое бывает. А на Мальдивах и землетрясения случаются. Я не строитель и не могу ни проверить, ни тем более гарантировать надежность самого дома. Не-ет, давайте тогда запишем, что *обе* стороны не несут ответственности за возможный вред здоровью». Зять Сладунова резонно возразил, что в «особых условиях» речь идет о вреде, полученном *во время* исполнения договора, а не *после*. «Зачем вообще нужен этот пункт? — спросил тогда профессор.— Он мне не нравится». Раджиев спокойно пояснил, что это условие включено на случай аварии с самолетом и тому подобных обстоятельств, а также как страховка на случай неосторожных действий самого профессора. «Утонете во

время купания. И такое бывает», — с холодной улыбкой предположил он. Но Горислав Игоревич заутился: «Не стану подписывать в этой редакции». Против его ожиданий Сладунов не послал все к чертям, а махнул рукой и велел Чингизу сделать так, как хочет профессор. И Раджиев послушно исправил договор прямо от руки; написал на полях «исправленному верить», и стороны поставили рядом свои подписи. Теперь пункт 4.1 звучал следующим образом: *«В случае, если в процессе или сразу после исполнения настоящего Договора здоровью одной из сторон, по не зависящим от другой (противной) стороны причинам, будет причинен какой-либо вред, ни одна из сторон не несет ответственности за наступление подобных последствий»*. Прочитав это сейчас, на свежую голову, профессор осознал, что в результате правки пункт вышел еще более несуральным и даже двусмысленным.

Еще к договору прилагалась широкомасштабная карта Мальдивского архипелага, помеченная в правом верхнем углу как «Приложение № 1 к Агентскому Договору от 25.04.2012 г.»; остров Сладулин был обведен красным кружком; на нижнем поле карты имелась надпись: *«Под объектом недвижимости, именуемым в настоящем Договоре „Домом“, следует понимать как само принадлежащее Принципалу двухэтажное строение, общей площадью 660 кв. м, так и всю территорию острова Сладулин, входящего в состав островов Мальдивского архипелага»*.

«Ой, не нравится мне все это», — подумал Горислав Игоревич, и тут зазвонил телефон.

— Слушаю! — раздраженно рявкнул он в трубку.

— Здравствуйте, — ответил приятный женский голос. — Вы профессор Костромиров?

— Я-то профессор, а вы кто?

— Секретарь Бориса Глебовича Сладунова. Меня зовут Дина. Борис Глебович просил вам передать, что ваш самолет вылетает из аэропорта Домодедово сегодня в шестнадцать тридцать, рейс номер 9613 в Доху. Регистрация начинается за три с половиной часа.

— Почему в Доху? — удивился Костромиров. — Это же столица Катара.

— Все правильно. Просто вы летите на Мальдивы с пересадкой. Второй самолет рейса 8666 взлетает из Дохи в восемнадцать ноль-ноль по местному времени, и он доставит вас уже в Мале. Борис Глебович решил, что вам как человеку курящему будет тяжело лететь одиннадцать-двенадцать часов без пересадки. Хочу отметить, что оба самолета — повышенной комфортности, принадлежат авиакомпании «Катарские Авиалинии», так что полет не должен вас утомить. Билеты и письменные инструкции Бориса Глебовича вы получите непосредственно в аэропорту от Чингиза Тамерлановича Раджиева. Есть ли у вас вопросы?

— К вам нет, — только и нашелся ответить Горислав Игоревич.

Регистрация на рейс 9613 подходила к концу, и профессору вдруг чертовски захотелось плюнуть на все и уехать. Но природные обязательность и честность не позволили. Чингиз Раджиев явился, когда уже объявили посадку; извинился, соспался на «пробки» и вручил Костромирову два билета: один — до столицы Катара, а второй — из Дохи в Мале. И еще запечатанный конверт.

— В конверте письменные инструкции Принципала, — пояснил сладуновский зять-юрист, — ознакомились в полете.

Костромиров быстро прошел регистрацию и таможню, сдал багаж и, не заходя в дьюти-фри, погрузился на борт Боинга-777 катарских авиалиний. Самолет набрал высоту, улыбчивая стюардесса продемонстрировала, как следует себя вести в экстренных случаях. Когда разнесли прохладительные напитки, профессор решил, что пришло время ознакомиться с «инструкцией Принципала», и вскрыл конверт. Инструкция — четыре листа компьютерной распечатки — содержала следующий текст:

«Здравствуйте, Горислав Игоревич.

Если Вы читаете это письмо, значит, уже летите в сторону Мальдив, а потому имеете право знать некоторые специфические нюансы порученного Вам дела, о которых я (прошу простить) умолчал при заключении Договора. Нет-нет, не беспокойтесь, предмет Договора и общий характер Вашей миссии остаются прежними: Вам надо проверить, насколько приобретенные мною остров и усадьба пригодны для моего комфорtnого и безопасного проживания. И я по-прежнему надеюсь, что никаких особых трудностей выполнение означенного поручения у Вас не вызовет, и Вы со всеми возможными удобствами сможете завершить свою монографию. Вот только в упомянутом выше предмете Договора акцент, пожалуй, следует сделать не на «комфорtnости», а на «безопасности». Однако все по порядку.

Дело в том, что у меня по жизни есть Враг. Этот Враг долгое время рядился в одежды друга, а может, поначалу и был таковым. Зовут его Муль Яков Семенович. Мы выросли вместе — в одном доме, в одном дворе Южно-Сахалинска; закончили одну школу. Потом наши пути разошлись. На долгих семнадцать лет. Жизнь снова свела нас, когда я, оставив пост в администрации губернатора Сахалинской области, только-только начал организовывать собственный бизнес по добыче трепангов. Так сложилось, что Муль уже некоторое время крутился в этой сфере, вот мы и решили организовать совместную компанию с долями участия пятьдесят на пятьдесят. В каких-то два года бизнес наш вырос, расширился, мы вышли на Китай, Японию и другие страны региона. А потом между нами пошли серьезные разногласия. Я полагал, что времена изменились, на Сахалине ловить больше нечего, и бизнес следует перепрофилировать и уводить на континент. Муля же все устраивало, и он не желал ничего менять. Тогда я предложил выкупить его долю по справедливой цене.

Он отказался наотрез. Короче, наши отношения — сначала деловые, а потом и личные — дали трещину. А тут еще, как на грех, в его семье случилось тяжелое несчастье: погибли жена и оба сына. После этой трагедии он совершенно забросил бизнес, но долю в компании отказывался уступать еще с большим, каким-то даже маниакальным упрямством. И вообще, я стал замечать, что с головой у него творится что-то не то. Поскольку все это реально вредило бизнесу, я вынужден был предпринять некоторые организационно-юридические меры и вывел Муля из состава участников компании. Не скрою, в результате этих мер (подчеркну, что с правовой точки зрения они были абсолютно безупречны, а с позиций бизнеса — совершенно оправданы) Яков потерял почти все. Но бизнес — дело рисковое.

Оставив компанию, Муль вернулся в свою изначальную профессию — пошел актерствовать в областной театр. Но вскоре запил, и его оттуда выгнали. Потом попал в „психушку“, вышел и снова запил. По всей видимости, алкоголь окончательно доконал его психику, потому что в один прекрасный день он заявился ко мне и принялся угрожать, обвиняя во всех своих несчастьях, даже в смерти жены и детей. Разумеется, я выставил его за дверь. Тогда Муль среди бела дня, когда я выходил из офиса, бросился на меня с кухонным ножом. В присутствии кучи свидетелей. Охрана его, разумеется, скрутила. Суд признал его вменяемым (на мой взгляд, совершенно напрасно) и дал семь лет. Сам я, естественно, на том суде не присутствовал, но, как мне передали, в последнем слове Яков, вместо раскаяния, поклялся уничтожить меня и всех моих близких.

Я тогда подумал: что возьмешь с больного человека? И забыл об этой истории на семь с половиной лет. До того момента, когда в автоаварии погибла моя первая жена (я как раз в то время вел переговоры о покупке острова). Но вспомнить о Мule и его угрозах меня заставила не гибель жены, а последовавшие за ней события.

Началось с того, что прямо во время похорон мне пришла „эсэмэска“ с неизвестного номера: „Чертовски жаль, Чика. Но это только начало“. Владельца номера, понятное дело, быстро нашли. Да только что толку? Им оказался какой-то алкаш, который потерял свой мобильный. Но я-то сразу просек, что это Муль весточку прислал. А кто еще мог знать мое детское прозвище „Чика“?

Мне не составило труда выяснить, что Муль откнулся с зоны еще за год до случая с Татьяной (так звали мою покойную супругу), был освобожден условно-досрочно за примерное поведение.

Грешным делом я решил, что Яшка блефует: узнал про мое несчастье и решил примазаться к Божьему промыслу, так сказать. Но после переговорил с экспертом, и тот пояснил, что неисправность в тормозной системе вполне могла быть вызвана и посторонним вмешательством. Тут я, понятное дело, призадумался. И дал своей службе безопасности отмашку найти Муля.

Но тот словно в воду канул.

Прошел месяц, за ним второй, розыски так и не дали результатов, и я стал помаленьку успокаиваться. Короче, вошел в обычный бизнес-ритм. Сами знаете, работа и время – лучшие лекари. А с делами у меня тогда был напряг. Только, оказалось, рано я расслабился.

Новое несчастье не заставило себя долго ждать: погибли одна моя хорошая знакомая и ее сын. Угорели на даче, во сне. На первый взгляд, бытовой случай – рано закрыли печную заслонку, только и всего. По этому факту даже дела возбуждать не стали. Я их смерть принял близко к сердцу, потому что, повторяю, эта женщина была мне дорога. Скажу больше: ее сын был и моим сыном тоже. Полагаю, дополнительных пояснений не требуется?

И снова, как в прошлый раз, во время похорон – анонимная эсэмэска: „Мне жаль, Чика. Но и это еще не конец“.

Тут уж я поднял „на рога“ всю свою СБ. Не найдете, говорю, мне этого гада, сокращу всех к такой-то матери! Но поиски, все одно, долгое время не давали

никаких результатов. И лишь совсем недавно моим „эсбэшникам“ удалось кое-что нашупать. Короче, выяснилось, что Муль Яков Семенович полгода назад уехал по турпутевке на Мальдивы. А вот обратно не вернулся. В номере отеля остались почти все его вещи, самого же его как корова языком слизнула. Только резиновые шлепанки на пляже нашли. Случай этот местные власти поспешили замять. Как-никак, туризм — основная статья доходов Мальдивской Республики. А нашим властям ранее судимый гражданин Муль и подавно не нужен.

Тут уж я призадумался всерьез. И вот о чем: а не готовит ли мне этот свихнутый актеришко какой-нибудь злобной пакости? Не затаился ли он на моем острове? А то и в самом доме?

Скорее всего, это лишь моя разыгравшаяся мнимительность. Но причины для нее имеются, согласны? Правда, мои родственники, которых я отрядил на островное хозяйство, ни о чем подозрительном пока не докладывали. Но, как известно, береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет.

Полагаю, теперь Вам понятно, какого рода услуг я от вас ожидаю. Родственникам своим я хотя и доверяю, но не уверен в их компетенции. Сами понимаете, особыми дедуктивными способностями они не блещут. О Ваших же талантах разгадывать всякие криминальные ребусы в столице ходят легенды. Да-да, не отрицайте!

Вот, собственно, в этом и состоит моя к Вам приватная просьба: обследовать Сладулин, ну и дом, понятно. Только не подумайте сгоряча, что я безответственно подвергаю Вашу жизнь опасности. Скорее всего, никакой опасности и вовсе нет. Тем более, на острове Вы не один будете, верно?

Разумеется, теперь, когда Вам стали известны вышеизложенные подробности, Вы вправе отказаться от сделки. Я Вас пойму. Вы можете сесть на обратный рейс еще в Дхөх или уже в Мале — по выбору. И делу конец. Понятно, условиями Договора одностороннее его

расторжение не предусмотрено, поэтому обратный полет будет уже за Ваш счет. И еще Вам придется возместить стоимость двух билетов. Но, уверен, для Вас это не столь обременительно.

Все же искренне надеюсь, что Вас не так легко напугать, и мы окажемся друг другу полезными.

С уважением и в расчете на дальнейшее сотрудничество,

Б. Г. Сладунов».

«А вот редьку тебе в зад, а не „дальнейшее сотрудничество“», – в раздражении пробормотал Горислав Игоревич и скомкал сладуновское послание.

* * *

В Дхе Костромиров тем не менее пересел на рейс 8666 до Мале.

И дело было вовсе не в деньгах. Хотя перспектива тратиться на обратный перелет, а потом еще платить Сладунову свои кровные, профессору тоже никак не улыбалась. С одной стороны, Костромирова чрезвычайно разозлило, что Сладунов фактически его использовал, а с другой – взыграло природное любопытство. История-то могла выйти преинтересная! И оба этих обстоятельства в совокупности побудили его продолжить путешествие.

В конце концов, решил Костромиров, взять обратный билет он успеет всегда.

И потом, чему он удивляется? Ведь Сладунов делец и к тому же – нувориши. То есть принадлежит к той разновидности россиян, для которых все остальные граждане интересны лишь постольку, поскольку тех можно использовать в своих целях. Вот Сладунов его и использовал. Все естественно, все закономерно. Кроме того, договор он подписал сам, пускай и не во вполне здравом уме, но добровольно. А за собственные ошибки следует платить. Самому.

В конверт с инструкцией, помимо карты, были еще вложены три фотографии. На одной красовался мордатый усач в черном морском кителе и белой офицерской фуражке; надпись на обороте гласила: «Ковалев Василий Васильевич, управляющий». Другая фотография была сделана явно на каком-то курорте, скорее всего где-то в Анталии; грушевидной формы женщина с мужеподобным лицом, увенчанным монументальной копной белых волос, полусидела на пляжном лежаке под чахлой пальмой и, сдвинув брови, сурово смотрела прямо в объектив. «Татьяна Степановна Костерьянова, повар» — значилось на обороте. И наконец, на третьем фото, сделанном, по-видимому, для загранпаспорта, был запечатлен белобрысый парень с круглыми голубыми глазами, в костюме и при галстуке; его веснушчатое лицо выражало крайнюю степень простодушия; парень являлся Антоном Степановичем Безруким, сторожем-садовником сладуновского субэкваториального поместья.

Аэропорт Мале, представлявший собой узкую взлетно-посадочную полосу, справа и слева от которой плескались воды Индийского океана, встретил Костромирова тропическим ливнем. Ничего удивительного, апрель май на Мальдивах — период муссонов. Впрочем, дождь быстро закончился.

Горислав Игоревич обменял триста долларов на мальдивские рупии (больше менять не стал, поскольку знал, что американская валюта здесь в ходу) и присел в одном из открытых кафе тут же в аэропорту. К нему подошел официант, по виду — выходец с Ближнего Востока. Здешним языком *дивехи* профессор не владел, а потому наудачу спросил по-арабски, где ему найти водное такси, которое доставило бы его на нужный остров? Услыхав из уст европейца родную речь, официант удивленно заулыбался и пояснил, что лодку можно нанять прямо на выходе из аэропорта, поскольку тот непосредственно граничит с причалом. А потом, вероят-

но расчувствовавшись, добавил, чтобы профессор ни в коем разе не давал хозяину *дони* – так здесь называли небольшие суденышки, заменявшие местным жителям автотранспорт, – больше тридцати долларов. Еще официант, представившийся Турханом, поведал Костромирову, что на причале можно нанять и гидросамолет; им выйдет, конечно, быстрее, но дороже. Профессор ответил, что никуда не торопится, поблагодарил Турхана и, допив пиво, вышел к причалу.

Там Горислав Игоревич обратился к первому попавшемуся ему на глаза пожилому, смуглому до черноты мальдивцу, уныло сидящему на корме видавшего виды катера. Арабского старика не знал, зато бегло говорил по-сингальски. Название «Сладулин» ему ни о чем не говорило, тогда профессор показал карту. Увидев красный кружок, лодочник кивнул и заявил, что ходу туда около часа, и обойдется эта поездка Костромирову в пятьдесят американских долларов. Профессор попробовал сбить цену до тридцати, но старик заупрямился. Сторговались, с учетом вечернего времени, на сорока долларах. Когда Костромиров умостился на одной из двух деревянных скамеек, лодочник натянул выгоревший kleенчатый навес и завел дизель.

Легкая *дени* крылатой рыбешкой прыгала с волны на волну, а Горислава Игоревича вдруг ни с того ни с сего охватила непонятная, какая-то отчаянная веселость. Да черт с ним, с нуорищем этим вместе с его приятелем-маньяком, подумал профессор. Из-за чего он, в самом деле, переживает? Не впервые ему ввязываться в подобные авантюры. Далеко не впервые... Конечно, возраст уже не тот... Ну вот и будет повод вспомнить молодость. Еще поглядим, кто кого в конечном итоге использует!

Но вот лодочник каким-то чудом – ориентируясь по звездам, не иначе – привел *дени* к нужному островку и, ловко вписавшись в узкий разрыв кораллового оже-

релья, пришвартовался к простому дощатому причалу, освещенному единственным фонарем.

Горислав Игоревич перебрался на причал и бросил взгляд на воду. В кругу света, падающего от фонаря, дефилировали несколько акул; одна из них — не менее двух метров в длину.

— Это коралловые акулы с черными плавниками, — махнул рукой старик-лодочник, увидев замешательство Костромирова. — Они не опасны. Но после заката лучше не купайтесь. Особенно за рифом. Может приплыть и акула-молот.

— Спасибо за предупреждение, — искренне поблагодарил его профессор.

На противоположном конце причала мелькнул луч карманного фонарика.

— Кого тама лешай принес, е? — раздался из-за стены мрака гундосый голос.

— Костромирова, — отозвался профессор, — Горислава Игоревича. Разве Сладунов не предупредил о моем приезде?

— А-а... Ну да. Борис Глебыч звонил про вас.

Доски настила заскрипели под чьими-то увесистыми шагами, и из темноты выступил широкоплечий мужчина в гавайской рубашке, шортах-бермудах и надвинутой на глаза бейсболке.

— Антон Степанович, если не ошибаюсь? — спросил Костромиров, приглядевшись к конопатой физиономии встречающего.

— Антоха я, ага, — протяжно прогнулся тот. — Сторож, е, тутошний. Багаж свой давайтэ, что ля.

Горислав Игоревич протянул Антону один из двух дорожных баулов.

— Пойдемтэ, — повернулся к нему широкой спиной Антоха, — да под ноги глядитя, спотыкнетесь, не ровен час.

«Что у него за выговор? — размышил профессор, следя за Антохой. — Нарочитый какой-то. Так сейчас

и в деревнях не говорят. Разве что в самых глухих... Да не приуряется ли он?»

Сторож сошел с причала и заскрипел по песку, светя под ноги фонариком. В стороны прыснули какие-то мелкие ракообразные. Сразу за причалом тьма стала совершенно непроглядной, и Горислав Игоревич мог лишь догадываться, что Антоха ведет его по узкой тропке среди кустарников и высоких травянистых растений.

Всюду понизу угадывалось движение неких живых существ, слышалось сухое шебуршание множества лапок. Профессор помнил, что на Мальдивах опасных для человека животных не водится, но ступать все равно старался аккуратнее.

Луч фонарика выставил ряд древесных стволов, нечто вроде недлинной аллеи, в конце которой взору Костромирова открылась сладуновская усадьба. Из-за облаков как раз вынырнула полная луна, и профессор смог отчасти разглядеть приземистое двухэтажное строение с открытой верандой или террасой; из трех окон первого этажа струился неяркий желтоватый свет.

Антоха провел Костромирова через веранду и открыл дверь.

Миновав темные прихожую и короткий коридор, они попали в обширное слабоосвещенное помещение вроде гостины. По периметру стояли семь кресел в стиле «рококо», никак не согласующийся с ними черный кожаный диван и несколько столиков из ротанга со стеклянными столешницами. По стенам висели старинные на вид зеркала и несколько картин; над креслами — цветные бра в турецком стиле. Но горели из них только три, отчего гостиная тонула в полумраке.

— Располагайтесь, — повел рукой сторож, — дядя Вася сейчас придет. Коли в силах, е. Покажет вам апартаменты. А я покамест — на кухню. Гляну, како тама у Степаниды с ужином.

Антоха опустил багаж на пол, косолапо переваливаясь, пересек гостиную и скрылся за одной из четырех дверей.

Горислав Игоревич посидел минут пять в кресле. Потом это ему наскучило, он поднялся и стал разглядывать картины. Как и мебель, картины совершенно не гармонировали между собой. Две из них были выполнены в манере южных полотен Гогена — с обнаженными туземками и пальмами, два других полотна являли собой пасторальные пейзажи а-ля Франсуа Буше, а на пятой картине был изображен Борис Глебович Сладунов собственной персоной. Хозяин острова стоял в полный рост в строгом костюме с медалькой на левом лацкане; он опирался правой рукой об усеченную античную колонну и бесстрастно взирал на потенциальных зрителей. Самодерjeц да и только, усмехнулся про себя Костромиров.

Тут послышались чьи-то нетвердые шаги, дверь, за которой недавно исчез сторож-садовник, распахнулась, и в комнату вошел пузатый мужчина лет пятидесяти пяти—шестидесяти, отдаленно напоминающий Сладунова. Одет он был в застегнутую на все пуговицы белую рубаху с короткими рукавами и синие брюки; на ногах — черные лакированные ботинки. Его круглое, испещренное красными прожилками лицо украшали пышные прокуренные усы и старорежимные бакенбарды; картофельный нос блестел, точно начищенная армейская бляха. Он поставил на ближайший столик принесенный с собой бронзовый канделябр с пятью горящими свечами и, чуть качнувшись, шагнул к Гориславу Игоревичу, приветственно протягивая руку.

— Ковалев Василий Васильевич,—зычно, по-военному, представился он, дыхнув на профессора злым водочным духом,— майор в отставке. Служил в морской авиации.

— Очень рад,— поздоровался Костромиров.— Ну а я, как вы понимаете, Горислав Игоревич Костромиров, ваш временный жилец.

— Профессор из Москвы,— кивнул майор.— Знаем про вас, так точно. А я здесь в должности управляющего состояю. Что ж, кубрик вам уже обустроен, на втором этаже, по трапу и направо... Гхм... Я-то полагал, что вы эдакий старичок в пенсне и ермолке, ну да ладно. Так-то еще и лучше. Ужин у Степаниды будет готов через тридцать минут. А пока я провожу вас в кубрик — тьфу, отставить! — в гостевую комнату.

Ковалев взял одну из сумок Горислава Игоревича и потянулся за канделябром. Но вдруг замер и, откашлявшись, предложил:

— Или желаете с дороги рюмашку хлопнуть?

— Благодарю, нет,— отказался Костромиров.— Жарко. За ужином, может быть. Пивка холодненького.

— Как прикажете,— неодобрительно пробурчал Ковалев.

— Электричество нам велено экономить,— пояснил он, ведя профессора длинным темным коридором,— на острове только один генератор; солнечные батареи есть, но те так... воду только греют. Борис Глебович обещался второй генератор к осени доставить... Ну, вы, чай, не хуже моего знаете, что Борис Глебович личность, гхм... бережливая. Но я считаю, это правильно! Потому, всему должен быть учет. Иначе порядка не видать, это уж так точно! А вы, между прочим, с ним давно ли знакомы?

— С кем? — не понял Костромиров.

— С Борис Глебычем, с нашим отцом-командиром.

— Дело в том,— замялся профессор,— дело в том, что я с ним познакомился, в общем-то, совсем недавно. То есть буквально пару дней назад.

— Вот те раз! — удивился Ковалев.— И он вас вот так сразу, шагом марш, и сюда... Чем же вы его, гхм, подцепили?

— Ничем я его не цеплял. Скорее, наоборот. Впрочем, не знаю, вправе ли я рассказывать...

— Секретное дело? — прищурился управляющий.— Понима-аю. Мыслю, у Борис Глебыча насчет личного

состава, то есть на наш личный счет, кое-какие сомнения возникли. Так точно?

— Вовсе нет,— ответил Костромиров, злясь на самого себя.— Я приехал сюда, чтобы продолжить свою научную работу. Просто у вашего Бориса Глебовича попутно возникло... некоторое ко мне поручение... просьба. Да, именно — просьба приватного характера. Ее характер...

— Ни, ни, ни! — замахал рукой Ковалев.— Раз сведения под грифом «ДСП», ничего не говорите! Мне ли объяснять: я человек военный, все понимаю... А вот и ваша комната! У нас не отель, номеров на дверях не имеется, поэтому просто запомните — вторая дверь направо от трапа.

Костромиров оглядел помещение, в котором ему предстояло провести почти месяц. Что ж, достаточно просторное — примерно сорок квадратных метров — с широким окном, напротив которого стоял массивный письменный стол красного дерева. Стол профессору сразу понравился. По левой стене — двуспальная кровать с балдахином, по правой — трюмо. Вся мебель, кроме письменного стола, имела стандартный гостиничный вид. Слева от входной двери располагался встроенный гардероб, справа — дверь в туалетную комнату. Горислав Игоревич поднял глаза к потолку: ага, кондиционер в наличии, замечательно. А вон и пульт к нему, на прикроватной тумбочке. В общем, комната представляла собой нечто среднее между спальней и кабинетом. Правда, никаких книжных полок, а тем паче книг не было и в помине. Но это понятно. Для людей типа Сладунова литература, как правило, заканчивалась на последней странице школьной хрестоматии.

— Ну как, годится? — поинтересовался Василий Васильевич.

— Для работы вполне.

— Вот и лады. Там, в галлюне — тыфу, черт, отстать! — в туалете, душевая кабина. Располагайтесь, а я на камбуз схожу. Как бы Антоха не того...

В дверях Ковалев неожиданно остановился, словно о чем-то вспомнив, и, поворотившись к Гориславу Игоревичу, спросил:

— Со сторожем-то нашим вы уже познакомились?

— Да. Сладунов говорил, что Антон здесь еще и за садовника?

— А-а,— небрежно махнул рукой управляющий,— вроде того, да.

Он еще потоптался у двери, икнул и, доверительно понизив голос, сообщил:

— Подзашибить он любит, Антоха-то. Я Борис Глебыч пока ничего не докладывал. Молодой еще — я про Антоху — устава не знает. А у Борис Глебыча разговор короткий, не посмотрит, что родственник. На месте кругом и шагом марш! Я к тому, что вы уж Антохе водки-то не предлагайте.

Костромиров взглянул на управляющего с недоумением.

— У меня нет водки. На Мальдивы спиртное провозить нельзя.

— Это так точно,— вздохнул Ковалев.— А местное пойло откровенная дрянь! Просто беда. Хоть самому за дело берись. Вот вы ученый, так верно знаете: из кокосов самогонка получится?

— Я по другой части ученый,— усмехнулся Горислав Игоревич.

— Понято, есть.

Управляющий развернулся на каблуках и, едва не снеся дверной косяк, вышел в корridor.

— Степанида! — раздался оттуда его зычный глас.— Что там с ужином? Гостю спать пора, а он не жрамши!

«М-да, весьма колоритный типус этот отставной майор Ковалев,— подумал профессор.— Одни бакенбарды чего стоят. Настоящий литературный персонаж. Впрочем, нос у него явно на месте. И преизрядный».

Костромиров принял душ, переоделся в белые хлопчатобумажные брюки и белую же льняную рубаху

с короткими рукавами и принялся распаковывать дорожные сумки. Но тут зазвонил его мобильный. Номер звонившего был ему не знаком.

— Слушаю, Костромиров!

— Как добрались, Горислав Игоревич? — раздался голос Сладунова.

— А... Борис Глебович. Очень кстати. Как раз хотел вам звонить. Знаете, я прочел вашу так называемую инструкцию и хочу заявить...

— Только не горячитесь, Горислав Игоревич, — прервал его Сладунов. — Давайте без скороспелых решений.

— Просто хочу сказать, что возмущен.

— Чем же?

— Вы меня использовали.

— Так уж и использовал, — хмыкнул Борис Глебович. — Скорее, задействовал. Ну да, я вас задействовал. В целях решения, скажем, некоторых вопросов. А чего вы ожидали?

Действительно, подумал профессор, чего иного можно ожидать от подобной личности?

— Будет вам, Горислав Игоревич, — увещевательным тоном продолжил Сладунов. — Не принимайте эту историю с Мулем близко к сердцу. Скорее всего, это только моя мнительность.

— Все же так дела не делаются, — заупрямился Костромиров. — Вы должны были сразу мне все рассказать. А не ставить в дурацкое положение.

— Э! Уж не испугались ли вы, профессор?

— Причем тут испугался? — возмутился Горислав Игоревич. — Суть совсем не в этом, вы же понимаете!

— Между прочим, я тут по слухам снова столкнулся с Пфаненшилем. Так вот, он просил передать, что планирует издать вашу мальдивскую монографию тиражом шестьдесят тысяч экземпляров.

— Шестьдесят? — поразился профессор. — Не шесть?

— Именно, именно шестьдесят, — хихикнул Сладунов. — Неплохо для научной книжки?

— Послушайте... — замялся Костромиров.

— Слушаю, — с иронией в голосе отозвался Борис Глебович.

— Но... Но я даже не представляю, как выглядит этот ваш Муль! Кого прикажете искать?

— Свежей фотографии у меня, увы, нет, — переходя на деловой тон, сказал Сладунов, — а детские фото вас только дезориентируют. Дело в том, что Яков не любил сниматься. Как-то даже болезненно не любил. Бывало, если меня кто фотографирует, а он просто окажется рядом, сразу норовит выскочить из кадра, представляет? А то лицо ладонью закроет. Или уж рожу такую скрочит, что мама родная не признает! Что-то типа фобии, короче...

— Вот как? Любопытно. Но словами-то вы можете его описать?

— Могу! Понятно, могу, — с готовностью подтвердил Сладунов. И тут же замялся: — Вот только... внешность у него эдакая... незапоминающаяся, что ли? Просто-таки никакая. Среднестатистическая, короче. Рост и вес средние, лицо круглое, глаза... глаза тоже круглые и, помнится, зеленые. Или карие? Нет, точно зеленые! Хотя...

— Да уж, — не без ехидства заметил Костромиров, — по таким приметам опознать его будет несложно.

— Нет, нет! — заверил Борис Глебович. — Вы его в момент узнаете. Если встретите, конечно. Муль рано облысел и уже к тридцати годам был как колено. Еще за время отсидки он потерял все зубы. Но их-то вставил и — чики-чик, а вот, хе-хе, волосы отрастить — задача потруднее, согласны?

— Он может и парик нацепить, — мрачно возразил профессор.

— Да, вы правы, — протянул Сладунов. Однако тут же воскликнул: — Но ведь на Сладулине никого, кроме троих моих родственников, нет, так? А их внешность вам известна. То есть посторонних на острове быть не

может. И, главное, не должно! Значит, любой посторонний, если он подозрителен, скорее всего и будет Мулем, верно?

— Ну... похоже на правду,— вынужден был признать Костромиров.

— Вот и чики-чик! — обрадовался Сладунов.— Да, еще одно возьмите на заметку, профессор. Яков всегда отличался чрезвычайной физической силой, особенно если его из себя вывести. Тогда он становится просто каким-то двужильным! Хотя, так, со стороны, глянешь — вроде ничего особенного... Помню, как-то поехали мы с ним на рыбалку — когда еще партнерами по бизнесу были — и мой джип завяз в болотине, так Муль в одиночку его за задний бампер приподнял, ей-богу!

— Эта характеристика особенно обнадеживает,— связывил ученый.

— Еще Муля, по идеи, должно выдавать поведение. Я в том смысле, что он и раньше был психопатом, а сейчас, наверняка, и вовсе — ку-ку. После стольких-то лет отсидки!

— Замечательно! Просто феерично! Сумасшедший силач!

— Короче, спокойно занимайтесь своими делами, профессор, отдыхайте. Ну а *если вдруг* заметите там, на острове, кого подозрительного — сами ничего не предпринимайте, а сразу звоните мне, договорились? Номер мой теперь у вас есть. Все! Будьте здоровы, мне пора на встречу — волка, так сказать, ноги кормят...

Связь прервалась.

«Матерь Божья, во что я опять ввязался,— пробормотал Горислав Игоревич.— Затерянный в океане тропический остров, на котором, возможно, затаился опасный маньяк. Просто триллер, да и только... С другой стороны — шестидесятитысячный тираж! Таким тиражом меня, пожалуй, никогда не издавали. Да и существует ли сей безумный Самсон в реальности? ...Нет-нет, необходимо срочно выкурить трубочку».

Он вытащил из дорожного баула футляр змеиной кожи и достал из него любимую пенковую трубку; внимательно осмотрел — янтарный мундштук, слава богу, цел — набил ароматным табаком и закурил. По ходу дела принялся выкладывать на стол бумаги и необходимые для работы книги; вещами он решил заняться после ужина.

Где-то через четверть часа в дверь трижды постучали.

— Да, да, войдите! — отозвался Костромиров.

Дверь чуть приоткрылась.

— Ужин в столовой на первом этаже,— не заходя в комнату, сообщил управляющий и спешными шагами удалился прочь.

— А где там у вас столовая? — спросил Горислав Игоревич.

Но вопрос его канул в пустоту. Он пожал плечами и вышел в темный коридор. Видно, порядочный куркуль этот Сладунов, размышлял профессор, пробираясь впотьмах к лестнице, целый остров купил, а на электричестве экономит.

Кое-как спустившись по довольно крутым ступенькам, он остановился: куда теперь, направо или налево?

— Василий Васильевич! — крикнул он.

— Здесь! — слабо отозвался управляющий невесть откуда.

Костромиров заметил полоску света, выбивающегося из-под третьей двери справа по коридору, и направился туда. Его шаги звучали гулко и одиноко; казалось, весь дом замер и настороженно прислушивается к пришельцу. Горислава Игоревича неожиданно посетило какое-то зябкое ощущение, сродни тому, что возникает порой на кладбище, особенно в сумерках. А вдруг и впрямь где-то здесь, в доме, затаился сумасшедший убийца?

Он толкнул дверь и очутился в пеналообразной комнате, центральное место в которой занимал длинный стол, укрытый белой скатертью; стол был почти пуст, если не считать трех зажженных бронзовых канделя-

бров о пяти свечах каждый, да в самом дальнем конце его стояли столовые приборы, рассчитанные явно на одного едока. Так-так, очевидно, это и есть столовая, решил профессор. Из-за отсутствия электрического освещения здесь, как и в гостиной, царил таинственный сумрак. По стенам столовой, точно портреты предков, через равные промежутки висели какие-то фотографии в металлических рамках. Канделябры, полумрак, портреты и сама прямоугольная форма помещения — все это порождало ассоциации с готическими залами.

Костромиров осмотрелся вокруг — никого.

— Василий Васильевич? — негромко позвал он.

Тишина...

«Да что они, в прятки, что ли, со мной играют?» — подумал Костромиров в некотором раздражении.

И тут он заметил, как ручка двери в противоположной стороне комнаты осторожно поворачивается — туда-сюда, туда-сюда — точно некто пытается потихоньку проникнуть внутрь; потом дверь жалобно заскрипела и начала медленно-медленно отворяться... Профессор невольно напрягся. Что за черт?! Наконец дверь распахнулась, и в столовую величаво вплыла... толстая женская задница. В следующий момент ее обладательница выпрямилась и повернулась к несколько обескураженному ученому.

Это оказалась высокая тучная женщина с тяжело нагруженным подносом в руках. Ее щекастое, с грубыми, точно у древнего идола, чертами лицо было столь ярко и густо напомажено, напудрено и нарумянено, что, казалось, одно резкое движение — и косметика начнет осыпаться кусками, как старая штукатурка. Голову женщины венчала монументальная прическа обесцвеченных до платиновой белизны волос. Одета она была в длинный, до пят, цветастый сарафан.

— Уфф! — тяжело выдохнула она и заговорила грудным и каким-то распевным голосом.— Насилу двери от-

крыла, руки-то, виши, заняты, а леший этот красноносый, Василич, усвистел куда-то, черти его дерут. А вы, значища, профессор из Москвы? Горислав э-э...

— Игоревич,— подтвердил Костромиров, не сдержав улыбки, поскольку представил, как той пришлось отворять дверь.— Он самый. А вы, полагаю, Татьяна Степановна?

— Татьяна Степановна, ага,— согласилась женщина и, поблескивая золотым зубом, со смешком добавила: — Повариха и ткачиха, и сватья баба Барриха. Едина в трех лицах, от так от. Садитесь-ка за стол, профессор, чай есть-то хотите? Оголодали, поди? Ничего, сейчас я вас накормлю хорошенечко. Чем бог послал. Вот барабаны ребрышки. Уж не обессудьте, свиные были б, понятно, лучше, только свинины здесь взять негде — басурманская страна, одно слово. Вот тут картошечка жареная на гарнир. Вот — оливки. А это салатик. И пивка бутылочка. Пивко холодненькое — из ходильничка. Василий сказал, что вы хотели пивка-то? Да хватит ли одной бутылочки?

— Вполне, спасибо,— поблагодарил профессор, с любопытством поглядывая на словоохотливую повариху. В жизни она оказалась совсем не столь суровой, как выглядела на фотографии.

— Ага. Ну, когда не напьетесь, я еще принесу. А потом можно и банинки — время-то уже позднее.

— Благодарю, Татьяна Степановна, именно так я и собираюсь поступить.

— Ага. Завтрак у нас в девять. Но коли проспите с дорожки, большой беды не будет, у нас тут просто, по-домашнему.

— А на завтрак сюда приходить?

— В столовую,— подтвердила Татьяна Степановна.— На обед и ужин тоже. Обед обычно в два, а на ужин часам к восьми спускайтесь, раньше я никак не поспеваю. Комнату Василич вам показал? Нормально обустроились?

— Да, вполне. Скажите, Татьяна Степановна... а сколько всего комнат в доме?

— А вам на что? — подняла брови повариха.

— Просто любопытно, — пожал плечами ученый.

Татьяна Степановна мгновение буровила его маленькими заплывшими глазками, а потом, резко склонившись к самому его лицу, рявкнула:

— Любопытство кошку сгубило, от так от!

И ушла, громко топая. Да еще хлопнула на прощанье дверью. Профессор в недоумении покачал головой. Странная реакция на простой вопрос. Он вздохнул... и принялся за еду.

После ужина, вернувшись к себе в комнату и разобравшись с вещами, Горислав Игоревич выкурил по обыкновению трубочку. Курил он на балконе — большом, глубоком — удобно устроившись в покойном плетеном кресле. Курил, анализировал случившиеся за день события и наблюдал за тремя крошечными полупрозрачными ящерками, что суетились в свете тусклой лампы, закрепленной на балконной стене.

Кондиционер на ночь он включать не стал, поэтому оставил открытыми окно и балконную дверь, лишь задернул их портьерой, чтобы комары не налетели. А чтобы свежее спалось, решил перед сном еще разок сполоснуться под душем.

Но когда он включил в ванной свет, то обнаружил на полу и даже в раковине целые полчища здоровенных черных муравьев. Они принялись с угрожающим видом кружить вокруг него, по-скорпионы приподнимая брюшки; предводительствовали ими несколько муравьев-солдат — крупнее остальных, с тяжелыми прямоугольными головами. Костромиров быстро установил, что ползут черные захватчики из сливного отверстия душевой кабины. Лишь с немалым трудом ему удалось смыть большую часть непрошенных визитеров обратно.

Когда он засыпал, в голове его навязчивым рефреном звучал куплет шлягера советских времен:

Там живут несчастные люди-дикари,
На лицо ужасные, добрые внутри...

* * *

На следующее утро профессор Костромиров проснулся в девять пятнадцать от командного рева майора Ковалева:

— Эй, там, на камбузе!

Голос управляющего доносился откуда-то с первого этажа.

— Степани-ида! Степанида, мать твою за ногу!

— Чего орешь, оглашенный? — отвечала та, видимо с кухни.

— Завтрак у тебя готов?

— Ты ж уже ел, черт красноносый!

— Сама ты чертовка! А Антоха?

— Чего Антоха? Твой Антоха уж полчаса как усвистел.

— Куда усвистел?

— Нешто я ему сторожиха? Рыбачит, небось, как всегда. Чего, спрашиваю, разорался?

— Так гостя к завтраку будить, что ли?

— Не надо. Сам встанет. От твоего крика и мертвый встанет.

Горислав Игоревич мысленно с ней согласился. Он с кряхтением потянулся и нехотя сполз с постели. И зачем, спрашивается, перекликаться через весь дом? Неужели этому Ковалеву тяжело дойти до кухни? Впрочем, у военных, пускай и отставных, своя, недоступная штатским, логика.

Костромиров отдернул тяжелую штору и вышел на балкон.

Экваториальное солнце уже вовсю поливало островок обжигающими лучами. Но здесь, благодаря стенам

и нависающей крыше, было довольно прохладно. Горислав Игоревич огляделся.

Обзор изрядно закрывало разлапистое дерево, усыпанное крупными оранжево-желтыми цветами. Гибискус липовидный, определил профессор. Но кое-где сквозь густую листву, действительно очень похожую на липовую, все же проглядывала акватория лагуны, окольцованный коралловым рифом; за его пределами вода резко меняла цвет с бирюзового на темно-синий. Профессор втянул солоноватый воздух и блаженно захмурился: настоящая идиллия! Все вчерашние опасения иочные страхи казались ему теперь смешными и даже глупыми. Впереди ждала интересная плодотворная работа, а Сладунов пускай сам разбирается со своим мифическим недругом. Подобная паранойя – удел миллионеров, политиков и им подобным, у кого совесть нечиста. И ему, ученному, это глубоко параллельно.

Костромиров вернулся в комнату и прошел в ванную. Муравьев и след простыл, исчезли даже трупы тех, кого он подавил ночью. Естественно, ведь муравьи павших товарищей на поле боя не бросают.

Он уже оделся к завтраку и собрался выходить, когда взгляд его упал на прикроватную тумбочку. Точнее, на лежащий там второй том «Криминальной истории христианства» Карлхайна Дешнера, который он собирался почтить перед сном. Из книги торчал кончик закладки. Костромиров удивленно поднял бровь. Странно, он же так и не приступил к чтению – дорожная усталость взяла свое. Откуда тогда закладка? Что ж, наверное, раньше когда-то сунул, а после забыл.

Профессор взял книгу, раскрыл и обнаружил внутри тетрадный листок в клеточку, сложенный несколько раз в узкую полоску. Вдвойне странно. Ведь он *всегда* пользовался закладками из папируса. Случайность? Маловероятно. Дело в том, что Костромиров, возможно в силу профессии, отличался склонностью к педантизму. И знал об этом. В частности, он никогда не изменял своим привычкам.

Хмыкнув, он машинально развернул листок.

Никаких угрожающих надписей, типа: «Если тебе дорога жизнь, убирайся с острова!», он там не нашел. Зато обнаружил раздавленного комара. Перед смертью тот, очевидно, успел-таки перекусить – на бумаге образовалось крошечное пятнышко засохшей крови.

Профессор нахмурился, сложил листок и сунул обратно в книгу.

Когда он спустился к завтраку, в столовой не было ни души. Однако на столе дымилась чашка горячего какао, стояли кофейник, фарфоровая масленка и три блюда: одно – с поджаренными тостами, на втором лежали ломтики сыра нескольких сортов, на третьем – омлет с зеленью. Вот и хорошо, подумал Горислав Игоревич, одиночество сейчас только кстати – ситуация требовала срочного осмысления. Пустячное на сторонний взгляд происшествие с невесть откуда взявшейся чужой закладкой здорово его озадачило. Даже заинтриговало. Но аппетита не лишило.

А поэтому к осмыслению ситуации ученый приступил, задумчиво похрустывая тостами и запивая их ароматным какао.

По всему выходит, что кто-то побывал у него в комнате. Предположение о случайном характере находки он отмел сразу и полностью. Ну, если и не полностью, то по крайней мере процентов на девяносто девять. А значит, надо определить время и способ проникновения. Впрочем, это как раз очевидно: окно и балконная дверь оставались открытыми всю ночь. Правда, второй этаж... Но не двадцать же второй! И ветви гибискуса дотягиваются аккурат до самых перил... Книгу он положил на прикроватную тумбочку, когда укладывался в постель, следовательно, некто побывал у него в номере уже ночью, пока он спал.

Да, но кому это могло понадобиться? Сторожу Антону? Майору Ковалеву? Поварихе Степаниде? Желание

покопаться в его вещах теоретически могло возникнуть у любого из них. Чужая душа — потемки. Но зачем совать тетрадный листок в книгу? Или неизвестный посетитель так увлекся ее содержанием (кстати, сугубо научным), что даже оставил закладку, дабы в следующий раз продолжить чтение с нужного места? Ерунда какая-то! Чушь! Реникса!

...М-да, ерунда. Если только не допустить, что этот листок бумаги — предупреждение. Предупреждение ему, Костромирову. А что? Дескать, будешь совать нос не в свои дела, закончишь, как этот комар. Смешно? Пожалуй... А может, и нет.

Но отчего неизвестный злоумышленник решил действовать столь замысловатым способом? Не проще ли, как оно принято между интеллигентными людьми, написать записку с угрозами? Хотя свой резон в этом есть. Ведь если сия «кровавая метка» попадет в руки человеку, ни в чем не замешанному, он на нее и внимания-то не обратит! Или сочтет совершеннейшим пустяком... Но разве он, Костромиров, в чем-то замешан? Увы, да, вынужден был признаться себе ученый, замешан. Договор подписал? Подписал? Секретное (ну, хорошо, приватное) поручение Сладунова взялся исполнить? Взялся, взялся, чего теперь заниматься пустым самооправданием...

Ладно, продолжал строить логическую цепь профессор, но если это и впрямь некое предупреждение или угроза, тогда... тогда вполне допустимым становится предположение, что бумажку подсунул никто иной, как... Муль!

Неужели Муль — не болезненный фантазм нечистой совести капиталиста-эксплуататора? Выходит, заклятый друг владельца Сладулина и впрямь может обретаться где-то здесь, на острове!

...И какой же из этого всего следует вывод? А вывод такой: раз злоумышленник, скорее всего, прячется на острове — надо обследовать остров. Это ясно. Только... только Муль может скрываться и в самом доме, разве нет?

Впрочем, в доме ему пришлось бы постоянно опасаться прислуги... Ну, пусть! Дом тоже надо будет осмотреть. Но во вторую очередь. Сначала — сам остров.

Тут размышления Костромирова были прерваны. Из-за внутренней двери, видимо с кухни, донеслись приглушенные голоса управляющего и кухарки. Разговор, судя по всему, носил сугубо личный, даже интимный характер:

- А ну, отлезь, кобель красноносый!
- Ну, ты чего? Чего ты, Степанида?
- Отлезь, говорю, скаженный!
- Я ж по-хорошему...
- Убери руки, сказала! Щас от сковородкой охерачу!
- Поду-умаешь, фря! Корова!

Раздался грохот каких-то тяжелых металлических предметов. Через мгновение в столовую ворвался Василий Васильевич Ковалев. Вид он имел не по-военному растрепанный: волосы всклокочены, на рубахе расплывалось жирное масляное пятно, и не хватало двух пуговиц.

— Хорошо ли спалось на новом месте, Горислав Игоревич? — как ни в чем не бывало спросил он Костромирова.

— Спасибо, неплохо.

Майор кивнул и с озабоченным видом принял закрывать на окнах жалюзи. Столовая тут же погрузилась в приятный полумрак.

— Так ночной прохлада подольше сохранится, — пояснил он, — а то кондиционер столько, доложу вам, электричества жрет! А Борис Глебыч меня за это не похвалит. Ну, ладно... прием пищи вы, вижу, уже закончили? Как вам, между нами, Степанидина стряпня?

— Очень вкусно. А Татьяна Степановна на кухне? Я хотел лично выразить ей благодарность.

— Так точно, — несколько смущенно подтвердил управляющий, — на камбузе кашеварит. Вы ее пока, того... не отвлекайте, хорошо? Она не любит, когда ее от готовки отвлекают. И тут еще... повздорили мы с ней малость.

Так, ерунда, конечно.— Ковалев сел за стол и, заговорщики понизив голос, пояснил: — Уж очень она горяча, Степанида-то. Прям удержу нет! Как пристанет... Только меня она в этом смысле мало интересует. Как женщина, то есть. Мне бы кого, хе-хе, помоложе. Чтобы все эдакое было... крепенькое. И тут и там. Чтобы все торчало и торпялось. Понимаете, о чем я?

Он подмигнул Костромирову.

— Понимаю,— важно кивнул профессор.

— Понимаете! — обрадовался майор.— А не желаете ли по маленькой хлопнуть?

— С утра? Нет, нет.

— А пивком освежиться?

— Благодарю, но нет.

Майор заметно поскучнел.

— Что же вы теперь собираетесь делать? — спросил он с недоумением.

— Да вот, хочу осмотреть остров. Заодно искупнусь.

— Желание вполне уставное,— кивнул Ковалев.— Если прикажете, могу лично показать вам всю диспозицию.

— Зачем же я вас буду отвлекать по пустякам? Заблудиться здесь, полагаю, невозможно.

— Это так точно,— согласился управляющий.— Тогда на посошок?

Костромиров покачал головой и принялся собирать грязную посуду, чтобы отнести на кухню. Майор Ковалев замахал на него руками:

— Нет, нет, нет! Даже не беспокойтесь! Ступайте себе по своим делам. Мы тут со Степанидой сами управимся. Нам за это деньги платят.

Горислав Игоревич вернулся в свою комнату, приватил цифровой фотоаппарат, трубку и плавки.

Для начала он осмотрел снаружи дом, обойдя его кругом.

Обширное прямоугольное здание, сложенное из природного камня, явно завезенного откуда-то с материка,

было, по всей видимости, еще колониальной постройки. Конечно, не времен португальского владычества, а, скорее, британского протектората. Костромиров приблизительно датировал его первой половиной двадцатого века. По всему периметру дома шла открытая терраса из пальмового дерева. Ее, вероятно, пристроили позднее. Террасу плотно обступали мощные стволы гибискусов; их оранжево-желтыми и махрово-красными цветами было усыпано все пространство вокруг дома.

Профессор отыскал на втором этаже свой балкон и обследовал территорию под ним. Следов никаких, но вскарабкаться по древесному стволу мужчине вличной физической форме и впрямь не составило бы особого труда.

От дома уводила недлинная — шагов в двадцать — аллея, усаженная теми же гибискусами. Он прошел по ней и оказался на песчаной поляне, поросшей мясистыми кустами сцеволы и пемфиса. А чуть дальше, за колоннадой кокосовых пальм, уже виднелась лазоревая гладь лагуны.

Над мелкими бледно-голубыми соцветиями сцевол с жужжанием кружили какие-то жирные насекомые. Костромиров принял их поначалу за жуков, но, присмотревшись, понял, что на самом деле это шмели. Только черные. Причем черными у них были даже крыльшки. Заметив движение у корней ближайшего куста, он, любопытствуя, осторожно наклонился и встретился взглядом с гекконом. В следующее мгновение тот развернулся и умчался, смешно задрав хвост; из-за более мощных, в сравнении с передними, задних лап, с тыла ящерица слегка напоминала крысу.

Пожалуй, прежде всего необходимо искупаться, решил профессор и легкой спортивной трусцой направился к берегу.

Он быстро скинул одежду, натянул плавки и разлегся на песке, с удовольствием подставив тело солнеч-

ным лучам. Песок на пляже был мелкий, бархатистый; его ослепительную белизну нарушала лишь россыпь пустых ракушек всех возможных размеров, форм и расцветок. Однако уже через минуту он выяснил, что раковины отнюдь не пустые — почти все они пребывали в непрестанном движении. В каждой из таких раковин — от крохотной, размером с ноготь, и до самой крупной, величиной с детскую головку, — имелся членистоногий жильтя, вооруженный парой клешней. Впрочем, вокруг хватало и обычных, «бездомных» крабов. Одни, долговязые, похожие на пауков, деловито сновали у самой воды, другие — крупные, солидные — важно таращились из песчаных норок.

Налюбовавшись представителями местной фауны, Костромиров вошел в воду; несколько акульих детенышей, длиной сантиметров по пятьдесят—шестьдесят, метнулись прочь от береговой линии. «Ну, такие навряд ли сумеют меня схарчить», — подумал профессор и побрел по направлению к коралловому рифу, на глубину. За риф, помня совет старика лодочника, он решил не заплывать. Во всяком случае, пока как следует не освоится.

Вдоволь наплававшись, профессор оделся и приступил к методичному и тщательному обходу острова. Но все равно, несмотря на тщательность и методичность, это мероприятие отняло у него меньше часа. Островок действительно был крохотным.

Под конец обхода он пришел к однозначному выводу: спрятаться на таком острове от посторонних глаз, а тем более оставаться незамеченным сколь-нибудь длительный промежуток времени абсолютно нереально.

Костромиров снова вышел к пляжу, только на противоположной стороне острова. Ему захотелось еще разок искупнуться. Но, зайдя по щиколотки в воду, он передумал: лагуна здесь была слишком мелкой и к тому же сильно поросла водорослями.

Профессор принял задумчиво наблюдать за парой резвящихся акулят. Через некоторое время те подплыли почти к самым его ногам. Но стоило ему шевельнуться, как они в испуге скрылись в водорослях.

Тут он вспомнил, что за все время поисков ему ни где так и не встретился здешний сторож Антон. Безрукий вроде его фамилия? А ведь Степанида, кажется, говорила, что он пошел на рыбалку. Странно.

И словно в ответ на его недоумение откуда-то слева вынырнула углая лодочонка, а в ней – Антон Безрукий, собственной персоной.

– Как рыбалка? – крикнул профессор.

Но Антоха лишь высморкался в воду и поднажал на весла.

«Тыфу, свинота», – поморщился Горислав Игоревич.

Небо резко заволокло тяжелыми тучами, и Костромиров решил возвращаться, пока не ливануло. Тем более время было обеденное, да и он уже порядком проголодался.

Вернуться до дождя он все-таки не успел, поэтому пришлось переодеваться – вся одежда промокла под тропическим ливнем до нитки. Облачившись в сухие шорты и футболку с символикой родного университета, профессор вышел на балкон, уселся в плетеное кресло и закурил трубку.

Итак, он воочию убедился, что никакой маньяк на острове прятаться не может... Но как же закладка? Тыфу, черт! Или Сладунов заразил-таки его манией преследования, и все это лишь результат пустой мнительности?

Горислав Игоревич выпустил целое облако ароматного дыма и растерянно взъерошил волосы. Ситуация складывалась патовая. Как поступить?

Как? А так же, как он поступал всякий раз, когда оказывался в подобном тупике. Профессор достал мобильный и набрал номер старшего следователя по особо важным делам Вадима Вадимовича Хватко.

Вадим был его старинным – еще со студенческих лет – другом и не однажды выручал Костромирова.

Как советом, так и делом. Вот и сейчас Горислав Игоревич рассчитывал на его помощь.

— Славка? Приветствую, пропаща душа! — раздался в трубке добродушный рык Вадима.— Где пропадаешь?

— Приветствую, Вадим. На Мальдивах.

— Ого! Эвон куда тебя нечистый занес! А еще говорят, наука у нас в загоне. Отдыхаешь там, или по делу?

— И то, и другое.

— Понимаю. Так просто позвонил, или случилось чего?

— Не то чтобы случилось... Сможешь быстренько собрать информацию на двух людей?

— О Господи! Я так и знал! — возопил Хватко трагическим голосом.— Опять влип в историю?

— Твоими молитвами,— отшутился Костромиров.— Так как, разузнаешь?

— Сделаю, что могу. Давай имена-фамилии, записываю. Только поспеши, а то у меня сейчас деньги на телефоне кончатся из-за твоего роуминга.

— Значит, Сладунов Борис Глебович, родился в Южно-Сахалинске, году примерно...

— Знаю такого,— перебил следователь,— телевизор, чай, смотрю. Второго давай.

— Второй — личность менее известная. Некий Яков Семенович Муль, родился там же; по возрасту, скорее всего, ровесник Сладунова.

— Готово, запротоколировал. А какая конкретно инфа тебе нужна? В каком направлении копать?

— Компромат, естественно. Ну, если что-то любопытное найдешь — тоже шли. Только общеизвестные факты биографии Сладунова мне не нужны. Вообще, сделай упор на этом Муле.

— Добро, жди. И поаккуратнее там. Не осироти российскую науку.

— Ты о чем? У меня все под контролем.

— Ага, как же... — пробурчал Вадим и дал отбой. Или у него действительно закончились деньги.

Поскольку было уже два часа дня, а к обеду никто не звал, Горислав Игоревич решил проявить инициативу и спуститься в столовую. Выйдя из комнаты и запирая ее на ключ, он вдруг хлопнул себя по лбу. Экий болван! А дом-то! Сам дом он так и не смотрел!

Профессор прошелся по этажу из конца в конец. И насчитал шесть комнат. Если судить по количеству дверей. В северной половине дома было две двери по одной стороне коридора (вторая дверь вела в комнату Костромирова) и одна дверь – напротив; также и в южном крыле, только в зеркальном отображении. Подергав за ручки, он убедился, что все помещения заперты. М-да, пожалуй, эта информация ничего ему не прибавляет. Однако и брать на себя роль взломщика он не собирался. Тем паче, «Принципал» его подобными полномочиями не наделял, ни письменно, ни устно.

Помянув в сердцах Сладунова и всю его родню, он спустился в столовую.

Там в гордом одиночестве сидел Антоха и с громким хлюпаньем ел суп из морепродуктов. Помимо супа, на столе стояли тушеная баранина, зеленый салат, тарелка с тонко нарезанными кусочками вяленого мяса и кувшин с апельсиновым соком. В столовой царили духота и полумрак. Кондиционер, вероятно, в целях пресловутой экономии, по-прежнему не работал, и чтобы хоть как-то оградиться от дневного зноя, жалюзи на окнах были плотно зашторены.

Управляющий то ли уже отобедал, то ли запаздывал. Ну а Степанида, предположил Костромиров, скорее всего, питается у себя на кухне.

А может, владелец Сладулина и вовсе запретил прислуживающим ему родственникам есть за общим столом? Что ж, с него станется.

Впрочем, нет. Вот же Антоха сидит себе и поглощает креветочно-устричный супец. А сторож-садовник, как догадывался профессор, самый последний в местной табели о рангах.

Вид Антон Безрукий имел какой-то... неопрятный. Его белобрысые волосы словно никогда не знавали расчески, глупое веснушчатое лицо блестело от пота.

— Приятного аппетита,— пожелал Горислав Игоревич, усаживаясь от того как можно дальше, чтобы не испортить собственного аппетита.

— Угу,— прочавкал Антоха.

— А что ж Татьяна Степановна с Василием Васильевичем к нам не присоединяются? — спросил ученый, зачерпнув половником из большой фарфоровой супницы.

Лицо сторожа расплылось в сальной ухмылке.

— Небось того,— неразборчиво, из-за набитого рта, пробормотал он,— любовь, е, где-нить крутят.

— Дело молодое,— решил подыграть ему профессор.

— Гы! Гы! Гы! Га! Га! Га! — заржал Антоха, разбрзгивая пищу.

Поняв, что эмоциональный контакт установлен, Горислав Игоревич перешел к интересующему его предмету.

— Какой, однако, здоровенный дом для столь маленького островка,— заметил он между прочим.

— Ага,— согласился сторож.

— А стоит практически пустой.

— Угу,— снова не стал тот спорить.

— Полагаю, потом, когда Борис Глебович окончательно сюда переедет, жильцов здесь прибавится?

Антоха перестал жевать и с интересом уставился на ученого.

— Когда? — вдруг спросил он.

— Что «когда»? — не понял Костромиров.

— Когда, грю, Борис Глебич переезжает?

— Не знаю,— пожал плечами профессор.— Это я так... фигулярно выразился.

Сторож разочарованно хмыкнул и возобновил процесс насыщения.

— Скажите, Антон, я все никак не соображу, сколько в этом доме комнат? На втором этаже, так понимаю, их шесть, да?

— Угу.

— А на первом?

Антоха, который к этому моменту уже закончил с супом и перешел ко второму блюду, попытался ответить. Но из-за плотно набитого рта у него ничего, кроме мычания, не вышло. Тогда он, выпучив глаза, не жуя, проглотил целый кусок баранины и жадно запил стаканом апельсинового сока. Наконец, отдышавшись, он произнес, загибая пальцы:

— Столовка, кухонка, бойлерная... гостиная ишо... Все ли? Е! Ишо тубзалет. Вот и считай,— предложил он, демонстрируя Костромирову кулак.

Профессор недоуменно нахмурился.

— А где же комнаты прислу... кхм... хотел спросить, где ваши комнаты?

— Ну-у,— протянул Антоха, морща от напряжения лоб,— Василич, значица, на втором этаже, в двухкомнатном номере. Как барин, е!

— На втором этаже? А я полагал, там все комнаты, помимо моей, пустуют.

— Ваша, вить, справа?

— От лестницы? Да.

— Вот! А Василича — слева. По той стене, где одна дверь, видали?

— Ясно. А Татьяна Степановна?

— Степанида на первом. При кухонке. Тама у ней каморка, типа чулана. Закуток с койкой, е.

Дом стоит пустой, поразился Костромиров, а женщина ютится в каком-то чулане при кухне.

— Ну а вы?

— Я-то? Я — в бойлерной.

Профессор только головой покачал. Закончив с супом, он положил себе несколько тонких, почти прозрачных ломтиков вяленого мяса. Попробовал. Прямо во рту тает, до того вкусно. Однако он так и не смог определить, что это за мясо — не то телятина, не то индейка.

— Вот еще о чем хочу спросить вас, Антон. Правда, мой вопрос, наверное, покажется вам немного странным...

— Чиво? — спросил сторож и часто заморгал.

«А может, и не покажется», — подумал Костромиров.

— Предположим, что здесь, в доме, кому-нибудь захотелось бы спрятаться... Это реально?

— Спрятаться? — округлил глаза Антоха. — Е! На кой ляд?

— Да ни на кой. Я же говорю: предположим. Может ли кто-то, находясь в доме, оставаться тем не менее незамеченным для вас?

— Дык... А вам оно на кой?

— И мне ни на кой, — поморщился профессор. — Это я так... теоретически.

— Чиво?

— Короче, можно в доме где-нибудь спрятаться или нет?! — теряя терпение, воскликнул ученый.

Антоха засунул указательный палец в ноздрю и закатил глаза. В такой, почти роденовской позе он пребывал где-то с минуту. А потом изрек:

— Не-а.

— Почему же нет?

— Дык, глядя сами: Степанида, вить, каждые два дня убирается. Во всех, е, комнатах!

— Что ж там убирать? — удивился Костромиров. — В нежилых комнатах.

— Пыль. Ишо следит, чтобы мураши или кака, е, друга дрянь не наползла.

— Но зачем так часто? — удивился Костромиров.

— Дык, Борис Глебыч в любой момент может, того... нагрянуть, е.

— Понятно. А подвал в доме есть?

— Подвала нету.

Профессор вздохнул. И вздохнул скорее с облегчением. Итак, укрыться потенциальному злодею ни в доме, ни на острове невозможно. Вот и ладно. В самом

деле, довольно уже ему играть в детектива. Пора делом заняться. Тем единственным важным делом, ради которого он и согласился на авантюрное предложение Сладунова. Все! Сразу после обеда он возьмется за монографию. Тем паче, что Пфаненштиль и впрямь...

Но тут его размышления были прерваны мелодией мобильного телефона. Может, Хватко? Так скоро? Нет, звонил Сладунов. Костромиров извинился и вышел из столовой.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, Горислав Игоревич! Как обстановка?

— Без происшествий. Что может случиться за неполные сутки?

— Ну да, ну да... Короче, пока ничего подозрительного, так?

— Проверяете, насколько добросовестно я выполняю договорные обязательства? — не удержался от сарказма Костромиров. — Докладываю: я обшарил весь остров. И дом тоже. Муля здесь определенно нет.

— Ну, ну, не кипятитесь. Я ж так, на всякий случай. Вдруг что подозрительное заметили.

Горислав Игоревич вспомнил об утренней находке. Но не рассказывать же Сладунову про чужую закладку и раздавленного комара? Тем более что в глазах самого профессора все это происшествие как-то утратило былую значимость.

— Увы, нет, — подтвердил он.

— И слава богу! Слава богу! Пишите свою книжку, отдыхайте, все дела... А как ведут себя мои родственнички? Не передрались там друг с дружкой, хе, хе?

— Борис Глебович! — возмутился профессор. — Да-айте начистоту. Подписав договор, я проявил несвойственное мне легкомыслие. Но что сделано, то сделано. Человек я ответственный и взятые обязательства привык выполнять до конца. Но шпионить за вашими родственниками?! Докладывать вам об их поведении?! Увольте!

— Ох уж мне это интеллигентское чистоплюйство,— неприятно захихикал Сладунов.— Будет вам, Горислав Игоревич! Ничего *такого* я не имел в виду. Просто, эти трое, хоть и родня, но между собой до приезда на Сладулин знакомы-то не были. А мне тут недавно один человек сказал, что ограниченное пространство и узкий круг общения...

— Постойте,— прервал его Костромиров,— вы хотите сказать, что ни Василий Васильевич, ни Татьяна Степановна, ни Антон, э-э, Безрукий не знали друг друга, пока не встретились здесь, на острове?

— Ну да. А что такое?

— Нет... ничего. Так, возникло кое-какое соображение по ходу...

— Ну, ну,— насторожился предприниматель,— я слушаю.

— Мне еще надо как следует его обдумать.

— А все-таки?

— Как только у меня появится конкретная информация, я вам обязательно сообщу.

* * *

Костромиров вернулся в столовую. Сторожа Антона уже след простили.

Профессор продолжил обед, время от времени поглядывая на развешанные по стенам широкоформатные фотографии, числом семь штук. На всех семи был запечатлен хозяин острова: вот он с карабином в руках стоит над трупом поверженного им кабана, вот сидит в начальственном кабинете на фоне портрета Ельцина, вот разрезает ленточку на открытии какого-то объекта, а вот — на борту моторки с трудом удерживает в руках огромного осетра; остальные четыре фотографии продолжали ту же героическую тематику. «Семь подвигов Геракла», — усмехнулся ученый. Но вдруг насторо-

жению прищурился, силясь что-то разглядеть. Потом встал и медленно прошелся вдоль «галереи», тщательно рассматривая каждый фотопортрет в отдельности. Завершив осмотр, он недоуменно покачал головой и поежился: на всех фото без исключения глаза у Сладунова были кем-то аккуратно выколоты! М-да, это уже не раздавленный комар, случайностью сей зловещий факт не объяснишь.

Горислав Игоревич в глубокой задумчивости закончил обед и поднялся в свою комнату. Но к рукописи, как планировал до разговора со Сладуновым, даже не притронулся.

Вместо этого он открыл гардероб, отыскал в кармане дорожных брюк письмо-инструкцию «Принципала», расправил изрядно помятые листы и внимательно перечитал. Затем набил любимую пенковую трубку и вышел на балкон.

Ситуация вновь требовала безотлагательного осмысления.

После слов Сладунова о том, что обитатели дома не были знакомы друг с дружкой вплоть до самого прибытия на остров, профессор неожиданно осознал, что Мулем может быть *любой из них!* А перечитав полученное им в аэропорту письмо, он только утвердился в этом парадоксальном на первый взгляд выводе.

«Оставив бизнес, Муль вернулся в свою изначальную профессию – пошел актерствовать в областной театр», – вот что черным по белому написал Сладунов. Вернулся в *изначальную профессию!* Значит, до того как заняться коммерцией, Яков Семенович Муль был профессиональным актером. Возможно, даже соответствующее образование получил. Наверняка получил!

А что стоит актеру принять обличье другого человека?

Скажем, наклеил, а лучше – отрастил усы с бакенбардами, нацепил (если своего нет) накладной живот,

положил нужный грим – и вот ты уже Ковалев Василий Васильевич, отставной майор морской авиации. Ко-стромиров и раньше неоднократно убеждался, сколь кардинально усы меняют лицо человека. А у Ковалева даже не усы – усищи! Да плюс к тому еще и бакенбарды. И с какой стати двоим настоящим родственникам сомневаться, что перед ними майор Ковалев, если они никогда этого майора в глаза не видели? Остается только погуще пересыпать свою речь всякими морскими и армейскими жаргонизмами, и тогда даже некий почитающий себя за умника профессор из Москвы не заподозрит подмены.

Или иначе: нарисовал веснушки, принял дураковатый вид... Впрочем, нет. У Антона Безрукого на фотографии – голубые глаза. И в жизни тоже. Несмотря на вечно надвинутую на лоб бейсболку, профессор успел это разглядеть... Правда, Сладунов цвет глаз своего врага точно так и не назвал, лишь вспомнил, что были они не то зелеными, не то карими... Но голубые бы он наверняка запомнил!

А с другой стороны, Муль вполне может использовать специальные контактные линзы. Опять же выговор этого Антохи сразу показался профессору каким-то нарочитым. Все эти «дык», «чиво», «глядитя», «ишо», «тама» и прочее... Очень даже походит на грубую имитацию! Да, сторож Антон Безрукий – без сомнения второй кандидат в Мули. Тем более, он ведь здесь и за садовника. Убийца – садовник. Классический вариант!

А Татьяна Степановна? Повариха Степанида? Чем не вариант? Да, женщина... Так что с того? Арбузные груди и тыквенные бедра изобразить проще простого. Тем паче, лицо у нее точно топором вырублено. А косметики столько, будто она ее штапелем накладывает... Архитектурная прическа? Проще простого, даже говорить не о чем. И вообще, Муль лысый! Ему в любом случае, под чьей личиной не скрывайся, парик нужен. Лысому в смысле перевоплощения, даже, пожалуй,

удобнее... Золотой зуб? Коронка! Стоп, стоп... Сладунов, помнится, упоминал, что Муль потерял в колонии все зубы. Следовательно, опять же, использует вставные! Итак, Степаниду тоже исключать нельзя.

Хорошо, продолжал рассуждать профессор, а голос? Как с голосом? Его тоже надо уметь имитировать. Пускай эти трое до прилета на остров не знали друг друга, но наверняка хозяин Сладулина поддерживает с ними мобильную связь. Из этого следует, что Муль должен был хотя бы какое-то время пообщаться с жертвой, прежде чем с ней расправиться (в том, что имело место злодейство, Костромиров практически не сомневался). С другой стороны, маловероятно, что Сладунов станет регулярно обзванивать всех троих. Скорее всего, он общается только с кем-то одним... И этот один как раз может быть настоящим, не подмененным. И потом, насколько близко Сладунов был с ними знаком раньше? Из его первого рассказа как раз можно сделать вывод, что не очень близко. Если вообще знаком. Да с какой стати ему, сопредседателю «Конкретной России» и миллиардеру, знать со столь малозначительными личностями?

Когда и как могла произойти подмена? В какой момент Муль (если, конечно, догадка верна) занял место одного из трех обитателей Сладулина? Вариантов предостаточно. Это могло случиться еще в России, до отлета. Причем когда и где угодно. Или, например, в Мале. Проще всего осуществить подмену было уже здесь, на острове. А раз проще, следовательно, это и есть самый вероятный вариант... Э, нет! на острове натянуть чужую личину Муль имел шанс только в одном случае: если родственники прибывали поодиночке. Ну, или хотя бы кто-то один из них прилетел первым... Эх, надо было спросить об этом у Сладунова! Впрочем, какая по большому счету разница? От перестановки мест слагаемых...

За всеми этими рассуждениями Горислав Игоревич даже не заметил, как солнце закатилось за горизонт.

На экваторе сумерек не бывает, поэтому стемнело сразу; высипали первые, по-южному яркие звезды. Вот и наступает его вторая ночь на Сладулине, вздохнул профессор. А сколько событий за одни лишь сутки!

Но переживет ли он эту ночь, задумался вдруг Костромиров. Ведь, под чьей бы личиной ни скрывался маньяк, он наверняка уже догадался, что московский гость знает о его существовании. И прислан сюда владельцем острова не случайно. Или еще не догадался? Профессор принял лихорадочно вспоминать все сказанные им за день слова и совершенные поступки... Нет, пожалуй, каких-либо весомых причин для подозрений он Мулю не предоставил... С другой стороны, маньяку и не нужны весомые причины!

Ложиться спать без гарантии увидеть рассвет Костромирову как-то не улыбалось. Решено! Необходимо еще до наступления ночи выяснить, кто из жильцов дома Муль.

Ученый, стараясь не шуметь, вышел в коридор и вновь осмотрел все двери. Заперты. Он остановился у входа в одно из помещений в южной половине здания. Именно здесь, со слов сторожа Антохи, проживает управляющий Ковалев. Мгновение поразмыслил и негромко постучался. Никакого ответа. Постучал еще раз, уже настойчивее – тот же результат. Приложил ухо к двери. Тишина. Попробовал заглянуть в замочную скважину. Но смог разглядеть лишь пустое пространство в центре комнаты и кусочек зашторенной балконной двери. По словам того же Антохи, майор один занимал двухкомнатный номер. М-да, однако, не похоже, чтобы здесь вообще кто-нибудь жил. Тут профессор припомнил, что ни разу не видел майора заходящим в эту дверь или выходящим из нее. Ну, положим, времени прошло еще недостаточно. Он мог просто пропустить эти моменты... Однако за сутки он не слышал даже хлопанья двери!

Гориславу Игоревичу захотелось немедленно дернуть Ковалева за усы. А заодно и за нос. В его душе росло и все более укоренялось убеждение, что в этом случае пышные усы майора непременно отклеятся, а картофельный нос отвалится.

Он спустился вниз, прогулялся по первому этажу, заглянул в гостиную, потрогал запертую дверь бойлерной. Так, а где туалет? Сторож, помнится, про него упоминал... Ладно, бог с ним. Кто станет прятаться в туалете? Костромиров вошел в столовую. Там тоже никого не было, к ужину еще не накрывали. А где же все?

Вдруг профессор услышал звуки глухих ударов — хряп! ...хряп! ...хряп! — словно где-то чего-то рубили. По его спине невольно пробежал предательский холодок. А мозг услужливо нарисовал жуткую картину: красноносый Ковалев в забрызганном кровью фартуке, азартно топорща усищи, расчленяет топором тело очередной жертвы.

Удары доносились из-за чуть приоткрытой двери в дальнем конце столовой. Костромиров огляделся вокруг в поисках какого-нибудь увесистого предмета. Ага, бронзовый канделябр! Он взвесил его в руке, удовлетворенно кивнул и отправился на звук.

Держа импровизированную палицу наготове, он аккуратно толкнул дверь. Та медленно и бесшумно отворилась. Взорам Костромирова предстала квадратная комната, каменные стены которой были сплошь увешаны всевозможной кухонной утварью: сковородами, кастрюлями, горшками, половниками и прочим. Справа от двери располагалась огромная, пышущая жаром плита, слева — массивный деревянный стол. В помещении также имелись вместительный холодильник и морозильная камера. Рядом со столом возвышалась Татьяна Степановна и что-то рубила тяжелым сверкающим тесаком. Всякий раз, отводя руку в мощном замахе, она угрожающе произносила: «А вот тебе...», и, нанеся сокрушительный удар, выдыхала: «На!»

Уже догадываясь, что увидит, профессор все же подошел ближе и заглянул ей за плечо. Так и есть — женщина разделывала птицу. Ему оставалось только мысленно посмеяться над своими страхами.

Тут повариха смахнула готовые куски в сковороду, а на разделочную доску шмякнула новую тушку индейки. Размахнулась, сказала: «А вот тебе...» и первым же ударом разрубила индейку пополам: «На!»

Вот это удар, восхищенно крякнул ученый. И моментально вспомнил предостережение Сладунова о нечеловеческой силе Муля.

Татьяна Степановна оглянулась, увидела гостя и смущенно заулыбалась:

— Нешто проголодались? А я тут пока с картохой проканителась... то да се... Через часок приходите, тогда можно будет кушать.

— Ничего, ничего,— заверил ее профессор, спрятав канделябр за спину,— я не спешу. Я просто так зашел... А где Василий Васильевич, не знаете?

— Василич-то? — презрительно скривилась повариха.— Где ж ему быть? Поди надрался уже, да где-нить дрыхнет, огрызок красноносый.

— За что вы его так? — улыбнулся Костромиров, с опаской поглядывая на тесак, который женщина продолжала держать в руке.

— А... терпеть не могу маленьких мужичонков!

— Какой же Василий Васильевич маленький? Он среднего роста.

— Огрызок и есть,— отрезала Степанида, махнув тесаком.— На цельную голову ниже меня. Да ко всему алкаш.

Ученый предпочел больше не спорить на эту тему. Заметив на столе кофейник, он попросил:

— Можно мне чашечку кофе?

— Вот я дурында старая! — заохала Степанида.— Сама-то не догадалась предложить!

Она налила ему горячего кофе в большую глиняную чашку и указала на стул.

— Да вы садитесь, чего столбом-то стоять. Садитесь и попейте как следует. Может, вам к кофию гренок подать? Холодные, правда.

— От гренок не откажусь, спасибо.

Повариха отложила, наконец, страшный тесак в сторону, вытерла руки о передник и поставила перед ним блюдо с гренками.

— Скажите, Татьяна Степановна,— продолжил распросы ученый,— откуда вы продукты берете? Сами в Мале ездите или как?

— Раз в три дня оттель катер приходит. А если чего особенное требуется, Антоху посыпаем. Он с ентим катером в Мале уплывает, отоваривается там, а после, уже на такси ихнем водном, возвращается.

— Не очень удобно,— посочувствовал Горислав Игоревич,— лучше, если бы на острове свой катер был.

— Пожалуй, допросисьси,— с неожиданной злостью процедила толстуха.— Наш-то еще тот жмот! На всякой малости экономит. А тут — катер!

— Да-а, катер нужен,— покивал профессор, с интересом наблюдая за женщиной.— На той лодчонке, что у Антона, далеко не уплывешь.

— Куды уж!

— Кстати, а где Антон?

— Небось, на рыбалке.

— Так темно уже!

— А ему все одно.

— М-да... Свежая рыбка — это хорошо. Какая обычно здесь ловится?

— И-и! Хрен на веревочке у него ловится, а не рыбка!

— Это почему?

— Какой из него рыбак, из дурачка малохольного? Он даже крови боится.

— Неужели?

— На дух не выносит. Тут третьего дня видала я, как он с комаром расправляется. Так, верите ли? он его бумажкой раздавил, чтоб кровью, не дай бог, не за-

мараться. Умора! Ой, что это с вами? Поперхнулись, никак? Постучать по спине?

— Нет, спасибо,— откашливаясь, просипел Костромиров.— Я, пожалуй, пойду пройдусь перед ужином.

— Вот правильно,— напутствовала его повариха.— Пока дождя нету. Чего сиднем-то сидеть?

Вокруг дома и на аллее царила почти кромешная тьма. Так что ориентироваться пришлось буквально на ощупь. Но Костромиров твердо решил прогуляться до берега, а возвращаться за фонариком не хотелось. И потом он полагал, что в темноте будет даже в большей безопасности.

Когда аллея гибискусов закончилась, и он вышел на поросшую низким кустарником поляну, видимость значительно улучшилась. Полная луна давала достаточно света, чтобы он смог разглядеть за пальмовыми стволами мерцающую гладь лагуны.

Он вышел на пляж и медленно побрел вдоль береговой линии. Бесчисленные крабы батальоны неохотно размыкали свои ряды, уступая ему дорогу.

Профessor думал.

Через полчаса, завершив круг, Костромиров уселся на ствол поваленной пальмы и хотел было закурить, но вспомнил, что оставил трубку в доме. Он помянул нечистого и встал, собираясь идти обратно. Тем более ужин, наверняка, на столе.

Но вдруг замер.

А где же сторож Антоха? Степанида уверяла, что он рыбачит. Ни самого сторожа, ни его лодки он не видел. Странно... Ковалев тоже куда-то подевался.

И вдруг целый рой диких мыслей и причудливых предположений вихрем закружился в его сознании. Еще бы чуть-чуть, и их количество вполне могло сложиться в новое качество — в некую догадку. Но тут, как назло, раздался сигнал мобильника. Пришло смс-сообщение от Вадима Хватко.

Горислав Игоревич быстро пробежал эсэмэску гла-
зами, на мгновение застыл, уподобившись библейско-
му соляному столбу, а потом звучно хлопнул себя по лбу
и потрусили к дому.

В дом Костромиров вошел крадучись. На цыпочках
миновав столовую (ужин уже дымился на столе), он осто-
рожно заглянул на кухню. Там, как он и ожидал, никого
не было. Пошарив взглядом, выбрал из десятка ножей
наиболее подходящий — достаточно длинный, острый и
с ухватистой рукояткой — и проследовал к обшарпанной
двери в самой глубине кухни. Вот оно, жилище Степани-
ды, «закуток», как назвал его сторож Антон.

Теперь, когда все прояснилось, всякий страх оста-
вал его. А голова работала как отлаженный часовой
механизм. Если враг разоблачен, он уже не столь стра-
шен. Но осторожность тем не менее не помешает. Он
нажал на дверную ручку, толкнул — заперто. Провел
ладонью по притолоке — так и есть, ключ лежал там.

Дверь отворилась с легким скрипом, профессор на-
щупал выключатель, зажег свет и шагнул внутрь.

Помещение и впрямь представляло собой нечто вро-
де чулана, кое-как оборудованного под жилую комнату.
Обстановка в комнатенке царила спартанская. Из мебе-
ли — трюмо, ржавая железная койка с грязным матрацем
да тумбочка. На тумбочке — початая бутылка водки.

Окна не было, его место как раз занимало высокое
триумо, заваленное целой грудой разнообразной кос-
метики, в основном, судя по всему, профессиональной.
Костромиров подошел и с любопытством принялся
разглядывать бесчисленные коробочки, баночки, пу-
зырьки и кисточки.

Помимо обычных помад, тушей, теней, пудр и ру-
мян, на предзеркальном столике лежали накладные
ресницы, брови, щеки и несколько носов; в специальному
бархатном пенале — комплект контактных линз.
Рядом с трюмо на специальной вешалке висели пари-

ки. Под вешалкой стояла пара туфель на высоченной платформе. Чтобы, при необходимости, увеличивать рост, догадался ученый. Итак, все улики налицо, как говаривал следователь Хватко.

Костромиров скорее ощущил, чем услышал, что больше не один в комнате. Он резко обернулся, выставив перед собой лезвие ножа. Дверной проем загородила монументальная фигура Татьяны Степановны Костерьяновой. Точнее, фигура определенно была ее — бедра в два топорища, раздутые груди... разве что в росте она несколько уменьшилась — а вот венчалась эта фигура усатой башкой майора Ковалева.

— Е! Глядитя, кто к нам у гости пожаловал! — гундяевым голосом Антохи произнесло создание.— Профессор, итиль твою мать!

* * *

— Только без глупостей, Яков Семенович,— требовательно произнес Костромиров, демонстрируя нож,— холодным оружием я владею отменно.

— Ах! Я вся трепещу,— низким грудным голосом Степаниды ответил Муль.

— Довольно бы паясничать,— пожал плечами Горислав Игоревич.

— Думаешь, пора выбросить белый флаг? — спросил Муль, переходя на пропитой майорский баритон.

— Полагаю, что так.

— Как бы не так! — незнакомым, на сей раз, вероятно, своим голосом воскликнул мужчина и, растопырив руки, вразвалку двинулся на Костромирова.

Встав к нападающему вполоборота, профессор со свистом крестообразно рассек воздух перед самым его носом.

Муль на мгновение смешался, но тут же сдернул с тумбочки бутылку водки и метнул в Костромирова. Тот

ловко уклонился, и бутыль угодила в трюмо за его спиной; зеркало со звоном разлетелось на куски, осыпав противников водопадом осколков. Впрочем, особого вреда они не причинили.

Муль матерно выругался, ухватил обеими руками тумбочку, легко поднял над головой и отправил следом за бутылкой. Чтобы избежать попадания, Костромирову пришлось упасть на пол. Воспользовавшись моментом, Муль одной ногой наступил ему на руку, а второй выбил нож, зашвырнув его под койку.

Профессор попытался подняться, но Муль ударил его ногой в лицо, потом — в живот и снова — в лицо; Костромиров откатился в сторону, но удары Муля настигли его и там. Ученому оставалось только прикрывать руками голову.

Муль продолжал наносить удары ногами, пока не увидел, что противник больше не сопротивляется. Тогда он ухватил профессора за одежду и вздернул обмякшее тело вверх. И в тот же миг получил мощнейший удар головой в лицо.

Фальшивый нос превратился в лепешку, а судя по брызнувшей крови, и настоящий тоже. Муль взревел и швырнул Костромирова о стену. Тот врезался в нее с такой силой, что на секунду потерял сознание и мешком сполз вниз.

Муль прыгнул.

Однако профессор уже пришел в себя и толкнул его обеими ногами в грудь. Нападавшего отбросило назад, но он устоял на ногах и прыгнул снова. Профессор попытался встретить его тем же приемом, но Муль был к этому готов. Он крепко схватил профессора за лодыжки и дернул на себя. Тот резко крутанулся вокруг своей оси, разорвал захват и вскочил на ноги.

Муль склонил голову и кинулся на приплясывающего в боксерской стойке ученого, точно бык на матадора. Прямой хук в челюсть не смог его остановить. Он лишь мотнул башкой и в свой черед врезал профессору

кулаком в грудь так, что того вынесло через открытую дверь на кухню.

Костромиров налетел спиной на разделочный стол и опрокинул его. На пол посыпались кастрюли, сковороды и целый арсенал разнокалиберных ножей. Он быстро подобрал один из них.

Обнаружив, что противник снова вооружен, Муль пошарил вокруг глазами и схватил по ножу в каждую руку.

— Тебе конец,— прохрипел он, плюясь кровью.

— Еще раз предупреждаю,— ответил Горислав Игоревич,— в юности я был чемпионом Москвы среди саблистов.

— Я рискну.

Они закружили вокруг опрокинутого стола.

Костромиров просто держал нож на уровне лица, готовый в любой момент отразить выпад. Тогда как его противник со зловещим «вжик-вжик» точил одно лезвие о другое. Словно мясник перед разделкой туши. Тем не менее первым нервы сдали именно у него — он перемахнул через стол и бросился в атаку.

Профессор ловко ушел от рубящего удара в лицо, отбил колющий в живот и, в свою очередь, глубоко полоснул врага по груди.

Муль лишь усмехнулся — фальшивый бюст был ему теперь вместо панциря — и напал вновь. Все повторилось: ученый отбил выпад и нанес удар.

...Когда грудь Муля стала напоминать со стороны распотрошенную диванную подушку, он сорвал ее и швырнул в Костромирова. И тут же метнул следом один из ножей.

Профессор легко уклонился от фальшивого бюста, но пропустил нож — тот врезался ему точно в лоб. Правда, не лезвием, а рукоятью. А потому лишь рассек кожу. Костромиров потряс головой и перешел в контратаку.

Первым же выпадом он ранил противника в предплечье; Муль выронил нож и отпрыгнул назад.

— Сдаешься? — спросил ученый.

Вместо ответа тот сорвал со стены огромный тесак и, взметнув его над головой, двинулся на Костромира. Это уже было серьезно. Дабы хоть как-то уравновесить силы, профессор взял в левую руку массивную сковороду. Теперь у него был щит.

Неожиданно Муль остановился и пробормотал: «Какого черта». Опустив тесак, он тяжело рухнул на стул.

Горислав Игоревич тоже присел на край опрокинутого стола, внимательно наблюдая за врагом.

Лица обоих мужчин были залиты кровью; тяжело дыша, они молча смотрели друг на друга.

— Ничья? — первым нарушил молчание Муль.

— Похоже на то, — не стал спорить Костромиров.

Муль сунул руку под цветастый халат, повозился с какими-то застежками, и накладные бедра грузно шлепнулись на пол.

— Пить охота, — с видимым облегчением выдохнул он.

— И я бы пропустил стаканчик, — согласился профессор. — Но бутылку ты раскокал.

— В холодильнике есть пиво. Холодное.

Стараясь не выпускать противника из вида, Горислав Игоревич подошел к холодильнику и достал две бутылки пива; одну протянул Мулю.

— Я спиртного не пью, — покачал тот головой. — Уже лет десять.

— Не пьешь? А как же...

— Вечно пьяный майор-управляющий? — усмехнулся Муль. — Просто мочил усы в водке.

Он встал, повесил тесак на место и, подойдя к раковине, надолго присосался к крану.

— Тыфу! — заявил он, напившись. — Вода здесь отвратительная... Как ты меня так быстро вычислил?

— Элементарно, Ватсон, — пожал плечами профессор.

— А все-таки?

— Перевоплощаешься ты, бесспорно, мастер. Это же надо, так сыграть Степаниду! Я до последнего момента не мог поверить, что она — мужчина. Однако временами ты все же переигрывал. Да, да! Персонажи у тебя выходили чрезмерно... карикатурными. Впрочем, признаюсь, поначалу я решил, что Муль скрывается лишь за одним из них.

— А потом?

— Потом мне бросилось в глаза, что обитатели дома никогда не показываются вместе. А между собой общаются, только когда я не могу их видеть. Да еще этот вечный полумрак во всех комнатах. Кстати, со свечами это ты сам придумал, или и впрямь есть такое указание Сладунова?

— Сам, сам. К чему рисковать понапрасну?

— Я так и подумал. Но окончательно я все понял, получив информацию о том, что Яков Семенович Муль, после ухода из облдрамтеатра, организовал собственный театр «одного актера». По примеру Аркадия Райкина. И с успехом в течение года — вплоть до неудавшегося покушения и ареста — каждый вечер играл несколько ролей разом. Особенно ему удавались пародии на политических деятелей и, что важно, *женские* персонажи. А шоу называлось «Человек с тысячью лиц».

— Понятно,— кивнул Муль.— Между прочим, многие зрители искренне отказывались верить, что всех персонажей в спектакле играю я один. А женские роли — это вообще мой «конек», женщины мне всегда особенно удавались. Мой педагог в театральном училище, бывало, говаривал: это, дескать, оттого, что у меня лицо бесплодное. А одна сахалинская газетенка и вовсе написала, что я трансвестит. Идиоты! Все дело в таланте. Я не просто перевоплощаюсь, не просто *играю* своих персонажей, я на самом деле *становлюсь* другим человеком, иной личностью! На какое-то время, конечно.

— Талант налицо,— согласился Костромиров,— но все равно, если бы я с тобой был знаком раньше, твой спектакль однозначно бы провалился.

— Если бы да кабы,— хмыкнул Муль.

— Что ж, теперь ваша очередь, Яков Семенович,— переходя на «вы», предложил профессор.— Может, расскажете, как вам удалось через десятилетия пронести столь незамутненной ненависть к бывшему другу детства и деловому партнеру? Вы же здесь, на острове, Бориса Глебовича Сладунова в засаде поджидали, не так ли?

— Его, гниду,— сплюнул Муль.— А насчет ненависти... Если бы он ваших детей и жену убил, вы бы не бось тоже и через двадцать, и через сорок лет его не простили.

— Сладунов утверждает, что непричастен к гибели ваших жены и двоих сыновей.

— А вы чего-то другого от него ждали?

— Но вдруг это действительно был несчастный случай? Вы такого не допускаете?

— При чем тут, допускаю я или нет?!— воскликнул Муль.— Я знаю, что они были убиты по приказу Сладунова!

— Расскажите мне,— попросил Горислав Игоревич Яков Муль с сомнением посмотрел на профессора.

— Ладно,— махнул он рукой,— почему бы и нет?

Он не спеша отклеил пышные майорские усы и бакенбарды, снянул парик, небрежно кинул все это на стол. Потом снова прошел к раковине, намочил вафельное полотенце и несколько раз с усилием протер лицо и всю голову.

Теперь, когда профессор мог лицезреть Муля в его истинном обличии, он поразился, какие у того невнятные, даже бесформенные черты. Обычно такое лицо — приговор любому артисту. Но Яков Муль, по всей видимости, сумел использовать этот недостаток себе во благо — не имея сколь-нибудь выразительных собственных черт, он научился великолепно имитировать чужие.

— Слушайте,— начал Муль, усевшись перед Костромировым на стул,— так понимаю, кое-что вам уже из-

вестно. Сладунов наверняка изложил вам свою версию тех событий. Иначе откуда вам вообще знать про меня? Ведь он вас по мою душу прислал, верно?

— Во всяком случае, он предполагает, что вы можете прятаться где-то поблизости.

— Тогда перейду сразу к главному... В общем, мы были совладельцами сахалинской компании по добыванию трепангов. Он вам об этом рассказывал? Да? Ну вот. Дела наши шли в целом неплохо, как говорится, своим чередом. Но Чике этого было, разумеется, мало. Ему всегда всего было мало! Хотел, чтобы все и сразу. И побольше! Он еще с малолетства жаден был. До жратвы, до денег, до баб — до всего. А уж чиновничья служба испортила его окончательно. Привык, понимаешь, чтобы купюры ему прямо в кабинет приносили, да еще с поклоном... И вот однажды Сладунов предложил мне продать компанию (дескать, он как раз нашел выгодного покупателя), а вырученные деньги перевести на материк и там вложиться в разработанную им схему. Если коротко, суть схемы сводилась к следующему.

Мы быстренько регистрируем новенькую фирму, и ее гендиректор презентует перед руководством подходящего региона какой-нибудь проект. Неважно какой. Это может быть строительство газопровода, распределительной электростанции или нужного области комбината. Повторяю, суть проекта совершенно неважна. Главное, чтобы он входил в одну из федеральных целевых программ. А поскольку Сладунов, как бывший вице-губернатор, вхож во многие областные и краевые администрации, то наш проект непременно встречает там «понимание». На практике это означает, что в региональный бюджет соответствующей строкой вносятся гарантии того, что регион компенсирует нашей фирме, скажем, тридцать процентов затрат на строительство. По результатам, понятно. Потом мы начинаем стройку, заключаем с поставщиками, подрядчиками и субподрядчиками договоры поставки и на выполне-

ние работ. Но стоимость материалов и работ значительно — в разы — завышаем. Ну, например, берется некое ООО «Трубадур» поставить нам трубы ценой в пять миллионов, а ООО «Техногаз» — сложить из них ветку газопровода за десять миллионов. Наша компания заключает с ними договоры. Но только удваивает цену труб и стоимость работ. Поскольку и «Трубадур», и «Техногаз» — подставные фирмы-однодневки, излишки они немедленно возвращают. А государство, как положено, возвращает нам восемнадцать процентов налога на добавленную стоимость. Разумеется, не с реальных, а уже с договорных сумм. Да потом регион, как обещал, возмещает еще тридцать процентов. Итак, наша компания, затратив на строительство пятнадцать миллионов, получает от государства четырнадцать с половиной миллионов возврата. Значит, вся стройка обходится нам в полмиллиона. Ну, а после мы продаем этот, к примеру, газопровод по его якобы «номинальной» стоимости. Или почти номинальной. Скажем, за тридцать пять миллионов. Просто и гениально! А чтобы прибыль была помасштабней, Сладунов намеревался реализовывать эту схему в нескольких областях одновременно.

Я категорически отказался. Почему? А вы бы согласились? Я тогда полагал, что беспредел в стране не будет вечным, и хотел остаться чист перед законом. Навивно? Может быть. Но мой кусок пирога вполне меня устраивал. Я и так отнюдь не бедствовал.

Муль глубоко вздохнул, словно собираясь с духом для дальнейшего рассказа, потер руками лысую голову и решительно продолжил:

— Борис принял меня уговаривать и убеждать, дескать, одних его денег на реализацию схемы не хватит, нужно больше, и тому подобное. Я не внял ни уговорам, ни убеждениям. Тогда Борис стал настаивать. Потом перешел к угрозам. Я их проигнорировал. Хотя знал, что он тесно связан с местными «авторитетами». Но

он же мой друг детства! Мы со школы дружили. В конце концов, Сладунов прямо намекнул, что у меня есть жена и дети. Но и это предупреждение я не воспринял всерьез. А потом случилось ужасное... Как и что именно произошло, рассказывать не стану — слишком тяжело, даже после стольких лет... Но чтобы внести окончательную ясность, скажу вам вот что: по делу я был признан потерпевшим, а потому имел право знакомиться со всеми его материалами; так вот, в материалах дела среди прочего имелся протокол первого допроса предполагаемого исполнителя. Там он почти во всем сознавался и пояснял, что действовал по указанию некого якобы незнакомого ему лица по кличке «Чика». Потом у этого исполнителя появилась толпа адвокатов, и он моментально «ушел в отказ» — заявил, что показания те дал под физическим воздействием со стороны сотрудников милиции. В общем, оговорил себя. А следствие неожиданно стало расценивать все произошедшее чуть ли не как трагическую случайность! Короче, дело даже до суда не дошло. Деньги и связи решают многие проблемы. И еще скажу: звали того исполнителя Чингиз Раджиев.

— М-да, — задумчиво произнес профессор Костромиров, — звучит убедительно. Не будь вы серийным убийцей, я бы, пожалуй, проникся к вам сочувствием...

— Какой еще серийный убийца? — поднял брови Муль. — Кто вам такое набрехал?

— Ну как же? А супруга Сладунова? А его же любовница с сыном? Вы ведь сами признали, что их смерти на вашей совести.

— Ах, вы про мои эсэмэски! Каюсь, писал. И посыпал. Но и только! Понимаете, мне до безумия хотелось сделать ему больно. Чтобы он хотя бы отчасти почувствовал то, что в свое время довелось пережить мне. Признаю, это было глупо с моей стороны. Глупо и наивно. Мне ли не знать, что Борису ничья жизнь, помимо собственной, не важна.

— Предположим. Хотя верится с трудом. Но допустим. Ну а Ковалев, Костерьянова и Безрукий? Станете уверять меня, что к их... исчезновению тоже не причастны? Или они, усвоявшись, сами вернулись в Россию, предоставив вам тут полную свободу действий?

— Ха-ха-ха! — скатился за бока Муль.— И вы купились! Выходит, не такой уж я плохой актер, а?

— На что это я купился? — нахмурился ученый.

— Ни майора Ковалева, ни Степаниды, ни сторожа Антохи не существует вовсе! Всех троих я сам родил.

— То есть как?!

— Ну, в творческом смысле. Они, как вы правильно заметили, все лишь персонажи. Причем без прототипов.

— Персонажи? Без прототипов? Извольте пояснить.

— Когда мне стало известно, что Сладунов подыскивает на роль обслуги в свое островное поместье каких-нибудь бедных родственников, я понял — это шанс! И сам их выдумал! Полностью выдумал — от внешности до биографии. На самом-то деле мне пришлось создать значительно большее число персонажей — чтобы промашки не вышло. Просто Сладунов в результате пользовался на этих троих.

— Ну... это же не так просто.

— Совсем непросто! Я больше года потратил, чтобы их всех создать и «вырастить». А потом каждому из них еще надо было как-то выйти на Сладунова, заинтересовать его... Ну, это уже моя кухня.

— Феерично! — вынужден был признать Костромиров.— Вы настоящий гений мистификации.

— Спасибо. Теперь вы понимаете, что я просто вынужден был напасть на вас. Ведь, если вы разоблачите меня перед Сладуновым, все мои труды пропадут впустую. И Чика, как и всегда, выйдет победителем. Он вновь останется безнаказанным! Зло опять восторжествует! А я не могу, не имею права допустить этого! Кровь моих жены и сыновей вопиет к отмщению!!!

Муль вскочил, но потом снова рухнул на стул, в отчаянии закрыв лицо руками.

— Что же мне делать?! Ума не приложу... Как поступить? Господь Вседержитель! Вразуми!

Горислав Игоревич с минуту смотрел на него, нервно покусывая нижнюю губу, а потом, словно на что-то решившись, упрямо мотнул головой и произнес:

— Знаете... мне необходимо выкурить трубку и хорошенько обдумать всю эту ситуацию. В одиночестве. Я сейчас поднимусь к себе в комнату. Вы не против?

В ответ Муль лишь молча махнул рукой.

Горислав Игоревич вернулся примерно через полчаса и нашел Муля сидящим все в той же, полной отчаяния, позе. Профессор задумчиво посмотрел на него и заявил:

— Знаете, Яков Семенович, я решил заключить с вами соглашение.

— Какое соглашение? — вскинул тот голову.

Костромиров коротко обрисовал ему свой план.

— И вы пойдете на это ради меня?! — воскликнул Муль.— Но почему?

— Я ученый, и поиск истины — моя страсть. Но я не борец за справедливость или законность. Это я оставляю другим. Тем паче, то, что считают справедливым одни, для других — вопиющее беззаконие. И вообще, ученым зачастую свойствен некоторый нравственный релятивизм. Я — не исключение. А главное, я чертовски не люблю, когда меня используют! Быть пешкой в чужой игре? Увольте!

Они еще раз проработали детали, после чего Горислав Игоревич набрал на своем мобильном номер Сладунова. Тот ответил сразу же, точно ждал этого звонка.

— О, кого я слышу! Горислав Игоревич, вы? Что-нибудь случилось?

— Случилось, Борис Глебович, еще как случилось.

— Да? Так говорите же, не тяните кота за эти... за хвост!

— Я нашел вашего Муля. Вы оказались правы в своих подозрениях.

— Как?! Где?!

— Как, расскажу при встрече, а прятался он прямо здесь, на острове. Оборудовал для себя нечто вроде землянки, в ней и прятался. Но, к несчастью, это не все новости. В одиночку я не рискнул с ним связываться, пришлось привлечь к его поимке ваших родственников. Но... не знаю, как и сказать...

— Да что вы там мычите?! Вы его упустили, так?

— Нет, Муль пойман, связан и заперт в чулане...

— Слава богу! — выдохнул Борис Глебович. Но тут же обеспокоился: — А сбежать оттуда он никак не может?

— Нет, не волнуйтесь. Повторяю, он связан, кроме того, окон в чулане нет, а дверь — под нашей с майором Ковалевым охраной.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Отлично! Поздравляю вас, профессор! Я в вас не ошибся. Но вы сказали, что это не все новости?

— Увы. Муль оказал нам бешеное сопротивление...

— Ну, и...?

— В общем, Антона и Татьяны Степановны больше нет с нами. Они погибли от руки маньяка.

— Печальное известие, — с облегчением произнес Сладунов.

— Да, весьма печальное. Но мы с Василием Васильевичем находимся теперь в затруднении. Как нам поступить? Придется, по всей видимости, поставить в известность местную полицию. Двойное убийство, и с преступником надо что-то...

Реакция мультимиллионера оказалась именно такой, на какую рассчитывал профессор.

— Вы в своем уме?! — с жаром перебил его Сладунов. — Ни в коем случае! Я не доверяю туземным властям. Потом... потом в этом году я баллотируюсь в Думу. В Думу, понимаете? И скандалы мне абсолютно не нужны!

— Но...

— Повторяю, никому ни о чем сообщать не надо,— с металлом в голосе произнес предприниматель.— Завтра... нет, послезавтра утром я буду у вас, и сам все уложу. На месте. И все дела.

— Однако ж... — продолжал сомневаться ученый.

— Все, я сказал! Передайте трубку Ковалеву.

Профессор подчинился.

— Управляющий Ковалев у телефона! — отрапортовал Муль.— ...Да... Да... Да... Понял... Так точно, Борис Глебыч! Будет исполнено, Борис Глебыч.

Абонент отключился.

— Велел мне ни при каких обстоятельствах не допустить, чтобы вы обратились в полицию,— пояснил Муль.— Говорит, если надо будет, свяжи и его тоже. И брось, говорит, в чулан к Мулю.

— Вот свинья! — не сдержался Горислав Игоревич.— Что ж, после послезавтра утром он прилетает. Что будем делать?

— Готовить теплую встречу.

— Мне кажется, он прилетит не один.

— Огласка ему ни к чему, поэтому если и захватит кого с собой, так разве зятя Чингиза. Вообще-то я на это очень надеюсь.

— Но как же вы с двумя сразу?..

— Это уже моя забота,— с нехорошой усмешкой сказал Муль.

* * *

Весь следующий день Горислав Игоревич посвятил купанию в водах Индийского океана. Перерывы делал, только чтобы поесть. И оно того стоило, ибо Яков Муль в этот день по части кулинарного искусства превзошел повариху Степаниду. А значит, самого себя.

Правда, несмотря на активный отдых и усиленное питание, ночью ученый спал плохо, беспокойно. Его мучила совесть: за два дня он не прибавил ни строчки к своей рукописи.

А в семь утра к причалу Сладулина пришвартовался катер из Мале. С его борта на берег сошли двое: Сладунов и Чингиз Раджиев.

На подходе к усадьбе их встретили профессор Костромиров и управляющий Ковалев. Увидев их побитые опухшие лица, Борис Глебович удовлетворенно кивнул:

— Вижу, вижу, геройство налицо. Придется, хе-хе, выписывать премиальные, так? Ну, Василич, напои-ка нас пивком холодненьким с дорожки, а вы, Горислав Игоревич, тем временем расскажете все подробности. А потом пойдем смотреть вашего пленника.

— А на трупы Татьяны Степановны и Антона не желаете сначала посмотреть? — со скрытой ironией полюбопытствовал Костромиров.

— Трупы от нас не убегут, — криво усмехнулся Раджиев.

А Сладунов лишь взглянул на профессора с искренним недоумением.

Все прошли в гостиную, управляющий принес бокалы с пивом. Подавая бокал Раджиеву, он попросил:

— Чингиз Тамерланович, не пособите мне маленько? Там, на кухне...

— Чего на кухне? — не понял Раджиев.

— Буквально на секундочку. Мне одному — никак.

— Чего «никак»?

— Чингиз! Сходи и посмотри, — распорядился Борис Глебович, — а профессор мне пока все расскажет.

Раджиев с ворчанием вышел следом за управляющим. Сладунов жадно выпил пиво, удовлетворенно крякнул и повернулся к ученому:

— Так, значит, в землянке прятался? Вот жаба. А как вы его обнаружили? Нет! Лучше все сначала и по порядку. Я слушаю!

Но тут в гостиную вернулся майор Ковалев, почему-то один. Кроме того, он был совершенно лыс, где-то потерял свои бакенбарды, усы и огромный картофельный нос. Сладунов бросил в его сторону взгляд и широко открыл рот.

— Что... Кто... Кто это?! ...Му-уль!! Ты!!! А где Чингиз?!

— Ему стало нехорошо,— ответил Муль, облизывая губы.— С дороги, видно, устал, сердешный.

Горислав Игоревич отставил бокал, встал и поднял заранее приготовленные дорожные сумки.

— До свидания, господин Сладунов,— заявил он с легким полупоклоном.— Обстоятельства сложились так, что я вынужден покинуть ваш гостеприимный дом досрочно.

— Куда?! — рявкнул предприниматель.— Стоять! У нас договор!

— Вы забыли про форс-мажор,— покачал головой профессор,— и вообще это дело почти семейное, в такие дела я стараюсь не мешаться. Разрешите откланяться.

Костромиров вышел из дома и, нигде не останавливаясь, достиг причала; там он показал хозяину не успевшего отчалить катера пятидесятидолларовую банкноту и попросил немедленно отвезти его в аэропорт. И пока катер удалялся от Сладунова, профессор ни разу не оглянулся.

Таким образом, Горислав Игоревич так никогда и не узнал, как развивались дальнейшие события. Оно и к лучшему, ибо в противном случае его нравственный релятивизм мог быть поколеблен.

Как только дверь за профессором закрылась, лицо Муля исказилось до неузнаваемости: рот ощерился в похожей на волчий оскал ухмылке, на посиневших губах выступила пена, а глаза налились кровью и теперь бешено врашивались в глазницах; при этом казалось, что врачаются они едва ли не в разные стороны.

В один прыжок подскочил он к сомлевшему Борису Глебовичу, схватил за шиворот и поволок на кухню.

Там он крепко привязал его к стулу рядом с бесчувственным и уже связанным зятем. Отступил в сторону, любясь делом своих рук.

— Знаешь, Чика,— заявил он, удовлетворенный увиденным,— после зоны мне довелось поработать мясником на рынке. И так я наловчился там туши разделять, что любо-дорого! Чики-чик, как ты, бывало, говоривал. Впрочем, свое искусство я тебе скоро покажу... А покамест полюбуйся вот этим!

Муль нажал какой-то неприметный рычажок, в стене отодвинулась дверь, и взгляду Сладунова открылось нечто вроде каменной ниши со сливным отверстием внизу. Видимо, когда-то это помещение служило туалетом.

А теперь там, на монтированных в стену железных крюках, висели три сморщенных, провяленных до коричневы тела, одно женское и два мужских. У Сладунова перехватило дыхание. К каждому телу от сливного отверстия вела черная живая дорожка, и сотни — нет! — тысячи муравьев сновали по мумиям, безостановочно вползая и выползая из пустых глазниц и раззявленных в немых воплях ртов. Два крюка оставались пока свободными.

Муль так и впился взглядом в посеревшее лицо Бориса Глебовича.

— Я забыл, Чика, ты вяленое мясо уважаешь? — ласково спросил он.— Профессору, к примеру, понравилось.

Сладунов выкатил глаза и начал кричать...

Андрей Буторин

ПОД ЗНАКОМ ПИ

Когда я зашел в купе и увидел ребенка, то настроение, и без того весьма мрачное, потеряло последние отблески света. Не то чтобы я не любил детей, однако находиться рядом с ними долгое время в замкнутом пространстве не казалось мне чем-то особо приятным. Правда, этот мальчик не был совсем уж крохой – он выглядел лет на шесть-семь. Бледное, серьезное лицо, маленькая родинка на левой щеке... Уткнувшись носом в лежащий на столе блокнот, он что-то усердно выводил в нем шариковой ручкой.

Сидящая рядом с ним женщина, внешность которой ничем меня поначалу не зацепила, заметив, вероятно, мою недовольную мину, торопливо, словно извиняясь, поздоровалась и сказала:

– А это Павлик. Он очень спокойный, он не станет вам мешать.

– Ну, здравствуй, Павлик, – состроил я подобие улыбки, но мальчик на мое приветствие никак не отреагировал, продолжая вдумчиво чиркать в блокноте, а его мать – или кем там она ему приходилась – стремительно выпрямила спину, будто собираясь заслонить собой свое чадо, и пробормотала, царапнув меня синим, как тающий лед, взглядом:

– У Павлика проблемы с общением... Он... у него аутизм. Вы только не думайте... Он очень спокойный!

На пару мгновений мне вдруг показалось, что передо мной... мама. Только совсем молодая... И я понял вдруг, что Тамара всегда напоминала мне маму, только я не мог этого осознать. Так может, это Тамара и есть?!. Но этого не могло быть в принципе, а сказанное матерью Павлика дошло, наконец, до меня, поэтому я, чертыхаясь в душе на свое невезение, выдавил:

— Да я и не думаю... Ладно, ничего страшного.

Женщина расслабила спину, но исподволь продолжала следить за мной настороженным взглядом.

Признаться, первым моим желанием было пойти к проводнице и попросить место в другом купе. Но объяснение, что сорокапятилетний мужик испугался ребенка, выглядело бы настолько смешным и нелепым, что я лишь поморщился и, уложив сумку в ящик под полкой, принял раздеваться.

Едва я успел повесить на плечики пальто, как дверь купе отъехала в сторону — проводница пришла сама: принесла постельное белье и спросила у меня билет. Мне показалось, что в ее взгляде мелькнуло сочувствие: мол, веселая же тебе досталась компания, и я чуть было не решился озвучить свою просьбу, но в последний момент все-таки удержался — очень уж не хотелось выглядеть в глазах сразу двух женщин истеричной тряпкой. В конце концов, подумал я, если этот маленький псих начнет закатывать концерты, я смогу потребовать переселения уже с чистой совестью.

И прелюдия началась совсем скоро. Я расстелил постель, достал очки и газету и только принял читать, как услышал невыразительный, будто спросонья, голос мальчишки:

— Коричневый. Плохо. Пусть снимет!

Женщина успокаивающе залепетала-зашушукала в ответ, но Павлик повторил, уже с ощутимо истеричными нотками:

— Коричневый — плохо! Пусть снимет! Пусть снимет!

Я сделал вид, что ничего не слышу, хотя читать уже, конечно, не мог и лишь продолжал пялиться в газету, ожидая «армагеддона». Но тут ко мне обратилась мать аутиста:

— Мужчина! Снимите, пожалуйста, джемпер. Павлик не выносит коричневого цвета...

Я отбросил газету и уставился на соседку.

— Это вы мне?

— Да!.. Пожалуйста, я вас очень прошу! Снимите джемпер, а то у Павлика может начаться истерика, и успокоить его будет очень трудно...

— Ну, знаете! — вырвалось у меня.— Может, мне еще и штаны снять?! А кто говорил, что ваш Павлик очень спокойный?

— Он спокойный, но есть некоторые вещи...

Я не стал слушать дальше, вскочил и, рванув дверь, вылетел в коридор с непреклонным намерением идти к проводнице, чтобы уже не просить, а требовать переселиться в другое купе.

В этот момент поезд качнуло. Погас свет, в груди повисла пустота, я стал падать.

Когда я открыл глаза и увидел нависшую надо мной широкую доску, первое, что пришло мне в голову, было: я лежу в гробу, меня похоронили заживо!.. Я бы, наверное, заорал, если бы мое горло не перехватило спазмами ужаса. К счастью, взбодренный адреналином мозг заработал на всю катушку, и я быстро понял, что если бы меня закопали, то никакой доски я бы не увидел, потому что в могиле нет источников света. А здесь такой источник был, хоть и весьма тусклый. Да и доска для крышки гроба располагалась слишком уж высоко. К тому же справа у этого «гроба» и вовсе отсутствовала стенка.

Уже через пару секунд я понял, что лежу на нижней полке в купе поезда, а то, что я принял за крышку гроба, было всего лишь верхней полкой. Я с облегчением

выдохнул, но тут же вспомнил, что с поездом что-то случилось... Крушение? Авария?

Я подскочил и завертел головой. На нижней полке напротив меня лежал, вытянув поверх одеяла тонкие руки, мальчик. Павлик, сразу вспомнил я и поежился. Однако маленький аутист, едва слышно посапывая, спал. Снизу мне было не разглядеть, лежит ли кто на полке над ним, но оттуда свисал край простыни и виднелся кусочек одеяла, так что, скорее всего, мама Павлика тоже спала.

Вагон плавно дернулся и медленно покатился, с нарастающей частотой принявшиесь отсчитывать стыки. Я отодвинул занавеску и выглянул в окно. Мимо проплывали освещенные редкими фонарями угрюмые, за-снеженные строения — что-то определенно нежилое, пристанционное. Задернув занавеску, я снова забрался под одеяло и опустил голову на подушку.

Итак, все хорошо, никакой аварии не было. Но почему же тогда я не помню, как ложился спать? Сознание услужливо предоставило мне последнее воспоминание: я высекакиваю в коридор, чтобы отправиться к проводнице, затем — толчок, темнота, чувство падения... Так что это было? Я просто потерял сознание, вырубился? Ничего себе заявочки! И кто меня водрузил на полку? Мама этого чокнутого Павлика? Проводница? А почему не позвали врача? Вдруг у меня инфаркт или еще что-нибудь в этом роде?! Я внимательно «прислушался» к своему организму. Насколько я понял, все с ним было в порядке: нигде ничего не болело, сердце, хоть и билось сильнее обычного, работало вполне безболезненно и останавливалось пока, вроде бы, не собираясь.

Я повернул голову и вновь посмотрел на спящего мальчика. Аутист... А что я знаю об аутистах? Да ничего, если не считать роли, сыгранной Дастином Хоффманом в «Человеке дождя»; впрочем, я уже плохо помнил подробности этого фильма. В памяти брезжи-

ло лишь, что люди, пораженные этим недугом, очень любят строгий порядок во всем и могут иметь весьма выдающиеся способности в некоторых областях, зато плохо приспособлены к жизни в социальном плане. Как там сказала его мама? «Есть некоторые вещи...» Ну да, например, отвращение к коричневому цвету. Интересно, а «выдающиеся способности» у Павлика есть? Мой взгляд упал на столик, где лежал блокнот мальчика. Помедлив пару мгновений, я все-таки протянул руку и взял его, пообещав себе, что если там окажется что-то вроде дневника, то сразу же его закрою и верну на место. Но на первой странице блокнота оказались лишь цифры, выведенные настолько четко и ровно, что поначалу показались отпечатанными типографским способом. «3,14159265358979323...» — и так далее, в пару десятков строк до самого конца листа. Лично я в числе Пи помнил лишь семь цифр после запятой, поэтому не мог утверждать, что Павлик все записал правильно. Но почему-то я был почти уверен в том, что он не ошибся. Я перевернул страницу, ожидая, что последовательность цифр продолжится и там. Однако увидел все то же: «3,141592...» Это же было и на третьей странице, и на четвертой, и на пятой... Наверное, маленький аутист, видя перед собой чистый лист бумаги, ассоциировал его с началом, а не с продолжением, но его совершенно не волновало, что это начало окажется лишь повторением уже пройденного, а не чем-то новым.

Я положил блокнот на стол и откинулся на подушку. Интересно, а что сейчас пытаюсь сделать я? Начать новую страницу своей жизни? А не окажется ли она лишь бездарным повтором того, что я не раз уже пытался переписать заново? Хотя нет, сейчас ни о какой новой странице ничего было и думать — там, куда я ехал, ее ни за что не начать. И повторить уже прожитое там я бы тем более не смог, ведь Тамара мертвa... Так зачем же я еду? Чтобы разбередить себе душу, вернувшись туда, где был когда-то счастлив? Такого счастья я не су-

мел потом испытать ни разу за все последние двадцать лет... Но и большего горя, чем тогда, мне не довелось с тех пор пережить. Все, что было после того, оказалось бесцветным, серым, пустым и ненужным – всего лишь один никчемный миг, растянутый на два десятилетия.

Говорят, нельзя возвращаться туда, где был когда-то по-настоящему счастлив. А есть ли какой-нибудь смысл ехать туда, где испытал самую сильную в своей жизни боль?.. Умом я понимал, что делаю очередную глупость, но, после того как в новогоднюю ночь мне приснилась Тамара и позвала к себе, я больше ни о чем думать не мог. Весь день первого января так и провалялся в постели, надеясь снова заснуть и увидеть ее еще раз. А вечером меня вдруг словно что-то подбросило, и, вместо того чтобы поехать, как собирался, к Вовке в Смоленск, я отправился туда, на Север, где меня никто не мог ждать... Впрочем, вряд ли меня сильно ждал и Вовка – поступив в университет, сын отдалился, и наше с ним общение свелось к «обязательным», ничего не значащим звонкам на дни рождения и Новый год. Не думаю, что в этом была виновата моя бывшая жена – напротив, это именно она предложила мне приехать и провести каникулы с сыном, – скорее всего, тут сыграла роль та самая пустота внутри меня, которая, разрастаясь, отталкивала даже самые близкие мне души.

Следующие сутки я почти не заломил – все время спал или просто лежал, отвернувшись к стенке. Павлик меня больше не беспокоил, а когда я поднимался, чтобы перекусить или сходить в туалет, он по-прежнему настойчиво выводил в блокноте значение числа Pi, не задумываясь о том, что достичь конечного результата ему не дано, как в силу бесконечности самого этого числа, так и по причине конечности блокнотной страницы.

Когда я вышел на нужной станции, было темно. Впрочем, в это время года на Крайнем Севере темно

почти круглые сутки. А ведь я успел уже забыть о полярной ночи и, зная, что поезд прибывает в пять вечера, поначалу растерялся, решив, что мои часы остановились, и я проехал свою остановку.

Кроме темноты, разбавленной жидаеньким светом окон одноэтажного здания вокзала, меня встретил холод. Я сразу пожалел, что, опасаясь истерики Павлика, не надел шерстяной коричневый джемпер, он бы сейчас оказался нeliшним. Поэтому я остановился, раздумывая, зайти ли мне сперва на вокзал, чтобы все-таки утеплиться, или же сразу направиться к автобусным кассам, которые, как я помнил, находились напротив вокзала, за водонапорной башней.

Я как раз смотрел в сторону этих касс, где, не предвещая ничего хорошего, не светилось ни одного огонька, когда меня окликнули силыым, простуженным голосом:

— Эй!.. Тебе в город? Автобуса сегодня не будет. Садись, довезу!

Я повернул голову и увидел шагах в пяти от себя, сразу за вокзальной оградой, что-то типа микроавтобуса неопределенного в темноте цвета. Не торгаясь, я забрался в теплый салон и, вытянув ноги, откинулся в скрипучем продавленном кресле.

До города было около тридцати километров, но «бомбила» довез меня, как мне показалось, минут за пять — вероятно, большую часть пути я незаметно для себя проспал.

Город показался мне совсем маленьким — меньше, чем я помнил его по дням своей молодости. А может, раньше просто не экономили на освещении.

— Куда везти? — повернулся голову водитель.

Я растерялся. А и правда, куда? К Семену?.. Меня даже передернуло от этой идиотской мысли: вот уж кого мне меньше всего хотелось видеть, так это бывшего друга. Ему меня, я думаю, тоже. Если он вообще успел освободиться... Да нет, конечно, успел, давно

уже вышел! Ведь ему дали тогда всего семь с половиной лет. С учетом положительных характеристик и состояния аффекта на почве ревности... Я презрительно фыркнул.

— Не понял... — нахмурился «бомбила».

— А гостиницы у вас есть? — Я принял судорожно вспоминать, были ли в этом городе какие-нибудь гостиницы, и память выдала, что на центральной площади одна была точно: — О! «Северное сияние» работает еще?

— Сказал тоже! — сухо закашлялся водитель. — «Сияние» как на ремонт в девяностых закрыли, так и стоит с заколоченными окнами. — Он поскреб в затылке и обескураженно выдал: — А ты знаешь, пожалуй, и нет у нас больше гостиниц... Да и кому мы нужны? Кто сюда ездит, после того как производство сократили? Раньше наш завод по всей стране знали, а сейчас лишь пара цехов осталась — ширпотреб какой-то клепают...

— И что же мне делать?

— А я знаю? К себе пустить не могу, самим тесно. Разве что в общагу попробовать сунуться?

Микроавтобус повернулся на плохо освещенную улочку. Мне она показалась знакомой. Мелькнула табличка на доме: «ул. Капитана Чипилова». Ну, конечно же, это она! Ведь именно здесь я когда-то и жил. Не в мое ли родное общежитие мы едем?

Машина остановилась у крыльца с широким козырьком. Общежитие действительно оказалось тем самым, в котором я когда-то жил.

— Приехали, — сказал водитель. — Иди, договаривайся, я подожду.

— Зачем же вы будете ждать? — удивился я.

— А вдруг не пустят? Вон, что-то и окна не светятся. Может, уже и нет здесь общаги... Но сходи, постучись. А нет, так дальше думать будем.

Я протянул «бомбили» тысячную купюру.

— Хватит?

— Много даже,— хмыкнул тот, закуривая, но деньги не взял.— Ты иди, договорись сначала. Может, еще не приехали.

Я выбрался наружу и поежился — мороз определенно крепчал. Я потянулся было за сумкой, но передумал: вряд ли водитель только и ждал того, чтобы умчаться вдаль с моими трусами и носками. Ну да, еще с коричневым джемпером!

На удивление, дверь в общежитие оказалась открытой. Правда, дальше за входным тамбуром все тонуло во тьме.

— Эй! — крикнул я.— Есть тут кто-нибудь?

Где-то неподалеку скрипнула дверь. Под потолком, шелестя и потрескивая, заморгали лампы дневного света. Из левой половины коридора, пошатываясь, выползло закутанное в длинную серую шаль существо неопределенного возраста, но скорее всего женского пола.

— И чего? — приблизившись, дохнуло на меня существо свежим перегаром.

— А... вы кто? — растерялся я.— Мне бы к коменданту... Или кто тут есть из начальства?

— Начальство водку пьет. Праздник же!

— Какой? — заморгал я.

— Ты что, дурной? Новый год! — заморгало в ответ существо. Ресницы на его глазах, судя по черным разводам вокруг, были не так давно накрашены, поэтому я утвердился в своей догадке, что передо мной женщина. С ее возрастом определенности по-прежнему не было.

— Да-да, с праздником вас,— кивнул я.— Но все-таки, кто мне может помочь с поселением?

— Я могу,— кивнула в ответ женщина. При этом ее качнуло и резко повело в сторону. Инстинктивно я выбросил руку и предотвратил падение. Моя собеседница словно и не заметила этого.— А чего надо?

— Я же говорю: я бы хотел поселиться в вашем общежитии. Ненадолго, дня на три. Максимум на неделю.

— А где он? — заозиралась женщина.

На всякий случай я придержал ее за плечо и спросил:

— Кто?

— Максим твой. Который на неделю.

— Значит, поселиться все-таки можно? — решил я заострить внимание собеседницы на главном.

— А выпить дашь? — перестала вдруг качаться женщина. Видимо, пришедшая в голову идея слегка отрезвила ее.— Праздник же...

Меня, честно говоря, охватили сомнения. Общежитие, не считая стоявшей передо мной пьянчужки, казалось мне совершенно необитаемым. Может, оно и впрямь было давно нежилым и его «приватизировали» бомжи? С другой стороны, внутри было тепло, что говорило о включенном отоплении, и работало электричество.

— Вы мне сначала ответьте: кто вы такая, и имеете ли вы полномочия поселить меня в общежитии? Разумеется, если это здание еще выступает в данном качестве.

— Ты умница-то из себя не строй,—прищурилась женщина и стала вдруг совсем трезвой. Во всяком случае, так бы я подумал, если бы не видел ее же всего минуту назад. И если бы не запах, который никуда не деляся.— Тебе полномочия надо, или жить негде?

— Жить.

— Ну, тогда выбирай любую комнату. До десятого можешь оставаться. А то и до шестнадцатого, раньше вряд ли начнут. Двое... Триста рублей в сутки. Идет? И сейчас бутылку...

— Совершенно любую комнату? А разве больше здесь никто не живет?

— А тебе что, выпить не с кем? Или того, одному скучно? — ощерилась женщина. Половина зубов у нее блестела золотом, другой половины не было вовсе.— Так вот, я тут живу. Или тебе мало?

Наверное, на моем лице появились откровенные и недвусмысленные письмена, потому что моя собеседница, прочтя их, сразу поскучнела:

— Да ладно, не бойся ты! Я при исполнении. Сторожу я тут. Продали общежитие новым хозяевам. После праздников начнут что-то делать. То ли клуб какой, то ль бордель, кто что говорит... Ну, а пока живи. Только деньги вперед! И бутылку.

— А у меня нет бу... — начал разводить я руками, но сзади послышалось вдруг:

— У меня есть.

Я оглянулся. Возле входного тамбура с моей сумкой в руке стоял «бомбила». Я даже не слышал, когда он вошел.

— Бутылка у меня всегда найдется,— просипел он.— А вот ты-то нашел, что искал? Я уже думал, тебя тут убили.

— Не убили,— сказал я.— И вроде нашел... А у вас правда есть водка? Вы мне продадите?

— Продам,— полез за пазуху «дугой» куртки и достал оттуда бутылку водитель.— Сколько ты там мне совал, тысячу? Вот и давай ее сюда, как раз и за проезд, и за пузырь хватит.

Я расплатился с ним и, принимая сумку и водку, спросил:

— А вы мне свой телефон не оставите? Мало ли... Я ведь здесь никого больше не знаю. Да и назад на станцию ехать потом... Как вас, кстати, зовут?

— Игорь я. Пиши,— стал диктовать мне номер телефона водитель.— И ты тоже пиши,— посмотрел он на женщину,— если что, у меня и после десяти есть чем заправиться.

Я вбил номер, который показался мне странно знакомым, но меня занимали сейчас куда более насущные проблемы, и я не придал этому значения.

Едва Игорь вышел, сторожиха потянулась к бутылке.

— Э, нет! — убрал я за спину руки.— Утром деньги — вечером стулья.

— Чего? — судорожно слглотнула женщина.

— Сначала покажите комнату, выдайте белье, дайте ключ...

— Да чего там давать! — перебило меня страждущее создание. — Я ж тебе говорю: любую занимай, какая понравится! А ключи в замках торчат, если где нет — значит, потеряны, туда не селись...

— А белье?

— Пошли.

Сторожиха, вновь как-то разом опьянев, замоталась синусоидой по коридору. К счастью, далеко идти не пришлось — она, промахнувшись пару раз мимо ручки, открыла одну из ближних дверей и, обернувшись ко мне, выдохнула:

— Выбирай! Все твое.

Поморщившись, я зашел в темное, пахнущее казармой помещение и стал шарить по стене в поисках выключателя. Когда комната осветилась, я возмущенно попятился:

— Вы что?! Это ведь использованное!

Все свободное пространство внутри небольшого помещения было завалено несвежими сутробами явно нестиранного постельного белья. От него откровенно пованивало.

— Ну... использованное... — понурилась сторожиха, но потом встрепенулась: — Погоди! Пошли ко мне!

— Это еще зачем? Ваше белье я тоже не возьму!

— Пошли-пошли! — быстро закачалась по коридору сторожиха. Когда я догнал ее, она уже распахнула следующую дверь.

В этой комнате определенно жили. И ели. И пили... Заходить внутрь я не стал. А женщина, мотаясь от стенки к стенке и чудом не спотыкаясь о разбросанные по полу бутылки и прочий хлам, направилась к большому шкафу и повторила:

— Вот!.. Все твое!

Мне не оставалось ничего другого, как подойти ближе. На полках одной половины шкафа белели аккуратные стопки белья. В правой половине лежали сложенные конвертами байковые одеяла.

«Коричневые,— подумалось вдруг мне.— Плохо».

Однако вслух я сказал совершенно иное:

— Ну, это совсем другой разговор! Я возьму сразу два комплекта, можно?

— Да бери сколько хочешь, хоть три! Ты, главное, деньги давай. И бутылку!

Я отдал сторожихе водку и спросил:

— Есть у вас сто рублей?

— Это еще зачем? — прищурилась та и живо спрятала бутылку за пазуху.— Ты мне так ее обещал!

— Да это не за водку! Просто у меня только тысячные купюры, а я ведь вам за три дня девятьсот рублей должен, правильно?

— А ты давай сразу три штуки и живи десять дней! — поразила меня способностью к быстрым вычислениям женщина.

— Нет, так не пойдет. Мне, может, и трех дней много будет.

— А на меньше трех дней не пущу! — стремительно откуда-то вытянула два мятых полтинника сторожиха.— И если меньше жить будешь, все равно за три плати!

Я кивнул и отдал ей тысячу. Женщина заметно покраснела и одарила меня щербатым золотом улыбки:

— Ты приходи, если надо чего будет. Меня Тамарой зовут.

Я вздрогнул и замотал головой:

— Нет-нет! Мне ничего больше не надо! Спасибо вам...

Затем, нагружившись комплектами белья и двумя, на случай холода, одеялами, держа при этом еще и сумку, я кое-как задом выбрался из жилища сторожихи и побрел по коридору к лестнице, намереваясь подняться на второй этаж, чтобы остановиться в «своей», разумеется, комнате. Под номером 31.

Собственно, это была даже не комната, а двухкомнатная квартира — второй этаж состоял как раз из таких, квартирного типа, с общей прихожей, санузлом и

кухней. Мы делили тридцать первую с Витькой Егоровым — парнем в общем-то неплохим, но чересчур замкнутым, что меня поначалу слегка раздражало, а потом стало даже устраивать. Когда ко мне приходила Тамара, мы порой вообще забывали, что рядом, за стенкой, еще кто-то есть.

К счастью, в двери родной тридцать первой торчал ключ. Я поставил на пол сумку, прижал подбородком белье, повернул ключ в замке и толкнул дверь. Изнутри пахнуло нежилой затхлостью, но едва я переступил порог и зажег свет — сразу почувствовал себя дома. Словно и не было за спиной двадцати прошлых лет.

Застелив кровать и переложив нехитрый скарб из сумки в шкаф, я отнес на кухню то, что оставалось у меня из взятого в дорогу съестного. А осталось совсем немного: почтая коробка пакетированного чая, баночки с сахарным песком да пара галет. Я осмотрел кухню и нашел на полках и в столе несколько тарелок, две алюминиевых ложки и вилку с растопыренными зубьями, а также — самое главное — почерневшую от нагара сковороду, кастрюлю с отломанными ручками и темно-синий, с изрядно побитой эмалью чайник. Кружка же и чайная ложечка у меня были свои. Так что чай я мог соорудить хоть прямо сейчас, но хотелось и чего-то более существенного, поэтому я решил немногого прогуляться, а заодно купить какой-никакой еды.

Но стоило выйти под черное небо полярной ночи, как ноги сами понесли туда, где, как усердно твердил разум, мне совершенно нечего было делать. На ту самую Пионерскую улицу, где когда-то жили мой лучший друг Семен Макаров и его жена — моя любимая Тамара.

Не знаю, о чем я думал, когда подходил к двери подъезда, но меня отрезвил строгий оклик:

— Вы к кому идете, мужчина?

Я обернулся и едва не упал со ступенек крыльца — мне показалось, что на заинdevевшей лавочке сидит сторожиха из общежития!.. Но нет, просто эта

женщина была закутана в такую же длинную серую шаль.

— А в четырнадцатой квартире кто сейчас живет, не подскажете?

— А вам зачем?

— У меня тут... друг раньше жил. Семен Макаров. Правда, я не знаю... он должен был...

— Никому он уже ничего не должен. Умер Семен. В тюрьме умер. А в четырнадцатой теперь Верка живет, Иванова. Мать-одиночка. Сынок у нее малость того,— покрутила у виска женщина.— Спокойный, правда, ничего худого не скажу. Только их сейчас нет, уехали в Москву на лечение.

— Спасибо... — попятился я. Ивановой Верой Михайловной звали мою маму. Она тоже была когда-то матерью-одиночкой. И давным-давно, когда мне было лет шесть, она возила меня в Москву на лечение...

А потом я развернулся и быстро, почти бегом, ринулся прочь от этого дома. Я был готов не только бежать, но и буквально лететь, лишь бы как можно дальше отсюда — от этого дома, из этого города, с этой планеты...

Еды я так и не купил. Пришел в себя стоящим на пороге комнаты общежития с бутылкой водки в руке. Где, как и зачем я ее приобрел, — я совершенно не помнил. Впрочем, зачем — было, в общем-то, ясно. Я отчетливо понял, что приехал сюда зря, и хотел помянуть свое прошлое. А еще сильнее я хотел его забыть. Навсегда. Жаль, что одной бутылки водки было для этого мало.

Водка вприхлебку с чаем шла плохо — за последние годы, живя в одиночестве, растеряв всех друзей, я совсем отвык пить. Но хуже всего было то, что ярким потоком нахлынули воспоминания... Я будто вернулся на двадцать с лишним лет назад и увидел, как здесь, на этой самой кухне, мы сидим с Тамарой и тоже пьем чай...

В тот раз мы договаривались куда-то пойти с Макаровыми; они должны были зайти за мной в общежитие. Тамара пришла первой, а Семена все не было и не было: задерживался на работе. Мобильных телефонов тогда не существовало и в помине, и Тамара сначала беспокоилась, а потом стала нервничать, злиться.

— Он ведь должен понимать, что мы переживаем! Мы ведь ему самые близкие люди, а он!.. Вот ты бы мог спокойно где-то сидеть, если бы знал, что тебя ждет любимая женщина?

Не знаю, что на меня тогда так подействовало — Тамарина близость, ее волнение или неведомые химические реакции, происходящие в моем влюбленном мозгу, только я вдруг неожиданно для себя самого брякнул:

— Не знаю. Моя любимая — рядом...

Тогда у нас все в первый раз и случилось. Я думаю, Тамара меня тогда еще не любила, а поддалась отчасти из-за злости на Семена, отчасти из-за моего неожиданного признания...

Семен в тот раз так и не пришел. А наши встречи с Тамарой в комнате общежития стали с тех пор постоянными. Но мы ни разу не встретились с ней в их с Семеном квартире. Ни единого разу, до того самого дня, когда...

Я проснулся от жажды. Голова не болела, но была пустой и тяжелой, хотя, казалось бы, от пустоты должна была взлететь, как наполненный гелием шарик.

Удивительно, но я лежал в кровати. Раздетый до трусов и майки и закутанный в два одеяла — комнату все-таки хорошо продувало сквозь щели в непроклеенных окнах. Я совершенно не помнил, как разделся и лег. Но сейчас это неважно, главное — выпить воды. Для чего нужно выползти из-под теплых одеял на холод и добраться до кухни. Выбирать пришлось всего из двух зол, и жажда все-таки победила.

Обняв себя за плечи и немилосердно дрожа, я пошлепал босиком по ледяному полу на кухню. Плани-

ровка этого жилища настолько прочно была прошита в моем сознании, что даже через двадцать лет, в полной темноте, я ни разу не споткнулся и не наткнулся на стену.

В кухне было почему-то немного светлей, чем в комнатах, возможно, мои глаза просто уже попривыкли к темноте. Во всяком случае, я вполне хорошо различал и стол, и кривобокие навесные шкафчики, и белеющую в углу плиту с возвышающимся на ней чайником. К нему-то я как раз и направился, когда боковым зрением заметил возле раковины движение. Хоть я и не успел рассмотреть никаких деталей, оно было настолько отчетливым и явным, что я не засомневался в его реальности ни на мгновение. Несмотря на холод, я вмиг покрылся потом. Меня что есть силы тянуло повернуть голову к раковине, и в то же время я не мог заставить мышцы шеи сделать это. Вместо этого я шагнул назад и зашарил по стене ладонью в поисках выключателя. Щелк!.. Я невольно зажмурился, но даже закрытые веки не помешали понять: ничего не изменилось. Света в кухне по-прежнему не было.

Наконец я нашел в себе силы, чтобы посмотреть в угол с раковиной. И хоть, кроме смутной белизны эмали и тусклого блеска кранов, ничего не увидел, был абсолютно уверен: там что-то есть. Что-то чуждое мне, неправильное и страшное. Или кто-то...

И я не нашел ничего лучшего, чтобы крикнуть, а точнее, просипеть:

— Кто там?..

В ответ темнота в том углу на мгновение словно стутилась, а затем, наоборот, посерела и снова рассеялась. Это вполне можно было объяснить секундным приливом крови к моим глазным яблокам или чем-то подобным, вполне обыденным и реальным, но я уже точно знал: дело тут вовсе не в причудах моего зрения или сознания.

— Кто там?! — завопил я уже во все горло.

Внезапно из крана полилась вода. Струя, разбившись о металл раковины, издала звук, напоминающий смех.

Я круто развернулся и бросился вон из кухни. Захлопнул дверь и метнулся в прихожую. Пока я засовывал босые ступни в ботинки, стеклянный прямоугольник в центре кухонной двери стал наливаться тусклым металлическим светом. Я не стал ждать продолжения и, рванув с вешалки пальто, выскочил в коридор.

Там я не сразу сообразил, в какую сторону мне нужно бежать, да, собственно, не успел еще и подумать, что вообще следует делать. Я понимал только одно: мне нужно к людям и к свету! Но света, судя по черным окнам в обоих торцах коридора, не было не только в моей кухне, но и в окрестных районах, если не во всем городе. А люди... Как минимум один человек — стражиха Тамара — был точно внизу! И я так страстно желал сейчас оказаться с ней рядом, как не мечтал, наивное, обнять ее прекрасную тезку в пору моей романтической молодости.

На ходу просунув руки в рукава пальто, наступая на развязанные шнурки и едва не падая, я побежал к ведущей вниз лестнице. Но когда до нее оставалось всего несколько шагов, я увидел выплывающий из лестничного проема серый густоток...

Мой рассудок еще пытался найти логическое объяснение этому — ведь в темноте и человек может выглядеть так же, и я выкрикнул, почти взвизгнул:

— Тамара, это вы?!

Но тут и со стороны лестницы послышался смех — неестественный, нечеловеческий, похожий, скорее, на звон множества маленьких колокольчиков.

Тогда я метнулся назад и стал дергать подряд ручки всех, без разбору, дверей, в надежде найти не закрытую на ключ, потому что повернуть его сейчас прыгающими пальцами я бы не смог.

Наконец такая дверь нашлась — возможно, даже моя, мне не пришло тогда в голову об этом подумать.

Влетев в прихожую, я крутанул ручку замка и ринулся в комнату с намерением открыть или разбить окно и выпрыгнуть — я надеялся, что не разобьюсь, упав со второго этажа... Хотя вряд ли я вообще на что-то надеялся, главным для меня было покинуть это наводящее смертельный ужас здание.

Я побежал к окну и схватился уже за его ручку, когда понял, что во дворе светят огни. Много-много спокойных, мягких огней: фонари, окна соседних домов, проезжающие мимо машины... И еще я понял, что это вовсе не двор общежития в далеком северном городе, а двор того самого дома, где я прожил последние двадцать лет!.. Я проморгался и закрутил головой, осматривая комнату. Нет, это была не моя комната... Впрочем... Я вдруг узнал некоторые из вещей и отчетливо осознал, что комната это все же моя, но только в доме моего детства, в старой квартире моей мамы! Я вновь выглянул во двор, но теперь мне показалось, что я смотрю из окна смоленской квартиры моей бывшей жены и Вовки... А обернувшись снова в комнату, я с ужасом понял, что нахожусь в квартире Макаровых, на том самом месте, где двадцать лет назад...

Память вспыхивает воспоминанием. Мы сидим с Тамарой в их с Семеном квартире. Моя любимая в новой синей кофте, которая так подходит к цвету ее глаз. Но в моих глазах плавают темные круги, я еще не отошел от Тамариного признания.

— У нас будет ребенок,— только что сказала она.— Сын. Пал Палыч.

— Почему Пал Палыч? — только и смог выдавить я.

— Потому что я так хочу.

Мы договариваемся, что сегодня же все расскажем Семену. Дождемся его с работы, и... Вернее, это не мы с ней договариваемся. Это решает Тамара.

— Потому что я так хочу,— говорит она.— Я больше не могу его обманывать.

Я судорожно размышляю, а чего же хочу я, когда возвращается Семен. Он входит, румяный с мороза, и почему-то держит в руках топор. Маленький черный топорик с прорезиненной ручкой, такой же, что я видел не раз в магазине для охотников и рыболовов.

— О! Вы все в сборе! — восклицает он.— Это кстати. Смотрите, что я купил,— взмахивает он топором.— Завтра идем на рыбалку!

И тогда Тамара выпаливает ему все. Сразу, без долгих прелюдий.

Семен мигом бледнеет. Такое ощущение, что в квартиру ворвался мороз с улицы и мой друг превратился в сосульку. Мне тоже вдруг делается жутко холодно, и я обнимаю себя за плечи. Мое движение будто становится сигналом для Семена. Не издав ни звука, он замахивается на меня топором и шагает навстречу.

Я знаю, что мне следует сделать: поднырнуть Семену под руку, навалиться всем телом, уронить, вырвать топорик из рук... Но тут передо мной возникает Тамара, и я делаю спасительный шаг за женскую спину.

Лезвие топора с мерзким чавканьем вонзается ей в шею. Брызжет кровь. Тамарина синяя кофта сразу становится коричневой.

«Плохой цвет,— думаю я, прежде чем провалиться в беспамятство.— Отвратительный, гадкий...»

Я затряс головой. Вокруг снова разлилась темнота. За окном было тоже темно, и это окончательно вернуло меня к действительности. Я понял, что все остальное мне просто привиделось, что я по-прежнему нахожусь в общежитии...

А когда я опять повернулся к окну, чтобы открыть его и выпрыгнуть, на стекле возник отблеск. Что-то туманно-светящееся приближалось ко мне сзади. Едва сдержав крик, я обернулся. Ко мне подплывала клубящаяся тусклым серебром масса, стремительно при-

обретавшая человеческие очертания. Уже через пару мгновений я понял, что это женщина, а в следующий миг сумел узнать ее лицо. Это была женщина из поезда, мать аутиста Павлика!.. Или нет... Конечно же, нет! Как я не узнал ее сразу, еще там, в купе?! Это же моя Тамара! Моя любимая, которую я убил...

Губы призрака начали шевелиться. В ушах у меня давно звенело, но мне и не нужно было ничего слышать, чтобы распознать обозначенные ими слова. «Иди к нам! Пора!»

— Нет!!! — заверещал я и прямо сквозь серебристый туман бросился к прихожей. Меня обдало морозным холодом, но я, зажмурившись, уже вылетел из комнаты, захлопнул дверь, прижался к ней спиной и выхватил из кармана пальто телефон.

Лишь теперь, когда на экранчике выстроились в ряд цифры номера моего знакомого «бомбили», я понял, что же они мне напомнили в первый раз. Плюс семь, код оператора, а потом: «3141592»... Число Pi! Опять оно!.. Впрочем, мне было сейчас не до того, чтобы рассуждать о совпадениях.

— Игорь!!! — заорал я в трубку.— Игорь! Вы слышите меня?!

— Ну, слышу,— раздалось в ответ.— А кто это?

— Это я! Я! Помните, вы подвозили меня сегод... вчера вечером со станции?!

— А! Помню,— послышался звок Игоря.— Что, уже нагостился? Назад собрался? Может, чуток позже поедем? Времени-то сейчас знаешь сколько? Первый поезд только в час дня.

— Мне не надо никакого поезда! Просто заберите меня отсюда! Куда угодно, только скорей! Скорей, я вас очень прошу! Я отдам все деньги, что у меня есть!

— Забрать, говоришь?.. А что случилось-то?

— Потом! Я все расскажу, но только потом! Сначала заберите! Вы ведь помните, куда меня привезли? Общежитие на Капитана Чипилова!

— Какое общежитие? — очень искренне удивился водитель.— Оно ж закрытое было. Ты же мне потом другой адрес сказал, туда я тебя и отвез...

— К-какой д-другой адрес? — стал заикаться я, чувствуя, как сквозь фанеру двери мою спину начало обволакивать морозным холодом.

— Что, уже и сам забыл? Пионерская, три, квартира четырнадцать. Хорошо вы, видать, встречу отметили с другом!

— С-с к-каким д-другом?..— едва вымолвил я одеревневшими губами.

Но тут мобильник выпал из моих окоченевших рук, и я почувствовал, что тоже падаю, падаю, падаю...

Сначала я услышал голос. Мужской, уставший, недовольный.

— Этот, что ли? Ну, Танюха, вечно у тебя приключения! А трогала-то его зачем?

— А что я-то? Что я? Я иду, а он посреди прохода валяется. И не дышит уже. Вот я его в купе и затащила — людям-то надо ходить, не через мертвеца же им прыгать!

Этот голос мне показался знакомым. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в купе поезда, причем где-то на верху, чуть ли не на вещевой полке. Прямо подо мной стояли знакомая проводница и молодой парень в форме лейтенанта полиции.

— Ладно, не боись,— приобнял полицейский женщину,— скажу, что на месте откинулся. Документы-то нашла у него?

— Вот еще, буду я по карманам шарить! Потом ты же меня и засадишь. Да мне и не надо ничего искать, он мне паспорт показывал, когда садился. Народу мало совсем, а он вообще один в купе ехал, я хорошо его запомнила... Да что это я! Дурой совсем с тобой стала! У меня же билет его есть, там все написано... Вот, гляди, место тридцать один, до Смоленска. Иванов Павел Дмитриевич.

— Что?! — ахнул я, но парень с женщиной на меня даже не глянули.

Зато огляделся, как следует, я. На той полке, где я до этого ехал, неподвижно лежал какой-то мужик в знакомом коричневом джемпере. Лицо мужика показалось мне тоже очень знакомым, но выглядело жутковато: обрюзгшее, бледное, отдающее синевой. На левой щеке — родинка...

Родинка?! Я схватился за свою левую щеку, но моя рука прошла через нее, как сквозь пустоту... Этот факт еще не успел отложитьсь в сознании, как я вспомнил еще об одной похожей родинке и перевел взгляд на вторую нижнюю полку, где ехал до этого Павлик. Но его полка оказалась пустой. Пустыми были и обе верхние полки. А на столике лежал раскрытый блокнот. Страница сияла девственной белизной.

— Ладно, накрой его,— сказал лейтенант.— На следующей станции отдадим. Сейчас вызову бригаду.— Полицейский достал радио и забубнил: — Триста четырнадцатый вызывает сто пятьдесят девятого!.. У меня — груз двести...

А проводница меж тем накрыла с головой лежащее внизу тело коричневым одеялом.

«Плохой цвет»,— подумал я.

— И это при живом-то мне?

Вместо ответа Наташа подняла на него глаза, этого было достаточно. Скажи он, что это самые красивые глаза из всех, что ему доводилось видеть, Андрей бы, несомненно, соврал. Но они были хороши. В достаточной мере хороши.

Андрей не был профи по части глаз. Что касается всего остального... возможно. Глаза же, хваленые зеркала души, его мало волновали. Но тут он не смог отказать. Просто не смог.

— Все девушки гадают на святки.— Она надула губки.— Ну пожааалуйста.

— Ну не знаю,— продолжал упираться он, хотя им обоим было известно, что она победила.— А что мне за это будет?

— А с этим,— Наташа переплела руки, так чтобы в прорези кофточки показались сжатые груди,— мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Ладно уж,— потянул Андрей, хотя подобный поворот событий его полностью устраивал.

Он не верил в эти гадания на суженых-ряженых, но мысль о задуманном Наташой вызывала внутренний дискомфорт. Чье лицо она хочет увидеть там, в зеркальном коридоре? Но раз уж вырисовывается такая заманчивая перспектива, об этом можно поразмыслить в другой раз. Он притянул Наташу к себе.

— Раз так, моя ведьмочка, ты можешь гадать, сколько тебе вздумается. Я сам принесу тебе потроха черных куриц, и мы развесим их по всей комнате на манер новогодних гирлянд.

— Спасибо,— рассмеялась Наташа, отчего в ее глазах заплясали озорные огоньки. Черт, они и впрямь хороши, невольно подумал Андрей.— Вот только ничего такого не нужно. У меня есть идея...

Она опустила глаза. Было похоже, что она не может решить, посвящать ли Андрея в свои планы.

— Ладно, пойдем.

Они поднялись по лестнице на второй этаж — туда, где располагалась ее уютная комнатка, на три четверти наполненная мягкими игрушками. Комната семнадцатилетней девушки, никак не желавшей расставаться с детством. «Папочка не против»,— с ухмылкой подумал Андрей. Ему на той неделе исполнилось девятнадцать. Слева у стены располагались трюмо с большим зеркалом и вещевой шкаф. В углу, у окна, стоял компьютерный столик, на нем мягко светился монитор. Андрей удивился, насколько не к месту смотрелся этот атрибут двадцать первого века здесь, в деревне. Словно писсуар в будуре. Вдобавок ко всему очень неприятно гудел куллер, создавая впечатление, что системник силился взлететь.

Наташа принялась копаться в ящике трюмо: «Да черт, где же они...», после чего извлекла оттуда две свечки. Взяв их, она направилась к компьютерному столику. Положила свечки. Сняла с монитора веб-камеру — еще одна игрушка, присланная родителями из Пекина, где они пропадали на заработках. Отличный способ откупиться от дочери — прислать ей веб-камеру. «Ах да, дорогой, мы же сослали ее к бабушке, в деревню, где Интернетом и не пахнет».— «Ничего, дорогая, она что-нибудь придумает».

Наташа установила камеру таким образом, чтобы та смотрела в монитор, подключила. Дважды хлопнув в ладоши (ничто так не заменит родителей, как лампа со звуковым сенсором!), погасила свет.

— Что скажешь? — Она уже устанавливала свечи, хотя и без них было в достаточной мере жутковато. Это был тот же зеркальный коридор, только в данной вариации он больше походил на темный лаз. Темный, глубокий лаз. От него трудно было оторвать взгляд, он зачаровывал. Казалось, лишь отведи глаза — и непременно пропустишь что-то...

— Ну так как? — повторила Наташа. — Похоже на то, — он усилием воли перевел взгляд, — что у кого-то слишком много свободного времени.

— А теперь иди.

— Что?

— Иди, я должна находиться одна. Или ты хочешь увидеть моего суженого? — улыбнулась она; теперь в личности избранного суженого можно было не сомневаться. Но Андрея это сейчас волновало меньше всего. Ему отчаянно не хотелось оставлять ее одну наедине с этой... дырой.

— Может... не нужно? — Он тщетно силился найти какие-то разумные доводы.

— Сегодня святки, и я буду гадать. — Взяв его за локоть, Наташа буквально тащила Андрея к двери. — Я буду делать это так, как мне вздумается. А если будешь мешать, то превращу тебя в жабу. Пойди, покури.

И дверь разделила их.

Андрей вышел во двор. Морозный воздух обжег ноздри, вихрь снежинок щекотнул по лицу. Он достал из кармана пачку «Честерфилда», щелчком по дну выбил сигарету. Подкурил. Принялся вертеть пачку в руках, прочел: Б «КУРИЛЬЩИКИ УМИРАЮТ РАНО». Надпись занимала добрую треть пачки. Андрей поморщился. Какого хрена, подумал он. Почему не: «Берегите свое здоровье» или, допустим: К «Задумайся, а нужно ли это тебе?» Но нет же: «Курильщики умирают рано». Как приговор. Курить ты не бросишь, но, попаввшись не вовремя на глаза, эта дрянь может изрядно подпортировать нестроение. Как надпись в метро «Выхода нет».

Андрей сплюнул на землю. Написали бы сразу: «Найдем и перестреляем вас, сукины дети! — Минздрав».

Куртка осталась в прихожей, ничто не мешало холодному ветру продувать свитер насеквозд. «Пусть себе гадает, если ей так хочется. Я веду себя глупо», — подумал он. Ветер, слизнув с сигареты пепел, принялся катить его по снежной насыпи. Как говорится: «Иногда ответить на прямой вопрос: „Ты что, дурак?“ мешает только то, что уже дан правильный ответ...»

За спиной что-то хлопнуло, заставив Андрея вздрогнуть. От неожиданности он выронил сигарету.

— Твою мать! Что за черт...

Хлопок раздался вновь. Нет, не хлопок, скорее приглушенный удар. Что-то билось о дверь с другой стороны. Он покосился на нее с удивлением и недовольством. «Ну что там еще, — говорил его взгляд. — От тебя-то я не ожидал неприятностей». Он шагнул назад и открыл дверь.

На ковре сидел домашний любимец, сфинкс Пушистик. Глаза Пушистика были затуманены, казалось, он пытается прийти в себя. Из маленькой, четко очерченной розовой ноздри метнулась красная струйка, быстро впиталась в ворс ковра, оставив пятно размером с пятак.

— Э, приятель, да ты совсем плох... — Андрей протянул руки к ошалевшему животному. Пушистик жалобно мяукнул, затем совершил нечто, совсем не свойственное кошкам. Он затравленно оглянулся. Так оглянуться на зов злого хозяина могла бы побитая собака. Андрей проследил его взгляд. Полутемная лестница на второй этаж. Может, он упал с нее? Скатился кубарем прямо на ковер... Эти выведенные породы абсолютно не приспособлены к жизни. Андрей слышал про собаку породы чихуахуа, жившую в коробке из-под обуви. Как-то раз, вылезая из нее, она споткнулась о бортик и сломала шею...

Коту все же удалось сфокусировать взгляд на двери, он подскочил с места и ринулся к ней. Но промазал и,

с силой врезавшись в дверной косяк, беспомощно растянулся на полу. «Словно кто-то бросил резинового цыпленка,— пронеслось в голове Андрея.— Господи, это животное билось головой о двери. С разбегу билось.— И еще: — Возможно, я сплю».

Пушистик не сдавался. Ему удалось подняться, пошатываясь из стороны в сторону, миновать порог и скрыться в темноте. Без малейших колебаний, хотя раньше его из дома было не выгнать.

Андрей какое-то время глядел ему вслед, а потом закрыл двери. Звать не имело смысла. Как гласит древняя пословица, если твоя лысая кошка бьется головой о дверь, стремясь проложить путь наружу, хрина с два тебе так легко удастся заманить ее обратно.

Что он мог сказать Наташе: «Любимая, твой питомец только что бился головой о косяк, пока из глаз его не полетели искры. Во избежание возгорания я выпустил его на улицу, где он может запросто отморозить свой лысый...»?

Додумать ему не дали — что-то грохнуло наверху.

«Твою мать.— Андрей начинал злиться.— Она там что, на метле летает?» Он стал подниматься по лестнице. Под его ногой противно скрипнула ступенька. Она всегда скрипела, но Андрей намеренно продолжал наступать на нее. Тут уж только два варианта — то ли ты, то ли тебя. Именно так он потом говорил Кириллу Анатольевичу, искренне удивляясь, как тот, имея за спиной двадцать лет практики в области психиатрии, не в силах уяснить такой простой истины. То ли ты, то ли тебя.

Андрей толкнул дверь и замер. Комната была пуста.

По-прежнему мягко светился монитор. Лишь свечи больше не горели, и стул у компьютерного столика лежал на боку. «Неужели он мог наделать столько шума?»

Но было что-то еще. Отличие, неуловимое сразу. Оно некоторое время балансировало на кромке сознания, как слово, не желавшее слетать с языка. Что было не так, Андрей понял чуть позже и был готов отдать

многое, чтобы обойтись без этого знания. Именно так он и сказал доктору, обладателю жиidenькой бородки и тихого, успокаивающего голоса.

Оставался только шкаф. Ну конечно! Она в шкафу. Где же ей быть еще? В этой комнате просто негде больше спрятаться. Андрей посмотрел на шкаф. Тот всем своим видом опровергал эту мысль. Нет, при желании она, конечно, могла втиснуться в боковое отделение, только возникал резонный вопрос: зачем бы ей это делать?

Андрею стало страшно. Злость отодвинулась на второй план, придавая страху странный экзотический привкус. Ему захотелось поднять стул. Нет, не так,— доктор молча кивал головой, его глаза лучились добротой и пониманием — ему показалось жизненно важным поднять этот гребаный стул, словно это могло каким-то образом расставить все по местам. Он нагнулся за стулом и понял, что было не так. Куллер больше не жужжал.

Странно — при нагревании он сильнее заводился и к этому времени должен был гудеть, как сраный Боинг 747. Но было тихо. Он взглянул на системник и уронил стул, который начал было поднимать. Тот упал обратно с чвякающим звуком, с каким и должен был упасть в лужу крови. Незамеченная Андреем в полутьме, она занимала почти треть комнаты. Кровь хлестала из системника — и не смотрите на меня так, доктор, я знаю, о чем говорю. Андрей схватился за край стола, приблизив свое лицо к лицу доктора. Заглянул ему в глаза:

— Вы верите мне?

Вместо ответа тот молча кивнул. Его лицо ничего не выражало, только глаза были добрыми и понимающими. И зрачки... по какой-то причине они пугали Андрея. С недавнего времени он стал уделять большее внимание глазам. Он понял, что зрачки человека не плоские, они глубокие и идут гораздо глубже внутрь, чем принято считать. Они...

Стул лежал в луже крови. Андрей стоял над ним и смотрел в монитор. Камера по-прежнему была направлена в него, образуя длинный темный лаз.

Что-то двигалось там, в конце коридора.

Нет, не просто двигалось, оно стремительно приближалось, слегка подпрыгивая, словно каждый новый проход являлся чем-то вроде порога, о который можно было зацепиться и разбить... что? Голову? Андрей не знал, была ли у этого голова.

Он попятился назад и только теперь заметил еще одну деталь, упущенную им вначале. «Откровенно говоря, хреново, доктор Ватсон», — отстраненно подумал он. Весь компьютерный столик был усеян темно-бордовыми каплями. Они казались почти черными в полутьме, но Андрей был готов побиться об заклад, что они именно темно-бордовые.

Его любимый персонаж «CSI», криминалист Гриссом, наверняка назвал бы эти капли «гравитационными брызгами». После чего бы непременно взялся рукой за подбородок. Ни первого, ни второго Андрей делать не собирался, его внимание привлекла еще одна страшная деталь. У самой веб-камеры лежали две чешуйки. В том, что это ногти, можно было не сомневаться.

Доктор продолжал кивать, он читал дело. Два ногтя и прядь волос — все, что удалось обнаружить.

— Словно ее кинули в мясорубку, — продолжал Андрей. По его щекам теперь катились крупные слезы. Доктор счел нужным сделать санитарам знак, чтобы они были начеку. — Ее ногти!!! Вы понимаете, о чем я tolkую?!

Фигура приближалась. Рывками, подрагивая, словно не вполне материальная. Теперь можно было рассмотреть детали, которые Андрей предпочел бы не рассматривать. Удлиненные, но, несомненно, человеческие конечности, узкий безгубый рот. И глазницы, пустые глазницы, при виде которых отчаянно хотелось начать биться головой об стену, пока твое «я» не

расплескалось бы по этим чудесным обоям в розовых тонах. В момент, когда между ним и тварью остался последний барьер — стекло монитора, Андрей вышел из оцепенения. Он схватил веб-камеру и что есть мочи рванул ее на себя. Она подалась как-то слишком легко. Невероятно легко, словно не имела ничего общего с парой ногтей и лужей темной густой крови, дико смотрящейся в этой аккуратной уютной комнатке.

Несколько бесконечных секунд изображение оставалось на экране. Бездонные дыры глазниц внимательно изучали Андрея. Запоминали? О, он был уверен в этом. «Нам еще предстоит встретиться,— словно говорили они,— и мы оба знаем об этом». После чего изображение пропало. Появилась фотография Пушистика, всегда украшавшая Наташин рабочий стол. «Тут он выглядит гораздо лучше», — как-то вяло подумал Андрей.

Теперь, когда в комнате стало светлее, можно было не гадать о цвете гравитационных брызг, окруживших монитор узором, напоминающим распахнутый веер. Андрей понял, что дрожит всем телом. Попытался справиться с собой — не вышло. Веб-камера висела в его руке подобно трупу животного. Ее кабель, слегка покачиваясь, лениво вырисовывал узоры в темной луже на полу. Они, впрочем, сразу же исчезали. Не отдавая себе отчета в собственных действиях, Андрей повернул камеру к себе, заглянул в глубь темного объектива и закричал.

Он продолжал кричать, когда два санитара тащили его к палате под пристальными взглядами камер наблюдения. И доктору, оставшемуся в кабинете потирать затертую очками переносицу, было не понять, что количество глаз, следивших за ним, было больше, чем могло показаться.

Парfenов М. С.

СВОЕ МЕСТО

Петр сел за письменный стол напротив решетки. Разложив позаимствованные у следователя документы, бросил взгляд на круглое лицо настенных часов. Времени в запасе не так уж и много.

Тусклый свет грязной настольной лампы оставлял большую часть помещения погруженной в сумрак, в том числе и камеру. Та предназначалась для бесед с ЗК и допросов и представляла собой, по сути, обыкновенную клетку. Как в зверинце. Там, в темноте и сырости, за бурями от ржавчины прутьями сгорбилась на привинченной к полу скамье молчаливая фигура. Черная и плоская, как персонаж театра теней.

— Итак, Савелий,— Петр взял карандаш,— с чего мы начнем?

— О... — донеслось из темноты, но сама фигура при этом даже не шелохнулась.— Добрый день, гражданин писатель. Как нынче погодка?

Петр знал: это игра. Он уже много раз становился невольным участником *таких незамысловатых* развлечений. Милые шалости смертников. Когда приходишь к ним со своим предложением, социопаты, садисты всех мастей частенько начинают строить из себя все-ведущих ганнибалов. Каждый стремится показать себя этаким мессией, ветхозаветным мудрецом, познавшим все тайны сущего. Иные поначалу отказывались от беседы, но лишь для того, чтобы потом как бы сделать

одолжение ненавистному миру. Кто-то смиренно замечал, что совершенно раскаялся. Мол, жаждет как можно скорее покинуть юдоль земную и не желает ворошить кровавое прошлое. Но во время разговора, когда беседа начинала по-настоящему увлекать «раскашившегося» смертника... Ах, как же загорались тогда их глаза! Ах, как же все они смаковали воспоминания! Выуживали из подвалов памяти хранящиеся под замком и в строжайшем секрете детали, самые сладостные мгновения... И почти всегда настаивали на собственной исключительности, едва ли не избранности. Вели себя, словно отмеченные печатью высшего знания, которого у них никогда не было; уж кто-кто, а Петр это знал лучше всех.

— Погодка ничего,— сказал он.— Весенняя.

Тень за решеткой удовлетворенно кивнула. Это было ее первое движение с того момента, как Петр вошел в помещение.

— Весна, хорошо. Цикл Природы. Сначала умирает, потом возрождается. Жизнь течет своим чередом.

— Не для вас,— заметил Петр осторожно.

Провоцируя собеседника, главное — не переборщить. А то ведь все пойдет наスマрку. Пару лет назад у него уже был такой неприятный случай: педофил и убийца оскорбился и вообще отказался от разговора. Правда, как подозревал Петр, маньяку просто нечего было рассказывать. Кое-что в деле намекало на это. В отличие от дела Савелия, вина которого была доказана в свое время более чем убедительно.

— Я не боюсь смерти. В каком-то смысле я и есть смерть, почему же я должен ее бояться? Знаю, мне немного осталось, сегодня или завтра это случится. И что? Все ведь когда-то умирают.

Многих тянет пофилософствовать. Подавленный комплекс вины обходится, как неприятное препятствие, за счет общих категорий, оправдание можно найти и в законах мироздания, и в знаках высшей силы.

Все это Петр слышал не раз, и посвященная псевдо-философским оправданиям глава будущей книги уже была набрана, отредактирована и сохранена на нескольких дискетах. Дебри подсознания ни его самого, ни читателей уже давно не интересовали. Мясо. Кровь. Безумие. Вот что нужно толпе. А уходящего времени жалко.

— Кому-то срок жизни сократили вы, Савелий.— Он посмотрел в дело и подвинул диктофон ближе к решетке.— Например, этой школьнице... Яне.

— Да! — Монстр в камере оживился. В голосе послышалось воодушевление.— У нее еще фамилия такая смешная была...

— Адамукайте.

— Точно... Красивая, стройная, длинноногая. Настоящая фотомодель... А щечки? Вы видели ее щечки, господин писатель? Вот о чем писать надо! Воспевать в стихах и в прозе... Пухленькие, розовые, как у младенца. Я вырезал их столовым ножом и засушил, как гербарий, на память.

Диктофон работал. Петр начал рисовать на полях уголовного дела гробик с крестиком на крышке.

— Еще я поиграл с ее левой грудью,— хихикнула тень.— Понимаете, левая, там, где сердце. У нее были хорошие груди, большие для ее возраста, не детские. А сердце маленькое и совсем невкусное.

— Вы ведь специализировались не только на девушках.

— Нет, что вы, гражданин писатель! Я не из этих.

Раздался звук плевка, вязкий мокротный сгусток прилип к пруту решетки. «Метко»,— подумал Петр.

— Я не тронул ни одну из них, ни до, ни после. Мне просто... нравится убивать. Всегда нравилось, с детства. Знаете, первые опыты на кошках... Это ведь как наркотик. Как власть. Только это больше чем, скажем, власть политическая. Я дарил смерть и забирал жизнь. И всегда хочется большего. Я хотел быть Жнецом.

Уже интересно. Оригинальнее, чем попытки некоторых самооправдаться, назвавшихся «санитаром рода

человеческого». Или бредовые рассказы о том, что жертвы, дескать, сами их соблазняли, распущеные и уродливые, портящие своим существованием безупречную картину мира.

— Я подобен мифу, образно говоря. Знаете, есть нити жизни, судьбы, и три сестры-богини заведуют ими. Одна плетет, другая еще что-то там делает... третья в нужный момент обрубает. Вот и я. У меня нет пола. Я — Парка. Я приходил, когда хотел, к тем, к кому хотел, и обрезал своим ножом нить их жизни. Тот мальчик, помните?

— Максимов?

— О да! Я выколол ему глаза и обрезал пальцы на руках и ногах, а вокруг головы обмотал шнурки от кроссовок. Не зря... Это был символ! Нити, нити судьбы, вот что это было. Говорят, еще и язык откусил. Может быть, не помню. Просто поцеловал на прощанье, перед тем как отправить в лучший из миров.

— Вы ощущали, что несете какую-то Миссию?

— Вряд ли у кого-нибудь из нас она в самом деле имеется.— По интонации было ясно, что человек за решеткой улыбнулся.— Нет, я делал все сам, без всяких там указаний свыше и голосов из телевизора. Что здесь такого? Разве вам никогда не приходила в голову мысль, что ваш якобы нормальный мир, с его моральными устоями, с точки зрения безумца, выглядит абсолютно ненормальным? Мне просто нравится, нравится мучить и убивать. Как и всем, кто мучает и убивает. Как и всем... Все остальное: божья воля, происки сатаны, козни инопланетян и тому подобное — идиотские домыслы. Выдумки тех, кто недостаточно смел, чтобы признать ответственность за совершенное.

Петр мельком глянул в справки.

— Но на суде вы настаивали, что вас что-то подвигло к... к тому, что вы совершили. Сухой смешок из темноты:

— И что? Я не хотел торчать тут и ждать, когда же явятся за мной ребята с ружьями. Или как это тут делается — повешение, расстрел, смертельная инъекция? Неизвестность

мучает... Гораздо удобнее отсидеться в клинике, потом выйти на свободу, переждать некоторое время и снова заняться тем, что нравится делать. Поэтому там, на суде, я лгал. Мне не поверили. А может, врачи просто слишком по-человечески отнеслись к своим обязанностям и решили, что так будет лучше для всех. Как думаете? Их можно понять. Вот вы бы на их месте как поступили?

— Не знаю. Я не был на их месте.

— Брось, Петруша! Не делай вид, что совершенно лишен воображения! Ты же у нас писатель, хоть и документалист... Впрочем, считай, я тебе подкинул идею для первого художественного произведения. Разве не интересно поставить себя на место человека, оказавшегося перед подобным моральным выбором? Признать сумасшедшего сумасшедшим и позволить ему жить, существовать, оставить надежду на освобождение. Или же предать убийцу правосудию и обречь на ожидание неминуемой казни?

— Интересно. Но вы-то не сумасшедший, и сами это признаете.

— Теперь да. Мои апелляции не были приняты во внимание. Адвокат и прокурор — лучшие друзья, а может, даже любовники. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит. Мне было смешно слушать весь этот бред. Какие-то свидетели, мамы, сестры... Как они кричали и плакали, пытаясь разжалобить присяжных! И те, разумеется, поддались. На суде я сидел и улыбался, глядя на весь этот нелепый спектакль. Но, несмотря на молчание, именно я оставался главным действующим лицом на сцене.

Лязгнул замок. В комнату заглянул молодой надзиратель, со значением кивнул на часы. Петр дал знак, что понял намек, и дверь закрылась.

— У нас мало времени, Савелий. Скоро вас поведут обратно в камеру.

— Вам интересно, что я там буду делать? Буду ли я ласкать себя на койке, представляя, как вспарываю ваше брюшко?

Петр фыркнул.

— Нет, если честно, совсем не интересно. Все равно ведь вы этого не сделаете. Вы не из таких. Более утонченная натура.

— Что тогда? Хотите, чтобы я оставил маленькое послание миру в лице ваших читателей?

Писатель задумался.

— Пожалуй, это мысль.— Он пододвинул диктофон еще чуть ближе к решетке.— Надеюсь, вы сообщите им нечто... значительное.

— Никак иначе.— Существо в камере наклонилось к разделяющей их ограде. Свет лампы упал на бритый череп, отразился в блеклых маловыразительных глазах, зрачки которых вспыхнули на мгновение желтым светом, будто мертвые огоньки.

— Вам снились когда-нибудь кошмары? — вкрадчиво прошептал Савелий.— Мне — да. Особенно часто в детстве, как и всем, наверное. По крайней мере, когда я спрашивал у своих знакомых: Адамукайте, Максимова и прочих — они обычно отвечали утвердительно. Ну, пока им было, чем отвечать... Я начинал с малого: воробыи, голуби, другие мелкие твари... Мне было приятно рассматривать, что у них внутри. Потом были кошки. Но с возрастом аппетиты росли, и я не смог во время остановиться. И вот теперь я говорю вам, я спрашиваю: чем ВЫ отличаетесь от меня? На самом деле?! Разве вам никогда не хотелось сделать то, что сделал я? И разве не останавливал вас страх? Этот липкий, неприятный, стесняющий вас страх? Мелочная боязнь потерять работу, друзей, семью, стать изгоем в обществе... Так чем же ВЫ лучше меня? Я — свободен, даже сидя в камере. Даже умирая. А вы все — рабы, рабы общества вместе с его дешевой рабской свободой!

Безумец задохнулся в экстазе, оскалив зубы, как бешеный зверь. Руки крепко-накрепко перехватили прутья решетки и тряхнули их с такой силой, что Петр невольно отшатнулся. Неожиданно Савелий сник, хватка

его ослабла, а затем сам он медленно отошел назад, чтобы вновь слиться с тенью.

— Все... — прошептал убийца несколько удрученно.— Хорошая глава получится.

— Это точно.— Петр медленно протянул руку и взял диктофон. Выключив его, подобрал с пола кейс и начал неспешно складывать туда бумаги и принадлежности, разложенные на столе.

Пока он был занят бумагами, в комнату зашли двое в форме. Со всеми предосторожностями открыли камеру, заставили осужденного встать на колени и сложить руки за спиной, сковали. Один мужчина пошел впереди, другой позади Савелия. У выхода молодой надзиратель обернулся к Петру:

— Вы идете, гражданин писатель? Мне еще двери закрывать.

Петр кивнул, извиняясь.

Выйдя, он проследовал за первым надзирателем, который вел сгорбившегося Савелия по тускло освещенному коридору от одной решетчатой перегородки к другой. Смертник тащился, вяло реагируя на приказания пошевеливаться, не оглядываясь по сторонам, словно на его плечах висел груз неимоверной тяжести. В одном из глухих поворотов, когда охранник сказал Савелию встать лицом к стене и тот выполнил приказ, Петр догнал их, достал из кармана куртки пистолет и выстрелил в затылок маньяку. Надзиратель отвернулся, а палач еще дважды нажал на курок. Чтобы наверняка.

...Давно это было. Петр нажал кнопку, останавливая плеер, и снял наушники. Сколько лет прошло с того дня, когда отменили смертную казнь? Точно уже и не скажешь. Память старика, а он осознавал свои годы, слаба, выборочна. Савушка и другие давным-давно уже скнили в своих безымянных могилах, их плоть и кровь напитала травы и деревья.

Цикл природы. Жизнь продолжается. А у него осталась лишь коллекция кассет да старенький плеер,

чтобы время от времени оживлять любимые из воспоминаний. Можно было бы, конечно, почитать одну из книг, которые он сам же и писал. Но его книги, даже лучшие из них, те, что разошлись миллионными тиражами, все наполнены ложью и недомолвками. Читатель не ведал, откуда в книгах материал. Читатель не знал, кем работает автор. Читателя было весело обманывать, так же весело, как и играть с теми, у кого он брал предсмертные интервью. Савелий мнил себя Жнецом, а Жнец сидел напротив. Савелий думал, что это он развлекается, смеется над собеседником, а все было наоборот.

В молодости это доставляло Петру известное удовлетворение. Ведь всякий раз, когда он брал в руку перо (карандаш, ручку – неважно), когда описывал на бумаге свои беседы с людьми из камеры смертников, его воспоминания вставали перед ним живой и яркой картиной. Сейчас, после многих лет без работы, они померкли и стерлись из памяти. Но зато с ним оставались голоса...

Даже теперь, спустя многие годы, голоса действовали безотказно: члены его дрожали, дыхание учащалось, внизу живота становилось горячо и приятно. Старик стонал от наслаждения, запервшись в комнате, чтобы старуха и внуки не услышали. Бился в конвульсиях, раз за разом переживая сладостные моменты: тьма, выстрел, брызги на стенах, теплая плоть, мертвая плоть...

Живые мертвецы говорили с ним в наушниках – визжали, ревели, стенали, хвастались, угрожали, смеялись, плакали, кричали, шептали, мечтали. Доверяли ему сокровенные мысли, идеи, последние предсмертные послания, последние мгновения своих жизней. Рассказывали о детскихочных кошмарах...

И Петр наслаждался. Всякий раз, когда приходило и охватывало все его существо Понимание, Понимание с большой буквы: он – лучший. Он могущественнее их всех, он сильнее всего мира. Он – лучшая Парка. Он

отнимал жизни и рассказывал о своих жертвах, не боясь наказания. Он сделал на них миллионы, обеспечив себя и свою семью. Он нашел свое место в обществе, и общество принимало его таким, какой он есть.

И старик совсем не боялся смерти, того мгновения, когда Жнец Жнецов коснется его невидимой рукой. Петр был готов пожать эту руку.

А кошмары...

Кошмары ему никогда не снились.

Вадим Волобуев

БУРЯ

Шторм бушевал весь день. Пронизывающий ветер швырял на заросший папоротником берег ледяные волны, злобно трепал траву на горном склоне, ревел в черном поднебесье. Океан выбрасывал на раскисшую почву водоросли, ракушки и мелкую живность, уносил потоки грязи и вырванные с корнем растения.

Очередная волна, склынув, оставила на размытом и скользком берегу двоих — мужчину и женщину. Мужчина медленно поднял из склизкой жижки чумазое лицо, заморгал, поводил туда-сюда головой. Осторожно отпустив ярко-красный спасательный круг, он перевернулся на спину и подтянул к себе колени. Прибой ударили его в грудь, потащил обратно в море, но мужчина судорожным движением успел схватиться одной рукой за распластанные по земле папоротники, а другой — за круг. Дождавшись, пока волна отступит, он встал на колени, подхватил свою спутницу под мышки и поволок ее прочь от берега. Оттащив женщину на полсотни метров в глубь острова, наклонился к ней, поцеловал в губы. Та вяло пошевелила руками, закашлялась и открыла глаза.

— Мы на земле! — прокричал ей мужчина, перекрывая шум ветра.— Ты можешь идти?

Женщина что-то ответила, ее слова унес шторм.

— Что? — Мужчина наклонил к ней ухо.

Прикрыв глаза, женщина медленно кивнула.

Повсюду колыхалась трава. Ни бугорка, ни выемки, ни малюсенького деревца вокруг. Но выше по склону — о счастье! — обнаружилась неглубокая пещера. Не пещера даже — выемка, пробитая столетиями бурь и штормов. Поддерживая друг друга, спасённые вскарабкались на косогор, вползли на четвереньках в укрытие и рухнули без сил. Спустя мгновение оба уже спали, не замечая рокотавшего за каменными сводами тайфуна.

Первой проснулась женщина. Открыв глаза, она поспешила выбраться из холодной пещеры на свежий воздух — благо штурм уже закончился, и теперь остров заливало ласковое полинезийское солнце. Тело, прородившее до костей, согревалось медленно, женщина замерла, усевшись на подсохшую траву и прикрыв от удовольствия глаза. Короткие мокрые волосы холодком овеяли шею, слабый ветерок гладил влажную грязную футболку. Спустя короткое время женщина подняла веки и едва не вскрикнула от изумления. Вдоль кромки океана, проваливаясь по колена в нагромождения водорослей, брело двуногое существо, похожее на уродливую безволосую обезьяну. Правая нога существа была вывернута под углом девяносто градусов, левая искривлена ракитом; мясистое несусальное тело колыхалось при каждом движении, нелепая бесформенная голова с прядями длинных черных волос глубоко сидела меж массивных плечей. На чреслах болталаась бесцветная тряпица, спускавшаяся до колен. Уродец то и дело нагибался, подбирав что-то с земли и кидая в грубо сделанную корзину, болтавшуюся в недвижимо вытянутой правой руке, больше напоминавшей двупалую клешню. В какой-то момент существо повернуло к женщине лицо, и та взвизгнула от ужаса. Более кошмарного создания она еще не видела. Глаза монстра терялись под огромным выпуклым лбом, левая часть головы была покрыта огромными наростами, скрывавшими один глаз, а правая хотя и походила отдалённо на человеческую, но

была так чудовищно искажена, словно была сделана из пластилина, растаявшего под солнцем. Женщина не выдержала и метнулась в пещеру.

— Коля, вставай,— затрясла она за плечо спавшего товарища.— Там... там...

— Что случилось? — вскинулся тот, ошело озираясь.

— Ужас...

— Что такое?

— Чудовище.

— Чудовище? — Мужчина нахмурился, потер глаза, зябко повел плечами.

Он осторожно выглянул из пещеры, покрутил головой. Спутница пряталась за его спиной.

— Ты видишь его?

— Нет.

Женщина высунула голову из-за его плеча, вышла на солнце. Берег был пуст, лишь птицы деловито бродили по гниющим останкам морской флоры и фауны, выклевывая пищу.

— Не знаю.— Она растерянно развела руками.— Мне показалось, там кто-то шел... кто-то очень страшный... отвратительного вида...

— Ночной кошмар,— предположил мужчина.

— Нет, это что-то иное...

Мужчина тоже выбрался из пещеры, потянулся, зевая.

— Не бери в голову. Посмотри, как здесь хорошо. Райское место! Нам повезло, что мы попали сюда.

Его била мелкая дрожь, но не от страха, а от холода, который впитался под кожу и не хотел уходить. Влажная гавайская рубашка, налипшая на тело, была вся измазана в глине и траве.

— Может, снимем шорты? — предложил он.— Они слишком медленно сохнут.

— Ни за что! А вдруг здесь кто-нибудь есть?

— Это — необитаемый остров.

— Откуда ты знаешь?

— Все острова в округе необитаемые.

— А если сюда кто-нибудь причалил? Хороша же я буду в одних трусах!

Мужчина засмеялся.

— Думаю, здешним жителям к такому не привыкать.

— Вот уж нет!

— Ну хорошо. Тогда давай узнаем, куда нас занесло.

— Как мы это сделаем? — спросила женщина.

— Поднимемся на вершину горы.

— Уверена, там полно колючек и каменной крошки.

Без обуви мы далеко не уйдем.

Мужчина наклонил голову, посмотрел на ступню и пожал плечами.

— Другого выхода у нас нет.

— Я туда не пойду.

— Ладно, тогда я сам схожу. А ты жди здесь.

— Оставишь меня одну?

— А чего тебе бояться? Это крохотный островок, здесь нет крупных хищников. Самое большее — мыши и маленькие свинки.

— Все равно... Мы не знаем, что здесь водится.

Мужчина ухмыльнулся.

— Никак не можешь забыть своего призрака?

Он хотел пошутить, но женщине было не до шуток.

— Если бы ты видел его, — прошептала она. — Если бы ты только его видел...

Наконец, он все же уломал подругу, и они направились вверх по склону.

Поход, как и предсказывала женщина, получился тяжелым. Не привыкшие ходить босиком, они быстро искололи себе ноги о торчавшие из земли камешки и острую траву. Женщина бурчала:

— Говорила я тебе, нечего соваться в море. Сезон дождей — не шутка. Приспичило, теперь вот расхлебывай. Приключений ему захотелось...

Мужчина сначала молчал, потом начал огрызаться. Когда они взобрались на вершину, тошли уже порознь

и старались не смотреть друг на друга. Мужчина окинул взором окрестности и глубоко вздохнул:

— Н-да.

Островок имел вытянутую с востока на запад форму; четко посередине его пересекал продолговатый холм. В высоту холм едва ли достигал пятидесяти метров, в длину же был километра два, круто обрушиваясь прямо в морской прибой с восточной и западной оконечностей островка. Северная часть — та, куда бурей выбросило людей,— была покрыта лугами, а южная радовала глаз густым тропическим лесом. Судя по обилию птиц, где-то в зарослях журчали ручьи, а может быть, текли маленькие речушки.

— Ну что? — обернулся мужчина к своей спутнице.— Двинули вниз? — Он кивнул на чашу.

— Погоди, — женщина поморщилась, — дай отдохнуть.

Она присела на теплую, нагретую солнцем траву, вытянула израненные ноги.

— Как же хочется есть! Робинзоны чертобы. Ну вот что мы теперь будем делать?

Заросли папоротников на склоне внезапно раздвинулись, и из них вышел пожилой краснорожий бородач в сопровождении смуглой молодой женщины с растрепанными выгоревшими волосами до пояса. На мужчине была белая залатанная в нескольких местах рубаха и холщовые штаны, на женщине — старое платье желтого цвета, едва прикрывавшее колени. Платье было порвано в нескольких местах, но женщину это, как видно, нисколько не беспокоило. Разбитые сандалии туземцев шуршали порванными подмётками. Бородач остановился и поднял руку в знак приветствия.

— Здравствуйте, — сказал он по-французски. Улыбнулся щербатым ртом и добавил по-английски: — Добрый день.

— Здравствуйте, — медленно ответил по-французски мужчина.

— Меня зовут Проспер. А это — моя дочь Афродита.

— А мое имя — Николай,— оживился мужчина.— Это — моя жена Светлана,— он махнул в сторону настороженно застывшей спутницы.

— Прекрасно! — воскликнул бородач.— Николай и Светлана. Вы из России?

— Да. Археологи. Попали в бурю и вот оказались на вашем замечательном острове...

— Должен заметить, вы прекрасно говорите по-французски.

— Странно было бы плыть во Французскую Полинезию, не зная здешнего языка.

— Вы правы. Но все равно ваш французский безупречен.

Проспер помолчал, созерцая своих гостей. Потом сказал:

— Вы, наверное, проголодались и хотите пить?

Николай переглянулся с супругой.

— Признаться, да.

— Мне будет приятно угостить пришельцев из далекой страны. Прошу вас, следуйте за мной.

Он развернулся и, поманив за собой русских, исчез в зарослях. За ним прошлепала и девица, развязно улыбнувшись Николаю.

Гости двинулись было за ними, но уже через несколько шагов повалились на траву. Николай, мыча от боли, выдирал колючки из ступни, Светлана шипела, потирая пятку. Проспер обернулся, сочувственно поджал толстые губы.

— Вам трудно идти? Понимаю. Возьмите мои сандалии.

— А как же вы? — спросил Николай.

— Пустяки. Я привык бродить босиком.

Археолог бодро напялил его обувь, взял жену на руки и понес ее через джунгли.

— Простите, что не предложил обуться и вашей супруге, — пророкотал француз.— Но у моей дочери не столь грубая кожа, как у меня...

— Мы и так благодарны вам,— пропыхтел Николай.
Вдруг Светлана взвизгнула и спрыгнула на землю.
— Опять он! — верещала она.

— Кто?

Муж поводил глазами и оторопел: сквозь заросли папоротника, скрытая тенью пальмовых листьев, на него взирала такая жуткая морда, какая не могла присниться ни в одном страшном сне. Огромный выпяченный подбородок, губчатые складки кожи, закрывающие правый глаз, уродливые нарости на щеках, а вместо носа — какая-то тряпица. Видение это длилось всего миг, затем Проспер рявкнул:

— Пошел прочь! Чтоб я тебя не видел, негодяй.

И чудовищная морда исчезла.

— Г-господи, кто это? — пролепетал Николай.

— Всего лишь мой сын,— скорбно произнес Проспер.— Мой несчастный отверженный сын.

— Что с ним случилось? Он болен?

— Ужасная неизлечимая болезнь, из-за которой мы вынуждены были покинуть отчий дом и перебраться сюда, подальше от любопытных глаз. Не бойтесь его, он совершенно безобиден. Ему сейчас восемнадцать лет, но по уровню развития он остался глубоко в детстве. Это счастье для него, ведь в противном случае он бы мучился осознанием своего уродства.

— И давно вы здесь живете? — спросил Николай, содрогнувшись.

— Шестой год,— ответил Проспер.

Его дочь неотрывно плялилась на русского, чуть заметно шевеля губами. Ее беспардонный взгляд начал нервировать обоих супругов. Светлана, поднявшись, спросила:

— Он живет с вами?

— Нет,— ответил Проспер.— В другой пещере.

— Так значит, вы живете в пещере!

— Конечно. Самое подходящее место. Сухо, тепло и прекрасно защищает от ветра.

— А ваша дочь... Она тоже больна?

Проспер бросил ласковый взгляд на Афродиту, поцеловал ее в щеку.

— Увы, да. У нее тоже отсталость в развитии. Она почти не говорит. Очевидно, какой-то генетический порок, передавшийся обоим детям.

Русские переглянулись. В хорошую же компанию они попали!

— Это мой крест,— развел руками Проспер.— И я вынужден нести его, раз таково желание Господа.

— А ваша жена? — не отставала Светлана.— Она тоже здесь?

— Она скончалась при родах. Мне пришлось выбирать: спасти ее или ребенка. Я выбрал ребенка,— он снова поцеловал девушку в щеку. Та стояла, не шевелясь, неотрывно глазела на Николая. Должно быть, кроме отца, она и не видела мужиков. Археолог посмотрел на жену, подставил руки:

— Ну что, запрыгивай?

— Сама дойду,— буркнула та, отчего-то ожесточившись.

Осторожно вытягивая носок, она двинулась вперед. Проспер одобрительно хмыкнул.

— Я вижу, вы не пасуете перед трудностями. Это хорошо. Пригодится для жизни на острове.

— Не думаю, что мы задержимся здесь надолго,— ответила Светлана.

— Напрасно. Суда здесь проходят редко. Хорошо, если увидите одно в месяц.

— Поэтому вы и выбрали этот остров? — спросил Николай.

— Да.

— Неужели у вас нет даже лодки? А если кто-нибудь заболеет? Как вы попросите о помощи?

— Когда-то у меня был небольшой парусник. На нем я приплыл сюда. Но, увы, он не пережил здешних штормов.

Русские обескураженно переглянулись. Трудно было смириться с мыслью о жизни на богом забытом клочке суши, в компании с уродом и сумасшедшей. Всюду им теперь мерещилась рожа отверженного людьми монстра. И пусть гостеприимный хозяин уверял, что его сын безвреден, чувства подсказывали обратное.

— Вы очень неблагоразумно поступили, выйдя в море,— благодушно гудел бородач, обращаясь к Светлане.— Сезон дождей — не лучшее время для путешествий.

— Я предупреждала об этом мужа, но он мне не поверил.

— К женщинам надо прислушиваться,— наставительно произнес Проспер, оборачиваясь к Николаю.— Их интуиция точнее нашей логики.

— Меня обманули местные матросы,— угрюмо сказал тот, чувствуя укол ревности.— Они сказали, что нам ничего не грозит.

В лесу было душно и жарко. Гудели стрекозы, птицы перепархивали с ветки на ветку, буравя горячий воздух крыльями. В мешанине вздувшихся корней, висящих лиан и раскидистых лопухов ядовито горели большие яркие цветы.

— А куда вы направлялись, прежде чем попасть в шторм? — спросил Проспер.

— В Таиоахэ,— пробурчала Светлана.— Нам нужно было отправить несколько писем на родину.

— В таком случае вас должны скоро найти. Вы ведь предупредили местные власти о своем прибытии?

— В том-то и дело, что нет! Надеюсь все же, матросы как-нибудь сообщат о нас.

— Кстати, где они?

— Если б мы знали! Наше суденышко разломилось пополам от удара волны. Муж едва успел схватить спасательный круг.

— Вам повезло, что вы остались в живых. Здесь не мало акул.

— Светлана прикрыла глаза ладонью и потерла лоб.
Вы встречались с людьми после того, как уединились на этом острове? — спросила она.

— Иногда к нам заплывают туристы. Но это бывает нечасто и всегда случайно.

Лес резко оборвался, и люди оказались на каменистой пустоши, за которой виднелся резкий спуск к морю. Пещера, в которой жил Проспер с дочерью, замыкала восточную оконечность горы; с северной стороны её прикрывал высокий скальный изгиб.

— Прошу прощения за скромность обстановки,— произнёс хозяин, делая приглашающий жест.— Но чем богаты, тем и рады.

— После наших морских приключений мы счастливы иметь хотя бы крышу над головой,— ответила Светлана.

Она ступила под каменные своды, упёрла руки в бока:

— Ну что ж, ничем не хуже нашего полевого лагеря.
Даже лучше. Я гляжу, у вас и спальники имеются.

— Да, ночами здесь холодновато.

Николай ступил в пещеру последним, пропустив вперед Афродиту.

— Да у вас прямо дворец! — подивился он.— Табуреты, столик, одеяла... А там что? — В полутьме он разглядел стопку фолиантов.

Хозяин подступил к нагромождению старых, раздутых от сырости книг.

— Вот это,— показал он на одну из них,— «Город Солнца» Кампанеллы. А это,— поднял он из пыли другую,— «Утопия» Томаса Мора. Здесь у меня есть Платон, Фурье, Сен-Симон, кое-что из Маркса и Энгельса... Как видите, я не такой уж дикарь! — Он хвастливо задрал бороду.

— Удивительно,— вымолвил Николай потрясенно.— Но зачем вам всё это? Вы собираетесь строить идеальное общество?

— Да, была такая мысль. Мне представлялось, что я наслюю эту землю добрыми людьми, и мы создадим не-

что вроде образцового государства. Увы, реалии оказались другими... — Он поджал губы.

— С кем же вы намеревались строить это государство? Здесь никого нет, кроме ваших детей.

— Желающих поселиться на тропическом острове немало! Но они хотели жить как дикие, как животные. Я не мог пойти на это.

Светлана вдруг вскрикнула, и мужчины обернулись.

— О господи,— выдохнула женщина.— Опять он. Я прямо вздрагиваю каждый раз, когда вижу его. Простите, ничего не могу с собой поделать. Мне просто надо привыкнуть...

Хозяин выскочил из пещеры, схватил какую-то палку и исчез за скальным выступом. Оттуда донеслись ругательства и грудные стоны.

— Я тебе говорил не появляться здесь до темноты, скотина? Говорил? Ты чего приперся? Проваливай, мерзавец, не пугай наших гостей.

Мимо пещеры, отмахиваясь левой рукой и припадая на правую ногу, торопливо проковылял урод. За ним, нещадно колотя собственное дитя, прошествовал хозяин острова.

— Не надо его бить, это я виновата,— попросила Светлана.— Мне следовало держать себя в руках.

— Вы ни при чем, мадам,— заверил ее Проспер, возвращаясь.— Я строго-настрого запретил ему появляться здесь до захода солнца. Он нарушил мой приказ и будет наказан.

— Вы уж как-то помягче с ним,— сказал Николай.— Если у него разум двухлетнего ребенка, он не может отвечать за свои поступки.

— Вы правы,— вздохнул Проспер.— Мне стыдно. Понимаете, я связывал со своим первенцем такие надежды... Большими горем было узреть то, что появилось на свет. Мне следует быть сдержаннее. Но за долгие годы я так напустился, что иногда теряю голову.

— Как жестоко обошлась с вами судьба, месье Проспер! — произнесла Светлана.

— Это так. Но не будем унывать. Вы у меня в гостях, и я искренне рад этому, хотя обстоятельства, приведшие вас на этот остров, печальны. Быть может, наша встреча не случайна, и вас послал мне Бог.

— Быть может,— задумчиво кивнула женщина.

Хозяин принял хлопотать над очагом, а его дочь принесла откуда-то садок свежей рыбы. Усевшись возле входа, она сноровисто принялась счищать с нее чешую.

— Я огородил недалеко отсюда маленькую заводь, чтобы держать живых лососей и сайру,— пояснил хозяин.— Еще у меня есть сушеная и копченая треска. Могу наловить раков, набрать устриц на берегу, а в лесу расположены силки для птиц. Ну и пальмы, разумеется, снабжают орехами и кокосовым молоком. Так что на скучность рациона жаловаться не приходится.

— А зверей здесь нет? — спросил Николай.

— С ними туго. Когда я сюда прибыл, здесь водилось несколько свинок. Но мы быстро их съели, так что теперь о мясе остается лишь мечтать.

Хозяин снабдил незадачливых русских сандалиями и кое-какой одеждой, рассказал, где можно найти свежую воду, а от каких мест лучше держаться подальше.

Николай хотел было совершить с женой ознакомительную прогулку по острову, но Проспер удержал их. «Новичкам здесь небезопасно,— сказал он.— Еще проявите в какую-нибудь расселину. К тому же в любой момент может налететь шквал. Завтра я сам покажу вам остров». Ближе к вечеру небо опять затянули низкие черные тучи, поднялся ветер, вдалеке засверкали молнии.

— Как хорошо, что мы послушались Проспера,— разделялась Светлана.— Уж он-то знает причуды местной погоды.

Вскоре зарядил дождь, быстро переросший в лихорадку. В пещере было сухо и тепло, даже штурмовой ветер, поднимавший громадные волны в океане, не долетал сюда, разбиваясь о скальный выступ. Очень уютно было сидеть возле костра, запахнувшись в одеяло.

ло, и слушать, как внизу ревет прибой, а где-то далеко завывает ураган.

Следующим утром почти ничего не напоминало об отгремевшей грозе. Разве что неподсохшие лужи да остатки воды в выгнутых кверху листьях папоротников указывали на то, что ночью лило как из ведра.

Николай проснулся раньше жены. Выйдя из пещеры, он вдохнул дущистый воздух, наполненный свежестью. Посмотрел по сторонам и, не заметив никого, направился к кустам. Хозяева уже куда-то исчезли, так что археолог чувствовал себя достаточно свободно.

Облегчившись, он еще раз глубоко вздохнул и хотел уже вернуться на площадку возле пещеры, как заметил движение в зарослях. Охваченный любопытством, он подался вперед, раздвинул листья и уперся взглядом в Афродиту. Девушка тупо пялилась на него, не двигаясь с места. Они постояли некоторое время, чуть слышно дыша, потом Афродита взяла Николая за руку, потянула его в мокрые дебри. Он пошел за нею, очарованный, полный смутного томления. Поплутав по зарослям и изрядно промочив одежду, девица вывела гостя к краю подмытого снизу холма, где за чередой огромных хвощей обнаружилось относительно сухое местечко, усыпанное корой и опавшими листьями. Медленно опустившись на это «ложе», Афродита потянула за собой Николая. Все происходило как во сне. Странная улыбка француженки и ее молчание вызывали у русского безотчетный ужас, однако соблазн был сильнее, и скоро Николай отдался ей. «Будет о чем рассказать коллегам,— упоенно думал он, елозя по шумно вздыхающей Афродите.— Лишь бы жена не прознала».

Потом он блаженно перевалился на спину и потянулся. Хотелось лежать так и просто смотреть, как листья папоротника купаются в солнечных лучах. Девица поднялась как ни в чем не бывало, посмотрела на него с довольным видом, погладила себя по животу.

— Ням-ням,— произнесли ее улыбающиеся губы.— Ням-ням.

Николай уставился на нее, ничего не понимая. Афродита снова погладила живот:

— Ням-ням.

Шальной ее взгляд и странные слова будто перевернули что-то в Николае. Теперь, когда уже ничего было не изменить, он пожалел, что не устоял перед соблазном. А что, если она расскажет Просперу? Да и жена опять же... Ах, как глупо получилось! Как глупо...

Блаженство его как рукой сняло. Мрачные мысли пошли сплошной чередой, рисуя самые мрачные картины. Николай натянул измазанные землей штаны, сел и понурился. Что теперь делать-то? Надо хоть грязь смыть. Авось пронесет. Он поднял глаза на Афродиту.

— Как выкручиваться будем, подруга?

Та не ответила. Любовно погладив живот, хихикнула и исчезла в зарослях. Николай обреченно схватился за голову. Ясно — пошла докладывать отцу. Теперь уж не отвертеться.

Светлана, проснувшись, тоже первым делом поспешила в заросли. Настроение у нее было хуже некуда. Мало того, что застряла на этом острове, так еще где-то бродил чудовищный сынок хозяина. Наткнешься на такого — инфаркт хватит.

Подумала — и как сглазила. Из кустов на нее уставились чьи-то глаза. Женщина оцепенела от страха. Сердце забилось часто-часто, спина покрылась испариной, а в голове начало складываться какое-то глупое, слышанное в детстве заклинание.

Кусты зашевелились, и навстречу женщине выступил жуткий отпрыск Проспера. Нервы у женщины не выдержали. Сорвавшись с места, она кинулась прочь. Помчалась, не разбирая дороги, не замечая хлещущих по лицу мокрых листьев и веток, не глядя под ноги и даже не оборачиваясь. Светлане хотелось закричать,

но вопль застревал в горле, прорываясь наружу тихим взвизгиванием. Каждое мгновение ей мерещилось, будто урод где-то рядом, вот-вот нападет. Она неслась до тех пор, пока нога не поехала в грязи. С коротким вскриком женщина упала на спину. Сверху посыпались маленькие листья и чешуйки коры. Превозмогая боль, Светлана быстро поднялась и прислушалась. Вокруг стояла тишина, только вдали шумел прибой. Урода видно не было. Светлана глубоко задышала, успокаивая колотившееся сердце, постояла, приходя в себя. Лишь сейчас она поняла, что добежала чуть не до вершины холма. Белоснежные лепестки тиаре льнули к ее рукам, над головой смыкались кронами кокосовые пальмы. Земля под ногами чавкала, повсюду виднелись маленькие лужицы. Ливень поработал на славу.

Вдруг она заметила в двух шагах от себя россыпь белесых палочек, похожих на корешки пастернака. Землю в этом месте размыло, ближняя пальма наполовину повисла в воздухе. Вид этих палочек показался гостье смутно знакомым. Да-да, точно так же выглядели захоронения древних полинезийцев — вскрытые водой, они представляли взгляду мешаниной костяных осколков и битой посуды.

Светлана приблизилась, расковыряла ногтями сырую почву, вытянула одну из палочек. Сомнений не оставалось — это была берцовая кость. Кажется, она принадлежала ребенку, возможно даже младенцу. Тоненькая выгнутая трубочка была расколота вдоль. Так делали каннибалы, чтобы высосать костный мозг. Нечужто здесь было становище древних людей?

Светлана выкопала еще несколько мелких косточек, тщательно рассмотрела их. Археологический опыт подсказывал, что кости были намеренно раздроблены, дабы удобнее было сдирать с них мясо. Смутило лишь, что кости выглядели совсем свежими, будто пролежали в земле не больше десяти лет. Светлана постояла, разглядывая костяшку, потом огляделась. Предчувствие

неуловимой угрозы охватило ее. Она коротко подумала, потом засунула косточки в широкие карманы холщовых штанов, подаренных французом, и двинулась к вершине горы.

На местности Светлана ориентировалась скверно. Думая, что идет вверх, она почему-то оказалась внизу, почти у подножия холма, а затем, вынужденная огибать непроходимые заросли кустарника, нежданно-негаданно столкнулась нос к носу с мужем. Тот был растрепан и мокр, одежда его измазана в земле. Узрев жену, он застыл, как кролик, встретивший удава. Светлана же, обрадованная, бросилась ему на шею.

— Господи, Коленька, что я тут пережила, ты себе не представляешь!

Муж, слегка ошалев, замычал что-то в ответ, машинально погладил ее по спине. Светлана говорила, говорила и всё не могла успокоиться. Задыхаясь от волнения, она поведала о встрече с уродом, о своих переживаниях в лесу, наконец, отстранилась и подытожила:

— Здесь происходят странные вещи.

Николай готов был с нею согласиться. Он еще не отошел от близости с Афродитой, и внезапный налет жены совсем сбил его с толку. К счастью, Светлану так поглотили собственные приключения, что она не заметила его состояния.

— Вот погляди, что я нашла,— сказала она, вынимая из кармана кости.

Николай рассеянно перебрал их пальцами, поднял на жену глаза.

— Откуда это?

— Из промоины на склоне.

Муж опять опустил взгляд, долго разглядывал находки, сопел, как бы силясь что-то сообразить, потом хмыкнул и опять уставился на жену.

— Ну и что ты об этом скажешь? — спросила она, не дождавшись его реакции.

— А что сказать? Кости...

— Очнись, Коля! Посмотри внимательно!

Николай опять уставился на находки, пожевал губами.

— Это детские кости,— нетерпеливо пояснила Светлана.— Видишь? Закопаны совсем недавно. О чём это говорит?

— О чём?

— О том, что здесь, на этом острове был младенец. И он погиб. Но его не похоронили, а сожрали. Мы же видели с тобой такие костяки на стоянках. Помнишь?

— Как это — сожрали? — вытаращился на неё Николай.

— Да ты не проснулся, что ли? Ну посмотри внимательно.

Муж скосил взор на кости, глубоко вздохнул.

— Что-то тут не так.

— Дошло наконец.

Николай осторожно подцепил двумя пальцами одну из косточек, поднес её к глазам, даже обнюхал зачем-то. Потом отдал жене.

— Людоеды? — спросил он. Спросил таким тоном, будто находился на научном симпозиуме, а не жарился в тропическом лесу под боком у трех отшельников.

— Именно,— ответила Светлана.— Надо бы нам этого Проспера порасспросить кое о чём.

Николай подумал, что, если Афродита успела наядебничать отцу, будет уже не до расспросов.

— Знаешь что, давай пока отложим это,— сказал он.— Понаблюдаем за ним. Не будем выкладывать все карты на стол. Если этот тип в чём-то замешан, то рано или поздно выдаст себя. А мы уже будем к этому готовы.

Светлана пожала плечами.

— Как скажешь.

Она спрятала находки в карман и, закусив губу, огляделась. Ей вспомнилось недавнее бегство от урода — этот лес, казалось, плодил призраков.

Николай повернулся и направился в заросли.

— Ты куда?

— К нашей пещере. Жрать охота.

Светлана поспешила за мужем.

По дороге она успела взвинтить себя, насочиняв разных ужасов о Проспере. Но все обошлось. Хозяин, увидев их, пригласил к очагу. Над костром уже булькало какое-то варево.

Проспер был обходителен и мил, непринужденно острял и шутливо флиртовал со Светланой. Его манеры казались столь искренними, что женщине стало неловко за свои подозрения. Как она могла возводить напраслину на этого замечательного человека? Право слово, отрезанность от мира угнетающее действует на сознание.

В отличие от Светланы, Николай продолжал оставаться в мрачном настроении. Жена объясняла это шоком от увиденного. Николай же думал об Афродите, о своей недавней близости с ней, косился на Пропера – знает или нет? Девчонка постоянно крутилась рядом, сверкала загорелыми коленками, пялилась на гостей немигающим взором. Вела она себя на удивление безмятежно, будто и думать забыла о мужике, с которым валялась ещё час назад.

Проспер заметил мучения русского, спросил, отчего гость так печален. Николай ответил, что размыщляет над книгами француза, сваленными в пещере. Это признание внезапно воодушевило хозяина на пламенную речь. Забыв о Светлане, он с жаром принялся рассказывать о философских концепциях идеального государства. Малопомалу своей живостью он сумел расшевелить Николая и вовлечь его в беседу. Уже спустя пару часов гость и думать забыл о своих невзгодах – энергично спорил с хозяином и хохотал над его шутками.

Следующий день начался, как предыдущий. Николай опять поднялся раньше супруги и пошел на берег океана. Где-то в глубине души он лелеял надежду встретить Афродиту, но в то же время боялся этой встречи. Случилось иначе: вместо прекрасной дочери островного жителя он наткнулся на его жуткого сына. Тот

стоял по щиколотку в воде и делал странные движения правой рукой, будто звал Николая за собой.

— Чего тебе? — хмуро спросил тот, стараясь не смотреть на урода — уж очень тошнотворен был его вид.

Урод заухал, как орангутанг, еще сильнее замахал здоровой рукой. «Быть может, он вовсе не полоумный, как о нем сказал Проспер?» — подумал Николай.

— Хочешь, чтоб я за тобой пошел?

Тот замычал, начал раскачиваться вперёд-назад, будто хотел кивнуть, да не мог — мешало отсутствие шеи. Николай подумал, посмотрел на горизонт, шмыгнул носом. Ему вспомнились кости ребенка, всплыли вчерашние подозрения жены, ее тревожные слова и эта диковатая Афродита... Он помялся в нерешительности, затем махнул рукой:

— Ладно, веди куда хотел.

Урод повел. Ковыляя и поминутно оборачиваясь, он прокосолапил метров двести вдоль кромки воды, затем повернулся к лесу.

В этом месте океан глубоко врезался в сушу, пробив неширокий канал, который терялся где-то в чаще. Урод двинулся вдоль заросшего папоротниками берега канала, очень ловко хватаясь одной рукой за стволы пальм. Николай держался на некотором отдалении, готовый дать стрекача при малейшей опасности. Так они шли минут пятнадцать, постепенно поднимаясь в гору, пока не уперлись в выросшую из земли скалу высотой метров шесть. Урод обогнул ее и остановился, показывая Николаю куда-то по ту сторону. Археолог остановился шагах в десяти от него, покачнулся, размышляя, потом всё же преодолел себя и осторожно двинулся дальше.

— Отойди-ка! — крикнул он — Встань вон там, чтобы я тебя видел.

Урод отошёл, Николай встал на его место.

На краю маленькой и, судя по всему, рукотворной запруды лежала перевернутая, присыпанная землей и

листьями лодка. Хорошая лодка, крепкая, выдолбленная из цельного ствола пальмы.

Николай озадаченно почесал небритую щеку. Что же это получается: Проспер врал им? Или француз не знал об этой лодке? Чушь! Всё он знал. Не мог не знать.

Николай повернулся к уроду:

— Спасибо тебе, приятель!

А тот заухал и радостно замахал клешней.

Первым, кого увидела Светлана, выйдя из пещеры, был Проспер. Француз сидел на валуне и грелся в лучах утреннего солнца.

— Не замерзли ночью, прекрасная Светлана? При-
саживайтесь.— Он махнул ладонью рядом с собой.

— Благодарю,— улыбнулась гостья.— Но мне надо умыть-
ся. Вы не видели, куда ушел Николай?

— Не видел.— Проспер вздохнул.— Посидите немно-
го со мной, прошу вас. Скрасьте минуты немолодого
отшельника.

Светлана смущенно наклонила голову. Ей льстила изы-
сканность хозяина, но в глубине души кольнула тревога.
За обходительностью бородача крылось нечто большее,
чем простая любезность,— Светлана чувствовала это. Да
и кости опять же — откуда они на острове?

Поколебавшись, Светлана опустилась на теплый камень. Француз, явно обрадованный, принял бар-
хатисто нашептывать красивые слова о возвышенных
нaturaх, непонятых жестоким миром. Светлана обхва-
тила плечи ладонями и опустила голову, стараясь не
глядеть на Проспера.

А бородач все болтал и болтал, потом вдруг положил ладонь ей на плечо и придинулся.

— Месье Проспер.— Светлана осторожно сняла его
ладонь со своего плеча.— Если вы не против, я пойду
умоюсь и найду мужа. Мне как-то беспокойно на душе...

— Не тревожьтесь. С вашим мужем все в порядке.

— Вы так уверены?

— Он развлекается с Афродитой — ему хорошо.
— Что? — вскочила Светлана.— Это... это — ложь!
— Уж поверьте мне. Я-то знаю, с кем была моя дочь вчера.

— Вы — наглец. Как вы смеете...

— Что ж здесь такого? Горячий воздух будоражит кровь, знаете ли, а дочка моя — совсем не страхолюдина. Вполне естественная реакция для молодого мужчины.

— Я не желаю вас слушать.

Светлана сделала шаг в сторону, но француз тоже вскочил и вцепился лапищей в ее локоть.

— Вы, кажется, не поняли, куда попали,— мягко произнес он.— Хочется вам того или нет, но на острове двое здоровых мужчин и две здоровые женщины. Ваш муж сошелся с моей дочерью, тем самым уступив вас мне. Это понятно?

Женщина в ужасе воззрилась на него, потом, не сдержавшись, влепила ему пощечину.

— Знать вас не желаю!

Проспер ухмыльнулся, ничуть не смущенный такой отповедью, но тут за его спиной раздался голос Николая:

— Пусти ее, ублюдок!

Француз разжал пальцы, обернулся.

— Очень интересно,— произнес он.— Вы хотите забавляться сразу с двумя?

Николай побледнел.

— Вот, значит, зачем вы нас приютили,— сказал он, приближаясь.— Хотели развлечься с моей женой. Не выйдет. Мы сегодня же упываем отсюда.

— Любопытно, как?

— На лодке, которую вы спрятали.

Бородач покачнулся, свирепо выкатил глаза, спросил:

— Где Афродита?

Николай скрестил руки на груди, задрал подбородок.

— Вам лучше знать.

Проспер настороженно подвигал глазами, потом произнес:

— Если ты что-то сделал с дочкой, скотина, я тебя живьем закопаю.

— Мне нет дела до твоей сумасшедшей дочки, негодяй. Я забираю лодку и вместе с женой отчаливаю отсюда.

— Никуда ты не отчалиши, глупец.

— Это почему же?

— А вот почему.

Проспер вдруг вырос рядом с ним и опрокинул Николая на камни. Светлана вскрикнула.

— Где Афродита? — прорычал француз. — Что ты с ней сделал?

— Не трогал я ее! — заорал Николай.

Проспер засопел, обводя подозрительным взглядом местность.

— Вы останетесь здесь, ты и твоя жена, — отчеканил он.

Светлана выкрикнула:

— Вы... вы насильник и убийца. Да, убийца!

— Я никого не убил, мадам.

— А это что? — Женщина швырнула ему в лицо горсть костей, извлеченных из кармана.

У бородача перехватило дыхание.

— Где вы это нашли?

— Там, где вы закопали, — на склоне горы.

Проспер сгорбился, понурив голову.

— Я не убивал его. Он родился мертвым.

— От кого же он родился? — резко спросил Николай, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

— От... от одной женщины.

— Вы лжете! Он родился от вашей дочери, которую вы изнасиловали.

— Я не насилию женщин, — с достоинством произнес

Проспер.

— Маньяк, — с отвращением бросила Светлана.

— О, это еще не все! — Николай дернул щекой и криво ухмыльнулся. — Вы не только растлили свою

дочь, но еще и слопали ее ребенка. Вашего ребенка! Верно?

— Откуда вы знаете? — прохрипел француз.

— Расколотые кости — верный признак каннибализма. Мы же археологи, забыли?

Бородач пожевал губами, размышил, потер нос.

— Вы не представляете, каково это — жить без мяса, — глухо произнес он. — Человек нуждается в мясе. Он не может существовать без него. А я не держу коров. У меня на руках — двое детей. Пришлось искать выход.

— Это чудовищно, — прошептала Светлана. — Чудовищно.

— И много новорожденных вы съели? — деловито спросил Николай.

— Пятерых, — пожал плечами хозяин.

— Неудивительно, что ваша дочь свихнулась. Ведь она не безумна с рождения, я прав? Это вы довели ее до сумасшествия.

Проспер опять засопел, но ничего не ответил.

— Моя жена тоже нужна вам для этого? — поинтересовался Николай.

— Чушь! — усмехнулся Проспер. — Вы ничего не понимаете. — Он вдруг заходил по поляне, вскидывая руки и вонзая пальцы в спутанную шевелюру. — Это была прекрасная идея. Прекрасная! Создать новое общество! Без предрассудков. Без разлагающего влияния современной культуры. Без частной собственности. На райском острове, вдали от тупой толпы. Если бы вы знали, что мы пережили, прежде чем перебрались сюда. Мой сын, мой несчастный сын — его затюкали, у него не было друзей. Все, кто видел его, спасались бегством либо швыряли в него камни. Как нам было жить в таком окружении? Я хотел спасти его. Ради этого мне пришлось переступить через моральные нормы. Нормы, установленные вашим гнусным обществом, которое отвергло моего сына. Но разве, отказавшись от цивилизации, я должен был соблюдать ее прави-

ла? Нет, и еще раз нет! Мне хотелось населить этот остров новым человечеством. Новым, лучшим, свободным! А с кем это делать, как не с собственной дочерью? Афродита в самом соку, пышет здоровьем. Какая разница, кто будет отцом ее детей? Я не развратник, я просто мыслю рационально. Если не я, то кто? Впрочем, у вас тоже есть шанс дать начало идеальному обществу. В вас есть то, чего лишена наша семья,— генетическое разнобразие. Пришельцы из далекой северной страны, вы можете вдохнуть новую жизнь в мою мечту. Можете открыть новую страницу в истории! Подумайте об этом. Крепко подумайте!

— А вы тем временем будете трахать мою жену и лопать ее детей,— со злостью ответил Николай.

Бородач оскалился и перевел на него насупленный взор — взор безумца, давно утратившего связь с реальностью.

— Я могу обойтись и без вас. Мне достаточно одной Светланы.

Николай содрогнулся. Он взял жену за руку и потащил ее прочь.

— Нам здесь нечего больше делать.

Но Проспер не дал им уйти. Сорвавшись с места, он подскочил к Николаю и ударом кулака опять поверг его на землю. Отпихнув закричавшую Светлану, Проспер навис над ним и упер ладони в бока.

— Презренный червяк. Думаешь, я позволю тебе уйти? Нет, я убью тебя и сожгу твой мозг. А Светлана станет моей женой. Знай это. У тебя была возможность обессмертить свое имя, но теперь ты просто сгниешь на этом острове в полном забвении.

Николай застонал, подтянул колени к животу, схватился за голову. Ему было нехорошо. Казалось, еще один удар, и француз убьет его, но тут за спиной бородача выросла тень, и, прежде чем он успел обернуться, в затылок ему врезался камень. Проспер охнул и упал, потеряв сознание. Светлана подбежала к мужу, помогла ему подняться.

— Бежим, Коленька!

Тень приблизилась, и Светлана заверещала.

— Уйди! Уйди с глаз моих! — вопила она по-русски, от испуга забыв французские слова.

— Не надо на него... — проговорил Николай, с тру-
дом вставая на ноги.— Он нам поможет...

Урод остановился шагах в пяти от гостей, энергич-
но закачался вперед и назад, размахивая клешнеобраз-
ной рукой. Поднялся ветер, складки его губчатой кожи
затрепетали, как крылья. За спиной урода, на самом
горизонте, опять начало темнеть небо — собиралась
новая буря.

— Глаза б мои его не видели,— пробормотала Свет-
лана, поддерживая шатающегося мужа.

Они потащились вниз, к берегу океана. Урод, гром-
ко сопя от натуги, ковылял сзади.

— Тебе не померещилось насчет лодки? — спросила
Светлана.

— Нет.

— А эта Афродита... ты правда был с ней?

— Нашла время спрашивать!

— Скажи мне. Я пойму.

— Потом, все потом...

Где-то далеко за их спинами раздался женский
вскрик, и беглецы оглянулись. На самом краю каме-
нистой площадки, держась за всклокоченную голову и
громко воя, стояла Афродита. Короткое платье ее раз-
вевалось, обнажая ноги до самых бедер. Урод развер-
нулся и, увидев сестру, погрозил ей кулаком. Афродита
издала короткий вопль и бросилась наутек.

— Где лодка? — срывающимся голосом спросила
Светлана.

— Скоро увидишь.

Они расцепились и побежали, утопая по щиколотку
в песке, жмурясь от порывов ветра и морских брызг,
кожей чувствуя наэлектризованный воздух. За ними,
все более отставая, спешил урод. Он мычал что-то, оче-

видно, боясь не успеть, но несчастные археологи уже забыли о нем. Николай вырвался вперед и пропустил к торчавшей в песке скале. Светлана без слов неслась за ним.

Каждое мгновение им казалось, что из зарослей вынырнет страшный француз, засмеется в бороду и снисходительно промолвят: «Ну куда же вы летите, голубки? Я еще не натешился с вами». Не верилось, что один удар булыжника, пусть и брошенного могучей рукой урода, способен был лишить его сознания. Но даже если так, Афродита наверняка уже привела его в чувство, и Проспер вот-вот настигнет их. А значит, нельзя было сбавливать ход.

Наконец они увидели лодку. Археолог ухватился за ее нос и попытался перевернуть. Слишком тяжело. Ему на помощь пришла жена, и вместе они сумели поставить лодку на днище. Дрожащими руками вдев весла в уключины, Николай торопливо столкнул лодку в воду:

— Прыгай! — крикнул он жене.

Та, раздвигая камыши, начала спускаться к бережку, но не удержалась и шлепнулась в запруду. Николай помог ей выбраться из воды, потом запрыгнул в лодку сам и приналег на весла. Трех взмахов оказалось достаточно, чтобы беглецов вынесло в канал. Преодолевая набегающие волны, Николай что есть силы греб к устью. Ветер свирепел все больше, и археолог весь взмок, пока достиг океана. В этот момент на берегу канала возникла кряжистая фигура урода, и Светлана взвизгнула:

— Греби скорей! — Заметив растерянный взгляд супруга, она добавила: — Я не поплычу с ним в одной лодке. Никогда. Понимаешь?

Николай понимал. Ему и самому было жутко оказаться бок о бок с этим чудовищем. Но и бросать его здесь тоже было нельзя, ведь именно он спас их. Как можно было забыть это? Засомневавшись, Николай опять посмотрел на жену. Та решительно замотала головой.

Урод почти настиг их. Думая, что русские обманули его, он издал грудной рык. Лодку начало сносить обратно к острову, и Николай несколькими взмахами весел вытолкал ее назад. Полнеба заволокли черные тучи, вдали засверкали молнии.

— Вперед! Что ты медлишь? — заорала Светлана.

Николай вздрогнул. Плюнув на урода, он принялся выгребать в открытое море. Монстр плюхнулся в воду и отчаянно забарахтался, пытаясь одной рукой вытолкнуть свое неуклюжее тело. Волны накрывали его с головой. Тараща единственный здоровый глаз, урод выплевывал соленую воду и упрямо двигался к цели.

— Скорей! Он уже близко! — взвизгнула Светлана.

У Николая не осталось больше сил. Выдохвшись от бега и борьбы с волнами, он уронил весла и затряс руками, пытаясь сбросить усталость.

— Ну что же ты? — напирала жена. — Давай греби!

— Сейчас...

Над ними полыхнула молния, потом грянули оглушительные раскаты, и пошел дождь.

— Держи носом к ветру, — испуганно промолвила Светлана, хватаясь за борта.

Николай ужеправлял курс. В лодку вцепилась огромная ручища. Светлана истерично завопила, и ее муж, потеряв рассудок, врезал веслом по огромной голове страшилища. С коротким бульком оно погрузилось под воду.

— Ну и слава богу, — пробормотала Светлана.

В ужасе посмотрев на нее, Николай судорожно склонил и принялся выгребать навстречу буре.

Утром следующего дня к островку приило полузатопленную лодку. На носу ее, обнявшись, лежали без сознания два человека, мужчина и женщина. Как только лодка уткнулась к песок, женщина зашевелилась и приоткрыла веки. Некоторое время она смотрела в небо, облизывая просоленные губы, затем перевела

измученный взор вперед. Бескровное лицо ее исказил нервный тик. Поморгав, она застонала и бессильно упала затылком на борт лодочки.

— Ну вот вы и снова здесь,— донесяся до ее слуха бархатистый рокот.— Судьбу не обманешь, особенно когда на ее стороне морские течения.— По воде захлюпали шаги, и к лодке подошел бородатый крепыш в выцветшей гавайской рубашке.— Теперь-то вы от меня не уйдете, голубчики. Для начала я позавтракаю мозгами вот этого негодника.— Бородач снисходительно похлопал мужчину по щеке. Тот очнулся, непонимающе уставился на него и тут же вскинулся, сделав попытку выпрыгнуть в воду. Крепыш одним ударом вышиб из него дух, а затем ласково погладил женщину по волосам.— Отныне ты моя. Навеки.

Женщина закрыла лицо ладонями и заплакала.

Александр Ульянов

ХРАМ ЧЕРВЕЙ

Десять часов назад наступил первый день лета. Солнце разливалось вокруг сочным золотом, ветер приносил издалека прохладу. Отовсюду звучала музыка весны — симфония птичьих голосов и запаха свежести на фоне осторожного шелеста молодой листвы.

Пустырь под ногами, напротив, был желтым и безжизненным: мертвая, гниющая трава, занесенные ветром опавшие листья, мусор и сухая грязь. Даже небо над головой словно хмурилось, взирая на столь унылый вид. Пустырь напоминал сварливого старика, который отрицает приход нового времени и упорно пытается жить в старом мире, оставшемся, увы, лишь у него в голове.

Но двое мальчишек, гуляющих по пустырю за городом Карасук, не обращали внимания на то, что было у них под ногами. Ведь они не просто шли, они искали кошачье кладбище.

По легенде, где-то на пустыре было таинственное место, куда ходят умирать все кошки города. Там не растет трава, а черная земля усеяна костями, черепами и гниющими трупами кошечек.

Существовало ли это место на самом деле, никто не знал. Некоторые говорили, что искать его нужно ночью, лучше всего в полнолуние. Другие утверждали, что вход туда видно только в полночь. Кто-то клялся, что войти на кошачье кладбище можно, лишь произне-

ся специальное заклинание. Но никто даже не догадывался, что на пустыре есть вход в куда более зловещее место.

К несчастью, именно двое мальчиков, прогуливающихся по пустырю первого июня в десять утра, нашли этот вход.

Адам и Игорь наткнулись на деревянный люк совершенно случайно. Он находился в зарослях облысевших кустов с торчащими во все стороны сухими ветками, напоминающими прическу какой-нибудь ведьмы.

— Ни фига се! — Адам подпрыгнул на люке, глядя, как разбегаются в разные стороны потревоженные сороконожки.

— Это, наверное, просто погреб. — Игорь отреагировал менее эмоционально. — Папа говорил, на этом пустыре раньше был поселок. Давно, еще до революции.

Адам наклонился и подергал массивный висячий замок.

— А вдруг это какой-нибудь секретный бункер?

— Тогда крышка была бы железной.

— А они это сделали специально, чтобы никто не догадался!

— Но ты же догадался.

Адам надул губы и ударил по крышке ногой.

— Но мне тоже интересно посмотреть, что там внутри, — поспешил сказать Игорь.

— Тогда придумай, как снять замок, — Адам удариł по крышке еще раз. Дерево, несмотря на хлипкий вид, держалось крепко.

— У меня дома есть ножовка по металлу. Можно его спилить.

Адам посмотрел на Игоря. «Долго же мы будем пилить», — подумал он, но промолчал, так как не придумал ничего лучше.

— Ладно. Пошли.

Мальчики отметили кусты, привязав к ним желтый носовой платок Игоря, и вернулись в город. Там Игорь

вынес из дома два листка бумаги, и они составили список того, что им нужно взять с собой. Исследование таинственного подземелья решили начать завтра.

Каждый взял фонарик, запасные батарейки, спички и свечи (Адам прихватил четыре маленьких разноцветных огарка, оставшихся после его дня рождения), а также по паре бутербродов. Игорь добавил в свой рюкзак несколько листов бумаги, две ручки (чтобы зарисовать карту подземелья) и, конечно, пилу. Адам взял раскладной нож и респиратор (мало ли что).

Кроме того, Адам захватил две рации, которые, хоть и были игрушками, позволяли без проблем разговаривать на расстоянии не меньше пятисот метров.

Утром они отправились на пустырь.

Распилить дужку замка оказалось и впрямь нелегко. Они трудались, сменяя друг друга каждые полчаса, обливаясь потом и изнывая от голода — взятая с собой еда только раззадорила урчащего зверя, поселившегося у них в желудках. Когда замок был отброшен прочь, на часах было почти шесть вечера.

— Наконец-то!

Они с нетерпением распахнули люк.

В лицо им ударил древний кислый запах, столь отвратительный, что обоих сразу затошило. Запах вырвался из заточения, точно зловонный джинн, но через несколько секунд развеялся на прохладном ветру.

Игорь включил фонарик и посветил внутрь.

Перед ними оказался пологий спуск длиной около четырех метров. Пол, стены и потолок были земляными, но внизу виднелся бетон. Лаз был довольно узким, но мальчишки, даже с рюкзаками, пролезли без проблем.

— Это точно не погреб, — сказал Адам, когда выбрался из земляной кишки.

Мальчики оказались на вершине широкой лестницы, состоящей из семи ступеней. Перед ними раскинулся большой каменный зал — бетонный пол, кирпич-

ные стены. Зал был пустым, если не считать мусора и влаги, тонкой блестящей пленкой покрывающей все вокруг. В конце зала была еще одна лестница, на этот раз узкая, ограниченная каменными перилами. Она упиралась в покрытую мхом и плесенью дверь, приоткрытую достаточно для того, чтобы увидеть за ней непроглядную тьму.

Вытряхнув землю из волос, друзья начали спуск.

Скрипнула дверь.

Игорь дернулся и сделал шаг назад. Адам тоже испугался, но не подал виду.

— Просто сквозняк.

— Угу.

Они спустились по лестнице и ступили на влажный пол зала. От света фонарей в стороны разбегались полчища тараканов и мокриц. На стенах, точно призрачные гобелены, висели целые пласти паутины. На полу лежал желтый скелет маленькой птицы, а чуть поодаль — старый рваный сапог.

— Жутко, — сказал Игорь.

— Нормально! — сказал Адам, озираясь по сторонам. — Как в «Call of Cthulhu».

— Я не играл.

— Зато я играл. Пошли.

Они направились к двери. Проходя мимо сапога, Адам пнул его. Сапог перевернулся и изрыгнул белую шевелящуюся кашу — огромную колонию опарышей.

— Фу!

Адам в отличие от сапога сдержал рвоту. Он отвернулся и достал респиратор. Весьма вовремя — приблизившись к двери, мальчики снова ощутили ту кислую вонь, которая атаковала их после открытия люка.

Игорь осторожно потянул дверь.

Перед ними возник уходящий влево и вправо удушливый коридор. Было темно, пахло гнилой капустой и блевотиной, а под ногами постоянно что-то шевелилось.

Игорь посветил вниз — по полу коридора, равно как и по его стенам, ползли сотни насекомых.

— О Господи.

— Ненавижу насекомых, — сказал Адам и с силой наступил на таракана.

Звук улетел в глубь коридора, и там эхо превратило его в слабый стон.

— Ну что, куда?

На самом деле ни Игорю, ни Адаму не хотелось углубляться в это вонючее подземелье, кишашее жуками. Но, как и всяких мальчишек, их одолевало любопытство, которое порой бывает сильнее страха. И уж точно сильнее отвращения — ведь именно его вызывало все окружающее.

— Давай направо, — сказал Адам.

Они выставили вперед фонарики и пошли. Игорь пожалел, что тоже не взял респиратор, — вонь, казалось, усиливалась с каждым шагом, и от нее начинала кружиться голова. Количество насекомых росло вслед за запахом — кроме тараканов, мокриц, пауков и сороконожек под ногами теперь копошились опарыши, сплетающиеся в белые шевелящиеся клубки.

Скоро ребятам пришлось свернуть — перед ними опять, как в начале пути, возник Т-образный перекресток. И они снова повернули направо.

— Ты слышал? — Игорь резко остановился.

— Нет.

— За нами кто-то идет!..

— Это эхо, — сказал Адам, оглядываясь. Позади никого не было.

— Нет, я слышал! За нами идет старик!

— Почему старик? — Адам посмотрел на Игоря. У того было перепуганное лицо и взгляд сумасшедшего.

— Звук такой... шаркающий. Как будто дед в тапочках.

Адам не выдержал и рассмеялся. Смех покатился по коридору, дробясь на сотни смешков. Под конец стало казаться, что это не Адам рассмеялся, а тонко хохочут над ними сами стены подземелья.

Они заблудились. Запах стал просто невыносимым. Адаму было тяжело дышать даже через респиратор, Игорь же просто задыхался. Его спасал только носовой платок, который он прижал к лицу. Десятки насекомых стали тысячами — они облепили пол, стены и потолок коридора единым шевелящимся ковром. Когда мальчишки шли, под ногами хрустело и чавкало. Один из фонарей сломался, второй едва светил, и новые батарейки не помогли. Игорь попытался разжечь свечу, но всякий раз, когда он зажигал спичку, из темноты дул быстрый сухой ветер и гасил ее.

Теперь уже и Адам был уверен, что за ними кто-то идет. Старик или нет, но он отчетливо слышал шаркающие шаги за их спиной.

Потом они услышали голос.

— *Кто здесь?*

— Ты слышишь?..

— Да.

— Я хочу домой, — сказал Игорь. — Этот старик нас убьет.

Слышались какие-то стоны, неясное бормотание, крики, будто бы приглушенные толстой стеной. Казалось, десятки людей находятся рядом и в то же время очень далеко.

— Уходи!

Это прозвучало угрожающе.

— Уходи!

— УХОДИ!

Крик сотряс стены, с которых мерзким градом посыпались насекомые. Мальчишки бросились бежать. Адам уронил фонарик, и темнота мгновенно сомкнулась вокруг, точно бесшумно захлопнулась гигантская ловушка. Шаги сзади превратились в гулкий топот — и, судя по звуку, у бегущего было не две ноги, а гораздо больше. За ними будто бы гнался проклятый и загнанный в эти узкие коридоры Слейпнир.

Адам едва не впечатался в стену – какое-то шестое чувство остановило его за секунду до этого. Игорь громко дышал за левым плечом.

– За мной! – крикнул Адам.

Он полностью доверился интуиции и кинулся влево по коридору. Глаза будто бы привыкли к темноте, и он смутно, но все же различал стены. Или это выход был близко, и свет проникал сюда с поверхности?

Каждую секунду Адам сбрасывал с плеч, с головы, с лица насекомых, которые не просто падали, а будто бы специально прыгали на него. Ему чудилось, что он слышит их шипение, хотя мало какие насекомые умеют шипеть. Адам задыхался, и тело тяжелело, отказываясь бежать дальше, – казалось, вместо крови мышцы наливаются свинцом.

Он споткнулся обо что-то округлое и упал, ободрав ладони о каменный пол. Нечто, обо что он споткнулся, схватило его за ногу, крепко сжало – как если бы вокруг лодыжки затянули проволоку – и потянуло на себя. Адам попытался сорвать путы с ноги, но пальцы прилипали к ним, как к паутине (Боже, да это и есть паутина!). Монстр из тьмы тянул его по полу, а затем запрыгнул на ногу, придавив ее к земле.

Адам закричал, сбил нечто второй ногой, вскочил и бросился бежать.

Игоря рядом уже не было.

* * *

Адам не знал, сколько бежал по заполненному чернотой и вонью лабиринту, но в конце концов он нашел выход. Мальчик взлетел вверх по лестнице, оглянулся и только сейчас понял, что друг остался где-то позади. Адам не выдержал и заплакал. Что теперь делать?! Но стоп, стоп. Не надо паниковать.

Есть один способ.

Он достал из рюкзака рацию и нажал на кнопку связи:

— Игорь! Игорь, прием!

Несколько секунд рация молчала, а потом словно взорвалась:

— Адам! Адам, ты где?!

— Я нашел выход! Со мной все хорошо! А ты где?!

— Я не знаю,— судя по голосу, Игорь тоже плакал,— я понятия не имею. Я иду по коридору... и тут светятся стены. За мной идет тот старик.

— Иди обратно, Игорь! — срывааясь, закричал Адам.— Ищи выход!

— Я не могу. Старик заставляет меня идти... он говорит со мной...

Адам не знал, что ответить, и просто громко заплакал.

— О Боже, Адам...

— Чего?!

— Если бы ты это видел... *он прекрасен...*

— Кто?! Кто прекрасен?! Игорь, где ты?!

— Это чудо, Адам... если бы ты мог видеть... комната... как будто вся из золота. Здесь рисунки на стенах... алтарь... это храм. А старик... он жрец в этом храме.

— Ты видишь его?! Что это за старик?!

Игорь молчал — из рации доносилось лишь шипение. А потом раздался крик.

— УХОДИ!

* * *

Адам привел помошь. Он рассказал взрослым все от начала и до конца — но они услышали из его рассказа только то, что мальчик заблудился где-то в непонятном подземелье, посчитав остальное если не выдумкой, то просто плодами детского страха.

Группа МЧС провела в подземелье больше суток. Мальчик так и не был найден, и при этом последствия поисковой операции оказались неожиданными. Двое

спасателей пропали без вести, а один, отделившись от группы, сошел с ума. Его вынесли из катакомб на руках — волосы его стали седыми, он пускал слюни и кричал.

Мэр Карасука запретил муниципальным СМИ упоминать об этой новости — он не хотел, чтобы к подземелью ринулись толпы исследователей, которых потом тоже придется искать. Но информация, само собой, тут же просочилась в Интернет. И тогда мэр принял решение залить вход в катакомбы бетоном, несмотря на вялый митинг, собранный родителями Игоря.

Адам прошел курс психотерапии и чувствовал себя неплохо — кошмары приходили не чаще пары раз в неделю. Когда он узнал, что вход в подземелье замуровали и Игорь, живой или нет, остался там навсегда, он проплакал весь вечер.

Если все залито бетоном, чудовища не смогут вылезти.

Адам сидел на теплой земле и смотрел на небо. Голубой глянец был покрыт легкими росчерками недвижимых облаков. Ветра не было. Светило солнце. Адам держал в руках рацию.

Когда он включил ее, раздалось шипение.

— Игорь?..

Нет ответа.

— Игорь?..

Олег Кожин

МИН БОЛ

— Айсан, это я! У нас сегодня аврал на работе, я задержусь немного. Если все нормально пойдет, часа на два всего опоздаю. Ужинать без меня садись. Если ийэ будет звонить, скажи, что я завтра перезвоню, пусть не беспокоится...

Невидимый мужчина немного помолчал — было слышно его тихое дыхание, чуть испорченное помехами на линии,— а затем резко закончил:

— Все... До вечера.

После этого диктофон противно пискнул и известили автоматическим женским голосом, с ярко выраженным китайским акцентом:

— Сообщение окончено. Сообщений больше нет.

— Та-а-ак... — протянул Аркадий Афанасьевич Пряников.— И... э-м-м-м... что же это такое?

Сидя в гримерке перед зеркалом, установленным целий батареей тюбиков, флаконов и баночек, похожих на снаряды различных калибров, он с недоумением разглядывал молодого человека, принесшего эту запись. Честно говоря, если бы не пятитысячная купюра, которой нахальный гость вовремя посветил перед лицом Пряникова, Аркадий Афанасьевич нипочем бы не стал тратить время, отведенное на подготовку к выступлению. Но для вышедшего в тираж комика, будь он хоть трижды заслуженным артистом России, пять тысяч рублей за десять минут времени — деньги очень даже неплохие. Да что там — хорошие деньги! Опреде-

ленно, хорошие. В последнее время гонорары Аркадия Афанасьевича не часто превышали двадцать тысяч за вечер и были так же редки, как снег в июле.

Он никак не ожидал, что его попросят прослушать сообщение с автоответчика. Юмористический монолог — да, это часто бывало, правда, все больше приносили видеозаписи. Бывало, подсовывали номера из КВН. Однажды даже принесли домашнее видео некой начинающей певички, горяченькой, надо отметить, девушки. Но автоответчик?

— Это шутка такая, да? — чувствуя, что начинает закипать, Аркадий Афанасьевич исподлобья посмотрел на гостя.

Гость, молодой человек той неопределенной «ботанской» внешности, что вечно мешает поставить верный возрастной диагноз, снял с переносицы круглые очки а-ля Гарри Поттер и принял смузенно протирать их краем выбившейся из брюк рубашки.

— Нет, что вы,— водрузив очки обратно, сказал он наконец.— Вы не подумайте плохого, но я же вас сразу предупредил, что просьба у меня будет необычная.

— Тогда излагайте быстрее или проваливайте ко всем чертям,— недовольно рыкнул Пряников.

Ощущение, что его дурачат, не проходило. Уж слишком кондовой «заучкой» был его посетитель — костюмчик и рубашка с вязаной жилеточкой, точно снятые с вешалки в секондхэнде, безвольное, незапоминающееся лицо, идеально прилизанные волосенки средней длины — классика жанра. Такие типажи Аркадий Афанасьевич терпеть не мог. А тут еще и эти очки, которые даже на вид были дороже половины гримерной, а по факту, похоже, исполняли декоративную функцию: артист заметил, что, сняв их, молодой человек не сощурился, как это автоматически делают близорукие люди. Впрочем, глаза у гостя и без того были слегка раскосые и оттого будто бы прищуренные. И все же Пряников украдкой оглядел комнату на предмет спря-

танных видеокамер. Очень уж не хотелось на старости лет угодить в какую-нибудь дурацкую телепередачу, вроде «Улыбнитесь, вас снимают!».

— Мне нужно, чтобы вы воспроизвели этот голос.

Молодой нервничал, но просьбу свою изложил твердо. Пряников медленно, будто в раздумье, пожевывал губами. Со стороны могло показаться, что он взвешивает все «за» и «против», пытаясь понять, сумеет ли выполнить заказ. На деле же Аркадий Афанасьевич уже давно про себя разложил голос с автоответчика на звуки и тональности и пришел к выводу, что ничего сверхсложного в нем нет. Разве что незнакомый, еле уловимый акцент говорившего слегка смущал пожилого пародиста.

— Кто это? — спросил Пряников.

— Мой отец. — Глаза молодого уперлись в пол.

— И почему я должен...

— Позавчера его убили, — закончил гость.

Глядя на вытянувшееся лицо очкарика, Пряников мысленно отругал себя за то, что не доверился чутью — голос молодого и аудиозапись с самого начала показались ему похожими. Решив не форсировать события — обещанные парню десять минут еще не истекли — артист откинулся в кресле и приготовился слушать.

— ...Как раз в тот вечер, когда было сделано это сообщение. Как он и сказал, возвращаться пришлось поздно. Решил срезать через пустырь... Срезал... Пять-надцать проникающих ножевых ранений...

Молодой человек протяжно вздохнул и уткнулся лицом в открытые ладони. К великому облегчению Пряникова, плакать он не стал. Посидел так несколько секунд и закончил — быстро и сжато. И хотя речь его была несколько путанной, ситуация все же наконец-то прояснилась.

— Он вечером должен был своей ийэ позвонить. Бабушке, в смысле. То есть это для меня она бабушка,

а для него — ийэ. Мама то есть. Это по-якутски. Он ей раз в две недели звонит. Звонил... Она у нас старенькая совсем, сердцем больная — ее такая новость в могилу сведет. Если бы вы смогли... если бы вы согласились... поговорить с ней его голосом? Всего один раз, и со всем недолго...

В повисшем молчании было слышно, как тикают настенные ходики, давно и безнадежно отстающие часов на пять.

— Вот что... э-м-м-м... молодой, э-э-э-э, человек... — неуверенно начал Пряников.

— Айсан. Айсан Тадын.

— Ага, хорошо, Айсан.— Про себя артист уже давно называл его Очкариком и от очевидного прозвища отказываться был не намерен.— Давайте мы вернемся к этому разговору завтра, а я пока подумаю, чем смогу вам помочь...

Говоря так, Пряников встал с кресла, поддел гостя под локоть и осторожно поволок к выходу. Очкарик пытался вяло сопротивляться, но силы были явно не равны — материальная фигура заслуженного артиста России была гораздо массивнее и выше.

— Вы не понимаете,— пытался протестовать Айсан, отчаянно цепляясь длинными пальцами за давно некрашеный дверной косяк,— у нее сердце! Она же умрет, если он не позвонит! Если вы не позвоните! Сегодня!

— Не-е-т! Это вы не понимаете! — пыхтел над сопротивляющимся визитером артист.— У меня концерт через два часа, а я тут с вами вожусь! Завтра приходите, тогда и поговорим...

Он уже почти совладал с назойливым посетителем, но тут Очкарик, восемьдесят процентов тела которого уже покинули гримерку, крикнул ему прямо во вспотевшее одутловатое лицо:

— Тысячу! Наличными!

И чтобы убедиться, что ослабивший нажим Пряников понял его правильно, добавил:

— Долларов!

Аркадий Афанасьевич резко сменил линию поведения. Он тут же втянул Очкарика обратно в гримерку и захлопнул дверь.

— Что ж вы так орете?! — нервно зашептал он, лихорадочно крутя головой по сторонам. При упоминании тысячи долларов наличными Аркадию Афанасьевичу за каждой шторой вдруг стал мерещиться налоговый инспектор. Когда-то, в «годы золотые», он и сам мог вот так запросто предложить кому-нибудь «штуку баксов», и даже делал это неоднократно, но нынче... нынче эта сумма была почти вдвое выше его сегодняшнего гонорара!

— Кто ж так дела делает? — оглаживая на госте слегка помявшшийся костюм, продолжал увещевать Пряников. — Сказали бы сразу, мол, помочь нужна — что ж, я не человек? Понятий не имею? Помогу, конечно...

— То есть деньги вам не нужны? — не удержался от издевки Тадын.

— Только сугубо в целях компенсации потраченного времени! — решив пренебречь язвительной репликой, поспешил заверить его артист. — Сами поймите, человек я занятой, а время, как говорится, деньги... Так что давайте приступим! Я уже готов начать...

— А вам разве не нужно подготовиться? — опешил от такого напора Айсан. — Прорепетировать...

Пряников мысленно прикусил язык за то, что чуть не сдал себя самостоятельно. Пойми «гаррипоттер», что для профессионального пародиста воспроизвести этот унылый, бесцветный голос — дело пяти секунд, еще, чего доброго, начнет цену сбивать. А деньги, как не прискорбно было пожилому артисту это осознавать, были не просто сильно нужны, а жизненно необходимы. В погоне за былой роскошью он уже давно расprodal большую часть внутреннего убранства своей трехкомнатной квартиры. Одна комната с недавних пор лишилась даже люстры — заложенной в комиссионный

магазин за пятьсот рублей. Самым унизительным было продавать шикарный гардероб, собранный за годы выступлений. Многие вещи были куплены Пряниковым еще в советскую эпоху, во время гастролей по союзным республикам и ближнему зарубежью. А между тем, надетая на нем сегодня белоснежная сорочка с кружевными рукавами и пушистым жабо на груди была одной из последних вещей, в которой не стыдно выйти на сцену (как бы редки эти выходы ни были).

— Я имел в виду, готов начать *репетировать* прямо сейчас,— ловко выкрутился Аркадий Афанасьевич.— У вашего отца очень сложный тембр. Воспроизвести будет непросто...

Сделав театральную паузу, артист как бы невзначай бросил испытывающий взгляд на Айсана. Тот намек понял и виновато развел руками.

— Простите, но больше у меня нет... Тысяча долларов — все, что могу вам предложить...

— Да Господь с вами! — замахал руками Пряников.— Я же сказал — чисто по-человечески, помогу. Пять тысяч рублей, что вы мне дали, и еще тысяча долларов сверху — вполне достаточно, чтобы компенсировать мои затраты!

— Вот и хорошо. Когда вы будете готовы?

Аркадий Афанасьевич задышал немного иначе, для виду подвигал челюстями, будто приспосабливая их к работе, пощелкал языком и ответил голосом, отдаленно похожим на запись автоответчика:

— Дайте мне минут пятнадцать.

Очкирик повернул к нему частично спрятанное в прилизанных волосах ухо, прислушиваясь.

— Неплохо,— деловито оценил он.— Только глубины недостаточно, и акцент почти не слышен.

— Сейчас настроимся,— снисходительно успокоил его артист.— Давайте так, вы пока объясните, что и кому я должен буду говорить, а я попрактикуюсь, хорошо?

— Да, конечно!

Вдохновившийся Айсан сел, скрестив по-турецки ноги, прямо на давно не метенный палас. Восхищенно глядя на артиста поверх своих подозрительно дорогих «гаррипоттерских» очков, он сбивчиво принялся объяснять Пряникову его миссию.

— Ийэ, как я уже говорил, это «мама» по-якутски. Отец у меня из республики Саха родом, уехал оттуда, когда в моем возрасте был, в поисках лучшей жизни. Пару лет назад ездил к ийэ в гости,— у них в поселке тогда только-только сотовую связь наладили,— купил ей телефон. С тех пор два раза в месяц ей звонил, стablyно. Ийэ старенькая совсем, мы ее бережем очень.

Очкарик задумчиво поковырял ногтем прилипшую к паласу жвачку.

— Самая большая проблема — ийэ по-русски не говорит. Вообще.

— Простите, а как же я... — опешил Пряников.

— Ну, она все понимает, но принципиально говорить на русском не хочет. Говорит, что этот народ у нее сына забрал и внука забрал... Каждый раз пытается мне там невесту найти!

Он улыбнулся грустно и задумчиво.

— А отец тоже на принцип пошел — мол, не стану я на этом дикарском наречии балаболить. Они так и разговаривают... разговаривали. Он на русском, она — на якутском. Упертые оба...

Нечто настолько горькое проникло вдруг в его голос, что Аркадий Афанасьевич, до того успешно имитирующий бурную деятельность, разминая губы и щелкая языком, вдруг замер, почувствовав себя до ужаса неловко. Глядя на осунувшееся лицо Очкарика, он дал себе слово, что если тот попросит его о подобной услуге еще раз, он, Пряников, согласится сделать это бесплатно... Ну ладно, за половину стоимости.

Следующие двадцать минут протекли незаметно. Артист старательно изображал становление нового

голоса, по кирпичикам выкладывая новые интонации, воспроизводя особенности произношения. Как оказалось, репетиция была не лишней. Едва уловимый акцент оригинала дался Аркадию Афанасьевичу не сразу.

Молодой все это время рассказывал ему, что и как артист должен будет говорить. Разговор вырисовывался не слишком сложный: поздороваться, справиться о здоровье, рассказать пару столичных новостей, плавно свести к погоде и тихонько попрощаться. Пока они разбирали детали, дважды заходил арт-менеджер, поинтересовавшись, все ли хорошо, и не желает ли «звезда» еще чаю или кофе. Сидящий на полу Очкарик, казалось, совершенно его не смущал. Чертов корпоратив должен был начаться уже через час, и измотанного подготовкой арт-менеджера заботило только, чтобы выступающий был трезв и при памяти.

— Очень важен момент прощания,— подвел итог Очкарик.— Отец всегда прощался по-якутски. Это очень важно запомнить. Слушайте — вот так...

— *Мин ахъагъаспын. Мин оннубар бол.*

Ничего сложного в чужом языке не было, однако пародист удивился, сколько почтения и торжественности вложил молодой в эту фразу.

— *Мин ахъагъаспын*,— Аркадий Афанасьевич обкатал слова во рту, пытаясь расprobовать новые, непривычные звуки,— *мин оннубар бол*.

— Нет, не так! — Очкарик замотал головой.— Больше уважения... Даже пафоса, если хотите... Это очень важно! *Мин ахъагъаспын. Мин оннубар бол.*

— *Мин ахъагъаспын, мин оннубар бол*,— эхом отозвался артист.

— *Мин ахъагъаспын, мин оннубар бол*,— пристально глядя ему в глаза, повторил Айсан.

— *Мин ахъагъаспын, мин оннубар бол...*

Торжественности и глубины произношения Айсана артист достичь так и не сумел, но заказчик оказался доволен и придиরаться не стал. Да и то верно, думал

Пряников, много там услышит полуглухая бабка через старый мобильник, за четыре тысячи километров?

— Вот. Здесь отцовская «симка». — Очкарик протянул ему дорогой смартфон, так же как и очки, подозрительно диссонирующий с костюмом из секондхэнда. Сомнения вновь ненадолго одолели Аркадия Афанасьевича. Но десять потертых сотенных купюр веером разлеглись на тумбочке перед зеркалом, и сомнения были безжалостно подавлены.

— Номер выбран. Жмите вызов и говорите. Связь не очень хорошая, поэтому поплотнее к уху прижимайте.

Пряников внезапно почувствовал хорошо знакомое волнение. Точно такие же ощущения всякий раз одолевали его перед выходом на большую сцену. Разница была лишь в том, что сейчас это волнение никак не желало улечься и нарастающими приливными волнами накрывало артиста все сильнее и сильнее. Он неуверенно ткнул большим пальцем в зеленую пиктограмму телефонной трубки и, вдавив мобильный в ухо, прислушался к запредельно далеким, каким-то космическим гудкам.

Подсознательно он ожидал услышать старческий голос, который скажет ему что-нибудь банально-телефонное. Какое-нибудь «алле» или «слушаю». Возможно даже радостное «сынок!». На деле же просто прекратились гудки, и из динамика полилась гнетущая, наполненная похожими на свист ветра помехами, тишина. Не зная, как себя вести, Аркадий Афанасьевич глупо посмотрел на Очкарика, и тот сразу все понял.

— Быстрее, поздоровайтесь с ней! — одними губами прошептал он.

— Ийэ, здравствуй, родная!

Голос все же подвел артиста, от неожиданности «дав петуха», и по тому, как страдальчески схватился за голову Очкарик, Аркадий Афанасьевич понял, что прокололся он серьезно.

— Ты прости, что вчера не позвонил! На работе — аврал, я задержался немного...

Спеша исправиться, Пряников практически словно цитировал многократно прослушанную аудиозапись. Трубка еще мгновение помолчала, а затем наконец-то отозвалась тусклым, бесцветным голосом, в котором, однако, и намека не было на дребезжащие старческие нотки, которые рассчитывал услышать пародист. И одновременно в ухо Аркадия Афанасьевича словно воткнулась крохотная иголка. Воткнулась неглубоко, но достаточно болезненно, так, что артист даже ненадолго отодвинул телефон и пощупал ушную раковину пальцем, на предмет наличия крови. Крови не было. А вот неприятное ощущение осталось.

— Господи, что вы делаете! — горячо зашептал Тадын.— Вы же все окончательно испортите!

Выпученные глаза его прилипли изнутри к стеклам «гаррипоттеровских» очков. Он проворно перехватил запястье артиста и прижал телефон обратно к его уху.

— Давайте, скажите ей, что будете разговаривать по-русски!

— Ийэ, родная, я же просил тебя говорить по-русски! — с готовностью повиновался Аркадий Афанасьевич. Он уже выровнял голос и говорил теперь уверенно и даже немного устало.— Я теперь городской житель, мне на этом дикарском языке по статусу лопотать не положено...

— Очень хорошо,— вновь одними губами прошептал Очкарик.— Сейчас она будет ругать вас за то, что предков забыли, за то, что от родной земли отвернулись. Просто слушайте, не перебивайте...

Аркадий Афанасьевич сдержанно кивнул. Странно, но ему вовсе не показалось, что в голосе старой женщины проскальзывало неудовольствие или раздражение. Напротив, чужой говор приобрел размеренную напевность и плавность, не свойственную ни европейским, ни славянским языкам. Решив не заморачиваться по пустякам, Аркадий Афанасьевич плотнее вжал трубку в ухо и попытался разобрать слова.

— Уонна бере, уонна эхъэ, уонна турас...

Неприятное ощущение в ухе не покидало артиста. Как будто в ушной раковине поселился какой-то многоногий паразит, беспардонно скребущий своими маленькими колючими лапками барабанную перепонку Пряникова. Но будучи профессионалом, Аркадий Афанасьевич даже не морщился. Как-то на одном из выступлений во время антракта нерадивый работник сцены уронил ему на ногу тяжеленный софит. Тогда Аркадий Афанасьевич все же вышел к публике и с блеском закончил выступление на бис. И только потом, в травмпункте узнал, что стопа его буквально раздроблена. Так что мелочи, вроде придуманного насекомого в ухе, для профессионала его класса были попросту ненесущественными.

— Уонна бере, уонна эхъэ...

— Да, ийэ, у нас все хорошо!

— Уонна турас...

— Айсан здоров, твоими молитвами...

— Хаанынан топпот ин'сэгъин талоруом...

— На работе все отлично, повышение обещают...

— ...хаан 'агъа бултуур...

— Еще пять минут, и можно будет прощаться... Расскажите про погоду, она это любит... — осторожно, чтобы не вклинииться в беседу, прошептал Айсан.

Все изменилось в какую-то долю секунды. Внешне все осталось таким же, но где-то внутри Пряникова растущее напряжение вдруг трансформировалось в нечто незнакомое, странное. Будто внезапно открылось какое-то потайное зрение, обострилось то самое неизведанное «шестое чувство», о котором так любят судачить журналисты желтых газет.

И он, скорее, по-настоящему увидел, чем представил или почувствовал, странную, страшную и отчасти даже нелепую картину...

...посреди бескрайней осенней тундры — рыжей с тусклым золотом, слившейся в единое целое с безликим синим

небом,— стафая, нет, скорее даже древняя женщина в национальном долгополом наряде, подолом своим подметающим ровную, вытянутую до блеска поверхность каменного капища, стояла, держа в вытянутой руке старый мобильный телефон в кожаном чехле. Она размеренно произносила то ли песню, то ли молитву, и лишенные многих привычных букв слова, упав в свежий, напоенный холодным ветром воздух, превращались в гигантских северных комаров, с жужжанием влетавших прямо в трубку, спешащих добраться до...

— Что там у вас происходит? — отпрянув от телефона, прохрипел Аркадий Афанасьевич.

Лоб его покрылся густой и липкой испариной, похожей на клейкий кисель. Перед глазами прыгали кровавые олешки, месящие бесплодную землю тундры черными раздвоенными копытами. Дрожащей рукой он протянул мобильник Очкарику и большим пальцем нажал на кнопку «отключить микрофон», отсекая голос полуумной старухи.

— Я не буду больше разговаривать,— строго сказал он.

Вернее — попытался сказать строго и безапелляционно. На деле отказ прозвучал жалко и неубедительно. Очкарик же, увидев экран, с перечеркнутым красной линией микрофоном, повел себя совершенно неадекватно. Пронзительно взвизгнув, он ощерил мелкие редкие зубки, мгновенно став похожим на огромного серого грызуна, и, вытянув перед собой руки, кинулся на Аркадия Афанасьевича. В любое другое время артист, бывший килограммов на пятьдесят тяжелее этого мелкого недоноска, попросту отбросил бы его в сторону взмахом руки. В молодости Аркадий Афанасьевич занимался и боксом, и борьбой, и тело до сих пор многое помнило, и слушалось исправно, но...

...но перед глазами все еще стояло лицо — желтое, как низко висящая луна и точно так же изрытое кратерами спин и изрезанное каньонами морщин. Седые толстые косы дохлыми белесыми змеями спадали на расшитый бисером воротник, туго схватывающий дряблую шею. Сцепленные в единую

блестящую медную грозь, тревожно звенели многочисленные серьги, оттягивающие тонкие мочки ушей почти до самых скроченных старостью плеч. И заскофузлые пальцы, подносящие огромную допотопную «мотофоллу» прямо к потрескавшимся от холода губам, безостановочно продолжающим бормотать свою песню-молитву прямо в микрофон... доверительно нашептывая что-то неведомое... что-то запретное... что-то страшное...

Очкирик не стал изобретать смертельных приемов, а просто с разбегу врезался головой в живот Пряникова. Нажитый годами непосильной работы жир смягчил удар и погасил боль. Но сила толчка повалила артиста на истоптанный штиблетами многочисленных посетителей, засыпанный толстым слоем пыли и сигаретного пепла палас гримерной. Аркадий Афанасьевич рухнул на спину и, не успев сгруппироваться, с силой стукнулся затылком о пол. В первую секунду ему показалось, что прямо под потолком взорвалась люминесцентная лампочка, и теперь ее осколки, перемешанные с невидимыми капельками ртути, снежинками планируют прямо на его открытое лицо. Затем в пульсирующее ухо вновь ввинтились, перебивая даже барабанный грохот кровеносных сосудов, монотонные слова чужого языка. Ни следа былой немощи не осталось в женском голосе. Словно, пока Пряников приходил в себя, скинула старуха лет семьдесят и теперь стройной черноволосой красоткой отплысывала перед взмывающим в вечереющее небо костром, напевая древние песни загадочного северного народа, ослепительно сияя белозубой улыбкой.

Протестующе замычав, Пряников попытался отодвинуть от себя раскаленную телефонную трубку и с удивлением обнаружил, что не может пошевелить руками. Тряхнув массивной головой, он разогнал падающих с потолка белых мух, возвращая зрению резкость. Прямо у него на животе, по-жабы растопырив коленки и упервшись рукой ему в грудь, сидел Очкарик.

Свободной рукой он старательно прижимал к уху артиста свой сотовый телефон. Он все еще продолжал щериться, как крысеныш-переросток, и Аркадий Афанасьевич с ужасом отметил, что резцы у него выделяются гораздо сильнее, чем положено бы человеку. Идеально уложенные волосы выбились из прически и нависли над потным лбом, оголяя заостренные ушки. Из субтильного юноши весь он вдруг стал каким-то угловатым и коренастым, и даже весу в его тщедушном тельце будто прибавилось — как ни старался Пряников выгнуться «мостиком», чтобы сбросить с себя эту жуткую нечисть, но не мог приподнять лопатки над полом и на сантиметр!

— Отпустите меня! — взмолился Аркадий Афанасьевич.— Пожалуйста, я не хочу больше разговаривать!

От нахлынувшего ужаса и осознания собственной беспомощности он по-детски крепко зажмурился. А когда рискнул открыть глаза вновь, «крысеныш» исчез. Тадын был все тем же «гаррипоттером» — субтильным, тощим и ничуточки не опасным.

Он сидел на паласе рядом с Пряниковым и, просительно заглядывая в его перепуганные глаза, протягивал подозрительно молчаливый сотовый.

— Аркадий Афанасьевич, у вас был нервный срыв.— Голос Айсана звучал укоризненно и немного дрожал, будто от испуга.— Вы бабушку перепугали, я ее еле успокоил...

— Шх... что со мной было? — приподнявшись на локте, спросил Пряников.

Перед глазами артиста все еще мелькали вздернутая по-звериному губа и лезущие из-под нее клыки.

— Да откуда я знаю? Чертей каких-то гоняли... вы бы пили поменьше, Аркадий Афанасьевич,— укоризненно покачал головой «гаррипоттер».— Впрочем, вы человек взрослый, сами разберетесь... А сейчас, пожалуйста, давайте закончим наше дело? Вот, с бабушкой попрощайтесь, и все на этом.

Отпрянув от протянутого телефона, точно от ядовитой змеи, Пряников неожиданно для себя сжался, как ребенок в ожидании подзатыльника. Но наказания не последовало. Тадын не превратился в гигантскую крысу и не откусил ему голову. Лишь устало взглянул на старого задерганного пародиста поверх очков и вновь протянул ему трубку.

— Пожалуйста, Аркадий Афанасьевич. Просто успокойте ее, скажите, что с отцом... в смысле с вами, все в порядке. Попрощайтесь, и мы разойдемся, довольные и счастливые.

Пряников нервно затряс головой. Он не желал иметь больше ничего общего с этими странными и страшными людьми. С каждым из них персонально и со всем семейством в совокупности. Но Очкарик прекрасно все понимал и потому сказал ту единственную фразу, которая только и могла повлиять на принятие решения.

— Просто попрощайтесь с ней, как я вас учил, и деньги — ваши.

С опаской приняв горячую трубку, артист приложил ее к уху.

— Ма...

— Голос! — тут же рассерженно прошипел Очкарик.

Пряников забухыкал, старательно изображая кашель, и тут же начал вновь, но уже гораздо ниже и с тем неуловимым акцентом, который ему так тяжело давался.

— Ийэ, родная, все хорошо... Я что-то приболел немного...

Телефон зловеще молчал. Невероятно, но этот маленький кусочек пластмассы был похож на затаившегося хищника, ожидающего, когда добыча сама подойдет поближе. Крупного, смертельно опасного хищника.

— Я пойду, пожалуй, ийэ...

Молчание. И вновь раздраженный шепот Айсана:

— Как я учил!

С тоской поглядев на замершего Очкарика, теперь больше похожего на охотничью собаку, учувшую дичь, чем на крысу, Аркадий Афанасьевич притянул трубку к губам и обреченно произнес:

— *Мин ахъагъаспын... мин оннубар бол...*

И трубка впервые ответила на чистейшем русском языке:

— Да будет так...

Опешивший артист едва не выронил телефон из ладони. Округлившимися глазами он глядел на Айсана, ухмыляющегося отвратительно и гнусно.

— Что я сказал? — прошептал артист.

— Вы сказали — я открыт, будь вместо меня, — мерзко хихикнул Очкарик.

В комнате внезапно стало душно. Сдвинувшиеся стены спрессовали воздух до такой плотности, что дышать им стало физически невозможно, и Аркадий Афанасьевич рванул ворот белоснежной рубашки, безнадежно разрывая нежное кружевное жабо.

— Что это значит? — прохрипел он.

Тадын в ответ гаденько ухмыльнулся, сверкнув клыками, и отодвинулся в сторонку. Проводив его мутным взглядом, Аркадий Афанасьевич вспомнил о зажатой в руке трубке и заорал в нее:

— Что это значит?! Открыт кому?! Открыт кому!?

...в это мгновение, за четыре тысячи километров от гимерки, старая женщина, держа одной рукой включенную «мотороллу», другой привычно уверенным движением перекрепала горло черному жертвенному оленю, все это время лежавшему у ее ног. Спутанные ноги животного задергались, отчего прикрученная к ним рогатая голова запрокидывалась все дальше и дальше на спину, расширяя и без того широкую рану, в которую уверенно вгрызался старый нож с костяной рукоятью. Кровь из распахнутого оленевого горла миновала сморщенную стафушечью руку, не стала задерживаться на холодной острой стали, а прямиком рванула в микрофон мобильного телефона и, в мгновение ока преодолев огромное

расстояние, всей своей силой ударила пожилого артиста, неосторожно оказавшегося у нее на пути, прямо в мозг...

Аркадий Афанасьевич постоял, пошатываясь, а затем, точно нокаутированный боксер-тяжеловес, рухнул лицом вперед.

Отошедший от греха подальше Очкарик с ногами забрался на стол и оттуда, с безопасного расстояния, следил за неподвижным грузным телом старого артиста. Вот по широкой спине, обтянутой белым ситцем рубашки с огромным темным пятном пота вдоль позвоночника, пробежала широкая волна дрожи. Лопатки острыми углами натянули ткань, грозя прорвать, и тут же бессильно опали. Исчезли, как ушедшие под воду акульи плавники.

Очкарик настороженно принюхался и вдруг спрыгнул на пол, мягко, по-кошачьи, приземлившись сперва на руки и лишь затем подтянув ноги. Несмотря на весь свой вес, проделал он это совершенно бесшумно и даже грациозно. Все так же на четвереньках Айсан обошел подрагивающее тело, то и дело наклоняясь к нему правым ухом, будто к чему-то прислушиваясь.

— Помоги встать отцу... — раздался с пола знакомый голос — хриплый, с неуловимым акцентом. Вроде бы тот же самый, которым только что разговаривал Пряников, но в то же время неуловимо иной. Не копия — оригинал.

— Агъа! — радостно завопил Очкарик.

Он проворно перевернул артиста на спину и помог ему сесть. Тот уперся могучими руками в пол и, откинув голову назад, звучно прочистил горло и без всякого стеснения харкнул в стену перед собой. Невероятных размеров плевок влепился в выцветшие обои и тут же стек по ним густой амебоподобной кляксой коричневато-кровавого цвета. В воздухе мгновенно разлился запах табака и гнили.

— Дрянь какая! — недовольно прохрипел Пряников. — Я же просил мне некурящего найти?! Что, в этом паршивом мирке не осталось пары здоровых легких?

— За то время, что ты дал,— лучшее, что ийэ успела отыскать,— виновато повесив голову, покаялся Очкарик.

Аркадий Афанасьевич... нет, кто-то или что-то, похожее на Аркадия Афанасьевича как две капли воды, недовольно пробормотало себе под нос неразборчивое ругательство и попыталось встать. Новое тело все еще слушалось плохо, и если бы Очкарик вовремя не поддержал его, обхватив рукой под мышками, оно бы наверняка рухнуло обратно на пол. Все еще недоверчиво поглядывая на вновь обретенного отца, Очкарик робко спросил:

— Агъа, это правда ты? Мы вернули тебя?

Тот в ответ попытался отвесить нерадивому отпрыску подзатыльник, но быстро перестал бороться с не послушной рукой и лишь спокойно пообещал:

— Встану на ноги — шкуру с тебя спущу... и с бабки твоей... Чтобы знали, каково мне сейчас...

Ничего не ответив, Айсан ощерил в улыбке мелкие острые зубки, и глаза его за стеклами очков влажно засияли. Он крепче обнял своего *агъаны* и осторожно потащил его в кресло. Предстояло еще каким-то образом утрясти вопросы с организаторами концерта, вратить, что «звезде незддоровится», но теперь, когда отец был здесь, рядом с ним, шумно дыша своими новыми, хоть и больными легкими, все казалось несущественным и мелким. Хотелось потереться носом о щетинистую щеку нового отцова лица, но он знал, что запах еще долго будет «чужим», и вместо этого лишь похлопал его по спине и сказал:

— Хорошее тело, большое! Годное! Долго жить будешь, агъа!

— Тело дрянь.— Отец вновь шумно откашлялся и выплонул из себя огромный сгусток табачно-кровавой слюны.— Курил он много шибко. Рак у него. Он и сам бы лет через пять истлел, а со мной так за год спичкой согрят... — Дрянь тело,— покачав головой, повторил он.

— Год — долго,— глубокомысленно заметил Очкарик, усаживая медленно ожившего агъяны на престарелый диван.— За год другое тело подберем. Втроемшибко быстрее работать будем!

— Подберем, подберем,— устало прикрыв глаза, прошептал бывший Пряников.— У него книжка записная в сумке — цапни-ка ее, дай мне... Уж кто-нибудь из его друзей-лицедеев должен быть здоровым, так думаю...

Очкарик быстро сбежал за сумкой, выпотрошил, извлек маленькую, коричневой кожи «записнушку» и бережно вложил ее в раскрытую ладонь отца. Тот приоткрыл один глаз, бегло пробежал мутным взглядом по мятым страницам, испещренным различными именами, фамилиями, прозвищами, домашними адресами и телефонами. Пасты, которыми наносились пометки, были разноцветными, от выцветше-черной, до свежезеленой, а вот почерк — всегда одним и тем же, мелким, скатым и компактным. Вяло пошелестев страницами, в конце концов остановился на одной из самых первых.

— Вот, на-ка.— Рука, действующая уже гораздо увереннее, бросила книжечку Очкарику.— Давай с этого начнем... Талантливый мальчик, пародист... Он, помнится, передачи разные озвучивал, даровитый, да и форма у него — не чета этому...

В конце фразы он пренебрежительно хлопнул себя ладонью по отвисшему брюху. Силы возвращались к нему все быстрее и увереннее. Очкарик с интересом заглянул в книжечку и присвистнул.

— Высоко берешь, однако! Этого на тысячу баксов не поймать — не того полета птица. Он, говорят, роль за миллион долларов завернул, из-за каких-то своих личных убеждений...

— Это хорошо,— довольно прошептал бывший Пряников, вновь прикрывая глаза.— Чем упрямей душа, тем тело крепче. Пометь его, на недельке начнем обрабатывать... А сейчас, давай-ка, тащи меня к главному... будем конфликт улаживать...

Через минуту Очкарик вел его, шагающего еще не слишком уверенно, но уже вполне самостоятельно, на встречу с директором концертного зала. На столе в гримерной осталась дожидаться своего часа коричневая записная книжка. На раскрытых страницах среди множества разномастных записей и пометок выделялась одна, жирно обведенная синей пастой: имя и фамилия.

Те же самые, что были написаны на плакате, висящем на двери гримерной, с которого мрачный молодой красавец грозил зрителю огромным черным пистолетом.

Виктория Земскова

ПЕРЕВЕРТЫШИ

В моей жизни все изменилось, когда в один прекрасный день мама протянула мне письмо.

Письмо – не письмо, его так даже назвать сложно, просто несколько строк, выведенных окружным почерком на белом листе с твердыми краями, о которые легко поранить руки. Поэтому я осторожно взял его и поднес ближе к глазам. У меня с детства сильная близорукость, в школе стеснялся носить очки, и из-за этого развилась привычка читать слишком близко. От листика приятно пахло солидностью и большими деньгами. Я еще раз осторожно понюхал его (разумеется, бумага ничем не пахла, это разыгралось воображение) и прочитал письмо.

Вальдемар!

Пишет тебе дедушка, который до недавнего времени даже не подозревал о твоем существовании, как, наверно, и ты о моем. Я стар и немощен, и нуждаюсь в компаньоне. Если ты не побрезгешь мною и скрасишь мои последние дни, а их, несомненно, не так уж и много осталось, я завещаю тебе, как единственному наследнику, свое состояние. А это несколько миллионов и еще кое-какая недвижимость, разбросанная по стране.

Твой дедушка.

Я обрадовался. Несколько строк в один момент превратили меня из байстрюка и полного безнадеги, *Мистера Никчемность*, которому ни на что не следует рассчитывать, в молодого наследника. Перед глазами

закружились соблазнительные картины из жизни баловней судьбы, подсмотренные в маминых сериалах. Обязательный белый костюм, пробковый шлем — только на кой он мне сдался; сигара — начну курить; золотые перстни, длинные ногти на мизинцах; а также девочки секси, пати и прочие радости жизни. И вскоре мне предстоит занять место в этом праздничном параде, стоит лишь провести несколько дней, ну, может, неделю, или на худой конец пару-тройку месяцев в обществе дедушки, ведь стариk сам написал, что жить ему осталось недолго. Нужно торопиться, вдруг он себе еще какого-нибудь внука отыщет, еду прямо завтра.

Из мечтаний меня вывела мама. Женщина, судьюю призванная портить все хорошие моменты моей жизни. Видит бог, сделать на этом поприще ей удалось немало. В длинный список ее прегрешений входили и такие, какие ни один другой сын не простил бы своей матери. Например, дверь, с которой еще в моем пятилетнем возрасте были сняты все запоры под предлогом того, что я могу нечаянно закрыться и задохнуться во сне под одеялом. И вот как раз в тот момент, когда я, наконец, уболтал Маришку, местную красавицу *Даю всем-без-разбора*, и, стянув ее прозрачные трусики, пристроился между ее длинных ног, задранных для большего кайфа мне на плечи, готовясь навсегда распрошаться со своей невинностью... Дверь распахнулась:

— Детки, а вы не хотите чаю? Я такие милые ванильные кексики только что испекла.

Конечно, после этого я был единственным парнем, который получил школьный аттестат в состоянии безнадежной девственности. После того как мстительная Маришка всем разболтала об инциденте, девушки избегали меня, а уж сколько шуточек по этому поводу мне пришлось выслушать от парней...

В этот раз мама сильно наморщила лоб, так что он собрался в тонкую рифленую стиральную доску, хоть сейчас становись и стирай, и сказала:

— Воля, тут какая-то ошибка. Твой папа говорил, что его дед умер совсем молодым. Он еще очень горевал, мол, я его совсем не помню. Так что извини, но у тебя нет никакого дедушки Павла. Во всяком случае, живого.

— Подожди. Но ведь отчество у папы было Павлович. Так что все сходится.

— Ну что сходится? Что сходится?

Мама, даже когда сто раз не права, готова умереть, но свое доказать. Поэтому спор затягивался, но я уже принял решение.

— Мама, я все равно поеду. Ты случайно не видела мои очки?

Я перевел разговор на другую тему, и мама бросилась искать очки, не заметив, что я во время разговора успел нацепить их на переносицу.

Дед Павел жил на юге. Я ехал к нему в душном плацкартном вагоне с заколоченными окнами, и пот с меня катился градом. Я сразу разделся, аккуратно сложил вещи под матрац, чтобы они не помялись в дороге. Надеюсь, мучаюсь не зря. Я уже решил, что даже если дедушка Паша окажется не моим дедом, я все равно в этом не признаюсь. Мне нужен этот шанс, и я готов пойти на все, чтобы не возвращаться к маме и к ее ванильным кексам и морковным котлетам.

Меня не остановила даже знойная волна воздуха, словно раскаленного в гигантской печке, которая моментально оглушила, стоило покинуть душный вагон. Под жарким солнцем плавился асфальт, пересыхал воздух и закипали мозги. Я взглянул на себя: так и есть, на рубашке под мышками выступили мокрые пятна. Что там подмышки, я весь покрылся липкой пленкой пота. Как же я ненавижу сауну! А весь этот город и чертов юг оказались просто огромной финской банией, а если обратить внимание на местоположение, то скорее Хаммамом. Мой праздничный вид безнадежно испорчен. Я в отчаянии посмотрел на других пасса-

жиров. В яблочко! Такие же безобразные пятна пота, расплывшиеся под мышками и на спине. А вот местные щеголяли в чистеньких рубашках, видно, приспособились к этой убийственной жаре. *Смогли они, смогу и я.*

Вокзал был шумным. Толкались люди, пьющие и перекусывающие на ходу, с гомоном тянувшие за собой упирающиеся чемоданы. Ворковали жирные голуби. Я с удивлением смотрел на этих попрошаек, бодро снующих под ногами в поисках подачек. В моем городе тоже были голуби, но пугливые и осторожные, к ним и коту сложно подкрасться. *Эх, Ваську бы моего слада, его тут можно было бы и не кормить.* В общую струю вносили хаос объявления, которые сразу на двух языках читал женский бездушный голос. Каждые пять минут все смолкало — это били время большие вокзальные часы, за которыми все равно не было ничего слышно. Я поторопился покинуть этот ад и через белую арку с надписью «В ГОРОД» вышел на бурлящую транспортом привокзальную площадь. Проблему, как найти дедов дом, я решил быстро. Белая «Волга» с шашечками на крыше и усатым шофером за рулем, который гортанно разговаривал на местном суржике, немного покружив меня по забитым машинами улицам, выскочила на широкую многолосную автостраду. Таксист ощутимо прибавил скорость и, игнорируя работающий кондиционер, открыл окна, врубил музыку так, что машина вибрировала при особо низких частотах, и помчался с ветерком.

Дом, возле которого меня высадил таксист, еле проглядывался, прячась за забором. Видно, давным-давно никто не подрезал ежевику, которая из живой изгороди превратилась в неприступные крепостные стены, ощетинившиеся молодыми побегами и усыпанные твердой, еще не созревшей шишковатой ягодой. Я с трудом нашел калитку и по не менее запущенному саду пошел к дому. Везде было пусто, меня никто не встретил. Уж не опоздал ли я? На пороге дома меня начали

мучить дурные предчувствия. Накинулись всякие «если да кабы». Начиналось все одинаково: «*А что, если*», а дальше сценарий менялся в зависимости от того, что я последним прочитал или увидел по телевизору. Сейчас моя сакраментальная фраза продолжилась: «...дед умер, не дождавшись меня? Оставил ли он завещание? Если да, то в чью пользу? И у кого оно может храниться?..» В памяти появился образ обезличенного адвоката, тем временем воображение творило дальше... «*Плохо, если завещание не в мою пользу. А даже если дед и не написал его. Как я докажу, что мы родственники? По документам у меня нет отца. Эх, это что же, я зря проделал такой путь?*»

Пока я развлекался подобными страшилками, ноги сами занесли меня в дом. Дверь бесшумно открылась и не менее бесшумно закрылась за моей спиной, и вот я – готовый взломщик, налицо проникновение в чужое жилище со злым умыслом (ведь я приехал, чтобы разбогатеть), а если еще и дед мертвый лежит в своей постельке, свежепредставленный... вот и доказывай потом, что не ворю. Да и не доказать, плеваться-то умею... Я прислушался, но не для того, чтобы уловить звук милицейских сирен, поскольку давно научился не воспринимать всерьез собственные фантазии. Мне, наверное, писателем нужно становиться, а не учителем истории, хотя почему бы и нет, одно другому не мешает. А прислушался я, потому что хотел уловить, какие звуки живут в доме, или, на худой конец, чтобы иметь представление, в какую сторону идти. Но старый дом молчал, молчали мышки-норушки, притаившись по углам, тихо сидел червячик-древоточец, что ж, у них тоже бывают перерывы в еде. Не было слышно даже тиканья обязательных для таких домов деревянных часов с кукушкой. Тишина настороживала, обволакивала и отупляла, но я решительно не поддавался ее чарам. Я хотел шума и действий. Я приехал сюда не для того, чтобы красться затемненными коридорами, где ни фига не видать из-за разросшихся кустов, подступивших к самым окнам, заглядывающих

в них и подсматривающих, нельзя ли поддать веточкой и проломить это тоненькое стекло, потом переползти через подоконник и буйно разойтись между стен. Поэтому я шел, сознательно шумя, топая ногами, насиживающая привязавшийся в поезде шлягер, не хватало только палки, которой можно веселенько пройтись по стенам и дверям, выстукивая по ним дробь. По пути я открывал все двери, что мне попались, но повсюду видел только опущенные шторы, зачехленную мебель и затхлый воздух, который вырывался из-за каждой приоткрытой двери прямо в лицо. Запах плесени, бр-р-р, после него вглядываться дальше в комнату не хотелось. Наконец осталась последняя дверь. Моя бравада улетучилась, и я в нерешительности замер перед ней.

Строгая лакированная дверь. Замочная скважина, над нею дверная ручка, блестящая, отполированная тысячами хватаний. Грязными руками, больными руками, уродливыми руками. Хорошо, что я не дверная ручка! Я опустил на нее ладонь и легонечко нажал. Еще одно касание, которое ей придется вытерпеть. Толкнул дверь, она подалась. В груди не екнуло и не стукнуло, и не было никаких других знаков, предупреждающих меня о неладном. Я стоял на пороге, в полосе падающего из коридора света, а дверь, подталкиваемая собственный весом, медленно открывалась. Шторы были опущены, но, в отличие от других, эта комната оказалась жилой. И ее обитатель в данный момент спал. Под одеялом, несмотря на духоту, лежал человек-гигант. Я и сам был немаленького роста, из тех, что на физкультуре стоят первыми, а за ними, на полголовы ниже, остальные, но до спящего мне рости и рости. *Неужели это мой дед?* Путешествие закончено возле этой широкой кровати. Или одна глава моей жизни заканчивалась, и начиналась другая? Я подошел ближе к спящему. Дед был седым, но старым не выглядел. Гладко выбритое лицо, кожа, слишком смуглая, но ведь он живет на юге, под таким солнцем можно и негром

стать, несколько резких морщин. Три глубоких на лбу, две носогубные складки и лучики у внешних уголков глаз. И это все. Очень хорошо сохранился. Я учуял запах сигаретного дыма. На прикроватной тумбочке стояла переполненная окурками пепельница. И, кажется, оттуда поднимался дымок...

— Здравствуйте!

Это сказал не я и не дед. *Такой завораживающий женский голос.* Я, не мешкая, обернулся к его обладательнице. *Хоть бы она была молода и красива! В яблочко!* Я увидел молодую женщину в легком белом халате. Узкое лицо под золотистой челкой. Фиалковые глаза, пухлые чувственные губы. Я постарался быстрее захлопнуть рот, чтобы не выглядеть этаким провинциальным дурчаком-простофилей. Но боюсь, все-таки выглядел, потому что заметил, как ее глаза чуть прищурились, улыбаясь. *Вот черт...*

— Меня зовут Алиса, я одна из медсестер, которые ухаживают за Павлом Алексеевичем. А вы, наверное, Вольдемар Константинович.

Вольдемар Константинович, солидно, будто не про меня.

— Не так официально. Зовите меня Волей.

— А мы вас так скоро не ждали. Вот Павел Алексеевич обрадуется, когда проснется.

— А давно он спит?

— Нет. Но не будем его будить, пойдемте, я покажу вашу комнату.

На пороге я приостановился, хотел еще раз осмотреться, но Алиса положила мне руку на рукав и настойчиво потянула за собой. *Однако...*

Предназначенная мне комната была одною из тех, в которые я заглядывал, когда искал деда. Просторная, с двуспальной кроватью, на такой жалко спать одному. Вот и тумбочек прикроватных две в подтверждение моих мыслей. Возможно, раньше это была семейная спальня. Алиса, не жалея аптекарской чистоты халати-

ка, принялась сдирать чехлы с мебели. Я отворил плотные шторы, и пыль, которую потревожили, радостно заплясала в столбе солнечного света. Вся остальная мебель выглядела громоздкой и устаревшей.

Деда я увидел вечером. Остаток дня убил на то, чтобы обустроиться. Прислуги не было, только сиделки-медсестры, которые вели нехитрое хозяйство и готовили. Кажется, еще два раза в неделю приходила женщина, чтобы убрать дом и навести порядок в саду, но я сомневался в ее существовании: дом-то грязный, а сад — запущенный. Вечером ко мне в комнату постучались. За дверью стояла молоденькая девушка, по виду совсем ребенок, в обязательном белом халатике. *Стоп! Похоже на форму, которую обязаны носить все. Уж не выдадут ли мне такой же?* Представил себя в кукле халате, с торчащими оттуда голыми волосатыми ногами сорок четвертого размера и не удержался, рассмеялся. У девушки обиженно задрожали губы. Похоже, мой смех она приняла на свой счет.

— Извините. Что вы хотели? — взял себя в руки.

— Я... я ничего.— Она развернулась и ушла бы, но я проворно схватил ее за плечо.

— Ну, я же извинился. Ты кто? Давай знакомиться. Я Воля.

— А я Кира. Медсестра, помогаю вашему дедушке. Я и пришла от него. Он просит, чтобы вы к нему зашли.

— Ну вот, а хотела убежать, ничего не сказав,— пошутил я девушку.— А где Алиса?

— Алиса?

— Когда я приехал, здесь была другая девушка, тоже медсестра.

— А, Алисия Викторовна. Она уже ушла. Ее смена закончилась. Мы втроем дежурим около Павла Алексеевича, по суткам. Я, Алисия Викторовна и Валентина.

Уже знакомым путем я прошел за Кирой к деду.

Он полусидел-полулежал, опираясь на большие подушки, и курил. Немного побледнев, я подошел к кровати и

уселся в изголовье на стул с кованой спинкой. Вещь на вид красивая, старинная, но сидеть неудобно. Я уже заметил: вещи в основном служат или тому, чтобы на них любовались, или тому, чтобы пользовались, стул как раз был из тех, которыми можно только любоваться. Поэтому я слегка поерзал, устраиваясь, и, в конце концов, сполз на самый краешек, пришлось напрячь мускулы ног и балансируя. Я уставился на деда, дед — на меня. Несколько секунд мы молча оглядывали друг друга. Не знаю, остался ли он доволен моим внешним видом. Может, он и не такого внука желал. Но простите, что выросло, то выросло. Я тоже не знал, что думать. Мы с мамой, когда прочитали письмо, представили себе старенького седенького дедушку, еле передвигающегося, с палочкой, а может, забавно прикладывавшего ладонь к уху, чтобы лучше слышать. Может, полуслепого, с роговыми очками на переносице. В общем, получилась карикатура на этого здоровяка, непонятно зачем улегшегося в постель.

— Ты поснимал с мебели чехлы и открыл повсюду окна.— Это был не вопрос, а утверждение. Таким тоном прокурор говорит обвиняемому: «Вы обвиняетесь в том, что третьего дня проникли в чужой дом и там — о, ужас! — поснимали чехлы (судя еще предстоит узнать, что вы с ними сделали) и открыли все окна».

Я промолчал. А он раскудахтался. С удивлением я опознал в этих звуках смех.

— Это хорошо. Я именно для этого и вызвал тебя. А ты думал, будешь читать подслеповатому старику или играть с ним в нарды?

— Какая разница, что я думал.— Старик начал грубить и заслуживал того же. Думал, что ты старый сморчок и одной ногой в могиле стоишь. Это я не вслух, конечно. Хотя не удивлюсь, если старикан прекрасно знал, почему я приехал, уж очень недвусмысленное письмо написал. Какая там родная кровь и утешение на старости лет? Приезжай, смотри за мной, в награду

получишь наследство — этот старый дом и пенсионные сбережения. Ну и маху же я дал, когда сюда ехал. Тоже еще наследничек.— Хотел на вас посмотреть, про отца узнать. Кстати, дайте мне его фото. А то я и не видел его, знаю только со слов матери, что был он высоким, дюжим, рыжим, и я на него похож.

— Фотографию? Да на чердаке все свалено, как бросили при переезде, так и лежит. Думал, разберу, да слег. Позже дам ключ, пойдешь, поищешь. А пока иди, пожалуй, slab я, хочу отдохнуть. Завтра о делах поговорим.

Он устало прикрыл желтые, как мед, глаза, вроде заснул. Я вышел. Не верил я почему-то старику, хоть он и был моим дедушкой, ох, как не верил.

На следующий день дед отдал мне ключи от чердака и велел найти юриста для составления завещания. Когда я зашел к нему, он курил, как и в прошлый раз, но сидел в инвалидном кресле, тепло одетый, с одеялом поверх ног. Несмотря на то, что было утро, солнце, поднявшееся раньше всех, успело накалить воздух снаружи и даже проникло в дом, обойдя толстые стены. Поэтому я позволил себе ходить в одних шортах, оставив торс голым.

— А я вот всегда мерзну. Забыл уже, как это — жарко, что при этом чувствуешь.

— Хотел бы и я забыть об этом, но не могу. Уф, жарко!

Дед затушил сигарету, потом отдал мне ключи, которые лежали на тумбочке рядом с переполненной пепельницей, *ну и курит же он*, и опять закрыл глаза. Понятно, аудиенция окончена. Я с удовольствием удалился. Не по себе мне было в его занавешенной шторами комнате, здорово не по себе.

Я поднялся на чердак. Там было, как в раскаленной печке, поэтому я пробыл там всего минуту или около того и решил вернуться вечером, а лучше ночью, когда дневная жара спадет. А пока я увидел просто одну

огромную свалку из поломанной мебели, непонятно, почему сразу не выброшенной; вперемешку стояли картонные коробки, разбухшие от различной дребедени, беременные чемоданы без замков, а в них все тот же хлам. И было тут еще кое-что, решительно мне не понравившееся,— мышиный запах. Мыши. Для них это огромная Страна чудес, Клондайк, полный приятных мелочей. Чердак был огромен и шел по периметру всего дома, и я не представлял, как смогу найти среди всего хлама нужные фотографии и бумаги.

Жаль, что намерение разобрать чердак я осуществил не той ночью, как собирался, а значительно позже, спустя год. Возможно, я узнал бы обо всем раньше и смог бы избежать смертельной ловушки, которая мне, как любопытному мышонку, была мастерски подготовлена. Но об этом после. А пока была одна молодая и глупая мышь, сиречь я, приманка — наследство, а если мышь все-таки окажется не жадной и попытается убежать до того, как сработает стальная пружина, был приготовлен еще один лакомый кусочек. Пахучий, аппетитный, его запах я учゅял сразу, как переступил порог своей ловушки. И клюнул на него.

Через год я опять стоял на чердаке и вдыхал тот самый воздух, пропитанный запахом мышного помета. Только теперь меня не отпугивал ни он, ни духота, ни жара. К ней я, кстати, приспособился. К чему я не смог привыкнуть, так это к своей жене и даже к тому, что она у меня была. Я считал себя слишком молодым для семьи. Передо мною открывался соблазнительный мир, полный полуобнаженных красоток. Жара, которую я вначале проклинал, хорошенъко поработала над местными девушками, никогда я еще не видел столько полуобнаженных сисек и ягодиц. Казалось, смотри и радуйся. А после того, как дед настоял на том, чтобы я вывел из гаража его черный Porsche, оказалось, что они к тому же весьма доступны. Уж я не знаю, что тво-

рилось в их головах под бело-рыже-черными челками, но стоило распахнуть переднюю дверцу, как они с легкостью располагали в авто свои длиннющие ноги, а затем с такой же легкостью закидывали их мне на плечи. Иногда мы это делали прямо на леопардовых сиденьях. Иногда по два-три раза в день. Бросил все это я неожиданно, без особых причин, просто однажды проснулся с мыслью — нужно жениться. Жениться, жениться, жениться. Я вышел из своей комнаты, навстречу шла Алиса. Ее лицо словно светилось в полутьме коридора. И меня озарило! Я люблю ее, люблю с того самого момента, как впервые увидел. Мы поженились. И первое, что она сделала в качестве моей жены, — это выставила на продажу Porsche. Неужели она знала?..

В этот раз завалы на чердаке меня не испугали, мало того, я умудрился рассмотреть порядок в них. Они располагались волнами. Вон пятидесятые годы, вон шестидесятые, ближе шли семидесятые, потом восемидесятые, и к самым ногам прибились девяностые. Дед говорил, дом куплен незадолго до моего приезда. Значит, то, что мне нужно, располагается с самого краю. Однако мне пришлось потратить на поиски весь день. Странно, но первые находки стали попадаться в семидесятых. Это были две тоненькие пачки писем, одна исписанная мелким почерком, в котором я узнал руку мамы, другая — крупным, нервно летящим вперед. Почерк папы я не видел, но стоило мне просмотреть первое из писем, как я понял, что письма написаны отцом. Только они почему-то были в конвертах с непогашенными марками. Загадка. Я сложил их обратно и сунул в карман, позже разберусь. Еще пару часов я терпеливо ковырял завалы, пока не подошел к самому раннему из них — первой волне. Тут меня сразу же ждали две находки. Первым был коричневый альбом, полный фотографий мужчин, женщин и детей. Обычные семейные фото того времени, когда люди наряжались во все самое лучшее и шли к городскому фотографу.

Менялись прически, лица и наряды, но неизменным оставалось одно. Вначале я не заметил странности, но после просмотра половины альбома понял – на фотографиях не было людей старше тридцати лет. Что же это? Они оставались дома, были заняты на работе, а может, вовсе умирали молодыми? Интересно, а во сколько лет умер отец? Дед обходил стороной эту тему, как и другие, связанные с семьей и ее прошлым, изображая усталость, и поэтому я решил подождать с вопросами. Выясню все сам. Во мне разгорелся азарт историка, ведь не зря я учил пять лет многовековую историю земли, пытаясь все скомпоновать и обобщить.

Второй находкой была Библия в черном запыленном переплете. Я из любопытства открыл ее пожелтевшие страницы, исписанные старославянской вязью. Раритет. Я решил унести книгу с собой. Нечего ей проводить свое время в компании мышей. Я не собирался читать Библию, набожность не мое кредо, просто старинные вещи навевали на меня тихую печаль и столь же тихую радость – это неотделимо друг от друга. Они словно разговаривали со мною. О, им было что рассказать, и они не молчали. Услышал я и голос этой книги. Собственно, я и нашел ее, потому что она обратилась ко мне, позвала тихим голосом, погребенная под серыми квадратами выщербленной плитки. Только я взял ее в руки, как она поведала о стареющем монахе, последнем отпрыске некогда знатного молдавского рода. Воображение, скажете. Но кто может провести четкую границу между ним и памятью старых вещей? Книга еще о многом хотела рассказать, видно, намолчалась за века, но я закрыл ее. Уже темнело, пора уходить к деду и молодой жене. Кстати, совсем забыл сказать – мы ждали ребенка. Забеременела Алиса как-то удивительно быстро: прошел месяц с того дня, как ее атласная спина вдавилась под моим весом в шелковые простыни. Мы скрывали свои отношения от деда и других сиделок, поэтому я удивился, когда она сказала эту но-

вость прямо при нем. Мы ужинали — я и дед. Сидели за столом, а Алиса подавала нам. Было не принято, чтобы медсестры ели с нами. И вот она остановилась прямо перед столом, в руках только что вскипевший чайник.

— Я больше так не могу! — вскрикнула Алиса и без паузы, трагическим шепотом.— Я беременна.

И выразительный взгляд на меня. Дед, ни капельки не удивившись, сразу же начал нас поздравлять. И мне не оставалось ничего другого, как жениться на ней. Хотя я и так вроде собирался это сделать, в то утро, когда она, словно ангел, стояла и сияла в коридоре, разве не так? Просто за всеми нашими страстными поцелуями и оргазмами забылось как-то.

Жена встретила меня поцелуем. Я быстро показал ей находки, на которые она не обратила никакого внимания, и отправился в душ. Я с головы до ног был усеян пылью, которая, смешавшись с потом, грязными татуировками покрыла тело. А волосы и одежда, казалось, пропитались мышиным запахом. Алиса, унюхав его, сморщила прелестный носик, но ничего не сказала. Жена у меня все-таки умница.

Поздно ночью, когда она заснула, я, наконец, добрался до своих трофеев. Начал с писем. Разложил их в хронологическом порядке. Замечательно, что отправители были аккуратные люди — ставили даты. Первыми я решил прочесть мамины письма. Вначале хотел позвонить ей и спросить разрешения, но передумал: нужно беречь своих женщин, зачем волновать попусту. Мама была однолюбом, подозреваю, она до сих пор любит отца. Потом, когда я во всем разберусь, эти письма отправятся к ней. Непонятно, чем еще кончится мое маленькое расследование. Я скороговоркой прочитал молитву. *Господи-Боже. Иже Еси На Небеси. Прости За Грех Любопытства. Аминь.* Да, коротенькая получилась, но сгодится и такая.

«Всего одни день прошел, как ты уехал, а я уже скучаю. Любимый, как печально расставаться на неопределенный

трок. Если бы я знала, когда мы увидимся вновь, мне бы было легче».

Через месяц:

«Ждала, ждала твоего письма, видно, пропустила. А может, я зря пишу, и ты вскоре сам приедешь. Тогда я и сообщу тебе свою грандиозную новость. Нет. Не хочу ждать. Напишу прямо сейчас. Готов? Садись, пожалуйста, удобнее и читай. Любимый – я беременна. Мечтаю о таком же, как ты, рыжем мальчике. Скажи, что ты рад! Очень рад!»

Следующее, в минорных тонах:

«Мне плохо. Постоянно тошнит. Тебя рядом нет, и никаких известий о тебе тоже нет. Хочется поехать самой к тебе и, глядя в лицо, разобраться во всем. Неужели разлюбил? Плачу, пока пишу эти строчки. Мне вредно плакать, но что с того? Я теперь все время плачу, а когда не плачу, то ем. Странно, что от всех переживаний не пропал аппетит. Наверное, малыш хочет кушать, если бы не он, давно бы на себя руки наложила. Скажи, ведь ты меня не из-за него бросил. Ну, вот проговорилась. Да, я считаю, что ты меня бросил. И это письмо последнее».

Но она не сдержала слова:

«У тебя родился сын. Рыжий. Назвала Вальдемаром, Валей. Пятьдесят пять сантиметров, четыре с половиной килограмма».

Это было последнее письмо. Черт, что-то в глаз попало. Я яростно начал тереть правый глаз. Ага, теперь в левый... Теперь попало в оба. Но я все тер глаза и тер. Какой мужчина признается себе, что он... от старых маминых писем.

Когда глазная чесотка прошла, я принялся за отцовские письма. Прочитав последнее, а их было больше, отец был настойчивее матери, понял, почему они были небрежно распакованы и без почтовых штемпелей. Они так и были не оправлены. Кто-то выкрад письма отца по пути в почтовый ящик, и тот же самый кто-то перехватывал все написанные ему матерью. Отец умер, так и не узнав о моем существовании. И, ка-

жется, я начал догадываться, кем был этот кто-то. Но не буду спешить с преждевременными выводами. Было поздно, поэтому альбом с фотографиями и Библию я оставил на завтра. А пока спать, спать. И конечно, я так и не смог заснуть...

Мы шутили с Алисой. Она пугала меня, что проколет соски и пупок и вставит туда по сережке с бриллиантом, а я в ответ — что сделаю две татуировки: *Не забуду мать родную*, а еще красное сердечко, пронзенное стрелой. *Пусть все смотрят, что ты наделала*. Как она вдруг очень серьезным тоном сказала:

— Видел бы ты своего дедушку. Вот кто расписан татуировками с головы до ног.

— Что? Я правильно тебя понял: мой дед весь покрыт татуировками, как какой-нибудь уголовник-рецидивист?

— Ой! Проговорилась.— Алиса испуганно закрыла рот тыльной стороной ладони. Ее глаза потемнели, кажется, будет плакать.

Женские слезы. Хотя я знал, что причина не во мне, во всяком случае, прямая причина, все равно почувствовал себя неуютно. И бросился утешать ее.

— Ну, не нужно так расстраиваться, золотце. О чем таком страшном ты проболталась? Обычные стариковские секреты. Слабоумная блажь! И не забывай, я все-таки его внук, это раз. Во-вторых, твой муж. А мужу, поверь, нужно рассказывать все. Абсолютно все.

— Ты не понимаешь,— забормотала она, успокаиваясь. Но я продолжал повторять, как мантру:

— Мужу можно все-все рассказать. Мужу нужно все рассказывать.

Она поверила и расслаблено притихла в моих объятиях. Я уткнулся подбородком в светлую пушистую макушку.

— А теперь расскажи мне все, что знаешь.

Она только и ждала этого.

— Понимаешь, они странные. Я про его татуировки. Мне кажется, что они двигаются. Оживают и двигаются.

— Ты что, видела это собственными глазами?

— Что ты! Что ты! — Алиса замахала руками.— Я бы сразу от страха умерла, если бы они хоть чуточку пошевелились.

— Но ведь ты сама только что говорила...

— Говорила. Но не так. Вытатуированы на нем не какие-нибудь абстрактные символы или цветочки. Нет на нем ни крестов, ни надписей, ни животных. Это просто люди. Целые групповые портреты — молодые мужчины, женщины, и даже дети есть. Особенно страшно смотреть на детей, выбитых синей тушью на стареющей коже. Знаешь, она такая красноватая на вид, будто распаренная.

— Не знаю. Никогда не видел старика голым. Он всегда тщательно укутан. Даже шея и запястья, все спрятано под одеждой. Странно, что он прячется от меня, да еще приказывает вам молчать об этих веселых картинках.

— Ты все шутишь. Знал бы ты, как жутко смотреть. Картинки, будто живые, как фотографии, что ли? Видно, делал их большой мастер. В первый раз, когда я спустила ему штаны, чтобы сделать укол, я так испугалась. На ягодицах две мужские головы. Стою с полным шприцем и не знаю, куда колоть. Потом привыкла, пригляделась. А тут новое — картинки каким-то образом смещаются. Жуть берет.

— Подожди, подожди.

Когда Алиса сравнила татуировки с фотографиями, меня посетила одна идея. Нужно было сразу же проверить ее.

— А эти татуировки часом не похожи...

Я достал коричневый альбом с чердака и пролистал несколько страниц. Реакция Алисы все сказала без слов. Я сразу же захлопнул альбом и с отвращением зашвырнул его подальше. Алиса все-таки расплакалась.

И я был уже не косвенной причиной. Скотина бесчувственная. Сухарь. Кое-как успокоил. Ее. Но не себя. Меня, помимо вопроса, уж не сумасшедший ли мой дед, волновал другой. Моя жена несколько месяцев хранила от меня глупые секреты. А нет ли у нее других тайн? Тех, о которых она не проболтала так просто-душно. Я посмотрел на мирно спящую Алису со все еще мокрыми ресницами и влажными щеками. Все-таки я скотина. Но червячок сомнений продолжал грызть.

На следующий день я открыл Библию. И ничего не понял. Не потому, что написано на старославянском. А потому, что все слова вывернуты. Напечатаны задом наперед. Что это? Чудовищная опечатка или злой умысел? Я терпеливо пролистал всю книгу и на последней странице нашел приkleенный маленький конвертик. В нем была тусклая фотокарточка. Я подошел к окну, чтобы лучше рассмотреть затемненное изображение. С фотографии сквозь пятна времени смотрели знакомые хмурые глаза на бородатом лице. Эта окладистая борода вначале сбила меня с толку. Она и балахон, похожий на монашескую рясу. «Старого монаха помнишь? – спросила меня книга. – Так вот, это он. Я принадлежу ему, и именно он сделал меня такой». – «Зачем?» – «Спросишь». Не спрошу. Какой еще старый монах? Ведь этот стариk – мой дед Павел. Или не дед? Фотография мутная. И если допустить мысль, что на изображении все-таки мой дед, то сколько же ему лет сейчас?

Я услышал за окном голоса и осторожно выглянул из-за занавески. Некогда буйно разросшиеся кусты были аккуратно подрезаны. Тетка, которая раньше ухаживала за садом, была уволена, и на ее место взят садовник – крепкий мужчина с военной выпрявкой, соскучившийся по земле за почти двадцатилетнее мотание по военным гарнизонам Заполярья. Вот он и навел порядок. После процедуры обрезания, которую он провел всему, что тут росло, из-за кустов и деревьев неожиданно показался дом. Даже не так – Дом, с за-

главной буквы. Он был красив и величествен, хотя вначале показался мне старой хибарой. Вид из окна тоже изменился, и, несмотря на то, что я скучал по той тени, которую давали разросшиеся кусты, мне нравились и слегка затененные зеленые лужайки, все в леопардовых пятнах солнечного света. И все хорошо просматривалось, особенно если ты сам спрятался за полуопущенной шторой. Под окном прогуливались дед, как всегда, укутанный по самую макушку, и Алиса в легком платье. Я с нежностью задержал взгляд на ее округлом животике. Она стояла в профиль ко мне и, наклонившись к деду, внимательно слушала. Вид у нее был, как у провинившейся школьницы. Неужели призналась в нашем вчерашнем разговоре? Сама, или дед обо всем догадался? Жаль, я не мог услышать, о чем они говорили. Теперь не знаю, как вести себя с дедом. Я поймал себя на мысли, что все эти тайны пугают меня. И я даже начал побаиваться деда. Жил с ним бок о бок целый год, ни о чем таком не думал, и вот, пожалуйста, нашел пачку давнишних писем, несколько странных фото и бог весть что готов сочинить. Во всяком случае, он не вампир, с некоторым удовлетворением отметил я. Вон как бодро катит свою коляску под солнечными лучами. Вампир уже наверняка бы корчился в смертельных судорогах. Но все-таки нужно будет внимательно осмотреть тело Алисы на предмет укусов. Господи! О чем я думаю? Пора прекратить просмотр глупых фильмов. Такая ерунда. *Нет, не ерунда. Дед, конечно, не вампир.* Иначе ты был бы уже укушен. Но что-то с ним нечисто. И это ты почувствовал в самый первый день, когда приехал. Помнишь, как у тебя бегали мурашки по всему телу, стоило только войти в его комнату. Потом впечатление сгладилось. Конечно, ведь он вызвал юриста и переписал на тебя свое имущество, показал, каким ты станешь богатым после его смерти. И богатство, в которое ты нырнул с разбегу, совсем затуманило голову, и вот ты уже ничего не боишься и не предчувствуешь. А стоило бы... Мерзкий голос напечатывал и

нашептывал. И я внимательно слушал его и смотрел в окно на прогуливавшуюся там парочку, и чем больше я смотрел, тем страшнее мне становилось, ведь ни одно слово не пропало даром. Нужно было немедленно забирать Алису от деда, да и вообще из этого дома, и удирать. Бог с ними, этими миллионами. Я получил нечто большее и теперь хотел это сохранить. У меня созрел план, что и как делать дальше.

Алиса пришла с прогулки веселая, довольно улыбалась и напевала.

— Уф. Жарко. Вспотела. В душ, что ли, сходить?

Она пошла в ванную комнату, я за ней. Смотрел, как раздевается, аккуратно складывая одежду на маленький стульчик. Потянулся поцеловать грудь, но она не дала.

— Смотреть смотри, бесстыдник. Но не трогай.

А потрогать очень хотелось. Может, для кого женщины в положении некрасивы, но я заново открыл Алису, когда она забеременела, и влюбился еще сильнее. Кожа, и раньше атласная, теперь розово свелилась, как редкая жемчужина, грудь набухла, и один взгляд на нее вызывал желание приласкать и поцеловать. А животик, маленький, смешной животик с чуть вывернутым наружу пупком! Алисе он не нравился, ну а я мечтал, чтобы он и после родов остался таким.

Алиса пошла за полупрозрачную пластиковую перегородку и превратилась в неясную тень, уже не скажешь, кто там — она или кто другой. Тихо зашептала вода, разбиваясь о кожу, и я заговорил. Негромко, но так, чтобы Алиса услышала.

— Слушай, если тебе тут так жарко, давай уедем к маме, а? — И, не давая ей времени возразить, забросал словами. — Она давно уже зовет в гости. Да и я соскучился — год не виделись. И тебя нужно ей показать, чтобы одобрила. Благословения спросить. Она ведь одна у меня, кроме тебя, конечно. Но вот я у нее точно один. Поехали?

Алиса не откликнулась.

— Ты что там, уснула?

— Нет, я думаю.— Алиса выключила воду.— Дай полотенце.

Я подал полотенце.

— И что надумала?

— Не знаю. Нужно сказать старику.

— А при чем тут старик? Это наше с тобой дело.

— Вроде и ни при чем, а при чем.

— Как понять? Это что за тавтология?

— Это расчет, милый, а не тавтология. А что, если дедушка против нашего отъезда? Завещание ведь можно и переписать.

— Вот уж не думал, что ты такая расчетливая. Ты, может, и замуж за меня по расчету вышла?

— Вот дурачок, как плохо подумал о своей Алиске. Иди сюда.

Алиса притянула меня к своей все еще обнаженной груди.

— А тебе можно?

— Можно, можно, мы ведь осторожно.

Я поднял на руки свое потяжелевшее сокровище и отнес на кровать.

Дедушка был против. Нет, не моего секса с беременной женой. Он был против того, чтобы я уезжал от него. Даже на неделю. И Алиса неожиданно встала на его сторону. Ее вдруг замутило, хотя стадия токсикоза осталась далеко позади, а стариk разыграл сердечный приступ. С непременными атрибутами, скорой, врачами и капельницами. Стал такого же цвета, как баклажан, и схватился за сердце, как только я сказал, что все равно поеду. Единственное, что я вынес из всего кошмара, который завертелся после краха моего плана, это то, что Алиса ничего не придумала про татуировки. Первую капельницу ставили при мне, и я с ужасом наблюдал, как стальная игла вонзилась прямо в глаз маленького кучерявого мальчика, изображенного

чуть выше запястья. Медики тоже были шокированы картинками. Они с недоверием смотрели на деда, и их желание убраться отсюда как можно быстрее было заметно даже мне.

Они уехали, и дед заснул. Из города приехала Кира, его бывшая сиделка, все еще похожая на школьницу, и заняла свой пост за небольшой ширмочкой в дедовой комнате, а я достал лупу и принялся внимательно разглядывать старинную фотографию, Библию и вообще все вещи, которые принес с чердака. Я не был удивлен дедовой реакцией. Догадывался: он не даст нам уехать. Я был нужен ему. И даже знал зачем. Этой ночью я побеседовал тет-а-тет с Библией-перевертышем, также со старым фото, да и семейный альбом тоже рассказал много чего интересного. Интересный это был разговор. Познавательный, но абсолютно нереальный.

«Да, татуировки не простые, – шептал альбом, – это про-глядывают души людей, которых он съел. И каждого из них ты найдешь во мне. Скоро и твое фото появится здесь. Он питается человеческими жизнями, забирает у них энергию, его жертвы быстро стареют и умирают вместо него, а он все живет и живет, и будет жить вечно. Пока жив хоть один его потомок. Ведь как старик ни силен, но поглощает он только тех, в ком течет его кровь. Это такая простая вещь, живет ваш род – живет и он. Твой сынушка, которого ты с такой радостью ждешь. Вот он, твой смертный приговор. Точно таким же приговором стал когда-то ты для своего отца».

«Хватит пугать. Давай я расскажу тебе, как можно спасти. Ведь даже у Кощея Бессмертного была смерть, пусть далеко запрятана, но была. Помнишь, на конце иглы, игла в яйце, и далее по тексту. А твой дед до Кощея не дотягивает. Так, простой монах-слушник, переписавший задом наперед одну книгу. Есть смерть и у твоего деда, нужно только поискать хорошенъко», – вступила в разговор книга.

«Не слушай ее, – шелестела фотография, – не слушай. Твой не рожденный ребенок – это твоя смерть. Не будет его, не будет потомства у тебя, и ничего тебе старик не сделает».

Голоса сливались, голова раскалывалась. До родов Алисы осталось два месяца. Два месяца осталось и мне, чтобы найти смерть для мерзкого старикашки. И отомстить. За отца, за мать, за деда, настоящего родного деда, а не это чудовище, засевшее с инфарктом на верху.

И я пошел в библиотеку. Вначале я не знал, что искать. Просто утонул в море информации. Вампиры, оборотни, суккубы, кицунэ – девятихвостые лисицы, колдуны вуду, какой только нечестии не водилось на нашем бедном шарике. Но все было не то. Пока я не набрел на палиндромы – слова-перевертыши. Тогда я стал искать все только по теме «Библия». И, наконец, нашел истории о Библии-перевертыше. Это было больше похоже на сказку, чем на быль. Но поскольку такая же была у меня дома, запрятанная глубоко в шкаф, в достоверности этих рассказов я не сомневался.

Вернувшись домой, я взял Библию-перевертыш и пошел на чердак. Открыл ее и понял, что кое о чем забыл. Сбежал в комнату и опять вернулся на чердак, в руках у меня было ручное зеркало жены. Я открыл Библию на первой странице и, волнуясь, поднес к ней зеркало. В нем отразились строчки. Только уже правильно написанные.

ПЕРВАЯ КНИГА МОИСЕЕВА БЫТИЕ

…вслух прочитал я. И перевел взгляд на страницу в книге. Вдруг не получится? Первые две строчки изменились, и теперь слова стояли, написанные правильно. Получилось.

«*Да, ты нашел способ, – вздохнула Библия. – Теперь я стану обычной. Когда-то я была создана для того, чтобы дарить бессмертие. Я его подарила, и меня бросили, я стала непригодной. После того, как ты закончишь, меня опять смогут прочитать. Продолжай скорее. Помни, времени осталось мало, а прочесть предстоит много».*

И я читал, с удовольствием наблюдая за тем, как книга страница за страницей изменяется. В первый вечер я смог прочесть только десять страниц, а их было одна тысяча трехста восемьдесят семь. Если так пойдет дальше, то это сто тридцать дней. У меня их не было. Нужно было что-то придумать, чтобы я мог посвятить чтению все свое время.

Я спустился вниз и сорвал жене, что буду готовиться к поступлению в аспирантуру. В городе был хороший историко-археологический университет, и поэтому мне нужно много читать и готовиться. *Так что твой муж будет большим ученым, детка.* Пришлось произнести еще одну ложь, когда Алиса хватилась пропажи зеркала. *Извини, дорогая. Я нечаянно разбил его.*

Живот у Алисы рос, дед поправлялся, а я много читал. Наша маленькая семья опять начала собираться в гостиной по вечерам, где каждый занимался своими делами, возобновились и семейные обеды, и я был вынужден часто встречаться с дедом. Но я уже знал свою роль и прилежно играл ее. *Я говорил, что мне нужно быть писателем из-за буйного воображения. Я ошибся. Настоящий успех меня ждет на поприще театра. Я подумаю над этим, когда все, наконец, закончится. Я стал первоклассным актером, изображая безмятежность и проявляя заботу о деде. Хотя больше всего на свете мне хотелось схватить руками его шею, сжать ее и удавить деда. Думаю, сил у меня хватило бы. Если Библия не поможет, что ж, придется так и сделать.*

В тот день, когда я должен был дочитать последние страницы, погода начала стремительно портиться с самого утра. По небу шарили черные тучи, пока не поглотили весь мир вокруг. *Все по классическим канонам фильмов ужасов. Гроза, завывание ветра, подозрительные шорохи. Но все будет хорошо.* Так я сидел на чердаке и ободрял себя, вздрагивая при каждом сильном ударе ветра. Казалось, что дом раскачивается и плывет. Словно корабль, сорванный с якоря,

его уносит все дальше и дальше в море. Дом жалобно скрипел и стонал на разные голоса. Понятно, тонуть ему не хотелось. *Завтра многих черепиц не досчитаюсь.* Вот так лучше. Нужно и дальше думать в этом же ключе. Еще одна страница. Еще две строчки — и можно будет ничего не бояться. Я читал вслух последнюю строчку, когда заскрипела чердачная дверь и в моем зеркале вместо последней страницы Библии отразилось лицо деда. Его глаза затягивали и не отпускали. У меня не было сил обернуться. *Ловушка! Но я ведь прочитал книгу.*

— Я ведь прочитал книгу!

— Да, — хохотал старик в зеркале, — спасибо, что прочитал перевертыша, Черную Библию. Именно за этим ты и приехал. А ты думал — в наряды со стариком играть? Ты должен был ее прочесть. И я, поверь, не пропустил ни одного слова. Оставалось только подождать, когда ты закончишь да появится вовремя.

— А как же татуировки? Фотографии... Все не так должно было быть.

— А по-старому уже не получалось. Кровь, она хоть и не водица, но за несколько столетий сильно разбавилась пришлой. С твоим отцом очень трудно пришлось, чуть сам не сдох, пока с ним возился, инвалидом остался. А с тобой я и вообще мог не справиться. Пришлось по-другому все устраивать.

Глаза старика стали больше, пожелтели и полезли на меня из зеркала. Оно треснуло, и я закричал. Потому что оказался в середине этого треклятого зеркала. Я упал на пол. Надо мною склонилась Алиса.

— Алиса. Беги. Он...

Я перевел взгляд, но старика не было. Вместо него я увидел сидящего спиной ко мне мужчину в моей пижаме. В руках он держал зеркало и внимательно рассматривал в нем себя. Но ведь оно разбито. Что он там видит?

— Кто это?! Почему он в моей пижаме?! Что с моим голосом?! Что со мной?!!

Я посмотрел на себя и увидел стариковские ноги в теплой пижаме и кожаных дедовых тапочках. Мужчина на мой крик обернулся. И это был я.

И тут я закричал. А он, который я, — захохотал.

— Как замечательно быть молодым!

— Алиса...

— Да, дорогой.— Алиса отошла от меня и подошла к тому, что было мной, и нежно поцеловала в щеку.

— Поздравляю. У тебя получилось.

Перед глазами все помутилось.

— Так ты с ним.

— Да, милый. С ним.

— Но как?

— Видишь ли, я действительно вышла за тебя замуж по расчету. Но расчет был совсем не тот, что ты думаешь. Меня не интересуют деньги. Я хочу быть всегда молодой и красивой. И Павлик, мой Павлуша, подарит мне молодость.

— Конечно, дорогая.

— А что с ним будем делать?

— С ним? А ничего. Он все сделает сам. Я эту развалину хорошо знаю. Столько лет в ней провел. Смотри, как побледнел. Что скажешь, как его медсестра?

— Скажу, что у него инфаркт.

— Да, инфаркт. Сердечко старое, не выдержало. Боже! Как же хорошо быть молодым. Ну, давай, потянули его вниз. Там уж пусты и помирает.

Они подошли ко мне с двух сторон и подняли с пола. Взяv под руки, понесли по лестнице вниз. Ноги глухо стучали по каждой ступеньке. Я задыхался. Влевой стороне груди разливалась чудовищная боль. Она становилась сильнее, я умирал. И мне никто не будет вызывать карету скорой помощи и колоть капельницами татуированные руки. Настало время сдохнуть. Влевую руку, которая все больше немела, я почувствовал легкие толчки. Мой сын. Ее предательство ничего не

меняло. В ее животе по-прежнему был мой сын. И я не имею права сдаваться, ради него.

— Прости, малыш...

Я вырвался из цепких рук жены и, обхватив плечи деда, то есть себя, то есть его в моем обличье, вцепился зубами в горло. Туда, где пульсировала голубая жилка жизни. Да, вампиром не позавидуешь. Тяжелая у них работа. Ради обеда прогрызать человеческую кожу и жилы. Бrrrr. А кровь? Что может быть хуже этого гадкого вкуса? Горячая, соленая. Изо всех сил я старался не сблевать и вгрызался дальше. Ты у меня сдохнешь первым, скотина! Плевал я на твое бессмертие!

Он только хрюпал. Потом не хрюпал. А вот Алиса здорово выла. Под ее вой я и потерял сознание.

Разговаривали двое. Я их не видел, но хорошо представил. Белые халаты. Тыфу ты! Аллергию заработал на них. Плохо выбритые щеки. Чуть одутловатые лица. По вечерам хорошо закладывают за воротник.

— Да, крепенький дедушка.

— Зверь!

— Что же с женщиной будет? Жалко. Беременная.

— Убил бы за такое. Загрызть родного внука на глазах у его беременной жены.

— А татуировки? Посмотри на татуировки! — Чыито руки бесцеремонно шарили по моему телу, задирая одежду.

— Боже правый! Да он псих!

— С такими татуировками старикан на зоне хорошо приживется.

— Не-а, с такой психикой ему только в дурку.

— Это если выживет после инфаркта. Второй за месяц.

— Надо же, еще этой гадине и жизнь спасаем. Может, пустим одну капельку воздуха в систему? Пусть похрипит.

— Он и так сдохнет, без нас и нашей капельки. А нам грех на душу брать.

И все-таки я выжил. Старая плоть и молодой сильный дух не желали умирать. Я нахожусь в доме умалишенных, за городом. Очень красивые тут места. Леса, речка, воздух сладкий. Ночью комары грызут, днем птички поют. Держат меня в одиночке, но я к другим психам и не стремлюсь. Кровь как-то медленно течет по венам, по-стариковски, не привычно так, из-за этого я уже никуда не тороплюсь. Хотя в одно место мне непременно нужно поспеть. Я веду себя очень смирино. Докторам лишнего не болтаю. Все сваливаю на помутнение рассудка. Проще говоря: ничего не помню, ничего не знаю. Почти склероз. Таблетки, вонючую желтую жидкость и прочую химию, старательно смываю в унитаз. Мозги мне еще пригодятся, выбраться отсюда нужно. Подслушал разговор, скоро меня собираются переводить из строгого в общий режим. Тогда и рвану. Дело у меня одно осталось на воле. Алисонька, невестушка моя, женушка верная... Три дня ветер дул со стороны города, много чего интересного мне рассказал. Сидит она одна в доме, никуда не выходит. Одной рукой по животу водит, малыша успокаивает, другой зеркальце перед Библией держит. Читает ее задом наперед. Бессмертной, как я, сучка, хочет стать. Уже на двести пятьдесят шестой странице. Долгонько ей читать еще. Думаю, успею к сроку...

Ирина Скидневская

ЧЕРНАЯ ДАМА

*Вернувшись из отпуска, супруги N.
застали у себя в квартире женщину в черном,
которая тут же растворилась в воздухе.
(Из газет)*

*Если призывать Черную Даму,
она обязательно придет.
(Житейская мудрость)*

1

В маршрутке удушливо пахло дешевыми, на розлив, женскими духами. Перед Ларой сидел парень, по виду студент — в пуховике, в легкой трикотажной шапочке «смерть ушам», с потертым дипломатом и бутылкой пива — и отвратительно пьяными глазами наблюдал, как она парит, ухватившись за верхний поручень. Ни дать ни взять сельдь, подвешенная для копчения. Другой рукой Лара крепко прижимала к груди сумочку. Сзади и с боков напирали, выдавливая ее прямо на студента; он дышал ей в лицо перегаром, и коленки их терлись друг о друга. Лара болезненно морщилась. Из-за такого транспортного интима каждая поездка становилась для нее испытанием.

— А я бы за тебя подержался, — сказал студент после нескольких колыханий-прикосновений. — Че, не нравлюсь? А то давай познакомимся. Я Евгений. А ты,

наверно, Юля. У меня девчонка знакомая есть, на тебя похожа, Юлькой зовут.

Далее он поведал заплетающимся языком, что у Лары не лицо, а открытая книга, по которой легко читается ее высшее образование и несчастливая женская судьба. И что если она наденет очки с диоптриями, тогда, конечно, кранты, а так еще остается надежда выйти за какого-нибудь бюджетного работника. Так что лучше пусть не отворачивается, а смело садится к нему на колени. Не фотомодель.

О свадьбе-то и речь... Скажи-ка мне, Джульетта, к замужеству ты как бы отнеслась?

— Дать ему в рыло? — предложил покачивающийся справа от Лары мужской голос.

Деритесь, если вы мужчины!

— Не надо, — сказала Лара. — Спасибо.

Студент возразил было против рыла, завозился в попытке встать на ноги и — обессиленно затих.

О своем коротком замужестве Лара вспоминала редко, потому что вспоминать там было нечего. Он — здоровенный накачанный футболист, она мелкая, как птичка, ниже его плеча, дипломированный филолог с неясными перспективами. Он влюблен, и подруги вокруг щебечут: смотри, не прозевай. Так что она не против. Это было первое серьезное решение, которое она приняла без мамы. Стремительно сыграли свадьбу — лучше бы ей шубу купили, честное слово! — а через год брак сошел на нет. Скучно с ним было, тоскливо до невозможности. Раскачиваясь на поручне, Лара вспомнила, что поначалу он еще острил, пытаясь сгладить противоречия, возникающие из-за разницы в интересах:

— Спустись с небес на землю, к своему мужчине, у которого нет восьми зубов... — И широко улыбался, поблескивая золотыми коронками.

Когда к Ларе приходили подруги — попить чайку, поговорить о литературе и новых фильмах — он слонялся по квартире в своем неизменном адидасовском костюме,

потом дезертировал и возвращался при луне. По выходным их навещала свекровь, работавшая шеф-поваром в ресторане. Это была пытка почище испанского сапога. Молча, как немой упрек неумехе, которой достался ее единственный сын, «мама» готовила каких-нибудь немыслимых карпов в вине и все с тем же скорбным лицом удалялась – до следующего воскресенья.

В финал они вышли на дне рождения Татьяны, знакомой Лары по университету, и решающий пенальти забил Виктор. Было очень мило: приятные люди, прекрасное вино. Наверное, муж-футболист всей кожей чувствовал, насколько он чужой в этой компании, наверняка его злила ободряющая Ларина улыбка и преувеличенно-доброжелательный тон, каким к нему обращались, будто он неизлечимо болен. В ответ на безобидное замечание Лары он вдруг вывалил в руку недожеванный пельмень и, держа на весу, громко переспросил:

– Что ты сказала, дорогая? – Глаза у него были радостно-жестокими.

Лара весь вечер проплакала, уже не пытаясь ничего понять или добиться, как же так можно? Расстались мирно. Нет, уж лучше одной жить, чем с чужим.

– Девушка, вы выходите?

…По проспекту расползлся вечерний сизый туман, подсвеченный городской иллюминацией, достаточно яркой, чтобы бороться с влажным февральским мраком. *Набрать чернил и плакать?*

– Мариша, здравствуй, – сказала Лара в трубку. – Извини, что так поздно.

Троюродная сестра отозвалась настороженно:

– Здорово. Только ты быстро, чтоб телефон не занимать.

– У меня вчера Мишка пропал. Вдруг его... собаки? Я всю округу обошла, в подвальные окна кричала... – В горле у Лары заклокотало.

— Ага, давай еще из-за кота поплачь. Вернется, куда он денется. Ты где? Але?

— Я здесь... Знаешь, сегодня на редкость неудачный день. Сначала не могла закрыть дверь, что-то с замком. Потом смотрю, взяла непарные перчатки. Одна черная, другая коричневая. Не могу же я так — как рассеянный с улицы Бассейной. Пришлось снова возиться с дверью. До чего не хотелось никуда идти в выходной...

— Ну и сидела бы дома.

— С работы позвонили, очень просили купить картридж для принтера. Я поехала в фирму, а мне продали не тот.

— Как это?

— Там лента Мебиуса,— с отчаянием сказала Лара.— А мне нужен был другой. Сказали: «Конечно, подойдет, девушка!» А он, конечно, не подошел.

— Идиоты.

— А на сдачу дали разорванную десятку. Кондукторша в автобусе устроила скандал, не хотела принять. Я в сердцах швырнула эту десятку на пол, а она еще больше раскричалась: «Сейчас кто-нибудь поднимет и будет мне снова совать!» Представляешь, она не поленилась, подобрала с пола и выбросила в окно. Люди смотрят, стыдно... Бесплатный концерт какой-то.

— Можно было в банк сдать. Они принимают.

— Ты, пожалуйста, извини, что я на тебя вываливаю свои неприятности. Просто мне необходимо услышать от кого-нибудь разумное объяснение. В маршрутке наговорили гадостей. В булочной продавщица подала пакет, я только протянула руку, а дно лопнуло, и хлеб вывалился на прилавок. Я стою, как пришибленная, думаю, как бы мне живой до дому добраться...

— Ясно.— Марина вздохнула.— Эх ты, темнота с чернотой. Сегодня ж двадцать девятое февраля, Касьянов день. Это ты Касьяна рассердила.

— Чем я его рассердила?

— А я знаю? Если в этот день все наперекосяк, ляжь на диван, руки по швам, и не вставай.

— Нет, нет... Это ведь трусость,— безжизненным голосом произнесла Лара.— Пусть ночь... домчимся... озарим кострами...

— Да в конец концов! — В голосе Маринды зазвенело раздражение.— От тебя муж сбежал из-за этих словечек! Ты у себя в библиотеке так говори, а не с нормальными людьми!

— Не сердись,— торопливо сказала Лара.— Придешь сегодня ночевать?

— Да ни за что! Ночью свет загорается, а потом гаснет. Жуть с ружьем...

— Мариша, я же тебе уже объясняла. У меня в спальне выключатель с реостатом. Это очень удобно, можно приглушить свет, когда захочешь. Он иногда мигает, но только если до конца не выключить. Ты же знаешь, у нас напряжение все время скачет. У соседа импортный телевизор сгорел.

— Напряжение, как же. А дверь в кладовку как открылась? И ветром по ногам. Чуть со страху не померла.

— Может, тебе показалось?

— Поганая квартира,— отрезала Марина.— Зря ты на нее сменялась. Алкашиха, ну, которая до тебя жила, малого во сне задавила. Знаешь, да? Ладно, пока. Завтра из Турции должны новую партию привезти, звякну, может, купишь чего.— В трубке раздались короткие гудки.

В свою «хрущевку» с двумя проходными комнатами и тесной кухонькой Лара переехала три года назад. Обстановка была куплена еще на старой квартире мамой, которая пользовалась славой отличной портнихи и шила на дому. Заказчицы роем вились вокруг нее и уходили осчастливленными, и когда мама провожала их до дверей — такая невозмутимая, с благородно-держанной улыбкой — она казалась Ларе королевой в окружении подданных.

Ароматы, обволакивающие этих хорошо одетых и уверенных дам, стали для Лары символом благополучия. Она пристрастилась к дорогим духам и даже теперь со своей крошечной библиотекарской зарплаты копила деньги, чтобы раз в год купить флакон «J'adore» Christian Dior или «Mademoiselle Coco» от Chanel. Из модных ей очень нравился чувственный «Angel» Thierry Mugler, но она не хотела бы расстраиваться из-за того, что на каждом шагу от других будет пахнуть *её* духами. Она цеплялась за старую привычку баловать себя роскошными эликсирами, как за спасательный круг в цунами, разбившем вдребезги прежнюю жизнь. При этом Лара все яснее понимала, что эти нестойкие эфирные субстанции — достойная метафора ее нынешних иллюзий. Нужно ли делать вид, что все хорошо, когда все плохо?

На комоде в спальне упокоилась под кружевной накидкой древняя швейная машина «Подольск», осовремененная автоматическим приводом. За ней мама и умерла в одночасье, дошивая срочный заказ. В тот же миг вслед за ее чистой душой вспорхнули и улетели, как голубки, души умерших вместе с ней предметов — ниток всех мастей, мелков, утюга, лекал, подушечек с иголками и английскими булавками, ножниц и одноногого манекена. Лара похоронила их в большую картонную коробку и убрала с глаз долой — потому что от них больше никогда не смогло бы родиться такое же ошеломительно прекрасное платье, как у мамы. Или шикарный жакет. Или отменный деловой костюм.

Грустно, но ей не передался ни один из маминых талантов. Из квартиры быстро выветрился запах пирогов и свежевыглаженной ткани, и поселилась оглушительная тишина. Она бежала оттуда, с места своего бедствия, сменила квартиру, район. Но до сих пор ей казалось, что она сменила планету.

Лара достала из ящика стола свой пухлый личный дневник (со школьных времен их накопилось уже не-

мало), посмотрела в подмороженное черное окно, которое скребла голыми ветвями липа, и записала:

«29 февраля. Касьян рассердился».

Указанный в бумажке адрес она нашла не сразу, пришлось идти в горку и бродить меж почтенневших двухэтажных домов, срубленных еще при царе Горюхе. В центре было много таких зданий, и отнюдь не все они изукрашены кружевными наличниками и прочей резной атрибутикой, которую любили фотографировать приезжие. По подсказкам встречных Лара вышла к неказистой пристройке, засыпанной снегом. Дверь открыла миловидная женщина средних лет, полноватая, в светлых кудряшках. От нее чуть слышно пахло «Paloma Picasso».

— Ольга Николаевна? Здравствуйте. Я по объявлению.

Пригласили войти. Как всегда бывает в тесных квартирах, комнатка с низким потолком была сплошь заставлена вещами.

— Ну, давайте посмотрим,— доброжелательно сказала хозяйка, когда уселись на диван, и поднесла к глазам поданную Ларой фотографию.— Живой ваш котик. Очень даже живой. Просто загулял.

Лара всплеснула руками.

— Слава Богу! А где мне его искать?

— Где котов ищут? В подвале, милая. Далеко он от вас не ушел. А почему вы такая грустная? Молодая, здоровая, а в глазах тоска.

Лара уже прониклась доверием к этой незнакомой женщине и в пять минут рассказала ей всю свою жизнь. Ольга Николаевна смотрела понимающе.

— А теперь новая напасть. Каждую ночь просыпаюсь в два часа сорок пять минут. Смотрю на часы и вижу: два сорок пять. Понимаете? Каждую ночь.

— А потом?

— Лежу, прислушиваюсь к себе, к шорохам, звукам... примерно с час. Я никогда не была трусихой, а тут та-

кой страх наваливается... даже ноги отнимаются. Когда у меня ночует Мариша, как-то спокойнее. Это моя троюродная сестра. Она из деревни приехала, торгует на рынке. На съемных квартирах не очень уютно, вот она и соглашается ночевать. Но ей у меня не нравится.

— Лунатизмом не страдаете?

— Да вроде нет.

— Углы святой водой обрызгивали, когда въехали?

— Конечно. И свечкой кресты над дверными проемами выводила. И молитвы читала.

— Вы верующая?

Лара ответила уклончиво:

— Крещеная...

— Понятно. А конкретно чего боитесь, когда просыпаетесь?

— Н-не знаю...

— Это самый тяжелый час, с двух до трех ночи.— Ольга Николаевна подумала.— У вас фотография ваша есть? Можно на паспорте.

Лара снова полезла в сумку.

— Вот...

Они с Виктором в городском саду. Лица веселые. Лето, жара, а он в парадно-выходном костюме — сам вызвался надеть, чтобы сделать ей приятно. Медовый месяц...

Ольга Николаевна поводила рукой над фотографией.

— Вы не сказали мне... Да, жалко, такой молодой.

У Лары вытянулось лицо.

— О чем вы?!

— А вы не знаете? Этого человека нет в живых.— Ольга Николаевна снова прикоснулась к снимку.— Вот здесь черная брешь, в области живота. Скорее всего, рак.

— Быть этого не может,— твердо сказала Лара.— У него мать шеф-повар.

— На ранение не похоже, но не буду спорить. Лариса Евгеньевна... Ваше душевное состояние вызывает тревогу. Если вы и дальше будете впускать в себя тоску

и другие ненужные эмоции, вы себя погубите. Вы ни в чем не виноваты, и в смерти мужа тоже.

Лара резко поднялась.

— Я пришла к вам кота искать. Спасибо, что обнадежили. Сколько я должна?

— Ну зачем вы так, милая? Деньги — дело десятое. Вам сейчас очень нужен мужчина, и не столько в женском плане, сколько в моральном. Надежное мужское плечо. Опора. Здравый смысл. Потому что вы не от мира сего и очень уязвимы. Извините, конечно, за такие слова, но кто-то же должен вас предостеречь? Может, сходите в церковь? У нас тут рядом храм, подниметесь по тропинке и сразу увидите. Помолитесь. И пожалуйста, оглядитесь, мой вам совет. Все-таки что-то мне подсказывает, что мужчина рядом с вами есть.

— Надеяться мне не на кого, Ольга Николаевна. Я уж сама как-нибудь...

Лара положила на стол деньги, сухо попрощалась и вышла.

Мужчина... Если он и появится в ее жизни, то при одном условии: чтоб сердце из груди выпрыгивало, и руки тряслись, когда губы красишь. На меньшее она не согласна. Меньшее уже было. Поглядывает тут на нее один шатен. Невысокий, широкоплечий, и, в общем-то, да, исходит от него ощущение силы... И глаза хорошие. Осталось только полюбить его страстно. Смешно!

Уже стемнело и слегка вьюжило. Поколебавшись, Лара свернула направо. Из сугробов тропинка вывела ее к улочке, улочка — круто вверх — к церкви.

Конечно, и как она сразу не сообразила? Это же Юрточная гора с Казанской церковью на территории мужского монастыря. Храм выплывал из сумерек, как белый корабль, с поблескивающими маковками и крестами, *продолговато устроенный, на восток обращенный, от обеих стран к востоку притворы имеющий*. Ковчег спасения от греховного потопа среди бурных волн моря жителей...

Мимо Лары прошли двое мужчин. Тот, что пониже, в дубленке и мохнатой шапке, говорил, как экскурсовод:

— Пойдемте к могиле. Раз вы завтра уезжаете, грех упускать такой случай. Место ведь уникальное, Георгий Сергеевич. Отсюда город пошел. Считай, весь семнадцатый век Алексеевский монастырь был форпостом с калмыцкой стороны. Здесь вместе с монахами несли службу стрельцы да казаки.

Прислушиваясь почти машинально, Лара пошла за ними. Вместе они обогнули храм и встали у невзрачной каменной плиты, положенной на землю. Заметив Лару, мужчины вежливо расступились, и она оказалась между ними. Ее присутствие нисколько не мешало их беседе.

— Богатый был монастырь, я вам доложу,— говорил мужчина в дубленке.— Одних крепостных четыреста душ. По тем временам в Сибири цифра немалая. Здесь все было первым в городе: больница, школа, духовное училище, семинария. И храм этот — первое каменное строение. Пока в двадцатые годы не разграбили, тут град был райский. Сад с горой и озером. Летние кельи. На звоннице храма девять колоколов. Да вот прямо у нас под ногами — древнейший погост, почетные захоронения, понимаете ли. А вы говорите, бродяга, личность незначительная и малозаметная. Увольте!

Его спутник, высокий худощавый мужчина в пальто, глядел скептически.

— Владимир Филиппович, дорогой, эта красивая легенда была крайне выгодна монастырю. Она стимулировала приток приезжих, туристов, выражаясь по нашему, а это деньги. А собственная значительность в глазах российской общественности? Уверяю вас, это массовый гипноз, культ странника без роду и племени. Назовите, будьте любезны, хотя бы одного русского царя, про которого не сочиняли сказок. Ведь обязательно кого-нибудь или увезли, или подменили.

Мужчина в дубленке протестующе затряс головой.

— На сегодняшний день мы имеем массу свидетельств и самых поразительных совпадений! Верую: здесь лежит единственный русский император, въехавший в Париж и Берлин во главе своей армии. Победитель Наполеона похоронен здесь! Мир его пахнет... — Он снял шапку, и ветер сразу растрепал его длинные, как у художника, седые кудри.— Может, хоть к четырехсотлетию часовню достроят...

— Вот именно: вы веруете. А вера и наука — вещи разные. Хотите, я приведу массу аргументов в противовес вашей гипотезе? Взять хотя бы Бакунина.

— А что Бакунин?

— Он жил здесь в одно время со старцем и, однако, даже не подозревал о его существовании.

— Да разве мог этот анархист интересоваться судьбой царя?! А вот купец Симеон Хромов, тот самый, что приютил старца, перед его смертью упал на колени и спросил, не Александр ли Благословенный он? Тот ответил: «Чудны дела твои, Господи... Нет тайны, которая не откроется».

Второй мужчина хотел что-то сказать, но передумал и просто махнул рукой. Они постояли, глядя, как на плиту ложится снег. Надпись на ней была уже едва различима:

«Старец Федор Кузьмич скончался 20 января 1864 года».

...Горели свечи перед иконами, и тихо сновали старушки, натирающие полы. Так мало было света в этом мраке, символизирующем земную жизнь, так душно от пропитавших все тяжелых сладковатых запахов...

— Опоздала,— сварливым тоном сказала Лара одна из старушек, юрко елозя шваброй.

— Мы успели. В гости к Богу не бывает опозданий... — Лара медленно запрокинула голову, рассматривая своды.

Старушки дружно остановились, посмотрели на нее, пошептались.

— Пойду батюшке скажу,— объявила одна, исчезла и вскоре вернулась.— Разрешил.

Лару допустили к иконостасу, за плюшевый канатик, навешанный на позолоченные стойки, и деликатно оставили наедине с собранием небожителей. Она нашла среди икон строгий лик Спасителя. *Отче наш, иже еси на небесех...*

Для нее всегда был проблемой этот мучительный односторонний диалог: каяться и просить, просить и каяться...

— Молюсь за безродных, которые умерли днесь
И в моргах лежат с номерком на лодыжках холодных
Им хлеба не дать, родниковой воды не поднесть
Все стало ненужным для душ их бесплотных

Как дети в трясине, увязли при жизни в грехах.
Не мне их судить, я грешнее всех грешных на свете
Покуда не срок превратиться в туманность и прах,
Мы все умножаем грехи неизбежные эти

Вышептав это — неожиданное — и перекрестившись, Лара повернулась и быстро вышла из храма. Старушки проводили ее любопытными взглядами. Наверное, им хотелось основательно порасспросить ее: что, как, где, зачем и почему.

2

— Смотреть больно, как себя изводит. А ведь Ларочка у нас такая хорошая — вежливая, приветливая. В библиотеке мало платят, так она подработку берет, печатает диссертации, что-то переводит. Ну, вот, сначала кот пропал, а потом узнала, что умер бывший муж. Сходила к гадалке, а та говорит: так, мол, и так, мужа больше нет. Позвонила свекрови, и точно, полгода уж. Еще и накричала на нее свекровь-то эта, все ей припомнила. Ты, говорит, его не любила, замучила до смерти! Бедная девочка, как она плакала... Хоть и бывший,

а все же таки не чужой. А на следующий день приходит ко мне и трясется вся, слезами заходится. Я дверь открыла, а она с порога: «Пусть,— говорит,— Фриде перестанут подавать платок!» А в руках детский чепчик держит и тычет мне в лицо этим чепчиком, тычет! Как я перепугалась, батюшки... Кое-как ее чаем отпоила.

— Это из «Мастера и Маргариты». Роман такой.

— А-а. Ну, Ларочка как раз по литературной части. Она, когда развелись, от ребенка избавилась. Грех большой, вот и мучается теперь, опять вспомнила, как про Виктора узнала. И будто бы чепчик этот она тогда еще купила, а потом кому-то отдала. Теперь вот полезла в комод, а он сверху лежит.

— Наверное, перепутала. Забыла, что не отдавала.

— Все может быть. Ну, я у нее этот чепчик-то потихоньку забрала, от греха подальше. Пока она чай пила.

Лара открыла глаза. У кровати сидела незнакомая докторша с каким-то совсем детским лицом. На стуле, сложив на груди руки, восседала в цветном халате Валентина Федоровна, добросердечная соседская бабушка, которая часто уговаривала Лару пирожками с капустой. За последний год она сильно располнела и сетовала на отекавшие ноги.

— Вот и проснулась. Сейчас, Ларочка, тебя доктор посмотрит. Это я вызвала, а то Марины нет и нет, а мало ли что?

— Давайте я вас послушаю,— деловито предложила докторша-ребенок, доставая фонендоскоп.— На что жалуетесь?

— Я снова нашла чепчик, на полу в ванной... — По бледному Лариному лицу потекли слезы.

— Господь с тобой, деточка,— переменившись в лице, сказала Валентина Федоровна, привстала и осторожно погладила Лару по голове.— Отвлекись, милая, не надо.

Докторша обнаружила «типичное ОРЗ», прописала полоскания, обильное питье и витамины. Больничный

лист не понадобился, оказалось, что Лара взяла отпуск без содержания.

— Чем нервы лечите?

— А успокоительный сбор пьет.— Валентина Федоровна показала на уставленную чашками прикроватную тумбочку.— Это я купила. Тут валерьянка, пустырник с мятой...

— Может, сходите к психотерапевту? В этом ничего такого, многие обращаются.

— Я подумаю,— прошептала Лара.

Пришла Марина, рослая девушка с короткой стрижкой. Они с Ларой были отдаленно похожи, обе кудрявые и круголицые.

Валентина Федоровна закрыла за докторшей дверь и поковыляла на кухню, где Ларина сестра выгружала из сумки продукты.

— Слыши, Марина? Думаешь, отдала мне ключи, и все проблемы долой? Ты почему за Ларой не смотришь? Появляешься раз в три дня.

— Да когда мне? — огрызнулась Марина.— Весь день на рынке мерзну, к вечеру без рук, без ног. А надо еще и поесть сварить, и отдохнуть. Дома такой завал, что змей щенилась. Пашу без выходных.

— А ты через не могу. Ты молодая, у тебя силы есть.

— Силы! Откуда у меня силы? И так никакой личной жизни. Сегодня отпросилась на полдня, а сама боюсь, вдруг хозяин уволит?

— Ты хотя бы ночуй у Ларочки? Все додгляд.

— Не буду я здесь ночевать, отстаньте! — озлобленно закричала Марина. Приятное лицо ее покривилось, синие глаза налились фиолетовым.

— Да ты чего кричишь-то? — поразилась Валентина Федоровна.— Не на рынке! Ну-ка, рассказывай. Давай, давай.

Марина с грохотом высыпала яблоки в мойку и, закатав рукава, принялась мыть.

— Я в тот день здесь ночевала, когда Ларка про Виктора узнала, ну, что он того. Среди ночи слышу: х-хе,

х-хе... Тихо так... и часто. Открываю глаза, а из прихожей женщина идет, в возрасте, лет так тридцати. Черное платье на ней до полу, шляпа с вуалью, а лицо белое. У клоунов такие бывают, только у них смешно, а здесь страшно. Идет и тяжело дышит. Как собака...

— Господи... — Валентина Федоровна быстро перекрестилась.— На мать-покойницу не похожа?

— Не. Я как заору. Она сразу пропала. Мы с Ларкой потом до утра со светом сидели, боялись.

— Ну, и чего ты ждешь?! Батюшку зови!

— Да приходила одна тетка, на работе присоветовали. Можжевельниковые ветки жгла, молитвы читала. А потом в угол уставилась и позеленела... чисто жаба. Как вчесала отсюдова... Плакали мои пятьсот рублей.

— Дорого-то как...

— Такса.

— А что сказала про квартиру-то?

— Типа, что смогла, то сделала.— Марина обтерла яблоки полотенцем, сложила в хрустальную вазу на длинной ножке.— Вот зачем она из этого ест? Хрусталь, сервис... Поставь в буфет, чтоб не побить, и не трожь до праздников! Куда там... Королева Марго.

— А это ее дело.

— Перед кем выеживается? Одна живет!

Валентина Федоровна неодобрительно посмотрела на Марину.

— Ты, Маринка, не злись, а учись у Лары. Смотри, как у нее чистенько. Тесно, а уютно. Слыши?

— Ну?

— Страшно мне за нее. Я вчера вечером иду из магазина, а она выходит из подвала — в одном халате, в тапочках, с голыми коленками...

— Мишку ходила искать.

— Такая грязная, будто на земле валялась... И взгляд безумный... — Валентина Федоровна тихо заплакала.— Я ей: Лара, Ларочка... А она меня не узнает. Я ее под руку, и домой. Идет, бедная, колышется...

— Ну, а че делать-то, в психушку везти? Там залечат. Привяжут к кровати и будут уколами шпиговать. К ним же только попади... как в Бермудский треугольник...

— Ой, что ты, туда не надо. Ее бы лаской полечить, вниманием, она и очухается. Я завтра с утра в церковь схожу, помолюсь, возьму святой воды, чтобы тут везде побрызгать. А ночевать я не могу, Мариша, у меня дед астматик. Как оставишь на целую ночь? Я уж Ларе говорила: если что, стучи в стенку. Мой-то глухой, а я услышу. Знаешь что? Попробую-ка я другую бабушку поискать. Которая посвободнее. Может, согласится с Ларочкой посидеть.

Валентина Федоровна ушла. Марина почистила картошку, поставила варить и отправилась в спальню к сестре.

— Так весь день и пролежала? — спросила она, прислонясь к косяку.— Встала бы. Бледная, как поганка.

— Голова кружится... И в сон клонит... — Лара с усилием приподнялась и села на постели, сунув под поясницу подушку.— Мариша, я сегодня ночью ее тоже видела, твою Черную Даму...

— Бли-ин...

— По-моему, от ужаса чувств лишилась, ничего не помню... Знаешь, у этого призрака есть имя — Барбара Радзивилл. Она была возлюбленной короля Речи Посполитой, да только мать короля возненавидела ее и велела отравить. Алхимики вызвали ее дух, но король, вопреки обещаниям, не удержался и обнял его. Теперь она блуждает, несчастная, по свету и не может найти путь к своему телу... Есть поверье, что Черная Дама предвещает несчастье. Это мне знак, Мариша. Я все, абсолютно все в своей жизни делала не так, понимаешь? — У Лары затряслись губы.— *И где-то осинка звенит на ветру поутру, покуда фанерой под звонкой пилою не стала. Фанерную бирку бечевкой, когда я умру, привяжут к ноге у болевшего ночью сустава...*

— Дура ты психованная, Ларка,— укоризненно сказала Марина.— Не каркай тут. Давай, лучше выпей своего отвара, чучелко...

Она напоила Лару лекарством, принесла вареной картошки с колбасой и строго наказала все съесть. Шатаясь, Лара побрела в прихожую — закрыть за сестрой дверь на ключ. Потом без особого энтузиазма поковыряла вилкой в тарелке и нашарила под подушкой дневник.

Перед глазами все плыло, как при пароходной качке. Буквы выходили кривыми, огромными.

5 марта

*Тихо в море, точно в храме тихо
Боги не чужды людских обид
Успокой, укутай, облепиха!
Сердце помнит, помнит и болит*
(«Медея»)

Лара основательно замерзла в длинной дубленке и высоких сапогах. Ледяной ветер жег лицо, как жидкий азот, пробирал до костей. Против него было бессильно солнце, взирающее с небес сквозь частые серые тучки. Вот и весна наступила... *Как в этом городе жить в этом халоде?*

Поднявшись знакомой дорогой к Казанской церкви, она увидела толпу, собравшуюся у могилы старца. Здесь что-то громко обсуждали, махали руками. Рядом высилась куча желтой смерзшейся глины.

— П-пустите! — требовательно говорила Лара, пробираясь к яме. Зубы у нее стучали.— М-мне нужно! — На удивление быстро она оказалась у края вскрытой могилы.

— Граждане верующие, ваше беспокойство напрасно, святотатства мы не допустим! — басил в толпу холеного вида господин при фигурной бородке и с цепочкой часов на жилетке, выглядывающей из-под распахнутого мехового пальто. С невозмутимыми лицами стояли бородатые церковные чины — в черных одеждах, с

позолоченными крестами на груди.— Могила потревожена по причине ее усадки в грунт! Также необходимо опровергнуть слухи о том, что тело старца Федора Кузьмича увезено в Петербург!

Крышка гроба сгнила и провалилась. Двое юношей-монахов, стоявшие на дне ямы, стали выбирать гнилушки, и скоро взору собравшихся открылись мозги. Хорошо сохранились только коричневые кости ног, обутых в кожаные башмаки, и длинная седая борода, которая отчетливо обрисовывалась на груди старца. Сотрясаясь от дрожи, Лара наклонилась, и вдруг скользкий склон пополз под каблуками, в мгновение ока она съехала юзом и рухнула лицом вниз в бесформенную осклизлую массу. Раздался треск, хлюп, и все смолкло. Лара барабанила в ледяной жиже, но не могла кричать — горло залепила горькая слизь.

Пощади! Но разве я щадила? Позабудь! Но разве я прощу? Прошлое — разрытая могила, та страна, в которой я гощу...

Не чувствуя собственного тела, она рванулась в последней отчаянной попытке освободиться и — проснулась. Мама... мамочка...

Она не сразу поняла, что лежит раздетая, в одной сорочке, на бетонном полу балкона, припорощенного снегом, на третьем этаже *под крышей дома своего*. Была глухая ночная пора, когда даже собака не тявкнет, а в отсутствие луны бликует на сугробах тусклый свет от подъездных фонарей. Через открытую входную дверь в квартиру врывался ветер, и Лара лежала на этом немыслимом сквозняке, словно мерзлая рыба.

Кое-как перебравшись через высокий балконный порожек, она поползла на четвереньках в ванную — отогреваться под горячим душем. Зеленые фосфоресцирующие стрелки на часах показывали в темноте два сорок семь.

...Она надела все, что нашла из шерстяных вещей, закуталась в плед — озноб не проходил, а в доме, как

обычно, ни капли спиртного. Лара выпила три чашки обжигающего сладкого чая и заснула под утро, уронив голову на кухонный стол. Она хотела бы закрыться в спальню и выбросить ключ в окно, чтобы опять чего-нибудь не сотворить с собой, но между проходными комнатами не было двери. Ее убрали прежние хозяева.

6 марта

Я была уверена, что это никогда со мной не произойдет. Что в страшную минуту, когда подступит безумие, приставленный ко мне с рождения ангел укроет меня своими мягкими крыльями. Но это все-таки случилось; он оставил меня, он потерял терпение, потому что я безнадежна, и теперь я погибаю. Мир окончательно разлюбил меня, в своем собственном доме я чувствую себя Наполеоном в изгнании. Обнаружив мою слабость, все изменили мне, и первыми – предметы. У чашек выросли углы, обои – послушно-податливые оболочки – кусают, как крапива, мои дрожащие руки. Хлеб пахнет ананасами, яблоки похожи на картошку, черные и безвкусные, как земля. Любое перышко из подушки яростно терзает меня, оставляя на лице красноватые пятна.

А сны? Боже милостивый... зачем мне снятся такие сны, за что?!

? марта

Когда кто-нибудь приходит, я быстро отворачиваюсь к стене и делаю вид, что сплю, что меня не тянет расчесать в лязвы руки и голову или взять палку и откалошматить как следует все, что ежесекундно возражает мне.

Бедная Марышка так трогательно ухаживает за мной, покупает лекарства, пичкает манной кашей... Манная каша! Ха-ха-ха! Да здравствует манная каша! Ешь, Ларочка, кашу, и вырастешь большая-пребольшая... Да, мамочка, ты права – иногда я становлюсь грандиозной, а обреченные предметы – маленькими и жалкими, как старушки в доме престарелых. Тогда я командую ими, гордая, как фрегат.

А они не смеют мне возражать. Не сметь! Стройсь, падлы, иначе вам не поздоровится. Если этот поганый кот вернеться, для начала я отрежу ему хвост. Запомните, дело не в том, что мне хочется делать гадости. Просто во всем должен быть порядок. Вор должен сидеть в тюрьме. Кот должен сидеть дома.

А пресловутая черная кошка
А заботится
А наших ребят!

Какое же сегодня марта?

Ночью мне снова явилась Черная Дама. При ней я свежилась в кулаком и легко уместилась под подушкой. Очнулась в два сорок пять на балконе. Окоченевшие руки и ноги так перепутались, что я стала похожа на халу. Я даже посмеялась тихонько – чтоб она не услышала и не вернулась. В руках у меня был остренъкий кухонный нож. Забавно.

Сегодня хоронили Валентину Федоровну. Я смотрела в окно и плакала – на венках были такие трогательные нежные цветочки, красненькие и синенькие... Шел снег, было очень красиво. Только мне не понравилась музыка. Не понравилась. Визгливая.

Приходил милиционер, здоровый, как лось. Сказал:

– Ночью в подъезде задушили вашу соседку. Шарфом.

А я лежала, отвернувшись, и, чтобы не брякнуть лишнее, все время повторяла про себя: «Здравствуй, мой любимый ковер... Здравствуй, мой любимый ковер...»

Товарищ участковый спросил:

– Вы что-нибудь слышали примерно в три часа ночи, фражданка Решетникова? Какой-нибудь шум?

«Здравствуй, мой любимый ковер...»

А эта врачиха-длюмовочка ему говорит:

– Да вы посмотрите, в каком она состоянии... Температура высоченная, пневмония... Она подписала отказ от госпитализации, но наша медсестра ходит каждый день, калет антибиотики.

За это я простила ей ее приторные «Elizabeth Arden» (слишком много мускуса и навязчивая жасминовая нота).

А он сказал:

— Понятно.— И ушел.

Мент противный. Старушек душат, а он ходит с папкой под мышкой и в сапогах. Чтоб ты сдох со своей «Нивеей». Как сдохли все до одного динозавры юрского периода. И периодической таблицы Менделеева. Который гнал царскую водку. А всех алкашей мы переработаем. Перемелем в мясорубке истории. Да откуда ж я знаю, почему ее задушили шарфом? Я вдруг увидела, что лежу рядом с ней на ступеньках. На первом этаже. Прямо под лампочкой. Я встала и пошла домой, потому что я очень замерзла в два сорок пять. Потому что я была совсем раздетая. В исподнем, как говорил дедушка. Разве не холодно?! На всякий случай я сняла сорочку и выстирала. Да крови-то не было, просто я подумала... Не помню, о чем я подумала, просто выстирала, и все. Ведь опростоволоситься — проще простого. Славные аллитерации... Ну и при чем тут я? Я так и хотела сказать этому дяде Степе: «Пошел в ж...!» Надо было сказать. Если опять придет, точно скажу. Хватит, намолчались в лагерях. Эшелон, за вагоном вагон... мерным стуком и трепетом стали...

11 марта

«А воздух словно в комнате бального, где смерть уже дежурит у дверей...» — Рильке?

12 марта

Вторую ночь лежу со светом.

«Чудны дела твои, Господи. Нет тайны, которая не откроется...»

13 марта

«Великому герцогу гессенскому Людвигу I дежурный адъютант доложил однажды, что в прошлую ночь часовые

объявили начальнику дворцового караула о своем решении лучше быть расстрелянными, чем еще раз очутиться лицом к лицу с ужасным призраком черной женщины, который в полночь прошел мимо них на маленький двор, куда выходит дворцовая капелла. Вместе с тем адъютант доложил, что один молодой гренадер хочет просить милостивого позволения герцога стать в следующую ночь на дежурство у капеллы, чтобы отбить у призрака, так напугавшего его товарищей, охоту к дальнейшим появлениям.

Великий герцог охотно дал свое разрешение на просьбу бравого солдата, приказав ему после троекратного оклика стрелять в подозрительное видение, если оно не обратит внимания на оклик; сам же герцог пригласил к себе своих приближенных и незадолго до полуночи вместе с ними, в сопровождении лакеев, несших факелы, отправился в капеллу. Часы не успели пробить полночь, как с соседнего двора раздались три оклика, и за ними последовал выстрел. Герцог, сопровождаемый приближенными и лакеями, поспешил из капеллы и во дворе увидел распластанным молодого гренадера, не раненного, но мертвого; возле него лежало ружье с оторванным от приклада стволом...»

(Из мемуаров графа Ностица, бывшего долгое время генерал-адъютантом императора Николая I.)

Первый час ночи. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивается лунный свет, длинной дорожкой перетекая с подоконника на пол. Тихо журчит вода в батарее. За окном, тревожимая ветром, шуршит липа.

Когда маешься бессонницей, к обычным ночным звукам присоединяются новые, странные. Ларе казалось, что они рождаются в голове из-за приливов и отливов крови. А может, это шелестят мысли, или в открывшиеся чакры входит космос. Если долго прислушиваться к себе, на какое-то время глухнешь, будто в тебе что-то выключили, потом восприятие мира восстанавливается не сразу. Вот и сейчас как-то очень неожиданно вплыло в ночное безмолвие:

— Х-хе... х-хе... — Тяжкий вздох.— Х-хе...

Мамочка...

Звуки близились. В проеме двери появился краешек темного силуэта, потом, как из тени, возникла она вся: длинное платье, шляпка с короткими полями, а под черной вуалью — мертвенно-бледное лицо. Статная и высокая.

— Х-хе... х-хе...

Призрак медленно двигался к Лариной постели, протягивая руки в черных перчатках, будто намереваясь заключить ее в объятия.

— Я помню день! Ах, это было счастье! — затянула Лара дрожащим голосом. Призрак застыл на месте.— С тобою первый раз мы встретились вдвоем...

Черная дама с коротким взвизгом бросилась на нее. Лара выпустила ей в лицо длинную струю дихлофоса из баллончика и резво скатилась на пол по другую сторону кровати. Еще раз дихлофосом, и еще — как вредоносных тараканов! И чугунной ногой от маминого манекена — по спине, по плечу, по руке! И побольше света, вот так, включить лампу...

— С-сука! — выл призрак, катаясь по полу. Загремел опрокинутый стул.— Руку сломала...

Тяжело дыша, Лара нависла над поверженным врачом, как дева-воительница — в ночной сорочке, с разметавшимися по плечам рыжими кудрями и чугунным мечом наперевес.

— В угол! А то я тебе... Сядь в угол, говорю!

Женщина в черном отползла к стене между комодом и туалетным столиком, села, прислоняясь к стене, и продолжала завывать и кашлять, нянча перебитую руку.

Снизу начали стучать по батарее.

— Лучше замолчи, если не хочешь, чтобы народ наблюдал,— сказала Лара.— И не делай резких движений. Все твои художества я подробно описала и отдала на хранение в одну очень порядочную семью. С условием, что если со мной что-нибудь случится, письмо отнесут, куда надо.

— Слышь... Открой окно, дышать нечем...

Не выпуская из рук свое оружие, Лара раздвинула шторы и открыла форточку.

— Тоже мне, благородный призрак... Твой дешевый «Kenzo» хуже дихлофоса. Сначала я думала, что мне показалось. А потом снова огурцами запахло. Польскенъкие духи-то, три копейки литр. О, как я огорчилась... Подумала: не может быть, за что мне такое унижение? Погусторонние силы, подавая мне знак, могли бы выбрать посланца с более тонким вкусом, чем эта дешевка. Ты дешевка, Марина. Да, ты черная, но ты не дама. Сними шляпу, она тебе как корове седло.

— Всегда тебя ненавидела,— сказала Ларина сестра, стягивая шляпку. Лицо ее было густо намазано белым кремом. Она морщилась от боли, осторожно ощупывая перебитую руку.— Сю-сю, ма-сю... все какие-то разговоры из книжек... В чем душа держится, а как репей, за жизнь цепляется...

— Надо же, какая ты оказалась изобретательная... Даже призраки у тебя шумные, чтоб было страшнее. И переодеваться не надо — накинула длинную дубленку, капюшоном прикрылась и пошла... Однажды мой одноклассник увидел в гостях призрак черной дамы, которая манила его пальцем. И еще он лунатил. Ты украла мой дневник с этой историей. А про Фриду и платок я в прошлом году сама тебе рассказывала. Ну, что ж... ты умело воспользовалась моей слабостью... Ты жестокая, бездушная и... отвратительная.

— Убей, не пойму, зачем такие, как ты, небо коптят. Что б было кому книжки читать? Стонет, страдает, грехи замаливает, дневники пишет. Кот убежал — истерика. Сказали ей не то в транспорте — в слезы. Да ты же противна мне... до ужаса!

Лара стиснула зубы, покачала головой.

— Знатная у тебя травка, сестра.

— Ага, башку на раз сносит, и почесун от нее неслабый. Мамкина, из тайги. Мамка у меня захарка.

На клюкве-то не проживешь. Тридцать рублей кило на заготпункте. А поползай за ней по болотам.

— Вскрытие все равно бы показало...

— Не показало бы.

— Значит, уже проверено?

Марина хмыкнула.

— Хорошо, что меня однажды наконец вырвало,— сказала Лара.— Двух дней хватило, чтобы наступило просветление. А Валентина Федоровна тебе что сделала? За что ты ее?

— Помешала, вот за что. Я тебя вынесла ночью в подъезд, в сугроб хотела засунуть, а эта старая ведьма тут как тут. Выскочила из квартиры... что случилось, да ой-е-ей... «Скорую», говорю, вызвала, а то приступ. Помогла мне тебя вниз снести. А что мне оставалось? Я-то надеялась, что ты от страха окочуришься. Или от пневмонии. Или замерзнешь. Может, ножик в себя воткнешь, может, застукают на этом... на месте преступления... А ты, вишь, как ванька-встанька. Как колобок. С балкона убегала, от тюрьмы убежала. Живучая...

Лара всхлипнула.

— За что, Марина? Неужели за квартиру?

— Не живу, а мыкаюсь по чужим углам! — От крика Марина закашлялась. По батарее снова застучали.— А у тебя никого нет. Все бы мне досталось.

— Уходи. Только отдай мне ключ... Воровка...
Дубликат сделала?

Марина достала ключ и швырнула Ларе под ноги.

— Не вздумай звонить в милицию, а то хуже будет, поняла? Не докажешь. Гадство, как рука болит... Подать бы на тебя в суд, чтоб лечение оплатила! Как я теперь буду работать? Ну, ничего... Она была здесь, твоя Черная Дама, я ее взаправду видела. Может, пришибет тебя когда-нибудь...

— Убирайся!

...Хлопнула дверь. Волоча по полу тяжеленную ногу от манекена, Лара побрела в прихожую и закрылась. Потащила ногу в спальню, бросила по дороге.

Черная Дама тянет за собой на длинном вязаном поводке немолодую женщину в цветном халате. Та неуклюже ковыляет, стараясь поспеть, но шарф все больше стягивает ей горло. Впереди мрак, еще немного, и они станут недосягаемы. Лара бежит следом.

— Марина, не так быстро! У нее же болят ноги...

Ларина сестра — это она, она, черная — ухмыляется и дергает шарф, а Валентина Федоровна говорит, с невероятным усилием повернув голову:

— Береги себя, Ларочка.— И у нее такое добреое лицо...

Лара проснулась от слез. Два сорок пять. Два сорок пять.

Она сняла телефонную трубку, набрала 02.

— Дежурная часть.

— Я хочу дать показания об убийстве женщины на проспекте Ленина.

...Следствие, суд — это надолго. Пусть. Главное, что она все записала на диктофон, купленный для диалектологической практики в университете. Она иногда смотрит эти дурацкие детективы. И надо сказать деду-астматику: если что, пусть стучит в стенку, она услышит.

Кто-то скребся во входную дверь. Лара переборола желание посмотреть в глазок и рывком открыла.

На пороге стоял грязный черный кот. Лара наклонилась и взяла его на руки.

В рассказе использованы цитаты из произведений А. Блока, Б. Пастернака, В. Высоцкого У. Шекспира, Н. Поляковой, Рильке, К. Космодеева.

Михаил Павлов

ДОМ НА БОЛОТЕ

Есть ужасы за гранью жизни, о которых мы даже не подозреваем, и время от времени человеческие злодеяния вызывают их из бездны и позволяют вторгнуться в наши земные дела.

*Говард Ф. Лавкрафт.
«Твэрь на пороге»*

В тысяча девятьсот девяносто пятом друзья настоятельно советовали мне сменить обстановку. Посещали меня они нечасто: у всех свои дела и семьи. А я, похоже, внушал серьезные опасения. Я тогда был немного не в себе. Воспоминания сохранились сумрачные и нечеткие, наверное, оттого, что почти все время я просиживал в темной прокуренной квартире. Я тогда развелся с женой и никак не мог... вернуться в колею... Короче, сидел дома, пялился в черно-белый телек, иногда выходил и шатался от пивной до рюмочной. Из редакции меня, наверное, уволили, трудовую я не забрал. Когда денег не стало даже на сигареты, сел на электричку и зайцем доехал до восемьсот седьмого километра. Ко мне, кажется, и контролер не подошел.

— Андрей,— просто сказала мама, когда встретила меня во дворе. Она была бледная, какая-то не проснувшаяся. Из запахнутого халата выглядывал воротник белой ночной рубашки, полы халата касались земли. Была середина марта. Зачем мама вышла во двор в до-

машнем халате? Я подошел к ней, и мы обнялись. Тогда только я почувствовал, наконец, что солнце греет по-весеннему. Потом я узнал, что мама болеет и редко встает с постели.

Все-таки я пришелся к месту. В доме жили три женщины — мама, бабушка и двоюродная сестра чуть старше меня, миловидная и добрая, но полоумная. Двум пожилым дамам и одной дурочке трудно вести даже нехитрое хозяйство и следить за домом. Дом выстроил мой отец, хотел создать родовое гнездо. Это была его мечта — крепкая большая семья, постоянно разрастающаяся генеалогическими ветвями, но помнящая свои корни. О собственных родителях он, правда, не распространялся. Вообще о прошлом отца мы знали мало. Москвич, инженер-производственник, партийный — и все. Я не знаю причин, по которым отец решил перебраться из Москвы в Казань и помог двум полячкам (матери и дочке), попавшим в затруднительное положение, взяв их с собой. Позже он женился на младшей из них, девятнадцатилетней Анечке. Предполагалось, что Казань станет временной остановкой: бабушка желала вернуться на родину. Но отец решил, что место его новой семьи здесь. Осенью пятьдесят пятого он выбрал землю для строительства и заложил фундамент.

Не успел я переодеться, позвали обедать. Все три женщины были взволнованы. Даже бабушка, всегда такая бесстрастная, выглядела довольной. Марина, моя двоюродная сестра, не поднимала глаз от тарелки, но улыбалась во весь рот и краснела, словно девчонка.

Я хотел поселиться в своей прежней комнате с небольшим квадратным окном и наклонной стеной. Но помешала протекающая крыша. В итоге я разместился в бывшем кабинете отца. Впрочем, от изначального вида не осталось и следа. Письменный стол оказался задвинут в угол. Все технические и марксистские книги, чертежи и записи гнили на чердаке. Наверняка там же

можно найти старые фотографии с торжественных открытий заводов, которые висели раньше в деревянных рамках на стенах. Уж не знаю, любила ли моя мама своего мужа, отношения их всегда оставались прохладными. Мама была покорной супругой, никогда не слышал, чтобы они бралились. Зато ссор матери и бабушки я мальчишкой наслушался вдоволь. Мне кажется, бабушка по-настоящему ненавидела моего отца. Не знаю, почему она отдала за него свою дочь. Видимо, считала, что нет иного выхода. Бабушка часто мне рассказывала о тех временах, когда они с моей матерью оказались отрезаны от родных и лишиены как средств к существованию, так и возможности вернуться на родину. Бабушка так и не смогла восстановить связь со своей семьей. В этом она винила моего отца. Неудивительно, что в доме осталось мало его портретов. Впрочем, остался сам дом – наиболее упрямое напоминание.

Разбирая сумку с вещами, я планировал, чем займусь. Прежде всего, нужно осмотреть крышу. Есть ли смысл латать прорехи, или пора крыть заново. В любом случае, нужен толь, мастика... Хорошо бы вообще покрыть черепицей, как у соседей, но это же кучу денег стоит, наверное. Как у нас сейчас с деньгами, даже неудобно спрашивать. Бабушка и мама преподавали в сельской школе немецкий язык, но сейчас, насколько я понимаю, обе вышли на пенсию. Похоже, надо еще поискать какую-нибудь подработку.

Во дворе увидел Марину, она тяжело дышала, наливая красные полные щеки, и смахивала пот с лица. Я поглядел на топор в ее руке, на пару поленьев, которые она успела расколоть.

– Давай помогу, – сказал я, подходя ближе. Марина улыбнулась и, потупив глаза, отдала топор. Молча ушла. Я принялся колоть, с непривычки сорвал кожу на ладони. При отце дрова заготавливали на пару лет вперед, причем с осени. Отец умер тринадцать лет назад, и что я сделал, чтобы занять его место во главе

семьи? Уехал поступать на журфак, учился, работал, женился... Неужели я тоже думал начать все с чистого листа? Может быть, нужно было привезти жену сюда? Может, это что-нибудь изменило бы. Да нет, вот если бы были дети...

День прошел в хлопотах.

После ужина я забрел в кабинет к бабушке. Здесь царил сумрачный и тяжеловесный порядок. Значительную часть вещей, вывезенных из московской квартиры, составляли книги. Внушительная библиотека кирпичной кладкой покрывала стены просторного кабинета. На столе стояла большая электрическая лампа, в ее густом желтоватом освещении красовались аккуратно расставленные письменные принадлежности. Посреди стола лежал единственный лист бумаги — чистый.

— Андрей, это ты? — Бабушка вошла в кабинет и остановилась в дверях.

— Я думал, ты здесь.

— Ты что-то хотел, голубчик?

— Книгу, бабушка. Что-нибудь почитать.

— Ты знаешь, Андрей, у меня нет «чего-нибудь». — Она прошла к столу, взяла очки и вернулась. — Большая часть этой библиотеки принадлежала еще моему деду. Чудом и стараниями деда, а также моего отца, моего мужа и, наконец, моими стараниями эти книги уцелели в дьявольском пламени войн, революций, депрессий.

Говоря о своем собрании, бабушка наполнялась видимой гордостью. Мы проговорили долго. На стол ложились фолианты, осторожно перелистывались страницы. Бабушка тихо читала по-польски, по-немецки и по-французски. Она успокоила меня по поводу денег, намекнув, что после отца остался не только дом. Наконец я отправился к себе с томиком Макиавелли под мышкой.

Время было за полночь, я покурил у открытого окна, потом разделся и лег в постель. Лежал в темноте и думал, что впадаю в детство. Сознание погружалось

в сон, когда что-то приглушенно стукнулось в дверь. Даже не стукнулось — просто легонько толкнуло или коснулось. Отчего-то мне привиделась маленькая детская ладошка. В любом случае, глаз я открыть уже не смог и на следующий день припомнил об этом не сразу.

После завтрака я осмотрел чердак и крышу. Потом поехал в город за материалом. Толкаясь в автобусе, а затем и на рынке, понял, как все-таки мегаполис достал меня за все эти годы. Еще несколько лет назад я был охвачен диким чувством причастности к истории. Она творилась на наших глазах. Мы говорили об этом, писали, радовались и негодовали... А бабушка и мама жили в доме, который построил мой отец. И я упустил что-то важное. Наверстаю ли? Купив все, что требовалось, я поспешил на станцию. Приятно было возвращаться. Наблюдать, как исчезают за окном пятиэтажки, редеют промышленные здания, все выше и разлапистее становятся березы. Сойдя с перрона, я отмахал пару километров по проселку, пока мне не встретились первые строения. Дома бывших партийных шишек. Коттеджи, как их теперь называли. Остановился перед нашими воротами, вошел в калитку. Плечо ломило от тяжелой сумки. До обеда я ничего сделать не успел, а после вообще задремал.

К стыду своему, проснулся я, когда уже порядком стемнело. Лезть на крышу было поздно. Хмурый и раздосадованный, отказавшись от ужина, я шатался по дому. Свет горел только внизу, в столовой. На верхнем этаже царила мгла. Пол то и дело скрипел под ногами. В воздухе чувствовалась сырость. Мальчишкой я боялся ходить в одиночку по этим коридорам после наступления темноты. Но все же ходил, конечно же. Казалось, будто кто-то наблюдает за тобой из темных углов или крадется следом, шаг в шаг, чтобы не выдать себя скрипом... У меня не было ни брата, ни сестры,

ни друга, чтобы разделить с ними страх. А взрослым не понять. Взрослые бывают такими жестокими... *Подвал...* В памяти слабо шевельнулось что-то, но я не успел ухватиться. Снизу доносились звон посуды, голоса. Точнее, преимущественно голос бабушки, она о чем-то рассказывала или просто рассуждала вслух. Мама для долгих разговоров была слаба, а Марина — слишком глупа. Я подошел к лестнице и оперся о перила, прислушавшись. Но бабушка говорила слишком тихо. Я постоял так, на вершине лестницы, на границе света и тьмы, пока не случился неприятный инцидент. Ужин закончился, я слышал, как женщины встают из-за стола, расходятся. Вскоре внизу появилась мама и, левой рукой цепляясь за перила, а правой — придерживая полы халата, начала подниматься по ступенькам. Слышно было, как она тяжело дышит. Я не двигался, пока не понял, что нужно уступить дорогу. Скрипнули доски пола. Мать остановилась, даже чуть отпрянула, подняв голову вверх. Стало до ужаса тихо.

— Это я, мама, — произнес я из темноты.

— Андрюша, — она громко вздохнула, — как ты меня напугал...

Смущенный, я вернулся к себе. Чего она так испугалась? Чтобы отвлечься, взял со стола книжку. На какое-то время циничная военная теория захватила меня. Наверное, прошло часа три-четыре, а может быть, и больше, в доме царило безмолвие. Похоже, женщины давно уснули. Ко мне же сон не шел. Отложив книгу, я лежал на кровати и думал о какой-то ерунде. Например, о правом носке, в котором наметилась дырка. Жалко было потерянной половины дня. Тем более что из-за этого теперь мне не спалось.

Кто-то осторожно стукнул в дверь.

Я замер, приподнявшись на кровати. Пронизывающее чувство *deja vu*. Больше ничего не происходило. Хотелось сказать себе, мол, послышалось, но звук был слишком отчетливым. Кто-то легко ударил в деревянную

дверь, причем не костяшками пальцев, а тыльной стороной ладони. Вот только звук пришел снизу... Я поднялся и подошел к двери, распахнул ее. Никого, темный коридор. Как глупо... За моей спиной светила лампа, и я мало что мог разглядеть. Внешне я сохранял спокойствие; по крайней мере, надеюсь на это. Потому что внутри у меня все натянулось от детского нелепого ужаса, от ощущения, будто кто-то смотрит из тьмы, и этот кто-то может стоять в двух шагах от меня, и я его не замечу... Я закрыл дверь и отошел. В юности я уже поборол эти страхи, легко справлюсь с ними еще раз. В кармане была зажигалка. Я вновь подошел к двери, быстро повернул ручку и, не колеблясь, вышел. Притворив дверь, достал зажигалку и щелкнул ею. Короткий язычок пламени заплясал в руке, отпугнув мрак. Я сделал несколько шагов по направлению спален мамы и бабушки, дошел до лестницы, прислушался, водя кругом горящей зажигалкой. Ничего. Порой что-нибудь скрипнет вдалеке, но это же деревянный дом. Я двинулся обратно. Не знаю почему, но я прошел мимо своей нынешней обители и остановился у крайней двери. Зажигалка раскалилась в руке, я погасил ее и некоторое время простоял, окруженный темнотой, положив ладонь на холодную дверную ручку. Теперь уже не страх, а любопытство и бесконница поддерживали меня. Конечно, тут было не заперто. Клацнул замок, чиркнул кремень зажигалки, и я вошел в свою детскую комнату. Тусклый золотистый свет выхватил мою деревянную лошадку, рассыпанные кубики, юлу, игрушечное ружье, прислоненное к колыбели... Я отступил в сторону и наткнулся на стул, стоящий у самого входа. Наверное, кто-то сидел здесь, наслаждаясь составленной композицией. За детской кроваткой я заметил доски и свертки, некогда заготовленные для ремонта. Постойте... что там на кроватке? Я подошел ближе, переступая через свои старые игрушки. В колыбели было постелено

свежее белье, тут же лежали ползунки и распашонки. Эти дочки-матери отчего-то нагнали на меня жути, и я решил возвращаться. Выбравшись из детской, остановился в коридоре, мысли воробышными стаями шумели в голове. Дом был безмолвен. Казалось, он вообще пустовал. Конечно же, тот стук в дверь мне послышался... А вид детской комнаты при дневном свете наверняка не будет таким зловещим. Себе я доказал все, что хотел, и уже отправился бы спать...

Если бы не услышал шорохи.

Вот что по-настоящему выбило меня из колеи — эти звуки. Позже я уже не мог обманываться, я знал, что в доме что-то происходит, в доме есть кто-то, о ком я не знаю. Что-то шуршало впереди; может быть, около лестницы. Оно было маленьким. Я бы подумал, что это крыса или мышь, но оно не бегало, не ходило, а ползло. Я переминался с ноги на ногу, пламя зажигалки дрожало вместе с рукой. Вскоре я различил чье-то очень тихое влажное дыхание. *Как в подвале, помнишь?!* Я уговаривал себя, что сейчас покажется какое-нибудь мелкое животное. Меж тем тварь, все еще невидимая, приближалась. Наконец я заметил движение на рубеже тьмы, что-то округлое неясно шевелилось там, в круг света легла лапка... или крохотная рука... Зажигалка выстрелила кремнем и погасла. Наверное, я вскрикнул; надеюсь, обошлось без мата, не знаю. Я помню, как, забежав в комнату, хлопнул дверью, что-то я тогда говорил, да.

Предательскую зажигалку я, наверное, выронил в коридоре. Были спички. Я курил, сидя на полу в свете настольной лампы. В ушах звенело, в какой-то момент мне стало казаться, будто я слышу далекие женские крики... Сигаретный дым сгущался, становился едким и резал глаза, но окно я открыл, лишь когда начало светать. Никаких подозрительных звуков больше не было. Я так и не уснул, но находился в странном заторможенном состоянии полузабытья.

Наутро я уже ни в чем не был уверен.

Еще до завтрака, до того, как женщины вышли из своих спален, я полез чинить крышу. Конечно, это было глупо. На самом деле я забрался туда, чтобы спрятать от родных свои налитые кровью напуганные глаза. Солнце пригревало, но все равно было холодно. Я никак не мог решить, стоит ли мне говорить с кем-то о ночном происшествии. Может быть, на самом деле я все-таки уснул, а проснулся... на полу, напуганный кошмаром, почему нет? Снизу раздавались голоса. Я замазывал мастикой очередную заплатку, когда во двор выбежала Марина. Простоволосая, всклоченная, в одной только ночной рубашке, она ревела в полный голос, сжимая руки на груди. За ней выскочила бабушка, конечно же, в строгом платье, и попыталась догнать безумицу. Та, выкрикивая что-то нечленораздельное, рвалась к воротам. Все же бабушке удалось ее остановить. Все неистовство тотчас склынуло с Марины, как только бабушка, кажущаяся рядом особенно хрупкой и крохотной, обняла ее и повела в дом. В какой-то момент она заметила меня и одарила недовольным взглядом.

Закончив с заплатой, я спустился вниз и вошел в дом. Где-то слышались женские голоса. Двигаясь на звук, я дошел до кухни, рядом находилась комната, в которой обитала Марина. Дверь была закрыта, я заглянул в замочную скважину, затем приложил к ней ухо. Твердым бесстрастным тоном бабушка уговаривала Марину взять себя в руки, поспать немного. Полоумная же, всхлипывая, твердила какую-то нелепицу:

— ...под ногами... наступишь на него в потемках, а он холодный... в ногу вцепится и сосет...

Сверху донесся встревоженный голос матери. Я выпрямился и поспешил к ней, она стояла на лестнице:

— Что случилось, Андрюша?

— Я и сам не знаю. Кажется, у Марины истерика.

— О, бедная...

— Бабушка с ней.

— Хорошо, это хорошо... Ты, пожалуйста, передай, что я на завтрак не спущусь. Хочу еще полежать. Хорошо, милый?

— Да, мама.

После этих слов она вернулась в свою спальню.

— Анна что-то сказала? — Из столовой появилась бабушка.

— Она передала, что не спустится на завтрак.

— Хорошо, я зайду к ней. А вы, — она остановилась и смерила меня неприятным взором, — ступайте в кабинет и ждите меня там.

Отвыкнув от такого обращения, я все же повиновался. Бабушка поднялась по лестнице, я — следом за ней. Она остановилась у двери в спальню матери и проводила меня глазами. В кабинете было довольно светло, в большое окно глядело утреннее солнце. Нечасто я бывал здесь в одиночку, бабушка очень не любила, когда кто-то без ее ведома брал книги...

— Надеюсь, вам есть что сказать в свое оправдание. — Бабушка вошла и притворила за собой дверь.

Я смог ответить только обескураженным взглядом.

— В коридоре сегодня было очень накурено, а вы, похоже, забыли, как я отношусь к курению в моем доме. К тому же ваша мать больна, и от табачного дыма у нее мигрени. Поэтому в том, что вашей матери сегодня хуже, целиком повинны именно вы и ваши проклятые вредные привычки. Я ненавижу, когда в помещении курят. Я ненавижу эту вонь дешевого русского табака. Если я еще раз... — Она вдруг осеклась и опустила палец, которым грозила мне. — Что ты так смотришь?

Наверное, я побелел. Я почувствовал, как кровь отхлынула с лица, а глаза, кажется, полезли на лоб. Восьмидесят четыре года, а она совсем не изменилась. И это «если еще раз...» тоже осталось прежним. Я помнил этот тон, этот вздернутый сухой палец, и уж конечно, помнил...

— ...подвал.

— Что? — Бабушка смущалась и отступила на шаг.

— Я курил отцовские папиросы... Или нет, это было раньше, и отец был в отъезде. Я испортил одну из твоих книг. Как можно было такое забыть? — пораженный, не обращая внимания на бабушку, я двинулся прочь. У выхода она окликнула меня:

— Это валялось на полу у твоей комнаты. Надеюсь, мы поняли друг друга насчет курения, потому что...

Я оглянулся, увидел свою сломанную зажигалку в ее руке и вышел, не дослушав.

Подвал.

Я на долгие годы сумел избавиться от самого ужасного воспоминания детства. А ведь бывало, мальчишкой я не мог уснуть, думая о том, как сидел в подвале. Мама потом рассказала, что меня вытащили в обморочном состоянии и никак не могли привести в чувство. Еще несколько дней я ходил по дому, как тень, боялся разговаривать с людьми и без повода начинал плакать. Мне было тогда одиннадцать. Случайно ли, нарочно ли, но я закапал чернилами страницу книги. Бабушка была в ярости. Помню, как она кричала и волокла меня по коридору: «Никакого ужина! Ночь проведешь с крысами!» Мама была на кухне, она увидела меня, и столько ужаса и сочувствия было в ее глазах! Почему же она не остановила бабушку?! Ступеньки ударили по копчику, за спиной захлопнулась дверь. Меня заперли в подвале, в непроглядной мгле. Я побаивался крыс, мама говорила, что слышала несколько раз, как они по вечерам скребутся внизу. Но отец недавно разложил повсюду отраву для грызунов и не нашел ни одной мертвой тушки. Так что, думал я, пapa победил крыс, и они ушли. Поэтому, утерев слезы, шмыгая носом, преисполненный жалости к себе, я пополз вниз в поисках хранящегося где-то здесь варенья. Правда, нащупав какие-то банки, я так и не смог ни одну открыть. Неудача усугубила мое горе. Но все это было не страшно. Совсем-совсем не страшно. По сравнению с тем,

когда во мраке, где-то у самой лестницы послышались звуки. Что-то копошилось там, фыркало... Конечно, я вспомнил о крысах и едва не закричал. Я залез в самую глубь подвала, и какое-то время все было тихо. Но потом я рассыпал, как оно ползет ко мне. Оно дышало. Очень тихо, но во тьме его дыхание казалось оглушительным, в нем была какая-то влажная хрипотца. Так дышат дети с насморком. Я плакал, стискивая зубы, а эта тварь становилась все ближе. Мне было холодно, я полулежал на земле, служащей здесь полом. Про себя я молился Богу и звал маму. Мне кажется, я просидел так многие часы. Я знал, что это существо уже рядом. Судя по звукам, оно возилось у самых моих ног. И в какой-то миг оно коснулось меня. Маленькая ладонь осторожно тронула меня за локоть, я почувствовал крошечные пальцы, сухую мягкую кожу... О боже, ладонь была ледяной! Холоднее льда! В любом случае, больше я ничего не помню. Ближе к рассвету мама спустилась в подвал и нашла меня, я лежал без сознания. Всю левую руку ниже локтя покрывали маленькие синяки. Похоже было, что я изо всех сил щипал себя.

Двадцать лет прошло. А воспоминания яркие, будто заново пережил. Я валялся на кровати в своей комнате и смотрел в потолок. Точнее, не в своей комнате, а в бывшем кабинете отца. В моей старой комнате сейчас... ох, и там что-то странное. Со вздохом я встал и направился в спальню матери. Она отозвалась на стук, но я не рассыпал слов, голос был таким слабым... Я приоткрыл дверь, не заглядывая:

— Мама, это я.

— Входи, дорогой, что случилось? — Она чуть приподнялась на кровати. Я подошел ближе, поправил ей подушку и присел рядом. Здесь пахло хворью.

— Не знаю, мам, — помолчав, сказал я.

— Ну, говори уж, раз пришел.

Я посмотрел на нее, и ком встал в горле. Понятно, что ей скоро шестьдесят, но как же это поразительно и

страшно — вдруг замечать, что твоя мама превратилась в старушку. И дело не только в отекшем лице, больных слезящихся глазах и морщинах вокруг них. Она устала.

— Что-то происходит, — я перевел взгляд на луч солнца, ползущий по одеялу, — но я никак не возьму в толк, что именно и даже... когда именно.

Я замолк, мама не проронила ни звука. Пришлось продолжать.

— Прошлой ночью... — Я запнулся. — Мама, ты помнишь тот случай? Бабушка оставила меня в подвале из-за того, что я запачкал книгу...

— Конечно, помню. Я глаз тогда не сомкнула!

— Ты помнишь, что я рассказывал потом?

— Ты говорил о крысах, кажется...

— Нет, мам.

— Ну, тогда я не помню. В любом случае, у тебя был шок...

— Мама, я рассказывал тебе о звуках, которые слышал в подвале, и это не были крысы.

— Ты был так мал, Андрей, да и сколько лет прошло!

— Этой ночью я слышал в коридоре те же звуки. Ну, или почти те же... И Марина что-то такое говорила; мне кажется, она тоже видела или слышала!..

— Успокойся, Андрюш. — Она положила теплую ладонь поверх моей. Мне хотелось плакать. Бессилие разрывало изнутри. Мы долго сидели в тишине. Мама гладила мою руку. Я подумал, что больше ничего не услышу, да и сам не знал, что сказать, поэтому решил уйти. Но мама неожиданно заговорила:

— Знаешь, этот дом стоит на болоте. В свое время болото осушили и засыпали. Но что-то такое здесь осталось. Твой отец не знал про болото, когда ему выделили землю. Он вообще о многом не знал. — Она резко прервалась, и я поднял, наконец, глаза. По щекам ее стекали слезы. Я ждал.

— Здесь обитает память, сынок. Понимаешь? Злая память. Есть вещи, которые должны были умереть, но

они живут. А твой отец... он был хорошим человеком. Жестоким, но хорошим.

— Мам, я вообще не понимаю...

— Все, Андрюш, иди.

Я поднялся в недоумении и досаде. Я не знал, как себя повести.

— Нет, постой, Андрей.— Мама утерла слезы.— Ты плохо спишь? Вот возьми, это успокоительное, две таблетки действуют как снотворное.

И, взяв с тумбочки, протянула мне пластинку с таблетками.

— Возьми,— повторила она настойчиво.— И, Андрей, то, что я тебе сказала... Это безобидно. Это просто память.

Потом я сидел в комнате один, обедал с Мариной и бабушкой в тишине, латал крышу. Все в каком-то отупении, отрешенности, заторможенности. В сон не клонило, разве что солнечный свет казался ярким до рези в глазах. К концу дня я здорово утомился и уснул сразу после ужина, без всяких таблеток. Разве что проснулся засветло с головной болью и промучился около часа или двух, ворочаясь без сна.

Мрачный, с кислой миной на лице, я снова поднялся раньше всех. Перехватил бутерброд на кухне и опять полез на крышу. К обеду я уже закончил и сидел на крыльце с сигаретой, размышая, за что теперь взяться. Покосить лужайку, выкорчевать гнилой пень, подправить сарай... Я придумывал дела и занимался ими, не давая себе отдыхать. Так миновал день. Заторможенность прошла, но осталось чувство отчужденности. Несмотря на всю свою деятельность, я словно вернулся в состояние, которое переживал после развода с женой. Я еще не мог уяснить, что означают совершенные мной открытия, и будут ли они иметь последствия. Дни были похожи друг на друга. Иногда бабушка посыпала меня в поселок прикупить свежего молока,

хлеба и масла, обычно это делала Марина, но в последнее время она стала совсем плоха, отсиживалась в своей каморке около кухни. Мама спускалась все реже. Если бы не мое присутствие, бремя хозяйства полностью легло бы на плечи бабушки. С ней мы почти не разговаривали. Несколько раз по вечерам я принимал успокоительное, чтобы крепче спать. Сны мои тогда были зыбкими, но продолжительными, их содержание почти не сохранялось в памяти, оставляя после себя только след тревоги и подавленности. Помню, что пытался вырваться, но кошмар только гуще налипал на меня. Где-то все громче с каждой ночью кричала женщина. И однажды я проснулся.

Крик был настоящий.

Я вскочил в темноте и, не одеваясь, рванул к двери, выбежал в коридор. И тут же чуть не упал – впереди, дальше поворота на лестницу, мерцал огонек, а над ним висело белое искривленное лицо с огромными выпученными глазами. Хватаясь за стену, я отступил было к своей комнате, но тут снизу вновь донесся протяжный женский крик, перешедший в рыдание. Я сделал пару неуверенных шагов вперед. Зловещий лик не двигался, и жуткие блестящие бурканы устремляли свой взор куда-то в сторону. Огонек, освещавший лицо, дрожал. Наконец я сообразил, что это пламя свечи, и подошел ближе. Немигающие глаза уставились на меня, и мне вновь стало не по себе, хоть я и понимал, что передо мной бабушка. Она выглядывала из приоткрытой двери своей спальни, держа в левой руке подсвечник. Во взгляде ее смешались безумная злоба и ужас; казалось, она не в своем уме. Блеснул нагрудный крестик, висящий поверх ночной рубашки. В правой руке она сжимала небольшой пистолет. Двигаясь вперед, я перешел к другой стене, стараясь держаться подальше от старой женщины, и свернул на лестницу, ведущую вниз.

Теперь я пожалел, что так поспешно кинулся на крик. Свет бабушкиной свечи остался наверху, вокруг

вырос непроницаемый мрак. Я брел, цепляясь за перила, потом — за стены и предметы мебели. Нашупал выключатель, щелкнул им; бесполезно, электричества не было. Натыкаясь на стулья, прошел через столовую к кухне, здесь свернул в коридорчик с двумя дверьми: слева — в спальню Марины, справа — в подвал. Левая дверь, похоже, была открыта, и из помещения изливалось слабое бесцветное сияние... Внезапно вновь запопила женщина, звук впился в уши. Яркий свет прыгнул из комнаты, и в течение секунды я видел на стене ужасающую тень — силуэт, бьющийся в конвульсии, короткие руки и ноги, огромная шарообразная голова. Затем поток света метнулся обратно, заскакал внутри комнаты и, наконец, погас. Я почувствовал, как что-то коснулось моей босой ступни, и отдернул ногу. Рядом в темноте плакала женщина.

— Марина! — Я на ощупь добрался до двери.— Ты где?

Тут слабый свет зажегся снова, и я увидел Марину: она лежала у стены, спрятав лицо. В ее руке дрожал маленький электрический фонарик.

— Марина, успокойся, пожалуйста, все хорошо... — Я опустился рядом с ней на колени, приподнял за плечи, чтобы она села. Марина повиновалась, не переставая всхлипывать и не подымая головы. Я взял у нее фонарь и осмотрел комнату. Смятая постель, одежда на спинке кровати, комод. Не обнаружив ничего подозрительного, я вновь повернулся к Марине. Длинная ночная рубашка на ней задралась, яркий луч фонарика выхватил из тьмы обнаженные полные ноги, покрытые мелкими гематомами. Я не смог отвести глаз, уставившись на них, а Марина продолжала прятать лицо в волосах. Это были точно такие же синяки, как те, что остались у меня на руке после ночи в подвале.

— Марина, расскажи мне, пожалуйста, что здесь было? Кто это сделал, а?

Она только затряслась головой.

— Ну я прошу тебя!

И Марина вдруг зашипела сквозь стиснутые зубы:

— Он дверь открыть не может... наверху они запираются на ночь... а он хочет... наверх хочет!.. И я ему ведь не нужна, я ему ничего не сделала! — Она злобно выкрикивала слова. — Он дверь открыть не может! Все из-за них! Они запираются, они трусливые, а я одна... раньше иногда в коридоре натыкалась... иногда, а потом чаще... а потом из-за комода стал вылезать... холодный, такой холодный...

Речь Мариной вновь стихла до шепота, стала неразборчивой. А я поднялся на ноги и подошел к комоду. Громоздкий и ветхий, он был неплотно прислонен к стене, я посветил фонариком в проем. Паутина, пыль, рваные обвисшие обои и еще какой-то сор внизу. Упершись хорошенько в пол, я толкнул комод. Грязя развалиться, комод поддался и сдвинулся, я продолжал давить. Под ноги посыпалась щепки, остатки плинтуса. Я остановился и направил фонарик вниз. В стене открылась дыра, довольно большая, с ладонь.

Вспыхнул свет, во всем доме сразу. Марина коротко вскрикнула, вновь сжимаясь на полу. Я поспешил к ней. Дыру, черт с ней, заделаю завтра. Состояние кузины вызывало куда больше опасений. С трудом я смог поставить ее на ноги, заставил сделать несколько шагов, уложил на кровать. Она все время цеплялась за меня. Приговаривая что-то успокаивающее, обещая тотчас вернуться, я оторвался от нее и прошел по всему первому этажу, выключая свет. Вновь войдя в комнатку, закрыл за собой дверь и присел на край постели. Слабоумная уже спряталась под одеялом. Двоюродная сестра, немногим старше меня, которую я всегда сторонился. Теперь вот сижу рядом, убаюкиваю как-то болтовней, а она, выпростав руки из-под одеяла, держит меня за кисть. Наверное, спустя какое время Марина уснула; не знаю, руку я так и не высвободил до самого утра. Всю ночь в доме, захваченном тьмой, теплился свет в тесной коморке около кухни. Была еще дыра в стене, и я не сводил с нее глаз.

На следующий день я занимался странными вещами. В первую очередь как можно плотнее забил крысиный лаз и прикрыл его плинтусом. Спустился в подвал, который встретил меня затхлой многолетней тьмой. Странно, что отец не провел сюда электричество, пришлось пользоваться карманным фонарем. Я искал норы, следы... хоть что-нибудь. Эта тварь — настоящая. В смысле, из плоти и крови. Не привидение. Она должна как-то выбираться из подвала, как-то проникать обратно, где-то здесь прятаться. Если она смогла проделать ход в соседнее помещение, однажды сможет добраться и до спален мамы и бабушки. Но я не нашел никаких следов и вынужден был ждать ночи. Остаток дня я провел вне дома, бродил по пустой проселочной дороге, глядя вслед изредка проезжающим мимо автомобилям. Пели птицы. Солнце тихо и красиво сползло с чистого небосклона. Возвращаясь обратно, я остановился метрах в пятидесяти от ворот. Проселок здесь поднимался на холм, за спиной вовсю полыхал закат, впереди в окнах второго этажа отражалось его пламя. Несколько было, что творится за этими золотистыми огненными окнами. То ли вымерло все, то ли еще живет своей странной жизнью. Марина просидела весь день в своей комнатенке, мама не выходила, бабушка тоже старалась не спускаться лишний раз. Ее осторожные шаги порой слышались в кабинете, открывалась дверь, звенел ключ. А память рисовала ее скованное судорогой дьявольское лицо, черные разломы морщин, искривленный рот, стеклянные глаза, руку с пистолетом. В доме давно поселился страх, годами копя силы. Женщины о нем знают, прячутся каждая за своей дверью. Это существо... оно ведь стучалось ко мне. Помнит ли оно мальчишку, запертого в темном подвале? Золото в стеклах меркло, а позади здания поднималась фиолетовая мгла. Издалека доносился лай собак. Когда я вошел в калитку, во дворе уже сгустился сумрак.

Глаза пощипывало с недосыпа, тело было вялым. Поужинав в одиночестве на кухне, я сразу, боясь растерять решительность, направился в подвал. Фонарь был единственным моим оружием. Я просто должен был все увидеть, остальное потом. Закрыв за собой подвальную дверь, я включил фонарик и спустился по ступенькам. Луч света побежал впереди меня, вырывая из мрака пыльные банки и бутыли с припасами, мох, кирпичные стены фундамента, низкий деревянный потолок. Что-то омерзительно чавкнуло под ногой, я посветил вниз и поспешил отступить. Блеснула влага, заполняющая след моего ботинка. Стоптанный земляной пол здесь превратился в болотце. Странно, что днем я этого не заметил. Впрочем, пятно грязи не большое, сантиметров семьдесят в диаметре, можно мимо пройти или перешагнуть. Так и не поняв, откуда натекла вода, я двинулся в глубь подвала. Сырость и запахи гнили все туже обнимали меня со всех сторон, в луч фонаря порой попадали осколки стеклянных судов, кашица плесени между ними. Женщины просто забросили погреб со всем его содержимым. Медленно, пригибая голову, чтоб не напороться лбом на балку, я сделал несколько кругов по помещению в обход нагромождений рухляди и уселся на ящик у дальней стены. Возможно, именно в этом месте двадцать лет назад прятался напуганный мальчик, которого наказала бабушка. Я погасил фонарь, сунул его в карман ветровки. Страх прячется в памяти, словно крыса на захламленном чердаке; потому что страх обожает пыль и темноту. Он обгрызает краешки воспоминаний, разрывает их на клочки, а ты все носишь на чердак стопки новых впечатлений и событий... Но однажды мрак застанет тебя врасплох, и ты увидишь, что ничего не изменилось. Увидишь хитрую крысу, выглядывающую из сухого вороха памяти.

Меня все сильнее клонило в сон. Я подолгу сидел со смыкенными веками, прислушиваясь. Ни звука. Под-

вал был мертв, весь дом был мертв. Будто все покинули его, позабыв обо мне. Вновь бросили меня одного. Но на самом деле женщины спят в своих кроватях, а я даже никому не сказал, как собираюсь провести эту ночь. И все равно чувство обиды, глупое и безоснавательное, захлестывало меня с головой! Бабушка и мама... Одна заточила меня здесь, другая позволила. Я злился, даже слезы навернулись на глаза. Никто не мог мне помочь, никто! Отца никогда не бывало дома, ему ничего не рассказывали... Понимал ли он, что все его мечты о семье давно рухнули? Да и на чем строились они?! На болоте.

...Что-то меня насторожило. Может, движение собственной руки... Я, кажется, заметил его даже в кромешной темноте. Да, точно, теперь я понял, что различаю и некоторые другие предметы вокруг. Мрак словно бы прояснялся, но свет в подвале не проникал. В какой-то момент я увидел это... Не могу придумать название этой штуке. Хотя можно сказать, что это была просто точка, черная точка в стене напротив, и она была ужасна. Покуда все вещи в помещении виделись мне отчетливее, эта точка все больше привлекала внимание. Она была абсолютно черной, при этом испускала причудливое серое сияние, от которого все в подвале выглядело до жути резко, но теряло свой цвет. Я слышал, как что-то зашевелилось впереди, скрытое горой хлама. Неторопливые мерзкие влажные звуки... Где-то на периферии сознания проскользнула мысль о том, что звуки исходят с того места, где раньше обнаружилось болотце. Проклятое черное пятно поглощало мою волю. Может, сон? Может, я уснул, иначе куда делись усталость и тяжесть век? Заложило уши, навалился пульсирующий бархатистый грохот. Я поднялся с ящика, и мир пошатнулся, становясь на миг зыбким... Но тело отзывалось тысячью отрезвляющих уколов боли. Вернулась тишина, и в ней приглушенный скребущий шум. Мелкая тварь ползла по земляному полу

прочь. И то ли на звук, то ли притянутый темным пятном, я двинулся вперед, обходя гору старья. Боковым зрением я улавливал шевеление чего-то серого, небольшого... Он было уже у лестницы, я больше не мог идти за ним. Черная точка на стене оказалась прямо передо мной и не пускала меня от себя. *Как это описать!..* В стене на стыке кирпичей была дырка, круглая, маленькая, три-четыре сантиметра диаметром. Мне кажется, я слышал ее. Внутри сидел непроницаемый мрак, и все же я чувствовал там непрестанное беспорядочное движение. Дыра напоминала мне дверной глазок. Будто я постучал и жду, а хозяин смотрит на меня из-за двери. Дыра была неуместна, неестественна, у нее был свой запах, свое излучение, свое дыхание... И все это чуждое до отвращения. Я стиснул зубы, пытаясь отвернуться, закрываясь рукой. Секунду или две я кричал.

Потому что видел черное пятно сквозь ладонь.

Но я сумел отвести взгляд, повернув голову налево, и увидел, как из-под нижней ступеньки что-то выглядывало. Или нет, неправильно, не выглядывало, ведь у него были закрыты глаза... Тьма стремительно сгущалась, дырка в стене словно всасывала обратно свое бесцветное сияние. А под ступенькой морщилось круглое человеческое лицо: трепещущие ноздри, плотно сомкнутые веки, крохотный рот. Я даже не успел ничего понять. Лица уже не было. Мою голову рывком притянуло к стене, правой половиной лица впечатав в кирпичную кладку. Дыра оказалась прямо напротив глаза. И в этот миг лучше бы мне остаться без него. Видит Бог, я не заслужил такого наказания, не заслужил узреть *это!* Я потерял сознание. Потом очнулся. В кромешной мгле. В дыре. Сверху сквозь перекрытия пробивался крик женщины. Мама? Мамочка... Под руками была грязь, я лежал на земляном полу. Пальцы нашупали кирпичную стену и отдернулись. Фонарик! У меня же был фонарик, но карманы оказались пусты. Где же я все-таки? Все еще в подвале? Я зашарил по влажному

полу руками, наткнулся на пластиковый ребристый цилиндр — фонарь. Круг электрического света заметался из стороны в сторону, упал на дверь. Я поднялся и едва не побежал к выходу. Под лестницу даже не заглянул, и без того знал — нора там. Отворив дверь, я оказался в узком коридоре, в комнате Марины света не было. Воздух здесь казался необычайно чистым и теплым. Какой-то шум доносился со второго этажа, и я поспешил туда мимо кухни, через столовую. Остановился только у подножия лестницы, ухватившись рукой за перила. Луч фонарика, пробежав по ступенькам вверх, выхватил из темноты огромную белую фигуру. Всклоненные волосы, искривленное невыразимой гримасой лицо, полные руки, опущенные по швам, неестественная поза. Это была Марина, но больше она сейчас напоминала призрака, восставшего мертвеца. Я просто поперхнулся вопросом, увидев и узнав ее. Марина заслонилась рукой от света.

— Андрей? — Кажется, впервые обратилась она ко мне по имени.

Сверху слышался женский голос, без сомнения, мамин. Она то что-то причитала, то вскрикивала. Я начал подниматься по лестнице.

— Андрей, я... это я! Но я не хотела... Я не со зла, тетушка добрая, но я же не могу... Я не могу, понятно! Так нельзя! Они запираются, а он ко мне... Нет, я больше не могу, я умру! Ему ведь не я нужна, он к маме просится, я-то ничего не сделала, ничего... Это все они! А я... я... Я не хотела, просто так нельзя...

Она посторонилась, когда я приблизился вплотную. Проходя мимо, я старался не обращать внимания на ее бред, но, услышав за спиной последние слова, обмер.

— ...Я ему дверь открыла.

Так и есть. Впереди дверь в спальню моей матери. Распахнута настежь. И причитающий голос оттуда. Злость и страх в причудливом сплетении опутали, сдали, и я едва не бегом достиг открытой двери. Свето-

вой круг заскакал по стенам коридора, нырнул в комнату. Мама в ночной рубашке сидела, подобрав ноги, прямо на подушках. Одеяло сползло с кровати.

— Сыночек, прости меня, прости, пожалуйста, прости, прошу тебя, прости...

Я посветил матери в лицо, увидел безумные черные глаза, слезы... потом она зажмурилась. Но я уже понял, что она смотрела не на меня, она меня вообще не видела. Одеяло странным образом продолжало сползать. Луч света скользнул ниже, *оно* было на краю постели. Взбиралось по одеялу, стягивая его вниз. Шарообразная голова с несколькими прилипшими волосами. Крошечное тельце, серая с черными венами кожа. Какие-то черепашьи движения. Я выматерился, желудок всколыхнулся от омерзения и ужаса. *Это же младенец!*

— Прости, прости, сынок... — Мать сжимала руками грудь, говорила, тяжело хватая ртом воздух. Меня кто-то толкнул в спину, я неловко отступил. Пятно света билось в истерике, выдергивая из мрака лица мамы, Марину, бабушки и *его*... его сморщенное мертвое лицо, которым он повернулся к нам. В голове смешались голоса: «Прости, сынок... Отойди, отойдите все... Это я его пустила... Прости, сыночек... Убью... Убийца!» Потом были хлопки, оглушительные до боли в ушах, и яркие вспышки, и пороховая вонь, от которой трудно стало дышать и заслезились глаза. Одеяло взорвалось белоснежными перьями. Кажется, я видел, как тщедушное тело младенца одним из выстрелов было сброшено с кровати.

Кое-как я выбрался из комнаты, в ушах звенело. Позже я понял, что это голосит где-то Марина. Появилась бабушка и обратилась ко мне в повелительном тоне, но я не сразу понял, чего от меня требуют. Скорая, телефон, Анне плохо... Бабушка внимательно смотрела на меня, пока я спускался по лестнице. В руках у нее был сверток из какой-то бархатной тряпицы. Наверное, она убрала в него тот маленький пистолет. Я не заметил, в какой момент в доме зажегся свет.

Потом я бежал по проселку, стучал в чьи-то ворота, диктовал адрес в телефонную трубку. Когда я вернулся в дом, маму уже уложили на первом этаже на софе. Я поднялся наверх, в маминой спальне были открыты окна, на постели — ни белья, ни матраса. Бабушка уже все прибрала. А что она сделала с трупом? Не знаю, чем я занимался после. Кажется, не спал. Был ли я все время в доме или выходил? Я видел, как перемигиваются огоньки машины «скорой помощи», светало. Мать увезли. Марине вкололи успокоительное. Я засел в бывшем отцовском кабинете за бывшим отцовским столом. В окне голубел чистый утренний небосвод, а я держал включенной настольную лампу. «Государь» Макиавелли лежал рядом позабытый. В столе есть несколько чистых тетрадей, думал я. Несмотря на две бессонные ночи, я не в силах был уснуть. Тревоги, мысли, воспоминания — все застыло, являя собой хаос, и я, не пытаясь разобраться в нем, стал описывать.

— Твоя мать пережила инсульт, она в реанимации. В очень тяжелом состоянии.

Правая половина лица горела. Похоже, я уснул прямо за столом. Во рту пересохло. Все так же светила отцовская лампа. Который теперь час? Мама...

— Надо же ехать! — прохрипел я, окончательно просыпаясь. Бабушка стояла в дверях, как всегда, облаченная в строгое темное платье:

— Нет, Андрей, ты никуда не поедешь. Ты не в том сейчас состоянии, посмотри на себя — проспись!

— Труп... трупик? Куда ты его дела? — Я поморгал, по очереди закрыл и открыл правый глаз, затем — левый, чтобы убедиться: правым я вижу отчего-то хуже.

— Зачем тебе это... — Она повернулась к двери.

— Бабушка.

— Не было никакого... трупа, Андрей!

— Не было? Конечно, не было! — Я встал со стула, взбешенный.— Мертвого не убьешь! Кто это был?

— Зачем спрашиваешь? Ты же наверняка все понял.— Бабушка взглянула мне прямо в лицо.

— Значит, брат? Младший, старший? Но почему? Он так и родился мертвым?

— Нет,— коротко ответила бабушка.

В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году, ровно сорок лет назад, это здание существовало только лишь в виде фундамента. Зофья Вуйцик, моя бабушка, с молодой замужней дочерью жила неподалеку в небольшом доме, который отец снимал для них. Сам он большую часть времени проводил в разъездах, но возвращался часто — узнать, как идет стройка, проведать жену. Мама была беременна, и срок подходил. Пора уже было переезжать в город, поближе к родильному дому, но женщины все оттягивали. Ребенок родился раньше срока в отсутствии отца, родился мертвым, как они потом сказали. Но это было не так. Камень преткновения, *petra scandali*. Так называли в свое время Христа. Среди ночи, приняв роды у собственной дочери, с помутившимся рассудком Зофья Вуйцик отнесла свой личный камень преткновения к фундаменту строящегося дома и закопала его там.

Шли годы, молчаливая женская тайна разлагала семью. Дом был построен, а вместе с ним и детская комната, предназначенная для будущего ребенка. Для Анны же это была комната ее первенца. Спустя восемь лет на свет появился я, и еще через какое-то время зерно зла, посеянное в основании фамильного гнезда, дало свои первые всходы. Шум в подвале, случайное прикоснение в темноте. Отец велел разбрасывать крысиный яд, женщины своими догадками не делились. *Одна заточила меня здесь, другая позвала.* Меня любили как-то двойной любовью. Я пытался походить на отца, но воспитывала меня бабушка, а мама всегда была готова приласкать. В восемьдесят втором умер отец. Что он знал, о чем догадывался — неизвестно.

Не помню точно, как закончился наш с бабушкой разговор. В какой-то момент она замолчала, а я просто не смог ничего сказать, пошел мимо нее к выходу. Бабушка что-то говорила вслед, предостерегала, я уже не слушал, хватило. До заката я был в городе, провел ночь в больнице. Спрашивал, ждал. В пять утра ко мне подошел дежурный врач, и я двинулся прочь. В пять утра мамино сердце остановилось.

Здесь для меня история заканчивается. Остальное — просто вынужденная приписка.

После полудня я вернулся в дом на болоте. Я туто соображал и с трудом держался на ногах. Меня ни о чем не спрашивали; наверное, все было ясно по выражению лица. С собой я нес белую канистру, именно из-за нее мне пришлось задержаться в городе. Я знал, что бензин не поможет, огню с этим делом не справиться. Поэтому все утро я провел в телефонной будке, обзванивая знакомых технарей, вытаскивая их из теплых постелей или отрывая от завтрака. И теперь был готов поставить точку. Канистру я оставил на крыльце, взял в сарае лопату и рукавицы, зашел в дом, поднялся на верх за фонарем, спустился. Марина, бубня что-то себе под нос, суетилась, путалась под ногами, бабушка только провожала меня взглядом. Я обзавелся мешком на кухне и во всеоружии направился в подвал. Что здесь произошло этой ночью? Что было сном, а что — явью? Место, где обнаружилась лужица, я помнил хорошо. От вчерашней грязи не осталось и следа. Отложив лопату и мешок, я опустился на колени и ощупал землю. Оглядел с фонариком кирпичную стену... *Мне не могло все это привидеться, ну уж нет!* Я приладил фонарь так, чтобы освещался нужный участок, встал, надел рукавицы, поднял лопату, осторожно начал копать. Углубившись в почву где-то на полметра, я то и дело останавливался, светил в яму фонарем. И я нашел. Ветхая грубая тряпица. Я склонился над находкой, потянул за лоскуток, ладонью в рукавице стал разгребать землю. Когда по-

нял очертания завернутого в материю предмета, вновь взялся за лопату. Я не разглядывал его. Главное, извлечь, положить в мешок. По небритым щекам сбегали слезы, капали с носа и подбородка.

Выходя из тьмы, сжимая в руке мешок, я ни на кого не смотрел. Лопата и угасающий фонарик остались в подвале.

На дворе было так светло! Свежий воздух захлестывал легкие, а меня душило рыдание. Прихватив на крыльце канистру, я обошел дом, так чтобы меня не было видно из окон. Уселся в траву, короткую, кошенную мной же пару дней назад. Скинул рукавицы, достал сигарету и закурил. Похоронить такое уже нельзя. Это же упырь. Невинно убиенный, но... Сигарета размякла в мокрых пальцах, и я выбросил ее, не выкурив трети. Встал на колени и развернул мешок. Он лежал, свернувшись в комок. Почти черное то ли от времени, то ли от земли тельце. Затылок мне припекало солнце; показалось, будто младенец поежился в непривычном ему свете. Не стоило больше ждать. Я отвинтил крышку у канистры и, прикрыв воротником нос, опрокинул горльшко сосуда. Прозрачная желтоватая жидкость блеснула на солнце, коснулась мертвой потемневшей плоти, и что-то зашипело, поднялся едкий пар. Я старался задерживать дыхание, жмурился, отворачивался. Я надеялся, что шипение вызвано лишь химической реакцией. Сквозь густые испарения трудно было различить, что кислота делает с телом. И думаю, мне показалось, что в какой-то миг я разглядел вдруг лицо, это маленькое круглое лицо, со всеми морщинами, болезненной гримасой и глазами... Глаза были открыты, да, открыты, но пусты. Только чернота между век.

Надеюсь, я убил его. Я верю в это. Кислота сделала свое дело, от тела, да и от всех этих тряпок, от мешка — ничего не осталось. Не знаю, будет ли еще расти трава на этом месте. Не знаю, сделал ли я все правильно. В дом я зашел только за вещами, не забыв тетрадь на письменном столе. Напоследок заглянул в свою

прежнюю комнату, ту, что под скатом крыши. Кроватка, игрушки, стул. Мама, чья во всем этом вина?

Я ушел, направляясь в сторону станции, и вернулся в эти места только четырнадцать лет спустя, чтобы по завещанию вступить в права собственности. Бабушка умерла в возрасте девяноста восьми лет, совершенно выжив под конец из ума. Я так ни разу и не зашел в дом. Библиотеку вывезли без меня, я же приезжал только за Мариной. Она живет теперь недалеко в квартире, которую я ей снимаю, получает пенсию по инвалидности, смотрит телевизор. Радуется, когда я приезжаю. А дом через полгода снесли, раньше не вышло. Я потом приезжал, ходил вокруг развалин, присматривался. Все не мог понять, вправду ли посреди деревянных обломков выпирает кусок кирпичной стены... Хотел привезти священника из городского костела, чтобы освятить землю, но так и не собрался. Сейчас мне сорок семь, во второй раз я не женился. Полностью ослеп на правый глаз. Работаю в издательском деле, заметил, что многие меня побаиваются.

Стопка отпечатанных на машинке листов, словно заряженный пистолет, пролежала все эти годы в шкафу в моем кабинете. Страницы перепутаны, среди них попадаются исписанные тетрадные листочки. Перенести на бумагу эту историю я попытался почти сразу, как вернулся в городскую квартиру, но безрезультатно. Теперь я достаю эту кипу бумаги, этот заряженный пистолет из прошлого, начинаю раскладывать вокруг монитора и клавиатуры. Зачем? Может быть, я хочу застрелиться. Расскажу ли я, что увидел сквозь черную дырку в стене в подвале? Нет, не расскажу. Картины, ужасные картины являются мне очень часто в кошмарах и наяву. Иногда мне кажется, я продолжаю видеть все это. Правым глазом. Возможно, я и хотел бы описать весь несказанный противоестественный неземной ужас, существующий в других мирах, одновременно далеких и близких. Но я не могу, это невозможно, неописуемо.

Просто я знаю, откуда это приходит к нам.

Благодарности

Формально в графе «составитель» антологии «Самая Страшная Книга» указана лишь одна фамилия. Но на самом деле одному человеку подобного масштаба проект осуществить было бы не по силам. Слова благодарности мы адресуем всем, кто помогал нам в нашем путь и «черном», страшном, но благом (для всех любителей ужасов и мистики!) деле.

Низкий поклон писателям и фэнам, стоявшим у самого истока этого проекта: Александру Подольскому, Борису Левандовскому, Антону Вильгоцкому, Александру Нюхтину, Андрею Сенникову, Павлу Черепову и другим участникам форумов allhorros.com, что с самого начала поддержали идею создания «Самой Страшной Книги», обсуждали ее и прорабатывали все детали на подготовительном этапе.

Отдельные реверансы – Евгению Михайлову, который координировал все взаимодействия с читательской таргет-группой, подсчитывал все голоса «за» и «против», составлял гигантские таблицы оценок и сводил с ума почтовые программы, одновременно ведя переписку по вопросам «Самой Страшной Книги» с несколькими десятками заинтересованных лиц. Теперь уже можно выдохнуть, Женя!

«Спасибо» столь огромное, что может своими размерами свести с ума неподготовленного человека, отправляется людям подготовленным – Кириллу Зеленову, Борису Богданову, Сергею Никонову, Дмитрию Болвановичу, Михаилу Нечипоруку и другим членам читательской таргет-группы, включая тех героев, кто пожелал остаться неизвестным. Эти тридцать богатырей и прекрасных девиц прочитали более двух сотен текстов, и именно их оценки помогли пройти в антологию тем рассказам, которые в итоге попали.

Нижайше благодарим от лица всех авторов-добровольцев, которые помогали нам с вычиткой текстов, – Марию Кочакову и, в особенности, Светлану (для друзей просто Фанни) Альбертовну Тулину.

Спасибо независимому кинорежиссеру Павлу Дудину и художнику Александру Соломину, которые

помогли нам подготовить промо-материалы проекта, а также спасибо ребятам с телеканала «НСТ» за всегдашнюю отзывчивость и готовность к сотрудничеству с теми, кто, как и они, искренне любит ужасы и мистику.

Организаторы проекта считают себя ветхими должниками по отношению к писательнице, публицисту и просто редкой красоты и ума женщине Марии Артемьевой, ведь именно ее помощь помогла нам найти издателя.

Миллион алых (от крови) роз уже отправлен по адресу редакции «Астрель-СПб», а именно – нашему редактору Ирине Епифановой. На протяжении всего нашего общения Ирина показала себя не только профессионалом высочайшего уровня, но и отзывчивым, позитивным, надежным человеком, а без ее всегда уместных советов и рекомендаций «Самая Страшная Книга» была бы куда менее «самой» и еще менее «страшной».

Мы также благодарны всем тем сотрудникам «Астрели-СПб», кто так или иначе участвовал в работе, способствуя изданию этой книги. И еще – спасибо всем тем людям, кто следил за развитием проекта, оставлял свои комментарии и предложения на следующих сайтах:

<http://horrorzone.ru/>
<http://darkermagazine.ru/>
<http://darkfiction.ru/>
<http://www.horror-web.net/>
<http://myst-library.ru/>

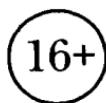
Большой привет и участникам группы
«ТЬМА. Империя ужасов»:

<http://vk.com/horrorweb>

Содержание

Открывая самую страшную книгу	3
Дмитрий Тихонов. Сквозь занавес	14
Михаил Павлов. Фарш	29
Владимир Кузнецов. Навек исчезнув в бездне под Мессиной	67
Олег Кожин. ...где живет Кракен	101
Алексей Жарков, Дмитрий Костюкович. Никта	131
Игорь Кременцов. 10 фунтов	169
Максим Маскаль. Старик Чельбиген	202
Альберт Гумеров. Волки да вороны	228
Ольга Дорофеева. Верлиока	240
Александр Юдин. Чики-чик	251
Андрей Буторин. Под знаком Pi	326
Ольга Зинченко. По ту сторону	349
Парфенов М. С. Свое место	357
Вадим Волобуев. Буря	366
Александр Ульянов. Храм червей	394
Олег Кожин. Мин бол	403
Виктория Земскова. Перевертыши	423
Ирина Скидневская. Черная дама	451
Михаил Павлов. Дом на болоте	477
Благодарности	505

Литературно-художественное издание

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА 2014

Сборник рассказов

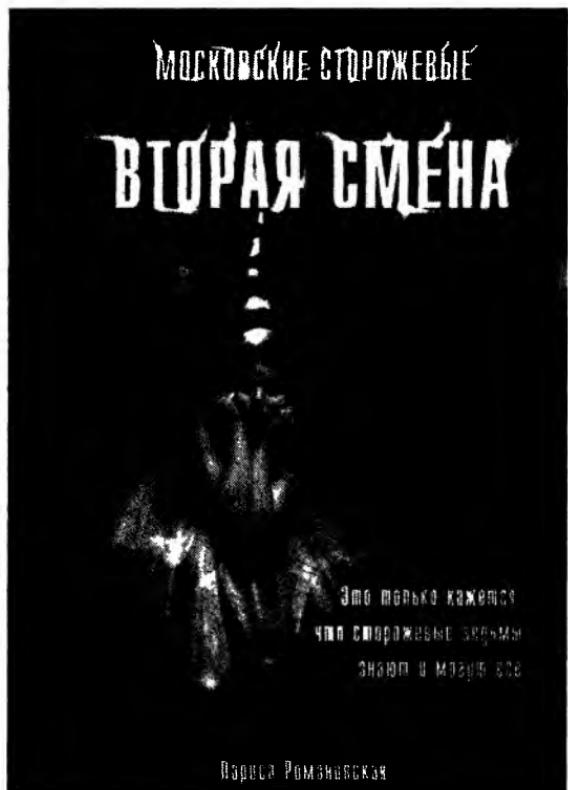
Ведущий редактор И. Епифанова
Художественный редактор Ю. Межова
Технический редактор В. Беляева
Компьютерная верстка Т. Алиевой
Корректор В. Леснова

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»
163002, г Архангельск, пр Новгородский, 32
Тел /факс (8182) 64-14-54, тел (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

Быт простой столичной ведьмы — штука веселая, но довольно опасная. Только соберешься омолодиться и начать новую жизнь, как вокруг немедленно начинают происходить всякие загадочные и не всегда приятные вещи. То замуж приходится срочно выходить, то сопровождать труп коллеги, которому требуется как можно скорее воскреснуть. Ну и как можно нормально работать в такой обстановке?! Однако главной героине этой книги, Лене Ириновне Субботиной, оказавшейся в самом эпицентре вышеупомянутых событий, к нестандартным жизненным раскладам не привыкать. Недаром она уже почти сто лет работает в должности московской сторожевой ведьмы...

Со стороны семья Жени Шереметьевой выглядит вполне благополучно: муж хоть и глухой, зато заботливый, дочка-второклассница растет здоровой и учится хорошо, да и сама Женя – умница и местами даже красавица. Но мало кто знает, что на самом деле Жене не тридцать – а сто двадцать восемь, что дочка Аня – приемный ребенок с задатками перспективной ведьмы, да и в брак Женя вступила, только для того, чтобы уберечь от смерти мужчину, начавшего когда-то охоту на нечистую силу.

Это только кажется, что Сторожевые ведьмы знают и могут все. На самом деле они куда уязвимее обычных людей, хотя им часто приходится решать те же самые задачи. Как полюбить приемного ребенка? Как жить бок о бок с человеком, не разделяющим твои интересы и убеждения? Как не потерять себя и свою суть под ворохом ежедневных насущных проблем? Но это еще не все. Замотанная бытом, Женя не сразу замечает, что за ее семьей идет самая настоящая слежка.

ТЕАТР ЧЕРЕПАХОВОЙ КОШКИ

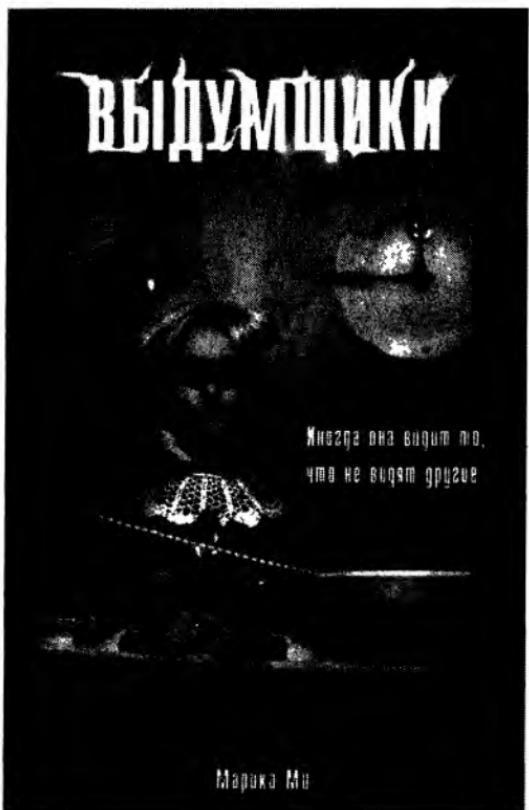

Саша может
нарисовать
твою судьбу
как нарисует —
и как и случится

Лебедева

Саша — самая обычная старшеклассница. Учится, разрушивает проблемы с родителями и учителями, влюбляется. А еще она умеет видеть, что люди думают на самом деле. Даже когда они об этом не говорят. Или может взять и нарисовать чью-то судьбу. Как нарисует, так и случится. Может наслать смертельную болезнь, а может, наоборот, спасти жизнь. А так Саша как Саша, ничего особенного. Ей бы только не заиграться в эту игру, в которой запросто можно уничтожить тех, кого любишь.

Трудно быть богом, еще труднее стараться быть лучше него.

Ей кажется, что она сходит с ума.

Иногда Ада видит то, что не видят другие.

Всё меняется, когда в жизни Ады появляется таинственная Лаура. Та объясняет, что они — выдумщики: избранные, способные превращать свои фантазии в реальность.

Ада отправляется в Мирград — город, недоступный для обычных людей, построенный Первым, самым талантливым выдумщиком. Легенда гласит, что один из основателей города заставил Первого пожертвовать собой ради Мирграда.

Ада надеется, что сможет наконец узнать, куда исчез ее отец и чем болен брат.

Но говорят, городу могут потребоваться новые жертвы...

Перед вами — уникальная книга.
Антология современного русского хоррора,
которую «благословил» сам классик жанра
Клайв БАРКЕР.

Сборник лучших отечественных рассказов ужасов.

Кто сказал, что они лучшие?

Не занудные литературные критики и не издатели,
которым дай только прилепить куда-нибудь
эпитет «лучший».

Нет, это были такие же поклонники литературы
темных жанров, как и вы.

В ходе анонимного голосования, в котором участвовало
несколько сотен рассказов, читатели выбрали
девятнадцать историй, которые и вошли в книгу.

Это — коллекция не похожих друг на друга кошмаров,
и от каждой истории стынет в жилах кровь.

Все самое мрачное, завораживающее и пугающее.

А теперь...

Наберитесь смелости, устройтесь поудобнее,
откройте книгу и взгляните в лицо своим страхам.

Русский хоррор выходит из тени.

На этих страницах оживают чудовища.

*«Вот они, наконец-то: новые голоса.
Голоса, что поведают об ужасах, вершившихся
монстрами, каких мы прежде и не видели.
Как же давно не слышал я призыва понежиться
среди причудливых порождений писательских умов!
Можно ли было устоять?
Запретное взывает к нам из terra incognita.
Встретимся же там, где речная вода краснеет
и рыбы обретают человеческие лица».*

Клайв БАРКЕР

ISBN 978-5-17-083021-3

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru

DARKER

9 785170 830213